

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
в Живом Журнале

<http://sg-karamurza.livejournal.com>

2009

Содержание

Содержание.....	2
Январь	5
13.01.2009. Меня просили разместить объявление	5
17.01.2009. Статья в журнале "РФ сегодня", 2009, № 1 /Что такое справедливость в России сегодня/	5
18.01.2008. Если интересно: ответы на вопросы "Русского журнала" /О «политике памяти»/	9
19.01.2009. Еще статья в "Русский журнал" на заданную тему /Какая культура нам нужна/	10
20.01.2009. Методическая статья 2005 г. Кажется, не публиковалась /Качество жизни: структуры повседневности/	13
20.01.2009. В 2005 г. тезисы для конференции в Сарове - с церковниками	17
20.01.2009. Слегка устарело, но актуально. О фильме про Византию	20
21.01.2009. Подгребаю методические статьи. Полезно /Беловежский сговор отщепенцев/.....	23
21.01.2009. Скоро пойдут новые тексты. А пока статья в журнал "РФ сегодня" /Можем ли гордиться?/	26
21.01.2009. Что скажут коллеги из среднего класса?	29
21.01.2009. Что скажут коллеги из среднего класса? Часть 2.....	32
22.01.2009. Возвращаясь к теме угроз.....	34
22.01.2009. О чувстве меры Правительства РФ /Капремонт жилых домов/.....	38
23.01.2009. Всем спасибо за поздравления.....	39
23.01.2009. Предисловие к книге Аттали о Марксе. Аттали злодей, но книга интересная	39
23.01.2009. Предисловие к книге Аттали. Часть 2	43
24.01.2009. Возвращаемся к структурам повседневности. Лягушка и МГУ	46
26.01.2009. Интервью в газете "Правда" /О Ленине, о советском человеке/.....	49
26.01.2009. Интервью в газете "Правда" - Часть 2.....	51
26.01.2009. Аудио-запись выступления. Сам я забыл включить диктофон, каюсь	54
26.01.2009. Ленин мыслил в категориях «науки становления». Статья 1997 г.	54
Февраль	59
1.02.2009. Глава о бедности - часть 1 (2005). Актуальна в свете программы по борьбе с обеднением в ходе кризиса	59
1.02.2009. Глава о бедности - часть 2	68
1.02.2009. Глава о бедности - часть 3	74
1.02.2009. Глава о бедности - часть 4	82
1.02.2009. Глава о бедности – сноски.....	91
11.02.2009.: Мера вещей в правительстве РФ	93
12.02.2009. Глава. Постиндустриальное общество как объект гипостазирования	94
12.02.2009. Глава. Постиндустриальное общество как объект гипостазирования – часть 2	99

19.02.2009. Если кому-то интересно. Начинается "лекторий"	103
20.02.2009. Статья в журнале "Наша власть" /Первый шаг – про кризис 2008 г./	104
23.02.2009. Поздравляю с Днем Советской армии - Днем защитника Отечества	107
28.02.2009. План лекций, которые буду читать с понедельника	107
Март.....	108
4.03.2009. Предложили сделать статью для "Известий". Посмотрим /О кризисе/	108
4.03.2009. Мое интервью для башкирского сайта.....	113
9.03.2009. Властная элита и рефлексия	113
9.03.2009. Кто будет ходить на лекции - сегодня состоится.....	117
11.03.2009. Полный текст моего интервью Азату Бердину (ИГИ РБ)	117
12.03.2009. "Образ будущего" - Статья в "русском журнале", снова актуальна.....	124
13.03.2009. Глава 36. Поддержка рыночной реформы в РФ: предупреждения с Запада	129
13.03.2009. Поддержка рыночной реформы в РФ: предупреждения с Запада (продолжение)....	135
17.03.2009. Надо бы разобрать один вопрос. Часть 1 /Общество-семья – или «песчаный карьер»/	140
17.03.2009. Надо бы решить один вопрос. Часть 2	146
18.03.2009. Воспоминание из 2003 г. Задачи все мы горазды ставить	150
19.03.2009. К проблеме "Новый культурно-исторический тип".....	151
19.03.2009. Избалованный человек массы. Часть 2	155
21.02.2009. Для "Русского журнала" на тему "Россия после 2008 г."	159
21.09.2009. Опять к теме "культурного типа" (из 2004 г.)	160
25.03.2009. Просили комментарий к Генплану Москвы. 2006	162
25.03.2009. Обладателям "calculating spirit".....	165
28.03.2009. Откровения Г.Х. Попова.....	171
Апрель	172
2.04.2009. У меня в доме живет марксист. Он мне дал газету.....	172
2.04.2009. О реакционном социализме у Маркса (на что опирались антисоветские марксисты)	174
11.04.2009. Почему марксисты так уперлись: гипотеза	175
19.04.2009. Служебная записка о кризисе. Кажется, благополучно канула в никуда	177
19.04.2009. Большая служебная записка о кризисе. Канула туда же	181
Май	207
22.05.2009. Простите за отсутствие - работа задушила. Из новой работы: раздел о региональном сепаратизме.....	207
22.05.2009 Из новой работы: раздел о региональном сепаратизме - 2 часть.....	209
22.05.2009. В "Русский журнал". Опыт поражения как национальное достояние.....	212

<http://sg-karamurza.livejournal.com/>

22.05.2009. Про свиной грипп. (Выкладываю побольше - не буду 3 недели).....	214
22.05.2009. Почему-то пошла буза с постмодернизмом. Кусочек из дебатов на круглом столе в РАН.....	217

Январь

13.01.2009. Меня просили разместить объявление

... смахивает на рекламу (призываю отнестись скептически):

На сайте издательства "Алгоритм" <http://www.algorithm-kniga.ru/> появилось объявление:

24 января в 16.00 в ЦДЛ состоится встреча «Куда идет Россия» с Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой, посвященная его 70-летию. Билеты на вечер есть в кассах ЦДЛ, в Интернет-магазине Политкнига (<http://www.politkniga.ru/>), на книжной выставке-ярмарке в Олимпийском (место № 30, цокольный этаж).

Справка:

ЦДЛ - Центральный Дом Литераторов

<http://www.cdllart.ru/>

Адрес: 123069, г. Москва, ул. Б.Никитская, д. 53

10 минут пешком от метро Баррикадная.

Ссылка на карту-схему http://www.cdllart.ru/index.php?id_link=121

17.01.2009. Статья в журнале "РФ сегодня", 2009, № 1 /Что такое справедливость в России сегодня/

Почему-то она вызвала неприятие у части лево-либеральных. А именно для них писал. Сейчас прочитал - не могу понять, ссылки именно на либерала.

Сергей Кара-Мурза. Что такое справедливость в России сегодня?

Тема справедливости – вечная и неуловимая, как тема счастья. Надо заметить, что вообще о справедливости начинают говорить именно тогда, когда на наших глазах происходит огромная несправедливость, которая прямо или косвенно касается всех или почти всех.

Великие философы пытались сформулировать общие для всех объективные, как бы заданные «природой человека», критерии справедливости. На разные лады повторялись формулы такого типа: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Не причиняй другим того, чего ты не хотел бы, чтобы причиняли тебе». Чтобы обойти их, мерзавцы придумывали хитроумные оправдания. В общем, задача дать объективные правила оказалась невыполнимой – на представления людей о справедливости сильно влиял их социальный статус. Помещики, составляя 1% населения России, считали справедливым, что они владеют половиной пахотных земель, а крестьяне считали это несправедливым.

Поскольку общество – система динамичная, то представления о справедливости менялись и во времени. Значит, общечеловеческих критериев справедливости нет, они исторически и социально обусловлены. Религия учит нас о том, что справедливо в отношении бессмертной души, а в земных делах нам надо разбираться самим, применяя свой разум, совесть и знание о реальности. И тут первым делом надо зафиксировать факт: в 80-е годы в нашем обществе созрел и оформился глубокий раскол в представлении о справедливости.

При этом расколе население разделилось на большинство (примерно 90%), которое следовало традиционным взглядам, и радикальное меньшинство, которое эти взгляды отвергало. Большинство, например, считало резкое разделение народа на бедных и богатых несправедливостью, то есть злом. Казалось невероятным, что такие прекрасные люди, как А.Д. Сахаров и М.С. Горбачев помянут нас своими дудочками к злему делу. Хотя, можно было за их спинами разглядеть авангард идеологов, которые отвергали само понятие справедливости, прилагаемое к общностям людей – социальную справедливость. В этом отрицании уже было нечто шизофреническое, потому что, как говорят, «справедливость –

социальное преломление любви». О справедливости к себе, любимому, говорить вне социальных норм совести и права можно только в молитвах, да и то неслышных.

Но тогда на таких идеологов мы внимания не обращали, за что и расплачиваемся. Теперь надо бы вспомнить. В 1992 г. Юлия Латынина свою статью-панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости». С возмущением помянув все известные истории попытки установить справедливый порядок жизни, она привела сентенцию неолибералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное - то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал атавизмом социальной справедливости».

Поскольку 90% нашего впечатлительного населения было очаровано дамами вроде Латыниной и джентльменами вроде Ельцина, россиянам удалось обобрать, как никого и никогда не обирали в мире. Наша элитарная интеллигенция, представленная сплоченной интеллектуальной бригадой будущих реформаторов, сделала свой философский выбор. Она приняла неолиберальное представление о справедливости. Исходя из этого, в доктрине реформ было хладнокровно предусмотрено массовое обеднение населения России - бедность рассматривалась не как зло, а как полезный социальный механизм.

Господствующее меньшинство, имея деньги, телевидение и целую рать профессоров, поэтов и юмористов, навязывает массе граждан свою идеологию, хотя и неглубоко. Зато другая часть упирается и укрепляется. В данный момент, в преддверии кризиса, который сбросит в бедность еще сколько-то миллионов впечатлительных россиян, а сколько-то миллионов бедных столкнет на дно нищеты, мы представляем собой общество, расколотое представлениями о справедливости на три части.

Одна часть (думаю, примерно половина) считает тип жизнеустройства в России, созданный реформами, крайне несправедливым. Это зло, с которым невозможно примириться, и речь идет лишь о том, чтобы выбрать приемлемый способ его преодоления.

Другая часть (думаю, процентов десять) принципиально довольна этим жизнеустройством, она приняла мораль «падающего – подтолкни». У остальных 40% - расщепленное сознание. Они принимают принципы этого жизнеустройства, но хотели бы только, чтобы падающим подстлали немного соломки.

Тенденция, в общем, такова, что переток людей от этих 40% к большинству преобладает над обратным потоком. Это видно даже по правящему слою. Например, В.В.Путин в своей аргументации отказа от государственного патернализма в Послании 2000 г. буквально следовал представлениям фон Хайека, а уже к 2007 г. стал вспоминать Рузвельта. А дальше, глядишь, вспомнят о более современных Л.Эрхарде и У.Пальме. Но главное, ссылаться на справедливость стало даже правилом хорошего тона. Оправдывая в 2004 г. попытку «монетизации льгот», вице-премьер А.Жуков выдал шедевр демагогии: «Справедливость надо восстановить. Жители села не имеют телефонов и поэтому не могут получать льгот, которыми пользуются обтелефоненные городские граждане». Эта стыдливость обнадеживает.

Копаться в подсознании Латыниной и вице-премьеров не будем, важна сама тема, ее надо осваивать. Что можем почерпнуть в сокровище мировой мысли? О нашей отечественной гуманитарной и правовой мысли надо сказать пару неприятных слов. Во-первых, она «отвернулась» от проблемы справедливости. Трудно назвать какую-то серьезную и внятную книгу по этой проблеме, выпущенную за последние 20 лет – именно когда проблема стоит едва ли не на первом месте в национальной повестке дня. Во-вторых, даже на гламурных философских посиделках всяческих «круглых столов» как будто наложено табу на понимание справедливости, выработанное в русской культуре и философии. А ведь огромная русская революция и произошла в результате осознания и прочувствования проблемы справедливости. И вот, в своей собственной истории учиться ни у кого не хотят!

Хорошо, будем опираться на непререкаемые авторитеты Запада, раз нет пророков в своем отечестве, а восточных мудрецов мы знаем плохо.

Проблема справедливости в нынешнем понимании возникает с появлением государства, когда власть осуществляет распределение выгод и тягот в обществе посредством права. Это распределение создавало противоречия и вызывало конфликты, поэтому категория справедливости стала одной из важнейших в политической философии. Первые систематические выводы из опыта и размышлений оставил Аристотель в книгах «Этика» и «Политика». Если взглянем под углом зрения Аристотеля на установки государства Российской Федерация, то придется признать, что эти установки нарушают главные аксиомы справедливости, известные уже в Древней Греции.

Вот, уже почти 20 лет наша власть утверждает, что главная задача государства – обеспечить экономическую свободу собственников и конкурентоспособность их самой ловкой части (ясно, что все не могут победить в конкуренции). Напротив, у Аристотеля справедливость — высшая ценность в праве. Все остальные действуют во благо стране и народу лишь при условии, что не противоречат справедливости. Он отмечал в «Политике»: «Понятие справедливости связано с представлениями о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения».

Нас убеждают, что право собственников богатеть, погружая в бедность половину населения, укрепит страну и государство, и ради этого население должно терпеть. Аристотель говорит совершенно противоположное и подчеркивает, что «главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости».

В 90-е годы власть в России устроила тип жизни, противный интересам и совести большинства. Это раз за разом показывают исследования и «сигналы», идущие снизу. Население терпит, поскольку не имеет инструментов, чтобы изменить положение без катастрофического столкновения – «крушение нашей политики и аристократии» пока что кажется более страшным злом. Аристотель пишет, как будто прямо авторам доктрины наших реформ: «Собирающемуся представить надлежащее исследование о наилучшем государственном строе необходимо прежде всего установить, какая жизнь заслуживает наибольшего предпочтения».

Нас убеждают, что принятые в РФ законы (в первую очередь, Основной закон) справедливы по определению, уже потому, что они – законы. Это довод негодный, легальность законов и их справедливость – разные категории. От того, что депутаты от «Единой России» проголосовали за реформу ЖКХ, этот закон не становится справедливым. Аристотель предупреждает: «Законы в той же мере, что и виды государственного устройства, могут быть плохими или хорошими, основанными или не основанными на справедливости».

В 90-е годы в России были установлены законы и общий порядок, при которых возникла дикая, незнакомая нам раньше коррупция. Несмотря на фарисейские декларации, эти законы и порядок сохраняются. Аристотель предупреждал, что одна из первых обязанностей справедливого правителя — «посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться».

Перенесемся в наше время. Какие идеи определяют сегодня представления о справедливости в «социально мыслящей» части западного общества, исключая радикальные фланги правых и левых? Каков вектор мысли просвещенной части западного среднего класса, за которым якобы повели нас реформаторы? С первого взгляда видно, что этот вектор совершенно не совпадает с курсом российских реформ. Этот курс, заданный у нас в 90-е годы, поражает своей принципиальной несправедливостью. Наша низовая культура пока что смягчает эту несправедливость, но потенциал разлитых в обществе доброты и сострадания быстро иссякает.

В последние 30 лет рамки представлений о справедливости на Западе задаются трудами американского философа Джона Ролса (1921-2002). Его главный труд «Теория справедливости» вышел в 1971 г. Как говорят, он «оживил политическую философию и омолодил либерализм». Каковы же главные постулаты и теоремы его труда?

Во-первых, исторический опыт подтвердил вывод Аристотеля, справедливость – ценность высшего уровня. Она, по словам Ролса, так же важна в социальном порядке, как истина в науке или красота в эстетике: «Изящная и экономически выгодная теория должна быть отвергнута или пересмотрена, если она не соответствует истине; точно так же законы и учреждения, независимо от того, насколько они эффективны и хорошо организованы, должны быть изменены или отменены, если они несправедливы».

Во-вторых, критерий социальной справедливости является жестким и абсолютным: «экономическое и социальное неравенство, как например, богатство и власть, справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенных членов общества». Иными словами, уровень справедливости измеряется положением наиболее обездоленного слоя общества, а не «среднего класса». Неравенство, которое не идет на пользу всем, является несправедливостью.

Вспомним, что именно этот критерий отвергали идеологи реформы, которые с 60-х годов вели методическую пропаганду против советской «уровниловки», которая в какой-то мере «компенсировала потери наиболее незащищенных членов общества». И этой пропаганде многие поверили! Решили, что отнятое у «слабых» разделят с ними «по справедливости». Разделили!

Ролс считает несправедливым даже «принцип равных возможностей» согласно которому в рыночной системе люди с одинаковыми талантами и волей в идеале имеют равные шансы на успех. Ролс утверждает, что эта «природная лотерея» несправедлива и для ее коррекции нужно введение неравенства, приносящего пользу наиболее обделенным.

Подчеркну, что это – выводы либерального философа, а не коммуниста и даже не социал-демократа. Он считается самым крупным философом XX века в США. Более того, его критикуют другие крупные либеральные философы за то, что он слишком либерален и недооценивает проблему справедливости в отношении коллективов, общностей людей, переводя проблему на уровень индивида.

Но мы-то каковы! Ведь принципы этого либерального философа проникнуты более глубоким чувством солидарности и сострадания к людям, чем рассуждения о соборности и народности наших политиков. А уж рассуждения наших рыночников выглядят просто людоедскими. О практике вообще помолчим. Из благополучного советского общества конца 80-х годов на «социальное дно» столкнули 15-17 миллионов человек, половина которых были квалифицированными работниками. На этом «дне» люди очень быстро умирают, но оно пополняется из «придонья», в котором за жизнь борются в отчаянии около 5% населения. А мы празднуем «день Конституции».

Да, ее законы – меньшее зло, чем беззаконие. Но нельзя же не видеть несправедливости законов, которые отняли у людей право на труд и на жилище, а теперь шаг за шагом сокращают право на здравоохранение и на образование. Тенденция неблагоприятна – что же мы празднуем?

Политики и СМИ сумели выбить из нашего мышления сам навык рассуждений о справедливости. Это – путь к катастрофе, мы потеряли компас и карту. В тумане маячат угрозы всему нашему народному бытию, а мы их не различаем и не можем осознать. Вот о чем надо задавать вопросы В.В.Путину, но нет голоса.

18.01.2008. Если интересно: ответы на вопросы "Русского журнала" /О «политике памяти»/

«Русский журнал» под Новый год почему-то провел опрос по поводу «политики памяти». Замысел мне непонятен, но на вопросы журнала я ответил так.

Вопрос 1. "Политика памяти" - какую интерпретацию можно дать этому понятию?

Ответ: "Политика памяти", на мой взгляд, это:

- выработка критериев для отбора тех исторических событий, которые следует сохранить в памяти, и тех, которые следует «стереть» из памяти;
- действия по внедрению этих критериев в массовое сознание, так, чтобы они стали неосознаваемыми стереотипами;
- разработка и пропаганда контекста, в котором отобранные для «оживления» события соединяются в массовом сознании с актуальной реальностью и задают политически целесообразные установки и предпочтения.

Эти действия являются важным компонентом в деятельности всех политических сил. Вопрос «Почему у России нет своей политики памяти?» не слишком удачен. Во-первых, «не иметь своей политики памяти» невозможно, можно говорить о слабой, неудачной, неосознанной и пр. политике, но она всегда есть. Во-вторых, Россия – арена противоборствующих политических сил, у каждой из них своя политика памяти, и все они «принадлежат России».

Вопрос 2. "Политика памяти" - это отражение подлинных чувств народов, их стремления к восстановлению справедливости, или, скорее, инструмент политических манипуляций?

Ответ: «Политические манипуляция» - это ругательство, а «подлинные чувства народов» - розовая утопия. Справедливость – категория тоже историческая. Сейчас многие вздыхают по крепостному праву и считают его справедливым – они же пока не изгоняются из народа. Если уж говорим о политике, лучше признавать наличие противоречий, которые разделяют народ. Каждая из разделенных частей должна сплываться, собирая «своих» целенаправленно сконструированной памятью. Эта память выражает «подлинные чувства народа» - на деле, данной его части - и ее стремление к восстановлению справедливости.

Если противоречия дозреют до стадии антагонистических, то можно говорить о холодной гражданской войне. За следующим порогом – горячая в самых разных формах.

Вопрос 3. Не является ли политика памяти в той форме, в какой она сегодня существует в Европе, сознательным нарушением принципа личной ответственности - когда вина за деятельность дедов и прадедов перекладывается на детей и внуков? Не находите ли Вы, что люди не могут нести коллективную ответственность за то, что совершили их предки?

Ответ: Нет, не нахожу. Люди могут отказываться от этой ответственности, но тогда выпадают из народа (если честно). Если пользуешься наследством – отвечаешь за дела предков. Другое дело, что у каждого времени свои законы, и обратной силы они не имеют. Но вообще, я не уверен, что понял смысл вопроса. Я не знаю, «в какой форме сегодня существует в Европе политика памяти».

Вопрос 4. Не влечет та или иная политика памяти принудительного установления единомыслия внутри страны по тем или иным вопросам? Не считаете ли Вы, что утверждение принципов политики памяти авторитетом государства нарушает право человека на свободное выражение своего мнения?

Ответ: Конечно, влечет. А как можно «жить внутри страны» без единомыслия «по тем или иным вопросам»? Владимир принудительно крестил наших предков и тем установил единомыслие по ряду вопросов. Что ж теперь поделаешь! Конечно, это «нарушает право человека на свободное выражение своего мнения», но как иначе? Мы же не Робинзоны на острове. Кстати, что это за право такое, кто им наделяет и у кого оно имеется?

Вопрос 5. Насколько избирательна политика памяти в отношении тех или иных наций и государств? Остались бы равнодушными США и Великобритания, если бы бомбардировки Дрездена оказались приравнены к акту геноцида, и от англичан и американцев потребовали бы покаяния за этот акт?

Ответ: Это зависит от того, кто бы это от них потребовал и в какой форме. Такие вещи – предмет торга или угроз.

Вопрос 6. Могут ли Россия и Европа выработать совместно такие принципы общей политики памяти, которые не ущемляли бы интересы всех народов, или у русских и европейцев всегда будут свои собственные воспоминания?

Ответ: Почему вдруг возникла такая проблема? И почему другими средствами политики можно «ущемлять интересы всех народов», а средствами «политики памяти» нельзя? За что ей такая немилость? К тому же разве Россия может дать Европе какой-то нравственный урок? Уж более жесткого разрушения символов исторической памяти большинства своих граждан, чем в самой нынешней России, трудно найти. Правда, Россия в этом учится у Европы, но к чему такое рвение.

А если в общем, то у каждого народа «всегда будут свои собственные воспоминания», даже внутри Европы и России – даже при единомыслии «по тем или иным вопросам».

19.01.2009. Еще статья в "Русский журнал" на заданную тему /Какая культура нам нужна/

Сергей Кара-Мурза

Какая культура нам нужна?

Какая культура нужна России (на мой взгляд)? Вопрос предполагает разговор о культуре без придыхания. Нужна – понятие прагматика. Культура как полезная вещь. Так в чем ее польза для России и сегодня? Полезна ли нам та генетически модифицированная пища культуры, которой нас кормят - или она разрушает наш мозг и наше сердце? Каковы критерии различения, на что мы можем опереться, если не верим «людям в белых халатах»? Тут надо следовать за богами Азбучных истин, а не за богами Торжищ, хоть и от культуры. Человек создан миром культуры. Это огромная машина, которая нас чеканит по чертежу, заложенному в нее сильными мира сего. Мы, конечно, сопротивляемся, уползаем – подправляем чеканку своей низовой культурой. Но диапазон широк, одно дело увилывать от лекции в сельском клубе, другое – прятаться в болоте от зондеркоманды карателей.

Итак, первое дело культуры – заставить нас быть людьми. Дело культуры – дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его. Культура дает нам квалификацию – быть членом общества. Она загоняет нас в рамки дисциплины, как при обучении рабочего, врача и пр. Культура вбивает в нас множество табу и запретов, подчиняет цензуре. Культура дает нам знания и умения быть частицей народа, а не соринкой в человеческой пыли. Это сложное обучение и трудное дело.

Какая же культура «нужна» обществу и народу как целому или их большей части, если они расколоты? Нужна та, что учит и побуждает действовать так, чтобы наш народ был собранным и дееспособным, чтобы он обладал культурными ресурсами противостоять вызовам и угрозам. Та культура, которая нас этих качеств и ресурсов лишает, не просто нам не нужна, она – против нас. Нам нужна культура, которая делает наше общество способным разумно и эффективно существовать и развиваться в быстро меняющемся мире.

Теперь в России идет переделка культуры, по масштабу небывалая. Как выразился А.Н.Яковлев, «впервые за тысячелетие взялись... Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь». Что поползла, мы и сами видим. И объект уничтожения – не СССР, рушат тысячелетнюю Россию.

Многие, видя такие разрушения во всех срезях культуры, начинают искать какие-то объективные предпосылки, дефекты русской культуры, «недоделанности» российской цивилизации. Это романтический взгляд. Ничего «объективного» в этом поражении нет. СССР оказался не готов к информационной войне. Ракеты и бомбы успели сделать, а тут оборона была слаба. А враг опирался на великолепную науку, давшую эффективные технологии. В войнах поражения бывают, надо изучать их уроки.

Это проигранное сражение поддается нормальному строгому исследованию. Есть доктрина «смены культурного ядра», есть тексты философов и мэтров культуры, есть люди с их мемуарами, живые свидетели созревания всего этого большого проекта. Есть организации, деньги, технологии, международное сотрудничество. Тут работала и работает большая и хорошо оснащенная команда. Белорусам можно в их болоте прятаться, пока эта команда нами занята...

Выражаясь грубо, эту программу надо назвать цивилизационной гражданской войной, хотя и с мощной поддержкой извне. Она была бы невозможна без «холодной войны», но главные действия ведутся на нашей территории. Война – не метафора. Это видно по тому, как упорно реализуется программа. Ведь несмотря на массовые духовные страдания народа, у которого из-под ног вышибли земную твердь, как палач табуретку, никакой коррекции в свою доктрину стратеги не внесли.

Каков вектор этих изменений с точки зрения той главной «пользы» культуры, о которой говорилось выше? Из опыта последних 20 лет, из наблюдения за созреванием доктрины перестройки с начала 60-х годов я делаю вывод, что «новая культура», насаждаемая в России, есть средство деструкции российского общества и демонтажа русского народа как ядра российской нации. Это – главный смысл «новой культуры», что и определяет ее вектор. Какие-то точечные достижения, творческие удачи, слова, поступки – это нечаянные радости, нюансы или тактические уступки.

Та часть нашей интеллигенции, которая стала личным составом этой армии «деструкторов», нашла, конечно, для себя оправдания – на то она и рефлексующая интеллигенция. Но, думаю, в глубине души они со мной согласны. Это и породило аномалию: уже 17 лет нет СССР, а на ТВ с утра до вечера пинают нашу «империю зла», к месту и не к месту, как будто призрак видят. Совесть скулит, и ее пытаются приглушить антисоветским мифом. Речь не о личностях, а о групповых установках. Упреки бесполезны, нужно понимание.

Мы утешаем себя тем, что блиц-криг не удался, что устои русской культуры повреждены, но удержались. Верно! Но какой мерой мерить кампании войны против культуры? Думаю, не временами года, а поколениями. Сейчас входит в жизнь молодежь, воспитанная родителями, учителями и офицерами еще старой культуры, пусть и угасающей. А кого выдаст через пару поколений конвейер «реформированной» школы? Представить можно – «человек массы» и мозаичная культура, на которой строится новая школа, достаточно изучена. Это будет молодежь уже иной культуры и, строго говоря, уже иного народа. Разрыв непрерывности и мутация нашей культуры возможны. Этот исход не фатален, но зависит от нас. Основные виды оружия уже введены в действие, огневые точки засечены. Была бы воля сопротивляться.

Условием катастрофы 80-90-х годов был переход государства на сторону противника. На разрушение «старой» культуры была брошена идеологическая машина КПСС и индустрия культуры государства. В лоне верховной власти работал и главный штаб противника. Без этого не добился бы он такого успеха. Сегодня этот штаб слегка потеснен на обочину вла-

сти, но лишь слегка. В главном власть все равно следует стратегическим установкам прежней доктрины, но как будто нехотя, поневоле. Вектор не изменился, но маховик разрушений слегка притормаживается. Это вселяет надежды, хотя и не слишком большие. Без самоорганизации и «давления снизу» власть с этим «штабом» не порвет.

По каким же площадям били, где наши главные разрушения? Кризис культуры всегда связан с кризисом ее философских осно-ва-ний. По ним и били. Назову два системообразующих элемента культуры, входящих в ядро всех ее срезов художественной, хозяйственной, политической культуры и т.д.).

Антропология, представление о человеке. В центре любой культуры - ответ на вопрос «Что есть человек?» Вопрос этот корнями уходит в религиозные представления, но прорастает в культуру. На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

Здесь произошел разрыв большой части интеллигенции со всей траекторией русской культуры, с корпусом художественных образов, которыми питалось наше самосознание. Это и есть основа кризиса, но деятели культуры сводят все к нехватке денег. Вот вульгар-ный материализм. Что означает для них порвать с главной нитью мысли и душевного поиска Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Платонова и Шолохова! Оставить такое наследство ради чечевичной похлебки Ерофеева - какой духовный и эстетический провал...

Тысячу лет культурное ядро России покоилось на идее соборной личности. Человек человеку брат! Конечно, общество усложнилось, эта идея изменялась, но ее главный смысл был очень устойчивым. К нам был закрыт вход мальтузианству, отвергающему право на жизнь бедным. И вдруг культурная элита в конце XX века кинулась вслед за идеологией в самый дремучий социал-дарвинизм, представив людей животными, ведущими внутривидовую борьбу за существование. Конкуренция – это наше всё!

Кризис культуры возникает, когда в нее внедряется крупная идея, находящаяся в неприятии противоречии с другими устоями данной культуры – люди теряют ориентиры, путаются в представлениях о Добре и зле. И вот, русская интеллигенция стала убеждать общество, что «человек человеку волк», а ее элитарная часть - прямо проповедовать социальный расизм. От того, что у нас наговорили, и кальвинисты остолбенеют.

Так началось лавинообразное обрушение всех структур культуры. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало право сильного. Оттеснили на обочину, как нечто устаревшее, культуру уживчивости, терпимости и уважения. Мы переживаем реванш торжествующего хама – в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и архитектура элитарных кварталов и заборов, и набор символических вещей (вроде «джипов»), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни – милиционера и чиновника, офицера и учителя... Все это – следствие культурной революции двух последних десятилетий.

Культурно-исторический тип. Удар нанесен по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек – носитель современной русской культуры XX века, человек советский.

Высокая русская культура, вобравшая в себя универсализм и Православия, и Просвещения, вошла в «симфони-че-ское» взаимодействие с мечтой о Земле и Воле, выраженной в общинном коммунизме. Это породило необычный в истории культуры тип – русского трудящегося XX века. Сохраняя космическое чувство и эсхатологическое восприятие времени, он внес в идеал справедливости вектор реального действия, знания и воли.

Величие этого культурного типа, который возненавидела антисоветская интеллигенция, оценили виднейшие мыслители XX века – и Запада, и Востока (назову Грамши и Кейнса, Сунь Ятсена и Махатму Ганди).

Появление этого типа – не природный процесс, это результат огромной культурной программы. В России произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде - культуру высокого, «университетского» типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты типом культуры. Это - именно то, о чем мечтали русские просветители. В советское время уже как государственная программа началось это «общее дело» - снятие классовых различий через освоение единого языка и мира символов. Теперь идет разделение народа на классы («расы») по культурному признаку – машина культуры этим и занята. Так какой части народа нужна эта машина?

Средством демонтажа советского человека стал и подрыв культуры мышления. Была проведена большая кампания по разрушению рационального сознания и механизмов его воспроизводства. Целенаправленное воздействие было оказано на все каналы социодинамики культуры – на школу и вузы, на науку и СМИ, на армию и искусство. Невежество стало действенным! Оно узаконено, подкреплено потоком алогичных, антирациональных утверждений, противоречащих и знанию, и мере, и здравому смыслу. Замечу, что репрессировано и религиозное сознание, его вытесняют оккультизм и суеверия.

Втоптан в грязь массовое художественное чувство. Говорят, всему виною рынок. Не правда! Продукт «новой» культуры не может конкурировать как товар - ни с советскими, ни с западными продуктами. Почему посещаемость театров в РФ снизилась в три раза? Да потому, что по своему качеству театр никуда не годится, как люди ни тянутся к этому искусству. Сравните с советскими спектаклями, которыми нас иногда балует канал «Культура», и все станет ясно.

Средства, которые применялись при подавлении «старой» культуры, зачастую преступны. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры – Блока и Брюсова, Горького и Маяковского, многие линии в творчестве Льва Толстого и Есенина, революционные и большинство советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! Да за это одно... То опустошение культурной палитры, которое произвели «хозяева» России за двадцать лет – особый тип измены Родине.

Велика ли роль «Кремля» в этом кризисе культуры? Я считаю, что да, очень велика. Можно даже говорить об исторической ответственности. На глазах нынешней власти (о 90-х годах не говорим) продолжается демонтаж народа и общества средствами культуры, и активного противодействия этому нет. Гражданское общество сникло, не успев возникнуть, советские гражданские структуры ликвидированы, создать оборону могло только государство. Оно от этой обязанности ушло. Дальнейший распад культуры ведет к неминуемой катастрофе.

20.01.2009. Методическая статья 2005 г. Кажется, не публиковалась /Качество жизни: структуры повседневности/

Сергей Кара-Мурза

Качество жизни: структуры повседневности

При такой постановке вопроса мы должны оттолкнуться от Броделя, который и ввел эту плодотворную категорию - структуры повседневности. Она позволила подойти к некоторым срезам истории с научной меркой - изучать то, что было (в данном срезе), нейтрализуя страсть идеологических оценок. Эта страсть гонит нас от факта и меры к идеалам, к «битве призраков». Сама эта страсть - часть реальности, но ведь и другие части необходимо знать. Литр молока, продолжительность жизни, число убийств, температура в доме - натурные показатели, поддающиеся однозначному толкованию - из этого и составится

первый профиль повседневности. Дальше можно возводить надстройку душевных радостей и горестей, составлять другие профили.

Например, в 1989 г. молока и молочных продуктов в среднем по СССР потребляли 363 кг в год на человека, а в Армении даже по 480 кг. Это элемент первого профиля качества жизни. Но при этом 62% армян были недовольны своим потреблением молока, им казалось слишком мало (а в Испании, например, потребляли 145 кг и были довольны).

Можем ли мы сегодня применить этот подход, пытаясь «объективно» оценить качество нашей жизни в понятиях повседневности? Можем, но лишь как подготовительный этап, лишь как описание «грунта», на котором стоит здание нашей жизни. Бродель видел свой предмет в координатах «длинного времени», когда истлели надстройки страстей. Для нас это было бы слишком узкой абстракцией, хотя строить такую модель нашей жизни нужно, предупреждая при этом, что есть и другой срез - восприятие этой жизни через призму тех или иных идеалов.

В момент кризиса, а тем более во «время гибели богов», профиль повседневности очень сильно окрашен восприятием - за ним реальность быта может быть вообще не видна человеку. Восприятие сильнее реальности, особенно если поблизости есть добрый честный Яго. У всех ведь есть пепел, который стучит ему в сердце. Иной раз он стучит так, что всякую повседневность начнешь крушить - и свою, и своих детей и внуков.

Взять тех же армян. Обычно разумные люди, они вдруг начали крушить СССР. Без СССР они бы стали пить больше молока и есть больше сыра! Ощущение нехватки молока в их рационе стало важным показателем качества жизни, хотя и противоречащим разуму. Было бы даже понятнее, если бы идеологи сепаратизма заявили, что Армения выходит из Союза, потому что все готово к ее перемещению в Калифорнию, вместе с горой Арарат и озером Севан. Прощай, немытая Россия, Буш-старший нас зовет! Это было бы смелое предпринятие, но оно имело хоть какой-то шанс на успех.

Но отношение армян к молоку и сыру - почти аллегория. Все мы были примерно в таком состоянии. К черту советскую власть, даешь свободный выезд на Канарские острова! В этом состоянии бесполезно говорить человеку о потреблении молока. «Долой повседневность! Так жить нельзя! Запрещается запрещать! Власть всем!» - вот лозунги расщепленного сознания постмодерна, когда почва модерна шатается.

Сейчас, как это ни парадоксально звучит, наш кризис стабилизировался, но наша задача легче не стала. Мы стабильно скользим от советского модерна к архаике, но, утрачивая источники хлеба и тепла, обретаем притязания «элиты» (как мы их понимаем). Первоклассник идет в школу с мобильным телефоном. В депрессивном регионе, посреди безработицы, родители мечтают, чтобы своей дочери, худосочной от недоедания, купить свадебное платье за две тысячи долларов. Это кризис не социальный, а экзистенциальный - люди утрачивают способность рационально тратить скудные средства. Такое наблюдалось в Африке на этапе колонизации, а сейчас наблюдается в бразильских фавелах. Так что, говоря о качестве жизни в терминах повседневности, мы должны схватить все планы - жесткую реальность в ее «натурных» показателях, восприятие этой реальности, предвидение будущего. В нем сталкиваются грёзы аутистического сознания, отвергающего реальность, и ее рациональное восприятие, и примолкший здравый смысл, который вдруг может отодвинуть прочь эти грёзы.

На стыках этих трех миров, в которых мы обитаем, происходят острые душевные конфликты, они и задают общий фон качества нашей жизни сегодня. Этот фон - жизнь в постоянном тяжелом стрессе (75% россиян) и жизнь в постоянном страхе (50%). Медики говорят даже о массовом нарушении динамического стереотипа - способности ориентироваться в социальном пространстве и времени. Это приводит к физиологическим нарушениям (ослабление иммунитета), что выражается в аномально высокой заболеваемости и

смертности. Большинство граждан испытывают постоянные душевные муки, видя вокруг себя страдания своих соотечественников, выброшенных реформой на социальное дно - бездомных и нищих, проституток и беспризорников. Их уже в РФ 14 миллионов, и они стали важным элементом структуры нашей повседневности. Кто-то надевает маску равнодушия или цинизма, кто-то утешает свою совесть подаянием, но все это слабая анестезия.

Особые маски и средства обезболивания приходится изобретать, чтобы приглушить боль при виде того, как кромсают твою страну, и при этом еще глумятся над ней. Кто-то притворяется космополитом, кто-то растревает в памяти все прегрешения «Родины-мачехи», немногие и сами начинают кромсать и глумиться, но все это пропитывает наши структуры повседневности, проникает, как радиация, во все элементы жизни, придавая ее качеству особые свойства (отравляя одних и очищая других).

Итак, рассмотрим эти три мира, три «среза» качества жизни - сначала порознь, а потом соединив их в интегральный образ. Что произошло с благосостоянием людей, выраженным в объективных измеримых показателях? Этот вопрос изучен довольно хорошо для сравнительно однородного большинства - около 70% общества. Крайние группы - очень богатые и очень бедные, почти непроницаемы для детального изучения. Богатых вообще мало (около 1%), так что социологи даже считают их не социальной группой, а маргинальным явлением. Прослойка, аналогичная западному «среднему классу», невелика, 10-15%. Надо говорить о самой массовой части. По главным индикаторам ее благосостояние за короткий срок резко снизилось, эта часть общества обеднела и скатилась вниз по лестнице социальных статусов. Люди стали намного хуже питаться и одеваться, меньше потреблять платных услуг и продуктов культуры, меньше ездить и отдыхать. У большинства ухудшились условия работы, труд стал менее содержательным и сложным, полученные ранее квалификация и творческие навыки не востребованы. Быстро сокращается и упрощается структура потребностей. Таким образом, объективно структуры повседневности большинства населения РФ претерпевают регресс, причем темп его таков, что люди не успевают привыкнуть. Разрыв непрерывности вызывает шок.

Как это влияет на субъективное ощущение качества жизни? Личные оценки снижаются вслед за объективными показателями с большим временным лагом, они запаздывают. Люди не желают трезво оценить ухудшение своего статуса, они психологически защищаются от реальности, завышая самооценку. Они преувеличивают устойчивость и ценность инерционных частей своего благосостояния (например, жилья, квалификации, социальных связей) и не желают видеть их эрозии. Между тем этот процесс имеет нелинейный характер. Так, в 1999 г. была перейдена пороговая точка в динамике ветшания жилищного фонда РФ. Оставленное после 1991 г. без капитального ремонта, жилье «дозрело» до такого состояния, в котором темп старения качественно изменился - в огромных количествах идет переход жилья в категорию ветхого и аварийного.

С городской инфраструктурой (теплосети, водопровод и канализация) положение не лучше. Большая часть их мощности выработала свой ресурс, но ни капитального ремонта, ни прокладки новых сетей практически не ведется. Проблема настолько запущена, что никто не желает за нее браться, расходы на то, чтобы закрыть пятнадцатилетний провал, неподъемны. Страна превращается в трущобу, и разрыв между объективными показателями качества жизни и его субъективной оценкой возрастает.

Эта ситуация чревата большими рисками. Ведь люди бодрятся во многом и потому, что оттягивают момент признания собственной ошибки. В начале 90-х годов меньшинство активно поддержало, а большинство приняло, пусть и пассивно, те изменения жизнеустройства, которые и привели к снижению качества жизни большинства. На всех лежит ответственность за этот поворот, поэтому люди считают себя обязанными терпеть ухудшение, пока не истечет негласно установленный срок, пока не будет истрачен кредит времени, отпущенный реформаторам. Беда в том, что ни общество, ни власть не обладают

инструментами, чтобы измерять остаток этого кредита и скорость его иссякания. Западные инструменты непригодны, и «мы не знаем общества, в котором живем». Обвал может произойти в любой момент. А может, и дух человека зачахнет, хотя это менее вероятно.

По-иному обстоит дело со вторым блоком показателей качества жизни, выражающим безопасность людей. Чем больше угроз ощущает человек, тем выше сдвигаются эти показатели вверх по шкале приоритетов. За последние 15 лет они ползут вверх безостановочно, иногда скачкообразно. Структура угроз, перед которыми оказался житель РФ и его близкие, за годы реформ кардинально изменилась. На первый план вышли угрозы социальные, которые до реформы вообще не фигурировали в числе актуальных. Более того, все эти угрозы вошли именно в атмосферу повседневной жизни, их образ знаком большинству.

Массовым является страх перед бедностью, которая может свалиться на голову по независящим от личности причинам. Безработица, смерть или увечье кормильца, утрата сбережений, стихийное бедствие - все эти угрозы бродят рядом с нами, а привычные социальные системы защиты от них ликвидированы реформой. Более того, реформа парализовала производство, а никакая добыча не может его заменить как источник жизненных благ для большой страны. Тяготы по поддержанию изношенной техносферы власть решила возложить на население, и над всеми повис дамоклов меч немислимых платежей (налог на недвижимость до 2% ее рыночной стоимости, обязательное страхование жилья размером до 3% стоимости, тарифы). Этот меч опускается постепенно, но опускается.

Другая угроза - преступное насилие. С ним за годы реформ столкнулась уже едва ли не каждая семья, и это оставляет рубец, который ноет постоянно. За год регистрируется 1,5 млн. тяжких и особо тяжких преступлений. По общему мнению специалистов, это примерно треть их реального числа. Масштабы насилия поражают. В 1994 г. было зарегистрировано 349 540 неопознанных трупов с признаками насильственной смерти (в 1995 г. 330 246 трупов). Около 100 тыс. человек пропадают за год без вести. Разбой и грабеж с насилием стали обычным явлением. Появились новые виды преступного насилия, которые еще недавно не были даже предусмотрены уголовным кодексом - похищение людей, взятие заложников, убийства по найму. Никто раньше не боялся и насилия на национальной почве, а теперь оно у всех перед глазами. Каждый день ты можешь оказаться перед дилеммой - влезать или не влезать в драку, чтобы защитить какого-нибудь индуса, таджика или русского, на которого почему-то напали возбужденные иноплеменники.

Положение усугубляется тем, что государство и общественные организации, на которые граждане могли возлагать свои надежды в советское время, находятся в полуразобранном состоянии или вообще ликвидированы. В Москве 75% жертв разбойных нападений не заявляют о них в правоохранительные органы - считают это бесполезным. Более того, для некоторых категорий граждан существенным стал риск стать жертвой насилия со стороны самих этих органов. Милиционер дядя Степа остался в советском прошлом, хотя и не умер.

Объективно, качество жизни в таких условиях является очень низким. От массового психоза страну выручает лишь исключительная культурная устойчивость населения и инерция советского мировоззрения и советского школьного образования. Люди перешли к совершенно иному, нежели в стабильное время, образу жизни и критериям оценки - к критериям военного времени. Трудно сказать, насколько вообще правомерно в такое время обычное понимание самого термина «качество жизни».

Восприятие опасностей, в общем, никогда не является адекватным. Какие-то страхи нагнетаются политиками и телевидением (например, страх перед терроризмом) и в восприятии людей преувеличены, к другим люди легко привыкают и их недооценивают. Видимо, в целом по этому разделу есть общее соответствие между реальными опасностями и их восприятием. Большинство населения считает опасности для личности в РФ аномально высокими и мириться с таким положением не собирается. Иными словами, в этот «пере-

ходный период» люди не ведут нормальную жизнь, а переживают его. А значит, сама постановка вопроса о качестве жизни становится очень условной.

Наконец, третий комплекс показателей качества жизни отражает возможности проектировать свою жизнь, строить планы на будущее и иметь доступ к ресурсам для реализации этих планов. Эти возможности определяются состоянием общества, всей его организацией. Здесь имеет место очевидный и бесспорный регресс. Быстро снижается качество и доступность образования, ухудшается здоровье населения и сокращается доступ к сложной медицинской помощи, меняется тип того культурного воздействия, которое оказывали на человека СМИ, телевидение, кино. Эти общественные институты целенаправленно сокращают поток сообщений, созданных по типу «университетской» культуры, и заменяют их на продукты культуры «мозаичной» - формируется «человек массы», манипулируемый и с невысокими притязаниями. Жизнь обедняется, личность принижается, и этот процесс идет с ускорением. Объективно качество жизни снижается, хотя жертвы этого процесса все менее способны это чувствовать. То, что раньше было народом, разделяется на классы - сначала по отношению к собственности и гражданским правам, теперь и по типу культуры. При этом надо заметить, что и господствующее меньшинство («элита») оказывается вырожденным и неспособно быть носителем элитарной культуры.

Все эти группы показателей соединяются в сознании людей в интегральное ощущение фундаментального неблагополучия. Это выражается в том, что более половины населения отвечает, что «в жизни стало меньше счастья» и что «страна идет в неверном направлении». Проект реформ не принят большинством общества, он противоречит его разуму, здравому смыслу и совести. Значит, на этом пути улучшения качества жизни ожидать не приходится. И предпринимаемые именно для этого «национальные проекты» вызывают не энтузиазм и надежды, а тяжелое ощущение беспомощности. Они, предполагая некоторые денежные вливания, нисколько не касаются главных бед, которые пожирают нашу жизнь и жизнь нашей страны.

Октябрь 2005 г.

20.01.2009. В 2005 г. тезисы для конференции в Сарове - с церковниками

С.Г. Кара-Мурза

Православие и русский народ в трудное время России

Тезисы

1. Россия переживает тяжелый и длительный кризис. Главная его составляющая – кризис идентичности, разрушение и болезненная перестройка системы координат, в который люди осознают себя в мире и различают Добро и зло. В ходе таких «системных» кризисов сильнее всего страдает самая уязвимая часть систем – связи. Связи в пространстве и времени – между людьми, поколениями, частями народа и народами, культурами и смыслами. Здесь мы говорим о той спасительной и укрепляющей роли, которая в такой момент выпала на долю Православия в России.

2. Тема отношения религии и народа очень деликатная. Сразу ограничу ее – буду говорить с позиции светской, не касаясь сокровенного смысла религии как разговора личности с Богом, как надежды на спасение души. Это – дело тайное и сугубо личное. Но у религии есть и другая, земная ипостась, ее общественное дело. Она особым светом освещает мир и все человеческие дела, является жизнетворным корнем культуры. В этом качестве религия принадлежит всему народу, даже атеистам. Она «пропитывает» всю общественную жизнь – семью и школу, хозяйство и политику.

3. Религиозный взгляд на мир неустрашим, как ни бьются над его искоренением в некоторых культурах. Но в своей земной ипостаси церковь не имеет ореола непогрешимости – и священники, и верующие выступают как часть общества, порой очень влиятельная, кото-

рая имеет свои установки, иногда спорные. Так понимая эту сторону дела Церкви, мы можем говорить о нем рационально, обсуждая способы ее совместных действий со светскими силами.

4. Религия (шире – религиозное мировоззрение) - ключевая часть мировоззренческой матрицы, на которой собирается народ. Религия, обращаясь к личности, не отделяет человека от общности, а совсем наоборот - соединяет его с нею. Религия всегда была важным средством создания «вертикальных» связей между людьми (будучи средством легитимации власти и утверждения норм морали), но она же связывала людей и в «горизонтальные» общности (народы). Именно в религиозном сознании возникла важнейшая связующая людей сила - коллективные представления. Они не выводятся из личного опыта, а вырабатываются только в совместных размышлениях и были первой в истории человека формой общественного сознания.

5. Религия порождает специфические для каждого народа культурные нормы и запреты, а также и понятия об их нарушении (грехе). Это связывает людей в народ. Ведь именно присущие каждому народу моральные (шире – культурные) ценности и выражают его идентичность, неповторимый образ.

Обретя способность «коллективно мыслить», человек сделал огромное открытие для познания мира, равноценное открытию науки – он разделил видимый реальный мир и невидимый «потусторонний». Оба они составляли неделимый Космос, оба были необходимы для понимания целого, для превращения хаоса в упорядоченную систему символов, делающих мир домом человека. Эта роль религиозного сознания не теряет своего значения с развитием науки.

Для земной жизни человеку нужно рациональное мышление. Религия же разделяет сакральное и профанное (земное) пространство и время. Религиозный взгляд укрепляет рациональность (если их не пытаются вульгарно смешивать). Функцией религии является и рационализация человеческого отношения к божественному, позволяющая преодолеть тупики и страхи суеверия. При этом религия мобилизует и присущее каждому народу видение истории, и художественное сознание. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в мировоззренческой матрице народа, дает ему, по словам Тютчева, «предчувствие неизмеримого будущего».

6. Религия соединяет людей в народ не только общими ценностями, но и ритуалами, которые связывает космологию с устройством общества. Ритуал укрепляет солидарность людей и служит им психологической защитой. В ритуальном общении преодолевается одиночество людей, укрепляется чувство принадлежности к целому, через ритуал разрешается внутренний конфликт между желаниями и запретами.

Признак кризиса «среднего класса» - возникновение субкультур, которые в поисках способа преодолеть отчуждение осваивают мистические культы, создают секты и коммуны с бдениями и медитациями. Это – реакция на безрелигиозное бытие, не удовлетворяющее неосознанные духовные запросы человека. Всплеск такой мистики мы наблюдаем сейчас и у нас в новом «среднем классе».

7. Христианство во всех его ветвях сыграло важнейшую роль в становлении европейских народов, включая народы России. Русский же человек «создан Православием». В зависимости от того, как формировалось религиозное ядро народа, предопределялся ход его истории на века. Бережное введение христианства в Киевской Руси было важным условием для собирания большого русского народа.

Религия во все времена оказывала огромное влияние на искусство как способ осмысления мира и человека в художественных образах. Песни и былины, иконы и картины, архитектура и театр – все это сплавляет людей одного народа общим невыражаемым переживанием красоты. Русское искусство корнями уходит в Православие. Ему мы обязаны тем,

что наше искусство лишено изуверства и «воли к смерти». Можем ли мы найти картины русских художников, подобные картинам Босха!

8. Роль религии как силы созидания народа была различной в разных странах и в разные моменты. В Новое время в этот момент бывают тяжелые столкновения религии с идеологией национализма, стягивающего народы в нации. Этим объясняется, например, антиклерикализм Французской революции, производившей сборку нации граждан. Русская революция была проникнута национализмом в двух его версиях – буржуазно-либеральным у кадетов и общинно-державным у большевиков, (их интернационализм был формой мессианизма). И в этой революции мы наблюдали столкновение идеологии и религии, как и в других больших революциях.

9. После советского периода, во время которого народ был скреплен квазирелигиозной верой в коммунизм, вся система связей народа переживает кризис, в преодолении или углублении которого религии снова предоставлена важная роль. Нынешний процесс расщепления народов на расходящиеся этнические общности с возрождением признаков племенного сознания вызван ослаблением всей системы связей, спланивающих людей в народы, и не в последнюю очередь ослаблением интегрирующей силы религии.

Вся эта система – в неустойчивом равновесии. Разбиты, ослаблены или рассыпаны почти все скрепы, стягивающие русских в народ – государство, хозяйство, общая память и общая мораль, чувство территории, связи с братскими народами, мир национальных символов (не считая символа Великой Отечественной войны, который тоже неустанно подтачивается). Православие стоит, как утес над пропастью, за который мы зацепились. Оно тоже – объект подкопов и подгрызания. В общем, люди это понимают и берегут Церковь от соблазнов реформации, расколов и внешней критики – и злобной, и простодушной.

10. Опасность, мне кажется, исходит от общих неумеренных притязаний. Беда в том, что уровень религиозной грамотности у постсоветской интеллигенции очень невысок, и политики обычно смешивают религиозные и клерикальные понятия, религиозную составляющую мировоззрения с политической ролью церкви. От Православия ждут советов и указаний о том, как нам устроить чисто социальные или даже политические дела. Не хотят вспомнить, что «Богу Богово, а кесарю – кесарево». На Православие многие хотят взвалить земную ношу с риском затруднить достижение его главной сокровенной цели.

Сегодня почти все политические силы трактуют ту или иную религию в качестве атрибута этничности. Когда политики говорят о проблемах русского народа, то вставить в свои программы «немножко Православия» стало почти обязательной нормой. Тут есть риск этнизации церкви, ослабления вселенского и всечеловеческого духа Православия. А этот дух сегодня для русских – необходимая опора, чтобы не поддаться настойчивым попыткам толкнуть наше самосознание в тупик этнического национализма. Это и было бы эпохальной победой противников России, так как лишило бы русских той способности к собиранию народов, которую им дало принятие Православия.

11. С другой стороны, сам русский народ переживает, как было сказано, кризис всех скрепляющих его систем. Укрепление русской этничности может стать тем чрезвычайным, хотя и рискованным средством, которое на время может компенсировать обрывы и разрыхление других связей. Тут требуется пройти по краешку обрыва.

Пока что и гражданская, и этническая нации в РФ находятся в процессе становления. В массовом сознании Православие выступает как защитник и русской этнической, и российской гражданской идентичности. Это - важный фактор всего политического процесса в нынешней России.

Однако между двумя русскими национализмами – гражданским (имперским) и этническим (изоляционистским) идет борьба. Влиятельные силы стремятся загнать русских в этнонационализм и вытравить из них имперское сознание. С гражданской точки зрения, это

вызывает тревогу – трещины пойдут и вглубь русского ядра. Этот зреющий конфликт затрагивает и Церковь. Слишком многие и разнородные интересы липнут к ней, пусть искренне. В условиях раскола общества и множественного конфликта интересов это может нанести ущерб той системообразующей миссии, которую Православие сегодня выполняет для сохранения России. Эта миссия несравненно важнее частных интересов.

12. Есть риск, что, навязав религиозному сознанию и религиозному чувству политические и социальные функции («меч кесаря»), мы помешаем им выполнять ту тайную и, на мой взгляд, невыражаемую миссию Православия, которая необходима России абсолютно.

Православие – невидимый стержень, без которого в нынешнем кризисе русский народ рассыплется и исчезнет, как человеческая пыль. Но на этот стержень нельзя нагружать работы, для выполнения которых нужны другие механизмы, причем много разных. Другое дело, что строительство этих связей и механизмов надо вести, сверяя их с теми нравственными ценностями, которые Православие излучает в мир. Эти ценности, их явный и сокровенный смысл нам надо понимать гораздо лучше, чем сейчас.

Судя по всему, в руководстве Церкви понимают величину и сложность задачи. Нам же было бы полезно ее совместно уточнить и ввести в общественное сознание.

20.01.2009. Слегка устарело, но актуально. О фильме про Византию

В «Русском журнале» меня просили высказаться по поводу фильма «Гибель империи. Византийский урок», снятого архимандритом Тихоном (Шевкуновым). Фильм, к сожалению, вызвал скандальный шум, и в него не хотелось влезать. Но, на мой взгляд, фильм стал важным и поучительным явлением, его обязательно надо было бы обсудить спокойно и без партийных пристрастий. Это заявка на определенный идеологический проект, для которого в России существует отзывчивый контингент. Более того, эта заявка уже воплощена в действие и обеспечена ресурсами – снять фильм, дважды показать по телевизору и собрать на обсуждение видных персон значит получить доступ к большой машине. Такие явления игнорировать нельзя. Я не читал ни хвалебных, ни ругательных отзывов, кроме статьи Ю.Нерсесова на arn.ru. Она годится как рецензия, но сути дела касается вскользь. Какой смысл упрекать фильм в исторических неточностях и подгонке материала под «идею»? Ведь это не учебный фильм. Не профессор в очках дает в нем объяснения, а священник с бородой и в рясе. Другой жанр, другая задача, на других струнах ума и души играет автор. Критика должна быть адекватна произведению.

Не исключено, что попытка инженерного подхода к обсуждению фильма вызовет еще более резкое недовольство, причем с обеих «конфликтующих сторон». Обе они воспримут ее как профанацию священных символов, у каждого своих. Но я попробую – из уважения к проблеме и труду о. Тихона.

Я вижу в этом проекте отражение глубоких противоречий, возникших в правящей верхушке относительно образа будущего России и поиска путей к нему. В эти противоречия втянута и Церковь, которую призвали поделить ресурсом ее авторитета во благо государственности (как это благо понимают соответствующие службы). В рамках этого взаимодействия был разработан и выполнен конкретный пропагандистский проект, вроде бы небольшой и локальный. Казалось, люди должны посмотреть фильм, их сознание на время было бы сдвинуто в нужную сторону – и никаких побочных эффектов. Это ошибка, такие акции не просто внедряют в сознание нужный образ, но и алгоритм его порождения, а это вещь небезобидная, побочный эффект с неблагоприятными свойствами.

В моем рассуждении два пункта: «использование» религиозной компоненты массового сознания в актуальных политических целях; методологическое основание концепции данного конкретного фильма. По обоим пунктам есть сомнения и возражения.

Этот фильм - идеологический продукт. По-моему, он так и воспринят публикой, так что примем это как факт. Зачем этот фильм сегодня и почему озвучивать конкретную (и даже конъюнктурную) идеологическую установку поручено (или доверено) священнику?

Мне кажется, что деградация идеологических служб власти гораздо глубже, чем это представлялось. Перед рядовой кампанией выборов, исходу которых ничего не угрожало, они запустили руку в неприкосновенный духовный запас – авторитет Церкви. В рядовой акции они апеллировали к религиозной части общественного сознания. По другому поводу были сказаны слова, имеющие общее значение: «Есть в военном приказе такие слова, на которые только в тяжелом бою, да и то не всегда, получает права командир...». Какую трансцендентную мысль должен был донести ведущий, обращаясь с телеэкрана к миллионам зрителей в облачении священника? Не было такой мысли, а те, которым худо-бедно можно было придать статус фундаментальных, не требовали для их изложения элементов религиозного ритуала. На мой взгляд, он был использован всеу.

Следует ли вкладывать рядовой пропагандистский сигнал в уста Церкви? Я думаю, что это вообще недопустимая трата сокровища. Но в данном случае издержки особенно велики, ибо этот сигнал носит конфронтационный характер в тот момент, когда в нашем идеологически расколотом обществе установилось очень хрупкое неустойчивое равновесие.

Что у нас осталось из сил, удерживающих равновесие? Очень немного – символ Победы (который неустанно подтачивает известно кто); уважение к Православию как к идее, исторически собравшей русский народ (это шире, чем личная религиозная вера); символическая постройка «Путин», служащая шунтирующей артерией для обескровленной национальной надежды.

В этих условиях выдать текст, полный лобовыми идеологическими обвинениями и содержащий жесткие политические установки, значит нанести удар по авторитету Церкви как духовного арбитра, примиряющего расколотое общество. Ведь этот текст всеми воспринят как санкционированный Церковью, да и горячо поддержан многими близкими к Церкви уважаемыми людьми. Мне близок смысл многих идей фильма («он за меня»), а вот «средство доставки» кажется недопустимым. Ценность носителя несоизмеримо больше, чем сила заряда. Нельзя этот носитель тратить на такие цели, исторический опыт нам это наглядно показал.

В фильме силен и жёсток «антилиберальный» пафос. Но рука не поднимается аплодировать. Разве дело церкви - определять, устраивать ли жизнь в России на либеральных принципах или нет? Разве это ее дело - обсуждать ошибки в расходовании стабилизационного фонда олигархами Византии или РФ?

Подумайте сами: Церковь окормляет людей уже почти две тысячи лет. Как она смогла пережить столько катастроф? Да потому, что она признавала и рабство, и феодализм, признала и капитализм. Правда, советскую власть поначалу не признала, но потом поправились. И либерализм сначала признала ("голосуйте за Ельцина"), а теперь вдруг не признает ни в какую? Это и называется "взять меч кесаря" и начать им орудовать в чисто земных делах. Но для этого Сурков и Павловский есть.

Идеологический смысл фильма крайне антизападный. Он настолько нарочит, что будь фильм показан на самом Западе, он вызвал бы недоумение и злобную иронию. А в России, думаю, огорчил значительную часть тех, кто пытается отстоять нормы просвещения и рациональности, независимо от политических установок. Разве в интересах России демонизировать запад и усиливать иррациональную компоненту в наших отношениях? Разве на демонизацию России в западных СМИ разумно давать нам «симметричный» ответ? Ни в коем случае, да это и противно нашей культуре.

И зачем все это нашему государству в момент ухода Путина? На мой взгляд, противники православной идеи (и вообще российской государственности) использовали изъяны этой идеологической акции и с ее помощью немного консолидировались. Другая часть аудитории простодушно и с радостью восприняла антизападные штампы – и вот, углубилась важная трещина раскола.

Думаю, эта акция затрудняет и положение Медведева. При необходимости она могла бы быть использована и для того, чтобы Западу встать в позу и устроить скандал России. Похоже, что пока это не надо, но зачем же пополнять досье? Все это также питает тревожные предположения о разногласиях в самой правящей элите.

Теперь по второму пункту. Думаю, большинство понимает (или «чувствует»), что для выхода России из кризиса необходимо восстановить связность русского народа достаточно большой системой разнородных связей. Для этого абсолютно необходимо создать модернизированную версию русского национализма – старый имперский и державный (советский) национализм свои ресурсы исчерпал. Относительно типов нашего национализма и способов его сборки идет жесткая борьба. Ее доктрины и методы – особая тема.

В любом случае одна из задач этой программы – разработка обновленных национальных мифов, которые задают простые стереотипные модели объяснения реальности и закладывают их куда-то на границе подсознания и художественного чувства. В качестве сырья авторы фильма взяли миф о Византии как православной империи, от которой Русь приняла христианство. Для национального самосознания русских это исключительно важный миф, одно из наших духовных сокровищ. Из него выводился производный миф Третьего Рима. Это – очень тонкая конструкция, подобная зовущему нас Призраку. Но призраки требуют чуткого и бережного отношения. Попробуйте наполнить их земной материей (хотя бы «молоком и мясом») – они в лучшем случае улетучиваются, а то и оборачиваются каким-нибудь свиным рылом.

В фильме миф Византии осовременили таким способом, что лучше сказать «освеживали». Тут тебе и образ престола, на который карабкаются «преемники», торговцы, евнухи – и все друг друга режут, травят и ослепляют. А вокруг сплошное предательство, коррупция и всевозможные социальные несправедливости. И тут же обвинение подданных в том, что они не вышли защищать базилевса и «утратили счастье жить в такой прекрасной империи». Это воспринимается как неуместный сарказм.

Мы любим Византию как один из корней нашей культуры, как идеализированный символ. Трудно представить себе более эффективную профанацию этого символа, чем такое его прославление. Зачем в XXI веке ставить в пример социальное устройство империи, которая буквально ободрала все население, чтобы украсить столицу? Зачем смешивать миф с вульгарной социологией? Если на то пошло, то созданный в фильме образ Запада с его бедными рыцарями и королями в замках-хижинах выглядит, как социальный порядок, привлекательнее Византии.

Вообще, создание национального мифа средствами кино – большое и трудное искусство. Для него требуется мощный социальный заказ «снизу», который возникает в момент исторической необходимости сплотиться. Пример – фильмы Эйзенштейна «Иван Грозный» и «Александр Невский». Но ведь в них и следа нет лобовой привязки к сиюминутным потребностям власти.

А главное, сейчас нет ни нужды, ни возможности сплываться через национализм в тоталитарное общество. Нынешняя война есть война интеллекта и духа. Сохранять трезвость ума есть условие способности организовать ответные действия. В населении давно нет иллюзий относительно Запада, но не нужен и истеричный конфликт с ним. А фильм сокращает возможности рационального представления нашего кризиса, объясняя его сатанинскими происками Запада. Это загоняет становление русского национализма в тупик,

сплачивая «своих» образом «врага», превратившего наш золотой век. Из всех доктрин национализма это – заведомо проигрышный. Он ведет к трайбализации народа, откату к племенному сознанию, к распаду не только империи, но и ее ядра.

Такой откат нам и предлагается, и это сразу углубляет раскол "рациональной" и "эмоциональной" частей России. При обсуждении фильма на ТВ было даже сделано обвинение в адрес Просвещения вообще. Оказывается, Просвещение наш враг, а Православие - это единственное, что нас соединяет. Но это неразумный, ограниченный взгляд – реальность сложна, а исторический вызов требует от нас мобилизации буквально всех интеллектуальных, духовных и творческих сил. Попутно зачем-то обругали Тойнби, дезавуировали А.С. Панарина и прошлись по советскому периоду (который как раз на время смягчил дефекты византизма).

Наконец, авторы фильма взяли на вооружение доктрину «удревнения» нашего кризиса, предложив в качестве аналогии кризис Византии XII-XIII веков. Это, с точки зрения программы возрождения русского национализма, огромная ошибка. Причем здесь Византия, когда у нас перед глазами своя драма? Познавательной ценности эта аналогия не имеет, ибо скудный материал по истории тех веков любой идеолог может переиначить, как пожелает. Это – средство манипуляции, а не познания. А цель этой манипуляции – не дать нам путь ложную, но связную концепцию, а создать в наших умах хаос, отвести от попыток рационально описать наш кризис, выявить его движущие силы и противоречия, «измерить» явления и составить карту причинно-следственных связей.

Даже смешивая место и время, фильм не мог дать связной трактовки кризиса Византии, хотя бы мифической. В модели той «православной империи» концы с концами не вяжутся, где уж тут получить нить для выхода из нашего нынешнего лабиринта. А лихое «осовременивание» трагедии Византии, например, разговорами о стабилизационном фонде, вообще превращает эту историю в идеологический кич. Да и как-то все это бестактно. С экрана ругают олигархов (и население) Византии, которые не дали денег на военную реформу, а в нашей реальности с населения (а не олигархов) эти деньги и выжимают – иначе, мол, нас Запад сожрет, не видали, что с Византией случилось?

И предупреждение русским, что только религиозная православная идея может нас спасти, звучит в фильме неубедительно. История хоть Византии, хоть России гораздо более сложна, чем это дано в фильме. Империю собирает и скрепляет не только общее религиозное чувство, а многообразие связей солидарности, общих идеалов и интересов. Фильм упрощает реальность сверх меры, и это нас может только ослабить.

Хорошо, если этот первый опыт пойдет впрок и укрепит идеологическое и художественное оснащение вызревающего русского национализма. Но, конечно, тут статьями не обойдешься, нужны именно «инженерные» совещания. А главное, выработка нормальной методологической основы этой большой программы

21.01.2009. Подгребаю методические статьи. Полезно /Беловежский сговор отщепенцев/

Беловежский сговор отщепенцев

Один из главных типов связей, соединяющих людей в народ – общее негласно принятое отношение к важнейшим событиям его истории, особенно к тем, которые предопределили его исторический путь. Эти события приобретают символическое значение и становятся этническими «маркерами». Мы «одной крови», если у нас в общем совпадает набор событий, которые мы считаем главными. Крещение Руси, Ледовое побоище, Куликовская битва, изгнание поляков из Москвы, Бородино, Октябрьская революция, Сталинградская битва – все это знаки для распознавания «свой-чужой». Можно даже сказать, что это элементы той мировоззренческой матрицы, на которой собран русский народ и через которую стянуты вместе все народы России. Мы вдвойне ближе, если совпадают и наши оценки

этих событий – в таком случае мы «происходим» из одной и той же части расколовшегося в прошлом народа (например, из старообрядцев или никонианцев, из красных или белых). Память о расколах, которые уже заросли, сегодня нас не разделяет на разные народы, мы вспоминаем о них с грустью и сочувствием. Гражданские войны (горячие и холодные), которые разожжены недавно и еще продолжаются, создают пропасти и фронты.

Символ такой гражданской войны – ликвидация Советского Союза, «беловежский сговор» декабря 1991 г. Отношение к этому символическому событию разделяет все поколения рождения до 1975 г., а попытки стирания этого символа из исторической памяти разрывает этнические связи всех вообще граждан России, независимо от их отношения к СССР. Трактовка этого события – один из ключевых диагностических показателей в нынешней политике в РФ.

После трагедии в Беслане В.В.Путин сказал, что население РФ пожинает плоды “распада огромного и великого государства” (СССР). Эта как будто вскользь сказанная фраза имела исключительно сильный объединяющий эффект. Это было предложение если не мира, то хотя бы перемирия в той психологической гражданской войне, которая уже 20 лет ведется против «советского человека» в каждом из нас. Война эта, кстати, на уничтожение, причем взаимное, обеих сторон. Победы в этой войне быть не может.

Развал СССР В.В.Путин назвал самой большой геополитической катастрофой XX века. Но для нас важнее, что он был национальной катастрофой для народов СССР и прежде всего для русских как того ядра, вокруг которого собралась Российская империя, а затем СССР. Трактовка ликвидации СССР как катастрофы и есть предложенная В.В.Путиным платформа для переговоров о гражданском мире. Это – первый и необходимый шаг, первое рамочное соглашение, которое меняет всю карту общественного противостояния в России.

Рамками этого соглашения граждане РФ делятся на два лагеря: в один собираются все те, кто признает ликвидацию СССР катастрофой, последствия которой надо всем вместе изживать. Между такими возможно заключение пакта о «забвении исторической вины», как это произошло между красными и белыми в Великой отечественной войне. Другие собираются в лагерь, который считает ликвидацию СССР своей победой и сегодня празднует ее, танцуя на костях жертв своего дела. Это лагерь отщепенцев.

Примирение между этими двумя лагерями невозможно – времени не хватит сойти в могилу тем, кто помнит. Ведь после 1991 г. подпилены основные устои российской цивилизации. Не все они рухнули, понемногу мы поворачиваем к их восстановлению. Но ущерб мы понесли огромный, и возрождение потребует больших усилий. А главное, данное на это время истекает неумолимо, сорок лет по пустыне нам ходить некогда, у нас другой климат. Срок нам ставят ржавые трубы теплоснабжения. Значит, долго пребывать в состоянии «ни мира, ни войны» оба лагеря не могут.

Да и как можно примириться с теми, кто одобряет катастрофу! Ведь она произошла с нашей страной и с нашими близкими. Как можно относиться к людям, которые сожгли твой дом! Одобрять такие вещи можно или в беспамятстве, или будучи сознательным врагом. Ясно, что СССР не “распался” сам собой, а был уничтожен в ходе большой военной операции, проведенной совместно силами Запада и его союзников внутри страны. Защитные силы СССР были дефектны и не справились с угрозой, но это другая тема.

Однако дело не только в чувствах и совести. Надо понять философию развала Союза, поскольку РФ по своему типу – тот же Советский Союз, только поменьше. Никуда не делись ни философия развала, ни сами философы. Леонид Баткин, один из «прорабов» перестройки, после ликвидации СССР напомнил своим соратникам: «На кого сейчас рассчитана формула о единой и неделимой России? На неграмотную массу?..»

Идея развала Российской империи была одной из ключевых идей западной геополитики с конца XIX века, а в начале XX века она овладела и возрожденным под эгидой Запада российским масонством. К этому были и предпосылки – наступление капитализма, породившего национальную буржуазию. Свергнув монархию, она растащила империю. Примерно такие же предпосылки возникли в позднем СССР. Если поначалу номенклатура имела черты сословия и укрепляла империю-СССР, то в 80-е годы ее соблазнила идея оборотиться буржуазией и приватизировать достояние страны.

Но предпосылки – это всего лишь предпосылки. Нужна была доктрина, организация и ударная сила. Идея разрушения Советского Союза была выношенной частью всего проекта «демократов» – союза части номенклатуры, либеральной интеллигенции и преступного мира. Сначала надо было «разрезать пирог». Декларации о суверенитете 1990 г. были первым шагом в присвоении общенародной собственности, разделом ее по национальным республикам. Захват ее после этого резко упростился. Но это был всего лишь гонорар, главное – уничтожение «империи зла». Беловежский сговор имеет признаки религиозного ритуала.

Кое-кто из беловежской зондеркоманды виляет - мол, СССР все равно переживал кризис, мы его из сострадания прикончили. Дикая логика, ее допущение – признак болезни массового сознания. Это все равно, что убить больного человека и оправдывать убийцу тем, что человек был болен. Одно дело – лечить больного и не справиться с болезнью, оплакивать утрату. Другое дело – убить его выстрелом в висок и радоваться смерти.

Да и кризиса не было! За 15 лет вопрос изучен дотошно – и российскими, и западными экономистами. Кризис создавался искусственно именно ради развала Союза и при иной власти был бы преодолен без потрясений. Мы пережили жестокую экономическую войну. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц наблюдал эту историю и приводит веский довод: реформаторы принимали наихудшие решения из всех возможных. Наихудшие! Так не бывает, если разрушение экономики не является целью.

Те, кто расчленил Союз, действовали как тоталитарное антинародное меньшинство. Они вели антисоюзную пропаганду, но она не убедила людей. Тогда они совершили измену и расчленили страну, опираясь на поддержку Запада. Волеизъявление граждан было известно – 76% за Союз. Они эту волю растоптали, чем породили раскол в обществе, который не может закрыться до сих пор. Да, люди не имели ни организации, ни навыков политической борьбы – и этим воспользовалось организованное и владеющее СМИ меньшинство. Такой подлости простить нельзя. Они испоганили само понятие демократ – и загнали массовое сознание в ловушку. Без демократии мы не вылезем из кризиса, а смысл ее опорожен. Многие после этого и на выборы не хотят ходить.

Поражает, что эти люди не повинились, не ушли в тень. Они выходят перед жертвами своих действий – и учат их жить. В этом есть что-то мерзкое. Как это отравляет общественную атмосферу!

Теперь они говорят, что «ликвидировали СССР, чтобы сохранить Россию». Это симуляция шизофрении. СССР и был Россией, и его порубили по живому. «Берите суверенитета, сколько проглотите!» - это лозунг сохранения страны? Административные границы в СССР были условны. Расчленив по ним страну, они расчленили единое хозяйство, культуру, народы. 25 миллионов русских остались «за границей» - это называют «сохранить страну»? Абхазия вошла в Российскую империю, а оказалась в Грузии. На них – кровь войны в Абхазии.

А кто готовил чеченскую войну? Прочитайте хоть сегодня декларации о суверенитете РСФСР и Чечено-Ингушетии – это декларации о войне. Написаны они одними чернилами. Прочитайте “Конституцию Союза Советских Республик Европы и Азии” Сахарова, ведь она – часть платформы демократов. О нынешней РФ в ней сказано: “Бывшая РСФСР об-

разует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района - Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность". А также и вооруженные силы! И заметьте, что в этой «конституции» Северный Кавказ в Россию не включен – он входит в «ряд других республик». Это было идеологическое обоснование войны.

Те, кто вверг народы в массовые безысходные страдания, продолжают и сегодня навязывать свои ложные версии. Видно, далеко нам еще до суверенной демократии, не разрешено еще вслух говорить о собственной судьбе.

21.01.2009. Скоро пойдут новые тексты. А пока статья в журнал "РФ сегодня" /Можем ли гордиться?/

Можем ли гордиться?

Когда приходится встречаться со студенческой молодежью, встает этот странный вопрос: есть ли у нас что-то такое, чем мы можем гордиться?

Меня этот вопрос каждый раз удручает. Как же, значит, политики всех мастей и журналисты замордовали людей своими рассуждениями. Как они оказались нечутки к тому, что творится в душе тех, кто их слушает и читает. Они внушили людям, что России в ее нынешнем состоянии нечего сказать миру, у нас нет ни дел, ни мыслей, которые ценны для человечества. Какое черное дело – разрушить важную часть нашего национального сознания потоком сиюминутной «чернухи». Ведь эта важная сторона кризиса нашего народного самочувствия совсем выброшена из общественного разговора. Кто-то еще может сказать о воинской доблести Суворова или Жукова, о ветеранах Великой Отечественной войны, о гении Пушкина или Пастернака – но все это о прошлом. И это прошлое настолько оторвано от настоящего, что молодежью воспринимается, как свет потухшей звезды. Неужели мы не можем гордиться нашими близкими, людьми, которые живут здесь и сейчас? Как же такое может быть? Выскажу свои соображения. Во-первых, надо разделять «гордость за» и «любовь к». Мне кажется, многие молодые люди страдают оттого, что их приучили к мысли, будто любить надо только тех, кем можно гордиться, то есть предъявить их достоинства какому-то внешнему судье (Богу, человечеству, соседу). Иными словами, любить надо сильных, богатых, красивых, умных и пр. – тех, кто побеждает в конкуренции.

Это новое явление в нашей культуре наблюдалось с конца XIX века и, видимо, было навеяно европейским образованием, влиянием «культуры успеха», возникшей в «титанической» (прометеевской) цивилизации Запада. Там сильно ощущение, что если человек не достиг успеха, то это знак «отверженности», а отверженных любить нельзя. Философ В.В. Розанов на это писал, что нетрудно любить Россию, когда она в блеске славы и ей сопутствует успех. По-настоящему русский это тот, кто любит Россию, когда она «всеми плюнутая лежит в грязи».

Многие не любят нынешнюю Россию, потому что она «лежит в грязи». Они становятся к ней благосклоннее по мере роста ВВП. С такими разговаривать не о чем – лишь бы были лояльными гражданами. Но это – не наша забота, а правоохранительных органов. Наш разговор – с теми, кто любит Россию в любом ее состоянии, как любят мать. Любят, но страдают оттого, что не могут одновременно и гордиться. Такое ведь часто бывает. Любовь – чувство потаенное, а гордость – на людях. Мало кто умеет гордиться «про себя».

Так вот, трудный вопрос состоит в том, есть ли нам чем гордиться, будучи поверженными в прах, когда талантливые студенты стараются загодя устроиться на Западе или кланчат гранты, когда властители клянутся в приверженности чужим ценностям. Люди в растерянности и не знают, что может служить предметом их национальной гордости. Людей

лишили системы координат! Кажется, мелочь, а на деле сильный инструмент демонтажа народа.

Я лично вижу дело так. Мы как народ переживаем тяжелый кризис. Любой кризис (в том числе война) - это особый, аномальный тип бытия народа и личности. Сгибаются, перекручиваются и даже ломаются все стороны жизни. Поднимается наверх и нагло утверждается самое подлое и мерзкое, что есть в народе. Но в то же время собирается и противостоит подлости самое светлое, доброе и умное. Тут и находится (или отсутствует) то, чем можно гордиться – даже в поражении.

В момент этого нашего народного бедствия надо вспомнить слова поэта: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Меня поразила пронизательность Тютчева. Так оно и есть, но ведь не будешь на каждом углу кричать, как ты счастлив в момент бедствия. А иногда этого так упорно не понимают, что поневоле приходится раскрыться, сказать то, о чем принято молчать.

Как-то в 1993 г. я в одном ученом собрании в Испании делал доклад о доктрине экономической реформы в России. В репликах в разных выражениях звучала одна мысль: какой странный провал в культуре великого народа, какой регресс в мышлении, какая необычная тупость реформаторов, какой стыд - так сдать великую страну и загубить великое хозяйство.

Я сначала обратился к логике: нельзя делать такие обобщения на основании одной проигранной кампании в великой войне, тем более без учета соотношения сил в этот момент. Да, из-за стечения исторических обстоятельств русские «холодную» войну проиграли, но ведь история на этом не заканчивается. За 1941 годом был 1943, а потом 1945.

Но, как оказалось, люди во времени ориентируются с трудом - мол, когда еще этот новый 1945-й год наступит. Что происходит сейчас, вот вопрос. И я сказал не о логике, а о чувствах, как прямой свидетель. Сказал, что испытал в жизни два момента большого счастья и гордости - в детстве и сейчас, на склоне лет. Оба раза это были моменты народного бедствия, в нем я и жил. А счастье было оттого, что я непрерывно видел вокруг себя, рядом с собой, величие, доброту и благородство множества людей. Именно в бедствии мой народ оказался велик и благороден. Ребенком я этого, конечно, не понимал, но зато чувствовал очень остро. А сейчас и чувствую, и понимаю - и горжусь. Да, это гордость не от победы, не от силы оружия или банковской системы России. Но ведь и сила, и подвиги, и победы разные бывают.

Тогда в Испании тоже был «кризис» - спад производства 1%, доходы не растут. Люди нервничали, многие вели себя странно, как будто отключили совесть. А представьте, говорю, что у вас производство упало на 50%, а доходы большинства - в три-четыре раза. Ведь общество просто рассыпалось бы, люди превратились бы в стаи волков. У нас же этого не произошло. Женщина в метро может дремать, поставив свою сумку на пол. А здесь свои сумки наматывают на руку, и все равно их то и дело вырывают, чуть ли не с рукой вместе. Парочка на мотоцикле прицелится, промчится, задний рванет сумку. Посмотрите голливудские фильмы-прогнозы о том, во что превратятся их города после большого бедствия.

В Нью-Йорке лет двадцать назад на четыре часа погас свет. За это время разгромили множество магазинов и ограбили массу людей, иногда прямо в лифтах. У нас мозги так повернуты только у тех немногих, которые стараются походить на жителей «дикого Запада». Я в метро видел такую картину. Группа уличных мальчишек и подростков, которые протирают стекла машин у светофоров, пересчитывала добытые деньги. Потом они побежали по залу и переходу и выдавали каждому нищему старику одинаковую сумму. Снова остановились, пересчитывают остаток. Нищих оказалось больше, чем они предполагали - ста-

ли спорить о том, сократить ли сумму или по какому-то признаку отказать части стариков в помощи. Решили сократить сумму (но все равно она оставалась внушительной). Это, конечно, детская романтика, но в Испании такое коллективное действие никто и представить себе не мог. Как раз тогда у таких мальчишек там возникла мода коллективно избивать нищих стариков. В Париже одного даже облили бензином и сожгли.

В конце 1991 г. знакомый испанский социолог, зав. кафедрой социологии университета Сарагосы, попросил меня о такой вещи. У вас, говорит, в январе будет либерализация цен, покупательная способность доходов резко снизится. Попробуй раздобыть для нас сведения о том, сколько бездомных собак будут отлавливать в эти месяцы в Москве. Я удивился, а он пояснил. Они на кафедре придумали метод измерения реакции населения на кризис - по числу выгнанных из дома собак. Как сказал социолог, это оказалось очень чувствительным показателем. Еще нет никаких формальных экономических признаков кризиса, но средний класс уже интуитивно предчувствует его приближение. И что же? Благополучные обыватели начинают изгонять из квартир своих четвероногих друзей.

В газетах даже излагались цивилизованные способы такого изгнания - семья с детьми и собакой едет на прогулку за город, и пока счастливый общий любимец с лаем носится за бабочками, хлопают дверцы автомобиля, автомобиль с родителями и детьми срывается с места, начинается типичная собачья драма. То-то меня удивляло, что в те месяцы по улицам Сарагосы бегали с безумными глазами дорогие собаки, доберманы-пинчеры, а то и сен-бернарны. На рекламных тумбах были расклеены плакаты: сен-бернар с грустной мордой и надпись: «Он бы с тобой так не поступил».

Социолог предвкушал, что в Москве они получают сенсационный научный материал - еще бы, феноменальное моментальное обеднение миллионов жителей столицы. Мне интересно было послушать его рассуждения, но я предупредил, что вряд ли в Москве их методика годится. Другой народ, другая культура.

Прав оказался я. Точную статистику получить не удалось - тогда в Москве не то чтобы собак отлавливать, даже мусор на время перестали вывозить, просто сжигали его во дворах. Но я наблюдал сам и знакомых попросил посмотреть, что происходит с собаками в их дворах. Ничего не произошло.

И еще вспоминается тяжелый октябрь 1993 г. События того Октября в сути своей - не политические. Политика в них была, но как оболочка, почти как шелуха. Они важны для каждого в России, какую бы позицию он в политике сегодня ни занимал. Это был неожиданный и никем не организованный отклик на зов совести. То, что таких людей, какие откликнулись на этот зов с риском для жизни, ради уже почти задушенных идеалов, было множество - вещь удивительная. Ею каждый наш человек может гордиться. Даже тот, повторяю, кто с этими идеалами и с правдой тех людей не согласен.

Представляя те события как стычку политических групп, идеологи пытались вытравить из обихода понятия чести и совести, гордости и самоотверженности. Все это, мол, не для «совков». В Чили президент Альенде остался во дворце и погиб, убитый офицерами Пиночета. Он стал героем для Запада, признан всеми партиями. Его именем называют улицы в западных городах - будь мэр хоть правый, хоть левый. Но Альенде погиб по долгу службы, сдаться ему было бы просто стыдно. Никто из простых чилийцев умирать к дворцу Монета не пришел. В Москве же мы видели нечто совсем другое - умирать к Верховному Совету РСФСР пришли тысячи именно простых людей. Причем они презирали и Руцкого, и депутатов, отдавших Россию на растерзание режиму Ельцина, который теперь отбрасывал этих депутатов, как рваную тряпку. Что же двигало этими людьми? Об этом не говорили, даже стеснялись. А двигали ими именно чистые чувства, благородство. Такое редко бывает - а у нас было, перед нашими глазами.

Я человек не религиозный, но там я понимал, что такое благодать. Когда люди добирались, порой с большим трудом, до окруженного ОМОНОм двора Дома Советов, их охватывало чувство благодати, как будто этот дворик освещался особым светом, как будто в небе над ним было какое-то окно. Так сильно было это чувство, что часто можно было видеть, как люди, даже очень пожилые, бегут к этому месту от метро "Баррикадная" бегом. А если бы не приличия, то почти все бежали бы – хоть на минуту раньше туда попасть, вдохнуть тот воздух и тот свет.

И не бесшабашные были эти люди, предвидели финал. Когда обыскивали карманы юношей, убитых около Останкино, находили квитанции на загодя оплаченный гроб. Это было идеализмом - не хотели эти юноши, чтобы на гроб для них тратилось постылое правительство (хотя и по этим квитанциям гробы для них власти не забрали - на рассвете свезли их в крематорий навалом). Не буду говорить об этой стороне событий, которая потрясала. Вспомню мелочи, почти незаметные, но открывающие что-то важное.

Все эти люди, чтобы прийти и остаться, через что-то перешагнули, от многого отрешились. Но потом уже об этом не думали и не говорили. Съезживались и нервничали, когда ОМОН в очередной раз имитировал атаку с дубинками, давил на нервы. Как расширились зрачки у женщин и девушек – глаза становились черные, совсем без радужной оболочки. Хотелось каждой поклониться. Но не уходили - это как-то было вычеркнуто из вариантов поведения. Только по утрам, когда мужчины виновато уходили на работу, спрашивали: «Вернетесь?»

Помню, вечером 27 сентября вдруг перестали пропускать людей к Дому Советов. Уходить - пожалуйста, а туда - нет. Все заволновались, особенно те, кто ждал друзей и родных. Стопились под холодным дождем у оцепления, переругиваются, все промокли. Вдруг с важным видом проходит через оцепление старик. Потеплее оделся, с сумочкой – продукты, вода. Женщины бросились к нему: «Ты как прошел? Где пускают?» А он с гордым видом, свысока им отвечает: «Нигде не пускают. А у меня блат есть. Офицер с моим сыном в Афганистане служил, он меня всегда пропустит». И от него отошли, с завистью и недоброжелательством. И тут блат!

Для чего же этот старик использовал свою привилегию? Чтобы пробиться туда, где он будет мокнуть всю ночь без пищи и огня, с риском быть измочаленным дубинками (о танках тогда еще не думали). Этот старик был выше самого понятия героизм, он был в другом измерении. Как же таким стариком не гордиться!

И таких людей у нас большинство, надо только разглядеть их под той грязью, что нанес кризис. Благодаря их упорству и героизму, которого они сами не замечали, Россия продержалась Смуту 90-х годов. Теоретически, все должно было рассыпаться. Этой стойкостью не только можно гордиться, ее надо изучать. Она еще нам пригодится.

21.01.2009. Что скажут коллеги из среднего класса?

По долгу службы участвую в методической работе по подготовке программы "защиты населения в условиях кризиса". Это кусок параграфа о классификации уязвимых общностей.

4. «Группы риска» - главные объекты усилий по социальной защите населения

Предусматриваемые в программе действия можно разделить на две категории: 1) действия по нейтрализации или смягчению кризисных явлений, создающих угрозы для населения в целом; 2) «адресные» действия, направленные на поддержку конкретных специфических общностей.

К первой категории можно отнести меры по стабилизации и укреплению больших систем жизнеобеспечения, которые особенно уязвимы во время кризисов. Примерами служат системы энерго-, водо- и теплоснабжения, продовольственного снабжения, охраны порядка

и гражданской безопасности, контроля за средствами воздействия на массовое сознание (слухов, нагнетания панических страхов, провокаций). К действиям, направленным на защиту «групп риска» относятся меры по предотвращению массовой безработицы в рамках группы; утраты доходов, собственности и доступа к социальным благам; профилактику или разрешение социальных и других межгрупповых конфликтов с применением насилия; противодействие криминализации конкретных общностей и т.п.

Действия, направленные на поддержку конкретных общностей, будут производиться на общем негативном фоне. Его надо учитывать как фундаментальный фактор «внешней среды». Он заключается в том, что в России продолжается процесс распада всех общностей (кроме, возможно, криминальных). Это процесс был запущен реформами 90-х годов, но маховик его был раскручен, видимо, в политических целях - как способ демонтажа советского общества. Ни остановить этого маховика, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 года не удалось (если такая задача вообще была поставлена). После 1991 г. были остановлены и, в основном, ликвидированы практически все механизмы, сплачивающие людей в общности, сверху донизу.

Самым главным процессом стал демонтаж народа (нации). Задача «разборки» советского народа на деле привела к повреждению или разрушению связей, которые соединяли русских в народ как надличностную общность с системными свойствами. Другой комплекс действий привел к повреждению или разрушению связей, соединявших этносы и народы России с русским ядром – был проведен демонтаж советской системы межнационального общежития. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации), адекватной по связующей силе и разнообразию связей создано не было, и никакой программы нациестроительства государство не выработало.

Таким образом, совокупность общностей как структурных элементов российского общества, утратила «внешний скелет», которым для нее служила нация. При этом была утрачена и скрепляющая нацию система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали все общности как часть их «внутреннего скелета» и как каналы связей с другими общностями. Россия утратила национальное информационное пространство. Она не располагает информационной системой, в которой должен вестись низовой «каждодневный плебисцит» по всем вопросам национальной повестки дня. Исчезли и каналы, по которым до всех граждан одновременно доводилась эта повестка дня. В силу ряда причин телевидение этой функции выполнять не может, это канал политической рекламы.

Сразу же началась деградация внутренних связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Ликвидированы даже такие простые исторически укорененные социальные формы, как общее собрание трудового коллектива (аналоги сельского схода в городской среде). В России продолжается деклассирование рабочих. В ходе реформы контингент промышленных рабочих сократился вдвое, на 10 млн. человек. Значительная часть их опустилась на «социальное дно». Деградирует системообразующая для России большая специфическая общность – интеллигенция. Она замещается «средним классом» - новым социокультурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. Высшее образование сейчас ежегодно поставляет на рынок труда около 600 тыс. таких суррогатных интеллигентов – при численности выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям 26 тыс.

Необходимой аналитической операцией является выявление уязвимых сторон каждой «группы риска» и, одновременно, рисков самоорганизации в этих группах структур, создающих потенциальные угрозы для других групп населения или для государства.

Рассмотрим под этим углом зрения главные «группы риска» в российском обществе в условиях нынешнего кризиса.

4.1. «Средний класс». По своим социокультурным характеристикам это новая для России общность, еще не вполне сложившаяся. Это продукт постсоветской социальной системы, уже почти не обремененный коллективной памятью «советского типа».

Из истории, социологии и социальной философии известно, что понятие класс определяется нечетко. Отнесение социальной группы к общности, определяемой как класс, опирается на размытые индикаторы и критерии и зависит от политической конъюнктуры. Лучшее всего разработаны методологические основания для выделения классов буржуазии и пролетариата, но и в этом случае полувековые дискуссии привели к выводу, что даже в самом чистом «классовом» индустриальном обществе (Великобритании) пролетариат как класс сложился только к концу XIX века, когда обрел именно классовое самосознание, идеологию и организации. Таким образом, минимальными признаками, позволяющими считать общность классом, были признаны определенное место в отношениях собственности и определенная культура. В послевоенное время в Западной Европе уже преобладал процесс деклассирования, который происходил прежде всего в сфере культуры.

В постсоветской России были предприняты интенсивные попытки классового строительства, прежде всего, буржуазии, а затем и рабочего класса. Для этого применялись социальные и политические технологии конструктивизма. В целом, эти попытки не привели к успеху. Культуры и самосознания ни у «буржуазии», ни у «пролетариата» до сих пор не возникло, и шансов на их возникновение почти нет. Они напоминают ряженых в социально-политическом театре. Причины для этого фундаментальны, но их обсуждение выходит за рамки нашей темы.

В последние годы упор при создании идеологии, легитимирующей современное жизнеустройство и политический порядок, делается на средний класс. Он представляется ядром общества, социальной базой власти и носителем идеи инновационного развития России. Сама эта доктрина еще остается очень сырой, разработка идеологии среднего класса ведется вяло, плодотворной методологии для нее не предложено. Попытка взять для нее за основу классический европейский либерализм была ошибочной, поскольку философия этого либерализма, выросшая из Просвещения, неадекватна нынешней реальности. Попытка гибридизации остатков либерализма с Православием и Самодержавием успеха также не имела.

В конкретной программе, о которой идет речь, разумнее опираться не на эти идеологические построения, а на прагматическое описание очень рыхлой и гетерогенной общности, условно названной средним классом, полученное эмпирическими методами. Задача эта актуальна, поскольку в планах государства по социальной поддержке населения этой группе отводится исключительное место.

К числу программных относится заявление первого заместителя главы администрации президента РФ В. Суркова на заседании секции Форума «Стратегия 2020» 28 ноября 2008 г. Согласно сообщениям прессы, суть его заявления была в том, что основной задачей государства в период спада должно стать сохранение среднего класса. Сурков сказал: «Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену». По его словам, появление и становление в России массового среднего класса, который фактически обрел социальную гегемонию и политическую власть, стало главным достижением первых лет XXI века.

Сурков подчеркнул: «Защита среднего класса от идущей с Запада волны «оскудения» и растерянности. Замедление экономики требует от государства решительных шагов навстречу середняку. Помочь среднему классу пережить следующий год без серьезного ущерба. Поддерживать уровень занятости и потребления... Потому что российское государство - это его государство. И российская демократия - его. И будущее у них общее. Нужно

позаботиться о них. Россия - их страна. Медведев и Путин - их лидеры. И они их в обиду не дадут».

21.01.2009. Что скажут коллеги из среднего класса? Часть 2

Это заявление следует принять во внимание, поскольку оно, видимо, выражает представления части политической элиты. В рамках нашей темы по сути заявления можно сделать следующие комментарии. Называть целое десятилетие России «временем» одной какой-то группы (тем более такой маргинальной, как «олигархи») – неприемлемое упрощение, при всей метафоричности выражения. Оно слишком «принижает» реальность, тем более таких переломных моментов.

Называть период 2000-2008 гг. эпохой среднего класса – гротеск, который искажает картину хода событий. В этом утверждении субъект действия не только не определен понятными и общепринятыми признаками, но он и не завоевал в массовом сознании никакого авторитета. Он воспринимается как артефакт смутного времени, заслуживающий легкого сострадания, явление в России преходящее и нежизнеспособное[1]. Ничего эпохального этот субъект не совершил, и ничего от него не ждут.

Говорится о защите среднего класса, о том, чтобы не дать его в обиду. Задача защиты класса требует определения фундаментальных угроз, которые порождены системой общественных отношений. Чтобы такие угрозы отвести, речь должна идти о реформировании институтов нынешнего общественного строя. О чем идет речь, что стоит за словами Суркова? Кто обидчик среднего класса, чем он ему угрожает? Из контекста понять нельзя. В условиях кризиса такие многозначительные заявления лишь усиливают напряженность.

Сурков придает среднему классу статус системообразующей сущности современной России: «Российское государство - это его государство. И российская демократия – его». Это заявление вызывает тревожное недоумение. Небольшая общность, которая пока что воспринимается как социальный фантом, который не является носителем большой идеи и связного проекта, не обладает консолидирующим и творческим потенциалом, представляется чуть ли не хозяином страны и государства. Что дает создание такого образа для политической практики государства во время кризиса?

Чтобы оценить эффект этого образа, представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий тот средний класс, о котором говорит Сурков. Каков может быть этот памятник «белому воротничку» или «офисному планктону»? Поставим его в один ряд с уже известными равноположенными монументами. Это, прежде всего, фигура «Рабочий и крестьянка», прямой аналог с классовой символикой. Это сравнение для «белого воротничка» убийственно, речь идет о несоизмеримых по символической силе образах социальных общностей. Художественно слабее, чем монумент Мухиной, памятник Юрию Гагарину в Москве, но и он несет мощный заряд оптимизма, воспринимается как гимн творчеству, знанию, человечности.

Сурков делает сильные утверждения и в сфере нациестроительства. Он так представляет тех, кто причислен к среднему классу: «Россия - их страна. Медведев и Путин - их лидеры». Это идет вразрез с общепринятыми доктринами социальной защиты населения. Во время кризисов дискурс власти при любом политическом режиме переходит к языку общенациональных интересов. Население представляется семьей, которая должна пережить общую беду, сплотиться на время поверх социальных (классовых, сословных) барьеров. В это время утверждается, что страна – всех, что власть снова – отец всех подданных. В этот момент представлять Медведева и Путина лидерами класса, а не нации (даже если бы так было в действительности), контрпродуктивно.

Выступление Суркова предваряло целую серию подкрепляющих деклараций, а затем и действий. 1 декабря 2008 г. первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству В. Федоров заявил: «Средний класс – это наше

будущее. У богатых для преодоления трудностей все-таки имеется больше возможностей, поэтому государство не должно и не имеет права оставлять средний класс один на один с кризисом».

Вот сообщение прессы о прошедшей в середине декабря пресс-конференции «Рынок труда в России в условиях кризиса»: «По мнению участвовавших в пресс-конференции депутатов Государственной думы В. Мединского и А. Исаева, одной из первостепенных задач должно стать спасение офисных служащих. Во-первых, на сегодняшний день они больше всех пострадали от сокращения штатов. А во-вторых, «белые воротнички» – неотъемлемая часть среднего класса, который является опорой государства».

В. Мединский заявил на пресс-конференции: «Нам необходимо защитить этих людей. Это тот самый средний класс, который должен составлять социальную основу страны и являться гарантией стабильности государства. Потеряем его – потеряем стабильность. Ликвидация среднего класса грозит стране революционной ситуацией».

Сопредседатель либерального клуба «4-е ноября» партии «Единая Россия», депутат Госдумы А. Макаров его поддержал: «Так называемый «офисный планктон» и простые работники, которые первыми становятся жертвами кризиса, на самом деле они – гаранты будущего РФ как нормальной европейской страны, страны, в которой нет больше богатых и бедных». Председатель комитета Госдумы по международным делам К. Косачев заявил, что Россия не может допустить «крахов, дефолтов, или других сильных потрясений, которые бы снова опрокинули на спину только встающий на ноги средний класс».

«Единая Россия» как «партия власти» даже взяла на себя инициативу создать для среднего класса России структуры классовой борьбы против буржуазии, борьбы за свои социальные права против класса собственников-предпринимателей. 27 декабря в Москве прошел учредительный съезд профсоюза «белых воротничков». Руководителем стал председатель Комитета по труду и социальной политике Госдумы А. Исаев, председателем — член Комитета по экономической политике и предпринимательству В. Мединский. По словам Исаева, новый профсоюз должен стать эффективным средством борьбы против произвола работодателей, с его помощью возможно будет не допустить массовых увольнений офисных работников в период кризиса. Примечательная смена языка партии «Единая Россия»: «Все на борьбу против «невидимой руки рынка!»»

Между тем, размер, профиль и тенденции развития российского среднего класса являются предметом дискуссии.

В Интернет-опросе (ноябрь 2008 г.) был задан вопрос: «Как Вы считаете, существует ли в современном российском обществе «средний класс»? Если существует, то какова его доля среди населения России?». Ответило 2656 человек, из них 43,7% относят себя лично к среднему классу, а 45% не относят. Основные ответы о доле среднего класса в населении таковы (в процентах от числа ответивших): «не более 10%» - 27,4; «от 11 до 20%» - 28,4; «от 21 до 30%» - 18,3; «от 31 до 40%» - 9,2. Таким образом, большинство (55%) считает, что доля среднего класса в населении России составляет менее 1/5 [<http://www.virtualexs.ru/cgi-bin/exsurveys/research.cgi?mode=query&ac=327&r1>].

В апреле 2008 г. начисленную зарплату более 25000 (за вычетом налогов это менее 22000 руб.) имели 16,1% работников. Зарплату в размере 25-50 тыс. руб. имели 12,6% работников. 72% процента граждан, опрошенных Левада-Центром, сообщили, что не имеют сбережений. Это – показатели, примерно определяющие размер общности «средний класс».

26 декабря 2008 г. было опубликовано такое сообщение об исследовании численности среднего класса в России: «В основе исследования лежат данные о способности граждан взять ипотечный кредит хотя бы раз в поколение (30 лет). По мнению авторов, это один из основных критериев определения среднего класса. «Вряд ли семьи, у которых есть день-ги на питание, одежду, машины и путешествия, но нет возможности купить жилье,

правомерно относить к среднему классу», — говорится в исследовании. Как пояснил РБК daily руководитель аналитического центра GED Analytics Александр Пыпин, при подсчете среднего класса авторы исходили из классической пирамиды по-требностей по Маслоу... «К среднему классу можно отнести домохозяйства, которые помимо удовлетворения потребностей в жилье способны удовлетворять потребности верхних уровней, — делает вывод эксперт. — Для этого ипотечный платеж должен быть не более 50% от доходов семьи».

Аналитики полагают, что еще в июле этого года квартиру в кредит можно было купить, имея совокупный семейный доход от 54 тыс. руб. в месяц. Сегодня планка, по мнению GED Analytics, выросла до 90 тыс. руб. Банки не хотят рисковать и, как следствие, резко повышают процент-ные ставки. Так, еще летом ежемесячный платеж по ипотеке за стандартную квартиру 51 кв. м составлял в среднем 28,3 тыс. руб. С июля по декабрь при сравнительно невысоком на фоне кризиса росте цен на квартиры (в среднем 3 тыс. руб.) ежемесячный платеж вырос до 43,7 тыс. руб. [12].

Вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), директор Института современного развития Игорь Юргенс оценивает численность среднего класса в России следующим образом: «Четверть населения России соответствует различным критериям среднего класса, однако полностью под это определение подходят лишь 7% россиян».

25 декабря 2008 г. информационное агентство «Росбалт» сообщило: «Средний класс в России уменьшился на 20 млн. человек. Такой вывод сделали аналитики компании GED Analytics. Они подсчитали, что количество домохозяйств в России, способных взять ипотечный кредит, сократилось с 27 до 10%. «Теперь на ипотеку могут претендовать только домохозяйства с доходом более 90 тыс. рублей в месяц», — отмечают эксперты. Они полагают, что «именно домохозяйства, способные удовлетворять свои потребности в жилье, можно отнести к среднему классу, и именно они формируют основу развитой экономики».

По мнению экспертов, за несколько месяцев финансового кризиса более 20 млн. человек потеряли право относиться к среднему классу. «Кризис ипотеки является одним из признаков начавшегося вымирания среднего класса в России. В то же время в будущем положительные сдвиги на рынке ипотечного кредитования могут стать одним из признаков начала выхода из кризисной ситуации в российской экономике», — говорится в исследовании» [11].

Если от такого легкого дуновения кризиса, как повышение ставки ипотечного кредита, начинается «вымирание среднего класса в России», то придавать этой общности статус «опоры государства» и «социальной основы страны» нелепо. Политики и чиновники высокого ранга используют неадекватный понятийный аппарат, что не может не сказаться на качестве решений.

[1] В прессе культурный тип нынешнего среднего класса характеризуется, в частности, так: «В общественной жизни он проявляет инфантилизм и поверхностность. «Легкость мыслей необыкновенная». Именно этой хлестаковской «легкости мыслей» и обязана абсолютно бездеятельная партия «Яблоко» своим успехом у части избирателей «среднего класса». Вроде бы не может жить такая партия, а она живет! Есть у нее свои почитатели и адепты. Средний класс у нас явно тяготеет к наивным левым социальным либералам, этиким «легальным народникам» наших дней» [13].

22.01.2009. Возвращаясь к теме угроз.

Карта угроз

Все элементы общества, от отдельной личности до государства, всегда имеют более или менее явную доктрину безопасности. Ее выработка и обновление – одна из важнейших функций «общества знания». Эта доктрина всегда не вполне адекватна меняющейся обстановке, она дополняется в зависимости от ситуации актуальной информацией. Под любой доктриной безопасности лежит «карта угроз» - пригодный для привычного восприятия образ, моделирующий всю осознанную систему опасностей и рисков. Обычно эта карта явно и формально не представлена, воспринимается расплывчато и интуитивно, испытывает на себе все слабости человеческого сознания, склонного «заметать под ковер» неприятные и непонятные вещи. Карта угроз весьма инерционна, но при сильных сигналах может перестраиваться скачкообразно, вовсе не обязательно приближаясь при этом к адекватности. В стабильные периоды неясность карты угроз терпима. В моменты кризиса (который следует рассматривать как цепь переходов «порядок - хаос - порядок») происходит быстрый, не фиксируемый в сознании разрыв между этой инерционной «картой угроз» и новой реальной конфигурацией рисков. «Карта перестает соответствовать местности» и становится не просто бесполезной - она заводит в болото. В отличие от плохой теории, неверная карта не помогает упорядочить эмпирическое знание, а резко затрудняет этот процесс. Лучше не иметь никакой карты и составлять ее из наблюдений на местности, чем иметь негодную.

Таким образом, актуальной задачей следует считать выявление и «визуализацию» (представление в доступных для целостного восприятия зрительных образах) системы реальных опасностей - регулярное составление «карты угроз» с ее периодическим обновлением. Составление такой «карты» есть непосредственное обеспечение процесса подготовки и принятия решений, программирования, проектирования и выполнения конкретных действий по блокированию и предотвращению угроз и устранению ущерба от реализовавшихся опасностей.

Наука - получение достоверного знания о сложных объектах особыми методами, имеющими в ряде отношений большие познавательные возможности, нежели здравый смысл и опыт. Особенно важна роль науки в изучении причин, условий и симптомов быстрых неблагоприятных изменений типа отказов систем, катастроф, конфликтов. Накопленные в науке знания, навыки и методы исследования нестабильных и катастрофических состояний объектов любой природы - важный ресурс в обеспечении безопасности.

Какова готовность науки России к выполнению этой функции? В гл. 28 говорилось о том провале, который произошел в «знании власти» в сфере функции предвидения угроз и опасностей. Здесь выскажем предварительные соображения о том месте, которое будет занимать восстановление этой функции в проекте строительства «общества знания».

Современная Российская Федерация резко отличается от СССР по главным признакам, определяющим безопасность. РФ живет в пространстве, имеющем иную, нежели СССР, «карту угроз» - в целом, как систему, в том числе и в ее динамическом аспекте. Однако инерция старого представления об опасностях велика, и освоение новой «карты» идет на уровне интуиции, проб и ошибок, а главное, не системно, а по отраслевому принципу. Из-за нелинейного характера переходных процессов и большой инерции советских систем (технических, социальных, культурных) наблюдается недооценка риска обвалных отказов. Необходима междисциплинарная работа всей науки по составлению «карты» для России как системы.

Наука имеет язык и методы для описания и понимания двух принципиально разных состояний и процессов - равновесных, (стабильных) и резко неравновесных. По ряду причин политики, элита и общество в целом говорят и мыслят в понятиях равновесных состояний и процессов. Это резко сокращает возможности предвидения и понимания опасностей и уже реализовавшихся катастроф. Задача науки и органов безопасности государства -

срочно дать обществу и политикам язык и навыки мышления, адекватные нынешней реальности.

Особенность науки - развитые методы и процедуры рефлексии, анализа предыдущих состояний объекта и достоверности познания этих состояний на каждом этапе. Это - условие научного предвидения. В системе управления РФ и в обществе в целом за 90-е годы произошла глубокая деградация «культуры рефлексии», включая навыки, нормативную базу и материально-техническое обеспечение.

Наука должна была бы срочно восполнить эти провалы хотя бы в критических областях, чреватых наибольшими и срочными опасностями. На втором этапе надо связать эти очаговые или отраслевые программы в целостную программу анализа системы объектов, являющихся источниками рисков и опасностей (контуры ее наметил академик В.А. Легасов при анализе причин Чернобыльской катастрофы).

В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, научный экспресс-анализ состояния дел и тенденций приобретает критическое значение. В связи с этим приоритетной задачей всей науки должна быть также разработка методов диагностики неблагоприятных процессов в их инкубационном периоде, а также создание технологий для всеохватной диагностической деятельности. Поскольку самые фундаментальные процессы стали резко нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов, эффективный диагноз требует применения нового понятийного аппарата и даже новой системы мер, перехода к новым моделям описания систем и принятия решений.

И работники управления, и все общество склонны к линейным экстраполяциям нынешнего состояния на будущее. Значение критических, пороговых явлений и возникающей «за порогом» необратимости, в общем, недооценивается. Между тем, реализация рисков и опасностей развивается, как правило, по автокаталитическому, самоускоряющемуся механизму. Это развитие резко нелинейно, так что переход от спокойного и внешне стабильного состояния к катастрофе происходит неожиданно и очень быстро (биржевые кризисы – наглядный пример процессов этого типа).

Как правило, люди привыкли искать источники опасностей и рисков во внешней среде или в дефектах, поломках техники. В действительности многие сложные системы технической и социальной сферы содержат «взрывчатый материал» внутри себя, как необходимый собственный субстрат. Они обладают имманентным внутренним источником опасности. Она может реализоваться при процессах двух типов:

- сознательные структурные изменения системы, игнорирующие опасность или включающие ее в расчет как приемлемую (например, приватизация промышленности и земли, жилищно-коммунальная реформа, «монетизация льгот»);
- деградация системы в результате недостаточного поступления необходимых ресурсов (так разрушается двигатель при отсутствии масла в системе смазки).

Оба эти процесса в России идут с нарастанием их интенсивности.

Другой тип опасности для сложных систем - нарушение их нормального воспроизводства, возникновение в новом поколении столь глубоких мутаций, что изменяется сам тип системы, так что можно говорить об уничтожении предыдущего типа («гибели вида»). Это происходит при сознательном или по незнанию внесении в систему сильных «мутагенов», разрушающих «генотип» системы. Подобное изменение мы наблюдали в системе СМИ (особенно телевидении) и в системе образования (хотя в образовании процесс протекает более медленно из-за особого консерватизма школы, высокой устойчивости ее «генетического аппарата»). Глубокие и трудно предсказуемые изменения могут произойти в энергетической системе России после расчленения РАО ЕЭС и приватизации электростанций.

Механизмы возникновения, в условиях кризиса, потенциальных опасностей и пробуждения «дремлющих» источников риска пока не стали предметом научных исследований. Обобщая, можно сказать, что главной предпосылкой для катастроф является та зона неопределенности, где мы не знаем общества, в котором живем, мы не знаем техносферы, в которой живем и мы не знаем мира, в котором живем. Недостаток знания – важнейшая предпосылка к реализации потенциальных угроз.

В условиях кризиса эта зона неопределенности быстро расширяется, так как все системы начинают вести себя иначе, нежели в стабильном состоянии. Таким образом, в эти периоды резко повышается потребность в научном знании и соответствующей переориентации научной системы. С этой точки зрения имеющаяся сегодня в наличии система отечественной науки является недостаточной как по масштабам, так и по структуре. Тенденции изменения этой системы при продолжении происходящих в ней процессов являются в целом неблагоприятными. Это – фундаментальный источник нарастания опасностей и рисков.

Это задает особое направление в государственной научной политике, требует изменения системы приоритетов, организации работы и мотивации научных работников. Именно так был в кратчайшие сроки перестроен весь научно-технический потенциал СССР в преддверии Великой Отечественной войны. Сегодня адекватных изменений в отечественной науке в целом не произошло. Срочной, хотя и паллиативной мерой является создание ядра хотя бы небольшого научного сообщества, которое переключилось бы на деятельности по предвидению угроз.

Фундаментом для выявления «карты опасностей» служит определение сути происходящих в России и мире главных процессов и возникающих при этом противоречий. Пока все политики от этого уклоняются: либералы и ортодоксальные коммунисты трактуют происходящее в понятиях истмата, «государственники» - в державной риторике, не опирающейся на социальную реальность.

Вся карта опасностей для России будет кардинальным образом меняться в зависимости от того, по какому из альтернативных сценариев будет выходить из кризиса индустриальная цивилизация в целом. В настоящий момент ситуация определяется метафорой «цивилизация на распутье». Это - ситуация нестабильного равновесия. Как только оно будет сдвинуто в один из коридоров, станет возможным прогнозирование последствий и уточнение карты опасностей для России. До этого должны быть созданы и методически подготовлены научные структуры.

В этой проблеме есть еще один важный срез. Поскольку действия людей, обеспечивающие их безопасность, планируются и совершаются не в соответствии с реальной опасностью, а в соответствии с ее восприятием, само выявление в четкой и наглядной форме этого восприятия опасностей как разными социальными группами, так и структурами государства - необходимая и актуальная задача. Эта задача особенно важна в периоды нестабильности, тем более в моменты изменения фаз кризиса. В эти периоды представление об опасностях и неявная доктрина безопасности особенно сильно отрываются от реальности. Страх - плохой советчик, но особенно плохо, когда органы управления даже не знают, какова система страхов и что они «советуют» населению и политикам.

В настоящее время осмысление системы страхов и стихийной «доктрины безопасности» осуществляется интуитивно и часто даже подсознательно - без фиксации, анализа и рефлексии. Отдельные разрозненные, наскоком, опросы социологов никакой систематической картины, тем более в динамике, не дают. Необходим регулярный мониторинг объекта, который можно назвать «восприятие опасностей и система страхов». Масштабы работы определяются ресурсными возможностями, но уже систематический анализ опубликованных данных, проводимый одним человеком, был бы очень полезен.

Главная опасность часто заключается в том, что мышление и восприятие бывают резко неадекватны реальности. В первую очередь именно эту опасность должны были бы мягко устранять «бессильные» механизмы общества - интеллигенция, литература, Церковь. Эту работу они пока что делают неудовлетворительно (а во многом и способствуют искажению восприятия реальных опасностей, создавая «виртуальную реальность»). Здесь требуется привлечение научных сил и методов.

Относительно общего сдвига в «карте угроз» России можно предварительно сказать следующее. В самых общих чертах, на исходе «советского порядка» главные опасности виделись как «риски развития» (противоречия экологические, культурные, этнические и ресурсные). Сейчас на обозримый период главные опасности для России видятся как продукт совершенно непривычных и научным мышлением не освоенных процессов «перестройки цивилизации». Этот процесс охватил и Россию, и все мироустройство. Риски усугубляются тем, что эта перестройка, часто весьма грубая, ведется при полном отсутствии амортизирующих механизмов. Примерами таких угроз служит архаизация сознания целых народов и культур, возникновение новых типов войн, утрата правового сознания в обществе и правящем слое даже великих держав, возникновение виртуальной финансовой экономики («финансомики»), манипулирующей суммами денег, на два порядка большими, чем реальная экономика.

Первая, самая срочная задача для «общества знания» России - выявить те риски, находящиеся в пороговой области, которые способны породить разветвленные цепные процессы (обладают мультипликационным эффектом). Большой методологический задел для выявления и прогнозирования таких системных опасностей был создан во время изучения причин и последствий аварии на Чернобыльской АЭС, и в настоящее время следует вернуться к анализу методологии и выводов этой комиссии.

22.01.2009. О чувстве меры Правительства РФ /Капремонт жилых домов/

Как известно, с 2010 г. стоимость капитального ремонта жилых домов целиком возмещается самими жильцами. Средства на ремонт накапливаются из ежемесячных платежей собственников квартир, вносимых вместе с оплатой за услуги ЖКЖ.

Агентство «Вести.ру.» сообщило 23.12.2008: «Правительство РФ утвердило федеральные стандарты оплаты жилья и коммунальных услуг по России на 2009-2011 годы. ... Постановлением утвержден федеральный стандарт стоимости капитального ремонта. За один квадратный метр жилья в месяц россияне заплатят в 2009 году — 4,5 рубля, в 2010 году — 5 рублей, в 2011 году — 5,6 рубля».

Капитальный ремонт должен производиться через 25 лет эксплуатации. В настоящий момент около 2/3 городского жилищного фонда нуждаются в капитальном ремонте. Объем капитального ремонта, «отложенного» только за 1991-2004 годы, составляет 1,9 млрд. кв. м. Таким образом, практически все городское население России должно готовиться оплатить капитальный ремонт своего жилья. Сколько это стоит реально?

В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по РФ должна была составить 19,5 тыс. рублей за 1 кв. метр. Вероятно, эта смета завышена, но ремонтные предприятия будут на нее ориентироваться.

Как это согласуется с «федеральным стандартом стоимости капитального ремонта», который утвержден Правительством?

Жильцы вносят плату за ремонт из расчета 4,5 руб. за 1 кв. м. в месяц или 54 руб. в год или 1,35 тыс. руб. за 25 лет (в ценах 2008 г.). Это составляет 6,9% от стоимости ремонта,

которую потребуют подрядчики – или они будут сокращать перечень ремонтных работ, превращая капитальный ремонт в косметический.

Таким образом, государство отказывается оплачивать капитальный ремонт жилищного фонда страны, но не решается включить его реальную стоимость в счета на оплату услуг ЖКХ самими жильцами. Правительство бросает жилищный фонд на произвол судьбы, и он будет быстро ветшать, превращаясь в трущобы.

Приняв к исполнению это постановление и эту смету, местные власти выражают согласие с ними. А через 10 лет денег на ремонт окажется с гулькин нос - и кто будет нести ущерб? Население без ремонта, а местные власти - как ответственные за ЖКХ. Лучше добиться ясности с самого начала. Если у населения денег на ремонт нет, так и надо заявить сразу. Пусть правительство даст свой алгоритм добывания денег.

23.01.2009. Всем спасибо за поздравления.

Юбилей - фактор естественного отбора. Или искусственного?

23.01.2009. Предисловие к книге Аттали о Марксе. Аттали злодей, но книга интересная

Издание биографии Маркса, сконструированной Жаком Аттали, станет важным событием. Любая биография такого человека, как Маркс, есть важный манифест, полный явных и скрытых смыслов, актуальных сегодня. Тем более это справедливо для книги Аттали, который является не только знатоком, но и идеологом важных цивилизационных и геополитических доктрин современности. Биографию Маркса он писал не ради гонорара и не для кружков политграмоты поредевших марксистов. Надо было высказать несколько идей той огромной общности людей, которые осмысливают современность вместе с ее корнями, уходящими в марксизм.

Потребность разобраться в тех импульсах, которые Маркс дал бурным процессам XX века, велика независимо от того, какую позицию занимает человек размышляя об идейных, политических и социальных столкновениях. Много ошибок мы делаем просто потому, что не понимаем и даже не знаем, как мыслит человек по другую сторону баррикады. Написал о Марксе Жак Аттали? Надо его прочитать.

Это правильно, Аттали – умный человек, в его суждениях много смысла. Он к тому же хороший писатель, читать его интересно. Он, как сам признается, не марксист, но прильнул к Марксу, читает его и сверяет с ним свои мысли. Аттали пишет о Марксе: «Сегодня, хоть я и осознаю его неоднозначность и почти никогда не разделяю выводов его эпигонов, нет такой темы, в которую я бы углубился, не спросив себя, что об этом думал он, и не испытываю огромного удовлетворения, найдя его высказывания на эти темы».

Это признание, сделанное в самом начале книги, мне кажется очень важным и мудрым. Именно так! Размышляя о проблемах общественного бытия, очень полезно «проиграть в уме» тот анализ этих проблем, который проделал бы Маркс. Для этого вовсе не надо быть приверженцем Маркса, надо освоить суть его метода и применять его, как инструмент. Это очень хороший инструмент, и если ты знаешь его возможности и ограничения, то он тебе поможет и не заведет тебя в ловушку. Разумеется, одним этим инструментом обойтись нельзя, вопреки мнению многих марксистов. Книга Аттали поможет усвоить и эту мудрую мысль.

Нужно ли предисловие к такой книге? Нужно, именно потому, что Аттали – умный человек и умелый писатель. Предисловие – совет человека, уже испытавшего книгу на себе. Совет не обязательный, но может быть полезным. При чтении таких книг надо не забывать включать в своей голове аппаратик здорового скептицизма. А забываем очень часто и поддаемся внушению мыслей писателя или обаянию его стиля. Конечно, читать при включенном контроле не так приятно, но в подобных случаях надо.

Выше сказано, что Аттали сконструировал биографию Маркса. Это не упрек, иначе и быть не может. Жизнь Маркса (как и всех людей) – огромное множество событий и отношений с множеством людей. Это – сырой материал, из которого автор строит свою конструкцию. Он отбирает ничтожную долю крупниц из этого материала и соединяет их по собственному плану, заданному согласно целям и мотивам, которых не сообщают. Конечно, тупо подгонять богатство всего множества событий и мыслей под заданную схему нельзя, никто читать не будет. Надо делать хорошую оболочку, и качество ее зависит от мастерства.

Аттали – мастер. Раскручивая нить жизни Маркса согласно своему плану, он облачает ее в прекрасно сотканный контекст, сообщая читателю множество ценных подробностей об эпохе, быте, воззрениях, типе человеческих отношений. Быстрыми, короткими мазками он создает богатую, насыщенную красками картину, обладающую собственными достоинствами. Правда, нередко контекст «принижает» Маркса, уводит от него мысль. Иногда даже сожалеешь – бросил бы он Маркса, развил вот эту тему, так интересно он ее поставил.

Вот мелкий эпизод: отец Маркса, председатель коллегии адвокатов Трира, один из самых богатых жителей города, владелец виноградников, в письме выговаривает сыну-студенту: «Сейчас четвертый месяц учебного года, а ты уже просадил 20 талеров». Отец болен, при смерти, но велит сыну остаться в Берлине и не тратиться на поездку домой на Пасху. Так юный Карл не простился с любимым отцом, да и не приехал на похороны, а мать за это не выплатила его долю наследства. «Так начались в высшей степени сложные отношения Карла с деньгами, состоящие из поклонения и ненависти, которые вскоре доведут его практически до болезни», - пишет Аттали. Тему денег он делает одной из центральных в книге, давая ее в непривычном для нас фрейдистском ключе.

Вообще, эта биография представляет внутренний мир Маркса необычно для российского читателя – смело и даже жестоко, и в то же время с глубочайшим уважением к своему великому герою. Эти пассажи, конечно, окрашены сугубо личным восприятием самого Аттали, написанный им духовный портрет Маркса никак нельзя принимать за фотографию, но книге это придает очарование.

В 1993 г. вышла другая биография Маркса («Сага о семействе Маркс»), испанского писателя Хуана Гойтисоло – книга высокохудожественная, написанная с большой страстью и горечью от исторического поражения коммунистического проекта. Интересно сравнить ее с книгой Аттали – те же эпизоды той же жизни, но освещенные светом разных мировоззрений и разных этических систем. Аттали – певец глобализации и буржуазного духа, Гойтисоло отвергает вестернизацию и власть денежного мешка. Оба находят у Маркса духовную и интеллектуальную опору. И оба в этом правы. С таким же правом черпали в Марксе свою силу и Сталин, и Троцкий. Понять это нам сегодня было бы очень полезно. Тут не о Марксе речь, а о способности осваивать сложную реальность, умея отделять ценность знания и идей от идеологических упаковок.

После этих общих вводных слов скажу о некоторых узловых моментах книги, о которых я хотел бы предупредить читателя, опираясь на собственные впечатления. Предисловие – не рецензия и не критическая статья. Это «пометки на полях», без аргументов и систематического анализа.

Аттали сопровождает биографию Маркса, как описание его жизни, параллельным изложением идей, выводов и установок Маркса, соответствующих каждому моменту. Это «эманация» Маркса, развивающийся во времени образ, который и делает Маркса героем книги. По словам автора, «ни один человек не оказал на мир большего влияния, чем Карл Маркс в XX веке». Но влияние Маркса определялось именно идеями. Как видно из книги, остальные виды деятельности Маркса (как редактора газеты, политического организатора,

пастыря единомышленников или отца семейства) не были успешными. Слишком часто они вели к явному провалу, нередко трагическому.

Маркс очевидно был гениальным человеком, со многими аномальными чертами, которые делали сотрудничество с ним для многих нормальных людей просто невыносимым. Книга полна такими примерами, которые Аттали приводит с большим тактом и сочувствием, но все же называя вещи своими именами. Не раз в книге повторяются выражения такого типа: «Маркс разрушает то, чему поклонялся еще несколько дней назад, выказывая крайнюю жестокость и бесконечную неискренность...». Удивительно то, что Маркс выказывал это отношение и к врагам, и к единомышленникам, и к самым близким любимым людям. Он разрушал не только то, чему поклонялся, но и то, что создавал своим титаническим трудом.

Здесь, кстати, Аттали вступает в противоречие. Он причисляет Маркса к «таким вот редчайшим людям, которые предпочли удел обездоленных отщепенцев, чтобы сохранить свое право мечтать о лучшем мире, тогда как все дороги «во власть» им были открыты». Никак нет, всякая дорога «во власть» Марксу была закрыта именно той «крайней жестокостью и бесконечной неискренностью», с которой он относился к людям. Преодолевать или изживать это свойство Маркс не собирался. Как и многим другим гениям, ему был уготован удел обездоленных отщепенцев, и он этот удел принял с полным осознанием своей гениальности.

Аттали холодно, как будто производя психологический эксперимент над читателями, описывает эпизод из жизни Маркса, который обычно опускался благожелательными биографами. Речь идет о том, что у Маркса был сын. Он родился в 1851 г. у служанки Хелен Демут (Ленхен). Ее прислала мать Маркса, которая и платила ей жалованье. Ленхен была абсолютно предана семье Маркса и прожила в ней до его смерти. Энгельс признал мальчика своим ребенком, и за счет Энгельса его отдали кормилице. Перед смертью Энгельс признался, что отцом ребенка был Маркс. Маркс ничего не сделал для ребенка, Энгельс не желал его видеть, а дочери Маркса после смерти отца считали его своим сводным братом. Сам он был рабочим, социалистом. По сведениям Аттали, он ничего не узнал о своем происхождении, хотя подружился с дочерью Маркса Элеонорой. В 1877 году Маркс встретился с ним и попросил просочиться на собрания сторонников Бакунина, выведать их планы. Это печальная история, и Аттали возвращается к ней неоднократно, добавляя подробностей, которые нагоняют тоску. Кстати, Гойтисоло тоже обсуждает этот эпизод, но удивительно человечно. В любом случае, от этой истории исходит какой-то страшный холод.

Плодами созидательного труда Маркса были не дела среди людей, а идеи, заключенные в словах и текстах. При этом он чрезвычайно трудно расставался со своими текстами, которые были для него как дети – он их «выращивал», непрерывно что-то добавляя. Для него большой проблемой было отдать их в печать. В ряде мест Аттали утверждает даже, что вся концепция отчуждения, которую многие считают важнейшим достижением в философии Маркса, родилась из того страдания, которое ему причиняла необходимость отдать свой текст, расстаться с ним (по словам Аттали, Маркс переживал неизбежность «позволить отнять у себя произведение. Из этого Маркс заключит, что любой труд – отчуждение... Он, с величайшим трудом решавшийся отдать рукопись издателю, как раз и увидел основу отчуждения в разлучении человека с плодами своего труда»).

В связи с этим Аттали подмечает очень важную особенность Маркса как мыслителя – устойчивость его идей. Мы привыкли, после наших курсов марксизма, различать «раннего» Маркса, «зрелого», «позднего». Мол, изменялась общественная реальность, накапливалось знание, новые воззрения вытесняли прежние – так обычно бывает (примером такого развития взглядов был для нас Ленин). Сейчас, когда из-за нашего кризиса возникла необходимость проследить развитие некоторых представлений Маркса в «сплошном» по-

рядке Полного собрания сочинений, думаю, многие наши исследователи были поражены этой совершенно уникальной особенностью. Совокупность «ядерных» идей Маркса была как будто свыше запечатлена в разум молодого Маркса и прошла через всю его жизнь, не меняясь в своей сущности. Эти идеи со временем проступали резче, он их дорабатывал, менял форму изложения, расширял аргументацию. Но это были те же идеи, он их лелеял. Он действительно был пророк и не изменил той вести, которую должен был нести человечеству.

Аттали, на мой взгляд, не дал верного образа этого «ядра» идей Маркса, он глядел на эту структуру под своим углом зрения, как идеолог современного западного капитализма и глобализации. Да и книга эта – не научная монография, многие вещи он упрощал, многие сложные проблемы, которые не втискивались в его конструкцию, просто отбрасывал. Аттали, правда, пишет: «Сегодня, когда коммунизм, похоже, навсегда стерт с лица земли, а идеи Маркса – уже не ставка в борьбе за власть, становится, наконец, возможно поговорить о нем спокойно, серьезно и, стало быть, объективно». Но содержание книги, скорее, опровергает это обещание. Даже наоборот, кажется, что на Западе гораздо больше, чем в России, опасаются нового появления Призрака коммунизма, уже с новым идейным арсеналом, но все же связанного с Марксом нитями, которые пока что не позволяют говорить о его идеях «спокойно и, стало быть, объективно»[1].

Объективное представление Маркса требует взгляда на него не только из Запада (это, конечно, необходимо), но и из тех культур и цивилизаций, где Маркс, согласно его учению, не должен был бы быть принят, но где он как раз был принят и на целый исторический период стал знаменем. Что же такого было в учении Маркса, чего сам Маркс не понял (точнее, не принял), но что приняли и использовали сотни миллионов человек в России, Китае, Индии – и далее по всему миру по всем крестьянским странам. Чтобы объективно представить Маркса, надо было «спокойно и серьезно» объяснить, что из него взял, а что отверг русский коммунизм на всех его этапах – Ленина, Сталина, ... Горбачева. Что взял и что отверг китайский социализм и коммунизм – и на этапе Сунь Ятсена, и на этапе Мао Цзедуна и Дэн Сяопина.

Все это случаи очень разные, но есть в них и нечто общее, что можно было бы вычленить. Весь марксизм XX века («после Маркса») Аттали изложил скороговоркой в последнем разделе книги, и этот текст сильно уступает основным разделам, посвященным собственно Марксу. Представление революций в России и Китае и последующего развития этих стран носит чисто формальный, местами карикатурный характер. Оно составлено из старых «антитоталитарных» штампов, которые российскому читателю, пережившему перестройку и антикоммунизм 90-х годов, покажутся пресными.

Но авторов надо не упрекать за то, чего они не сделали, а благодарить за сделанное. Аттали сделал, насколько позволяло место и его угол зрения, выборку из идей Маркса, и сделал хорошо. Это не формальный обзор, а продуманное и краткое изложение сути. Есть некоторый дисбаланс в пользу политэкономии и, на мой взгляд, ненужная попытка кратко пересказать «Капитал». Она не поможет тому, кто «Капитала» совсем не читал, и ничего не даст тому, кто читал. Но это несущественно по сравнению с той ценностью, какой обладают данные Аттали четкие формулировки тех положений Маркса, которые были отвергнуты «социалистическими» революциями в незападных странах, а затем «спрятаны в спецхран» в официальном марксизме, который для этого был подвергнут «вульгаризации».

Сегодня в России прятать их не надо и вредно. Они послужили важным идеологическим оружием перестройки и реформы, и если бы раньше были подвергнуты осмыслению и «спокойному серьезному» обсуждению, то этого оружия разрушители СССР были бы лишены. Аттали прекрасно сформулировал главные положения «антисоветского марксиз-

ма». Стоит их процитировать, хотя сам Маркс изложил их гораздо мощнее, эмоциональнее и с большой художественной силой.

Вот некоторые формулировки Аттали, без комментариев:

Маркс «никогда и не мечтал об агонии капитализма и не мог предполагать, что социализм возможен в одной отдельно взятой стране, наоборот: он отстаивал свободную торговлю, приветствовал глобализацию и предвидел, что если революция и произойдет, то лишь как выход за рамки капитализма, утвердившегося повсеместно...

В нем сошлось воедино всё то, что составляет сущность современного западного человека...

Участь его трудов показывает, как, стремясь к самой лучшей мечте, можно стать основоположником самого худшего варварства...

Капитализм – обязательное предварительное условие коммунизма... Мировой капитализм – необходимое предварительное условие для коммунизма, который станет возможным лишь благодаря восстанию против господствующей идеологии в завершающей фазе капитализма, ставшего мировым. Он установится как общепланетная система и будет претерпевать постоянные перемены, стремясь к большей индивидуальной свободе...

Он [Маркс] пишет самые яркие страницы, когда-либо опубликованные во славу буржуазии, которые и сегодня еще стоит читать и перечитывать... Маркс воспекает пророческую хвалу грядущей глобализации... Мировой дух [Маркс], в очередной раз размышляя о глобализации, уже подталкивает к ней Азию, позиционируя капитализм как освободителя народов... Следовательно, нужно ускорить повсеместное распространение капитализма, способствовать глобализации и свободной торговле...

Наконец, коммунизм может быть только всемирным... Маркс решительно против всякой революции в странах, где капитализм и демократия еще недостаточно развиты; он полагает, что революционное сознание рабочего класса может зародиться только в рамках парламентской демократии. Читая эти строки, можно понять, почему он никогда не поверит в успех коммунистической революции в России...

[1] Аттали сам себе противоречит, признавая: «Сегодня, когда политические режимы, ссылающиеся на марксизм, почти полностью исчезли с лица земли, намечаются новые узурпации такого типа. Поэтому теперь как никогда важно понять, каким образом Карл Маркс... и т.д.»

23.01.2009. Предисловие к книге Аттали. Часть 2

В глубине души Карл всегда ненавидел труд, и не скрывал этого, с самого начала своих исследований назвав его главной причиной отчуждения, выходящего далеко за рамки капитализма. Он никогда не отстаивал право на труд, на полную занятость, — и борьба трудящихся за эти ценности казалась ему лишь способом увеличивать отчуждение». В этих формулах – главная идеологическая весть книги Аттали. Он не искажил установки Маркса, скорее даже смягчил. Так, Маркс не просто «не верил в успех коммунистической революции в России», а считал такую революцию реакционной, поскольку она привела бы к «казарменному коммунизму» и повернула назад колесо истории.

Аттали призывает следовать составленному им катехизису марксизма и обещает за это наступление того светлого будущего, которое пророчил Маркс. Вот что он пишет в заключительных строках книги: «Исчерпав возможности товарного преобразования социальных отношений и использовав все свои ресурсы, капитализм, если он к тому времени не уничтожит человечество, сможет перейти в мировой социализм. Иначе говоря, рынок сможет уступить место братству... что произойдет не через осуществление власти во все-

мирном масштабе, а через перемену в умах – «революционную эволюцию», столь дорогую Марксу. Через переход к ответственности и бескорыстности. Каждый человек станет гражданином мира, и мир, наконец-то, окажется созданным для человека» (выделенная мною оговорка очень существенна – С. К-М).

Надо заметить, что, говоря о марксизме XX века, Аттали умалчивает о том, что центральная догма классического марксизма о «мировом капитализме как общепланетной системе» была признана нереализуемой уже в самом начале XX века. К тому времени стало очевидным, что капитализм развивается как система, построенная по принципу «центр-периферия». При этом периферия в целом (сначала колонии, потом «третий мир») не может повторить путь, пройденный метрополией. Ее ресурсы как раз и становятся материалом для строительства метрополии. Невозможность выполнения этого пункта в модели Маркса лишают силы и все остальные. Скорее всего, численность людей, не согласных дожидаться, пока капитализм уничтожит человечество, будет расти. А значит, будет сокращаться численность тех, кто поверит Аттали – даже при всем уважении к Марксу.

Пожалуй, стоит отметить два-три момента в книге, которые вызывают несогласие. Аттали представляет Маркса крайним рационалистом. Он пишет о молодом Марксе: «Знание предшествует этике. Социальный анализ должен быть в первую голову рациональным и объективным, а уж после — нравственным. Карл не забудет этого наставления».

О такой установке можно говорить лишь как об иллюзии рационального мышления. Знание (но не социальное) может быть к какой-то мере отделено от этики, но не может ей предшествовать, человек – существо общественное, а общество собирается этикой, и человек не может ее «стереть» из сознания. Социальный анализ, предметом которого является человеческое общество, по определению не может быть вполне объективным, поскольку любое представление о человеке включает в себя моральные ценности, иррациональные и не формализуемые на языке знания.

Если же говорить конкретно о Марксе, то в его учении с самого начала были сильны, по выражению С.Н. Булгакова, «крипторелигиозные мотивы». Именно эта идеальная (иррациональная) сторона учения Маркса и определила столь широкий отклик, который оно получило в традиционных обществах, прежде всего, в России. Именно эта сторона органично сочеталась, как выражался Вебер, с русским крестьянским общинным коммунизмом. «Капитала» русские рабочие и крестьяне не читали, он интересовал больше буржуазию и западников (либералов и меньшевиков).

Второй момент – то преувеличенное значение, которое Аттали придает еврейской теме в жизни Маркса. Видимо, эта тема важна для Аттали и той аудитории, к которой он обращается в первую очередь. Большинство читателей в России, думаю, специфического интереса к этой теме не имеют, придаваемый ей особый вес их может дезориентировать. Если взять труд Маркса в целом, то видно, что Маркс действительно ощущал себя, выражаясь словами Аттали, «мировым духом». Его очень мало волновала исходная детская принадлежность к еврейству. Вряд ли он придавал значение событию, которое Аттали отмечает как важное: «В 1827 году скончался Самуил Маркс Леви, трирский раввин, брат Генриха и дядя Карла. Впервые за несколько веков городской раввин уже не будет членом их семьи».

Сам же Аттали признает: «Иудаизм для Карла – возможность ввести рациональное в христианское государство. Впервые он отваживается заявить о том, что ненавидит иудаизм; вскоре он объяснит, почему... Покончив с иудейством, можно будет обрушить одновременно христианство и капитализм, основу которых составляет еврейство. Ведь поскольку основой всего является еврейское самосознание, избавившись от него, можно будет избавиться от вытекающего из него христианства и пришедшего на его плечах капитализма».

Думаю, в познавательном плане не принесет пользы осовременивание той научной картины мира, на которой строил свою концепцию Маркс. Аттали пишет: «Как много общего у теории естественного отбора (приводящей к мутации видов живых существ), теории классовой борьбы (приводящей к изменению социальной структуры общества) и еще одной великой теории XIX века – теории термодинамики (приводящей к изменению состояний материи)! Во всех трех говорится о ничтожных вариациях и мощных скачках; о времени, утекающем необратимо – к хаосу, как говорил Карно; к свободе, как говорит Маркс; к приспособлению наилучшим образом, как говорит Дарвин. Приспособиться к хаосу свободы – вот что объединяет Карно, Маркса и Дарвина, трех гигантов этого века».

Здесь исторический материализм Маркса предстает почти как синергетика с ее бифуркациями, хаосом и аттракторами. Это для темы книги – не более чем смелая метафора, а поверившего в нее читателя она может толкнуть на ошибочный путь. Исторический материализм Маркса имеет своим основанием механистический детерминизм, что и сделало его неадекватным во время кризиса ньютоновской картины мира в начале XX века.

Маркс не принял второго начала термодинамики – взяв у Карно идею цикла идеальной тепловой машины для разработки концепции цикла воспроизводства, он, как и Карно, не включил в свою модель «топку и трубу». Он сознательно отказался связать свою политэкономия с экологией, что предлагал ему С.А. Подолинский. Механицизм исторического материализма затруднил для Маркса понимание политэкономии крестьянского двора, что в конце жизни его очень беспокоило (Аттали пишет: «Маркса всю жизнь будет преследовать крестьянский вопрос, столь важный из-за количества сельского населения и столь сложный для включения его в модель капитализма из-за крестьянского мировоззрения и самой природы сельского труда»).

В этом – гносеологическая причина поразительно непримиримого конфликта Маркса с русскими народниками и отрицание будущей советской революции, образ которой он предвидел с удивительной прозорливостью. Для книги Аттали все это неважно, а для понимания роли Маркса в драме русской революции имеет первостепенную важность.

Размышления Маркса в связи с русской революцией представлены в книге Аттали неудовлетворительно (думаю, и с точки зрения западного читателя). Эти размышления – важный этап в жизни самого Маркса, этап сомнений на пороге смерти. Его выбор сыграл большую роль в расколе марксистов тех стран, где произошли революции, прежде всего, в фатальном расколе русских социалистов, который толкнул к Гражданской войне.

Аттали вскользь касается последней стадии конфликта Маркса с народниками, представив первую его стадию (конфликт с Бакуниным) как тривиальную интригу. Он пишет: «В важном чрезвычайно обдуманном (сохранилось три черновика), письме, написанном в это время [1881 г.] русской революционерке Вере Засулич, Маркс пришел-таки к выводу о возможности в России прийти к социализму минуя стадию капитализма... Именно за это письмо – и только за это письмо – уцепятся те, кто вознамерится построить коммунизм «в одной отдельно взятой стране» вместо капитализма, а не после него. Мы увидим, что два года спустя Маркс внесет уточнение, как бы предвидя такое толкование: революция в России может иметь успех только в рамках мировой революции».

И фактологически, и тем более по сути представление Аттали ошибочно. На просьбу Засулич высказаться о судьбе русской крестьянской общины Маркс написал четыре (!) варианта ответного письма (не считая короткого предварительного ответа 8 марта 1881 г.). Все они очень важны, в них отражены глубокие раздумья и сомнения Маркса, и он действительно склоняется к признанию правоты народников. Три наброска – целые научные труды (первый составляет 15 машинописных страниц).

Но дело в том, что ни один вариант ответа Маркс Вере Засулич не отослал! Слишком в большое противоречие с теорией входили эти ответы. Они настолько противоречили док-

трине Маркса, что и сам он не решился их обнародовать. Черновики письма Маркса были большевикам неизвестны и никакого влияния на «намерение построить коммунизм в одной отдельно взятой стране» оказать не могли. Тут Аттали дал маху – не такие вещи определяли ход русской революции.

Какой же революции ожидал Маркс от России? Ограниченной революции «направленного действия» как средства ослабления, а лучше разрушения Российской империи, которая в глазах Маркса была «империей зла». Если взять всю совокупность суждений Маркса о русской революции, начиная со спора с Бакуниным, то его отношение к ней сводилось к следующему: он поддерживал революцию, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю; он категорически отвергал рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных цивилизационных основаниях, без повторения пройденного Западом пути. Грубо говоря, взглядам Маркса отвечала Февральская революция 1917 г. и противоречила Октябрьская революция.

Книга Аттали, будучи интересной биографией Маркса, есть в то же время «шаг вперед, два шага назад» к спокойному серьезному разговору о влиянии идей Маркса на ход исторического развития в XX веке и сегодня. Надо надеяться, что она побудит нас сделать и следующие шаги вперед.

24.01.2009. Возвращаемся к структурам повседневности. Лягушка и МГУ

Вечером 1 мая на радио «Эхо Москвы» прошла важная, на мой взгляд, передача. Ведущий Ганопольский замаскировал главный ее смысл, но уши торчат. Он якобы случайно наткнулся в Интернете на обращение студента биологического факультета МГУ Романа Белоусова, который попросил «Эхо» помочь ему донести до общественности информацию о его конфликте с МГУ.

Трудно поверить в это «случайно наткнулся», поскольку уж и по телевидению прошел сюжет об этой тяжбе студента, и международный резонанс она уже получила. Для «Эха Москвы» пропустить такую коллизию было никак нельзя. Нам тоже надо ее обсудить, за ней стоят, мне кажется, широкие планы. Суть дела такова. В 2002 г. Роман поступил на биофак МГУ, решил стать микробиологом. Учился отлично, но на третьем курсе надо было проходить практикум по курсу «физиология животных и человека», а в нем есть задача по изучению нервно-мышечного аппарата, в которой надо препарировать лягушку. Его убеждения не позволяют ему причинять боль животному, и он отказался выполнять эту задачу, попросив факультет обучать его по индивидуальному плану, исключающему опыты на лягушках.

Факультет его просьбу не удовлетворил, и он затеял с ним тяжбу. Написал массу заявлений в деканат, ректору МГУ, в прокуратуру, подал иск в суд, а также в международные организации. Попутно он собрал массу документированной информации о том, как поставлены подобные задачи в университетах США и Евросоюза с помощью сертифицированных методик математического моделирования на компьютере. Вся эта деятельность привела к тому, что он, вместо получения в этом году диплома биолога, так и остался на третьем курсе. Видимо, его не исключают из МГУ, чтобы не влипнуть в историю, но и не переводят на следующий курс, т.к. он не выполняет учебный план.

Согласно его рассказу на «Эхе», декан и ректор МГУ отнеслись к нему нечутко (не ответили на его письма), а главное, нарушили его гражданские права, за что он и стал судиться с МГУ. Побочно он пытался убедить, что изучать лягушку микробиологу не нужно, но приглашенные на радио эксперты этот довод легко отвергли. Биолог есть биолог, ему необходимы минимальные навыки работы с реальными биологическими материалами, причем работы собственными руками, а не виртуальной. Эти навыки и так у нынешних выпуск-

ников резко ухудшились из-за нехватки у вузов денег на опыты. Биофак МГУ смог выкроить средства на лягушку, и заменить опыт с ее лапкой игрой на компьютере нельзя.

Да, в США лягушек режут под наркозом, американским лягушкам не больно. Есть и международная конвенция на этот счет, которая, как сообщил Роман в международные организации, в МГУ нарушается. Международные организации шлют запросы в МГУ, а проректор по учебной части простодушно отвечает, что в МГУ все в рамках международного права, лягушки находятся под охраной законов Российской Федерации. На «Эхе» эта «беспрецедентная дезинформация» разоблачена. Видимо товарищ проректор недооценил замысла «обычного студента» и попал в ловушку. Это, кстати, делает понятным, почему декан и ректор не дали Роману никаких письменных ответов – затаскал бы он их по страсбургским судам.

Все это выяснится на «Эхе» как бы между прочим, ведущий взывает к слушателям с якобы главным вопросом: имеет или не имеет студент право требовать для себя индивидуальный учебный план, если нравственные убеждения не позволяют ему «учиться как все»? Тут он даже Ельцина помянул – мол, умер поборник свободы и вот, слушатели лениятся поддержать студента в его борьбе против системы. Слушатели в ответ стали звонить на радио – 85% поддержали Романа, «выбрали свободу».

Я же вижу в этом вроде бы мелком эпизоде модель большой и потенциально очень опасной операции против России, даже целой военной кампании. Доктрину ее можно назвать «интернационализация внутренних конфликтов в России».

Эта доктрина основана на том, что Россия, уничтожив защищающую ее броню СССР, с энтузиазмом ринулась в «клоно мировой цивилизации». Первым делом ельцинская бригада оформила признание Россией приоритета международных норм права над национальными российскими нормами – и тут же подписала целый пакет всевозможных конвенций и хартий, в том числе защищающих права лягушки.

В действительности, Россия по ряду причин (тем более в ее нынешнем состоянии) не может выполнить очень и очень многие обязательства, вытекающие из этих конвенций. Не может, хоть тресни. Но покуда Ельцин радовал друга Гельмута игрой на деревянных ложках, эту слабость России Запад не использовал. А между тем она позволяет начать широкомасштабную изматывающую кампанию буквально против всех систем нашего государства.

На деле ни одно государство не выполняет всех международных норм, как и вообще ни одно ведомство не может выполнить всех норм и инструкций – это парализовало бы его работу. Но использовать это обстоятельство можно только против слабых – против слабых предприятий профсоюзы организуют забастовки в форме «работы по инструкциям», против слабых государств – в виде судебных исков и кампаний в прессе. Слабых можно просто задуть этими мелкими укусами, как мошकारа заедает увязшую в болоте лошадь.

Вот, МГУ нарушает конвенцию о правах лягушек. Да, надо бы модернизировать практикум, обеспечить лягушкам сертифицированную анестезию. Но на это нет денег! Каков выбор? Стать объектом порочащей кампании в западной прессе и во всяких трибуналах – или убрать из учебного плана необходимую для биологов практику. Мелочь? Да, если бы она была одна, и если бы Роман Белоусов был один. А на деле таких мелочей бесчисленное множество, и, вероятно, множество таких студентов, аспирантов и профессоров уже рыщет в их поисках и собирает документы для международных организаций. Возможно, раз уж скандал разгорелся, МГУ снимет средства с какого-то другого участка и финансирует службу анестезии лягушек в практикуме.

В конкретном практикуме биофака это, скорее всего, будет прогрессом. А в целом это будет означать, что центр принятия решений о том, как МГУ должен распоряжаться своими средствами, перемещается из МГУ в неведомые международные организации. Масса та-

ких маленьких (и в каждом случае даже «прогрессивных») сдвигов на деле и есть утрата суверенитета. В этом и заключается главная суть конфликта.

Роман потратил два лучших в жизни студенческих года – в МГУ! – ради тяжбы со своим факультетом. Возможно, в деканате с ним работали действительно нечутко и неуклюже (хотя из передачи никакого вывода сделать нельзя – одни недомолвки). Однако я из опыта долгой жизни знаю, что если студент по-хорошему объясняет свою проблему, просит помочь ему и «не лезет в бутылку», то решение проблемы находится. Не заполнены все посты в МГУ тупыми самодурами! Но даже если бы нашла коса на камень, никогда раньше невозможно было бы представить себе нашего студента, даже самого мятежного, который стал бы жаловаться на МГУ в международные организации. Взял бы, да перешел из МГУ в другой вуз, где не надо резать лягушку.

Мы свидетели качественного изменения ситуации. Раскрытие России, совершенное режимом Ельцина в 90-е годы «наверху», сделало беззащитными перед угрозами извне все клеточки государственного организма. Мало того, возник рынок осведомителей, новые возможности для шантажа и коррупции. Раньше подкупали ревизора из ОБХСС, а теперь – из ОБСЕ. Расценки совсем другие.

Возможности этой новой технологии изматывания России почти беспредельны. Вот одна из таких сфер – сертификация отечественных товаров по западным стандартам. Это, мол, необходимо для продвижения их на западный рынок. Конкурентоспособность превыше всего! А что на деле? Западные службы вводят в стандарт применение какого-то нового метода для анализа содержания в продукте некоего компонента. Для этого метода нужен новый прибор, выпускаемый западными фирмами, причем весьма дорогой. И продукция наших предприятий сразу перестает соответствовать принятому стандарту – пока предприятия не купят эти приборы и не освоют новый метод анализа. Но пока они его освоют, в стандарт вносится новое изменение. И вместо того, чтобы поставлять нужный нам продукт на наш отечественный рынок по собственному ГОСТу, мы парализуем производство.

В 1998 г. в огромном томе пояснительных документов к проекту государственного бюджета, поданному в Госдуму, я прочитал записку, которая меня потрясла. Я не мог ее копировать и излагаю суть. В ней сообщалось, что в конце 80-х годов в РСФСР был закуплен на Западе целый ряд технологических линий, в полном комплекте, для производства лекарств. Были построены цеха, установлено оборудование и налажено производство. Речь шла о большом ассортименте лекарств. Но в середине 90-х годов фирмы-поставщики ввели в стандарты контроля качества новые методы с использованием новых приборов. Эти методы не имели никаких преимуществ перед старыми, никак не влияли на качество продукта, но без них наши заводы не имели права выпускать эти лекарства, и все это производство было остановлено. Далее шла просьба о выделении бюджетных средств на закупку нового оборудования для заводских лабораторий. Новенькие, с иглолочки, заводы стояли, а мы импортировали лекарства по стократной цене. Теперь и заводы эти не наши.

Но это же общая модель! Об этом все время идет речь в дебатах о вступлении в ВТО. Все ее нормы так и сформулированы, чтобы можно было разорить предприятия любой слабой страны за неизбежные нарушения этих норм. Российским предприятиям будет просто не по карману содержать такие же мощные юридические службы, как созданные транснациональными корпорациями для разорения конкурентов. Ни о каком суверенитете тут и речи не будет идти, придется сдавать свою промышленность на милость глобальных воротил.

Недавно в МГУ прошел (совместно с Советом Федерации) форум под названием «Россия сосредоточивается». Как красиво звучит! А лучше бы вспомнить, что сосредоточение требует прежде всего некоторой степени закрытости. Пусть бы ректор МГУ на этом форуме рассказал, каково ему вести тяжбу о правах лягушки – российским сенаторам полезно было бы послушать.

2007

26.01.2009. Интервью в газете "Правда" /О Ленине, о советском человеке/

<http://www.gazeta-pravda.ru/pravda/pravda.html#Никому%20не>

Правда 23—26 января 2009 года

Профессор Сергей КАРА-МУРЗА в диалоге с обозревателем “Правды” Виктором КОЖЕМЯКО

В. Кожемяко:

В. Кожемяко: По-моему, совершенно очевидно, Сергей Георгиевич, что нагнетание в обществе этой крайней неприязни к идеям, делу, самому имени Ленина связано со стремлением во что бы то ни стало наконец закопать его. И в переносном, и в буквальном смысле. То есть максимально скомпрометировать всё, что он внёс в бытие нашей страны и мира, а тело, покоящееся в Мавзолее на Красной площади, предать, как они выражаются, земле. Не потому ли, что ленинский Мавзолей — один из символов ненавистной для них советской эпохи, саму память о которой они тоже хотели бы закопать?

— Здесь у вас не один вопрос, а несколько. Прежде всего, наверное, надо определить, кто это “они”.

В. Кожемяко: Конечно, нынешняя власть.

— Но власть — это верхушка айсберга. Она ведь имеет под собой определённую социальную базу, мировоззренческую основу. Ясно, что это какая-то влиятельная часть российского общества...

Я бы сначала даже поставил вопрос так: почему именно сейчас возникла такая непримиримая и глубокая ненависть ко всему, что представляет собой Ленин? Её ведь не было ни в двадцатые, ни в тридцатые годы, ни даже во время Гражданской войны. В общем-то, до сравнительно недавнего времени Ленин как мыслитель, политик, мастер административного управления во всём мире признавался как одна из крупнейших фигур. А уж в России, если судить по тому, что ему удалось сделать, это, конечно, был один из безусловных символов русского ума, русской воли, русской работоспособности. Что говорить, для нас это была национальная гордость!

В. Кожемяко: Была? Я думаю, Ленин таковой и остаётся. Но это — для нас.

— Верно. Вот и вопрос: кто такие мы и кто такие они? И почему эти “они” где-то полвека таились, в каких-то катакомбах?

В. Кожемяко: Да потому, что им не давали возможности говорить.

— Правильно. Однако не только. Они ещё были слабы и, даже скажу так, по-настоящему не вполне понимали, что такое есть Ленин. И вот именно только теперь, когда мы потерпели поражение, они до конца это поняли. Ныне уже совершенно ясно, что их ненависть является действительно фундаментальной, не конъюнктурной и абсолютно антагонистической.

В. Кожемяко: Классовая ненависть к своему классовому врагу.

— Я бы сказал, это явление духовного порядка. Конечно, есть прагматический и политический интерес: чтобы им удержаться у власти, надо этого врага уничтожить или хотя бы на время его влияние заглушить. Но здесь ещё есть ненависть духовная, мировоззренческая.

В. Кожемяко: Это очень ощущается сегодня...

— Такие грандиозные явления мирового масштаба, как русская революция, означают столкновение огромных сил, и речь тут шла по существу о вселенском проекте — как надо жить. Этот вопрос относится к категории мировоззренческих и уходит корнями даже в религиозное представление — о человеке и справедливости, о добре и зле.

В. Кожемяко: Да, масштаб воистину колоссальный!

— Русская революция, руководимая Лениным, открыла ворота к новому типу жизни человека на земле. И в эти ворота вышел на историческую арену новый культурно-исторический тип — советский человек.

В. Кожемяко: В труде вашем “Советская цивилизация” много внимания уделено этой теме — новому человеку. А враги придумали для него оскорбительно-уничтожительное словечко “совок”...

— И мы, и наши враги примерно одинаково можем его описать. Но вот оценки разные, отношение разное.

Возьмите ряд видных фигур, которые исторически представляют тип советского человека, — скажем, Стаханов, Шолохов, Уланова, Жуков, Гагарин... В них в концентрированном виде можно узнать наиболее характерные черты советского человека. Это коллективный портрет человека, прoderжавшего на себе страну почти весь XX век!

Он произвёл культурную революцию, индустриализацию, выдержал и выиграл величайшую войну, а затем послевоенное восстановление. Потом он стал постепенно слабеть. Появился Хрущёв, началось долгое отступление...

Так я вижу столкновение, которое произошло в нашей стране. И кто же стал главным противником советского человека? Тоже культурно-исторический тип, который таился в недрах российского общества. Это — стяжатель, вор, ничтожный в смысле творчества человек, ненавидящий труд.

В. Кожемяко: Такие люди есть в любом обществе.

— Это особый тип, собирающийся в особые социальные и культурные ниши. Возьмите преступный мир. В нем собрались люди определённого типа! И у них есть своё мировоззрение, своё представление о человеке. Какое? Как о скотине, которую надо резать или стричь — если речь идёт о человеке, находящемся вне этой группы. Это хищники, не способные к созидательному труду и не приемлющие его.

В. Кожемяко: В советской жизни им было не разгуляться?

— После русской революции этот тип потерпел поражение, его загнали в норы, пусть, может быть, и слишком жестокими методами. Он был опорочен и в нашей литературе, в кино, театре, представлен как группа-изгой нашего общества.

А его антипод, советский человек, дал миру определенный образ благой жизни и показал, что такая жизнь возможна. Ленин был символом этого человека, а в практическом плане — конструктором, давшим проект мировоззренческой, идеологической, организационной основы советского человека и советской жизни.

Нарождающийся советский человек сразу же получил очень высокий статус в мировом сознании. Он был необыкновенно уважаем, для миллионов людей стал образом, на который надо равняться, стал ведущим во всём мире, особенно во время войны.

В. Кожемяко: Можно выделить важнейшие качественные его характеристики?

— Это, во-первых, способность организовываться в солидарные коллективы на началах справедливости и сотрудничества, а не конкуренции и купли-продажи.

В. Кожемяко: Теперь-то Путин объявил нашей национальной идеей именно конкурентоспособность.

— Совершенно другой принцип!.. Далее — способ этих коллективов соединяться в сложное межэтническое общежитие. Он притягивал народы, не заставляя их ассимилироваться, а включая в семью народов. Этот образ был ориентиром. Человечеству была предложена идея мироустройства, основанного на сотрудничестве народов, а не на колониальной зависимости и рыночной конкуренции.

Благодаря ленинскому синтезу идеи развития с традиционными идеалами культуры русского и других народов России возник человек, способный создать и освоить технику, адекватную середине XX века, Второй мировой войне. После революции за какие-то полтора—два десятилетия у нас появился такой человек, какого к 1941 году на Западе вообще не ожидали. Из крестьянских парней вырастили офицеров и солдат, которые владели современной авиацией, ракетной артиллерией, вырастили полководцев, способных разрабатывать сложнейшие стратегические операции Красной Армии. Такой человеческий рост требовался, конечно, и для индустриализации, для развития советской науки, но особенно он проявился в армии во время войны.

В. Кожемяко: Великая Отечественная война стала главным экзаменом для советского человека ленинского типа?

— Можно сказать и так. В целом этот синтез, о котором я говорю, требовал от каждого человека огромных духовных усилий, которые до сих пор многие в мире не могут себе представить и объяснить. Приходят опять-таки почти к религиозному объяснению. Та интенсивность творческой работы, та интенсивность труда, которая была свойственна только подвижникам. А подвижники — это те, которые как будто соединялись с божественной энергией... У нас же это было в массовом порядке!

Вот что означал на практике ленинский проект. Ленин преодолел и нашу извечную раздвоенность на западников и славянофилов, то есть на модернизаторов и традиционалистов. Они в советском человеке были соединены, европейский рационализм сочетался с культурными устоями России. Это вывело нашу страну на уровень великих мировых держав, не утратив близости к незападным цивилизациям.

В. Кожемяко: Можете продолжить характеристику главных черт советского человека?

— Идеал служения, а не службы по найму. Служения народу, Родине, близким. Идеал любви как основы человеческих отношений, любви бескорыстной и даже жертвенной.

В. Кожемяко: А чувство справедливости?

— Справедливость понимается по-разному. Например, у Ницше справедливо падающего подтолкнуть, потому что слабый должен погибнуть, уступить место сильному. А советский человек исходил из того, что люди — братья. Если ребенок голоден, потому что не обладает платёжеспособным спросом на молоко, то это несправедливость, зло.

Эти представления о справедливости, о любви, о семье, о Родине, о земле и так далее олицетворял собой тип советского человека, представлявший нашу страну в мире. И он был понятен, уважаем даже врагами, он был воспет культурой этого периода. А его антипод, как я уже говорил, был, словно злой джинн, загнан в бутылку.

26.01.2009. Интервью в газете "Правда"- Часть 2

В. Кожемяко: Но что произошло дальше?

— После войны, после смерти Сталина, которая стала в определенном смысле символической, тип советского человека, который был “запроектирован” Лениным, начал утрачивать культурную гегемонию. Всё, что делалось в течение тридцати лет при Сталине, дела-

лось советским человеком и, можно сказать, под этого человека. Все экономические, социальные, культурные преобразования, проводившиеся в стране.

Но антипод советского человека тоже продолжал существовать. Ленин в подробностях не описал его, хотя опасность чувствовал. Он видел ее, например, в бюрократии, но смутно. Сталин тоже чувствовал, и он говорил, тоже смутно, что по мере продвижения к социализму будет обостряться классовая борьба.

В. Кожемяко: А в обществе нашем возобладало в основном убеждение, что с тем антиподом покончено?

— Да, пожалуй, считалось, что он не выйдет уже из оврага, куда его загнали. Точнее, я бы сказал, мы даже особенно и не думали о нем. Мы знали, что такой человек есть, что с ним неприятно общаться, и старались поэтому его избегать; мы чувствовали, что от него исходит какая-то угроза. Но не исторического масштаба, а на бытовом, обиходном уровне.

В. Кожемяко: Подтверждаю: было такое ощущение! Знали же мы людей, готовых при случае “нажиться” — как угодно и на чем угодно...

— После революции этот тип стал внедряться в советские структуры. Почему происходили партийные чистки? Говорили: человек переродился. Да нет, он не превратился в буржуа, это его антисоветское нутро давало о себе знать. Он воровал на работе, брал взятки, прибегал к разным махинациям, клеветал...

В. Кожемяко: И в конце концов этот тип стал брать верх?

— Да, постепенно. Хрущёв сам был уже не советским типом. Культурно, даже эстетически он был противен ему. Вы можете представить, например, чтобы Сталин снял ботинок и бил им по трибуне ООН? В советском человеке, которого Сталин представлял вслед за Лениным, наряду с его солидаризмом, чувством справедливости и так далее, было и достоинство, культурный аристократизм.

И вот советский тип стал шаг за шагом отступать, а тот, другой, всё больше наглеть. Вспомните, воровство в значительной части общества уже не считалось столь категорически предосудительным, как раньше. Скажем, бензин ворованный покупать — нормально. Даже вроде неудобно стало признаваться, что ты заправляешься на колонке, а не у водителей самосвалов.

В. Кожемяко: Потом это пошло уже далеко не только на бытовом уровне?

— Конечно, этот тип — тип мародёра стал и в номенклатуре утверждаться, вступая в альянс с теневиками. На него, на этот тип, сделал основную ставку Запад в своей “холодной войне” против нас. В нем увидел свою основную надежду и опору! Западные советологи так и писали, что главная надежда в разрушении советского строя — это “мещанство”. Тот тип, про который говорили раньше: зажиточность без культуры. Он был описан в русской философии еще начала XX века...

В. Кожемяко: А в литературе? Пьеса Горького “Мещане”?

— Верно, пьеса Горького для этой темы очень важна...

Так вот, в 80-е годы вокруг этого типа сложился альянс — антисоветской интеллигенции, переродившейся номенклатуры и преступного мира. Он был поддержан Западом. Этим альянсом и была совершена антисоветская революция.

В. Кожемяко: То есть точнее — контрреволюция. Как же объяснить, почему сник, отступил, в конечном счете потерпел поражение (пусть и временное!) советский человек?

— Может быть, от перегрузок, от больших потерь во время Великой Отечественной войны, когда погиб цвет этого человека. От западной пропаганды, потому что советская ин-

теллигенция с 60-х годов уже несла в себе прозападный вирус... Но это большая отдельная тема, сложная.

Важно, что наш цивилизационный противник знал советского человека досконально, изучал его. К тому же были обстоятельные работы западных советологов, исследования как сильных, так и слабых сторон советского типа. За последние два десятилетия стало ясно, что ужиться на нашей земле два этих типа человека не могут. Советский человек был к ним терпим, а они советскому человеку не дадут жить ни в каких катакомбах.

В. Кожемяко: Ленин в этом смысле представляет для них особую угрозу?

— Безусловно. Все символы и атрибуты советского человека являются одновременно инструментами борьбы, оружием. И в попытках их уничтожить есть, с одной стороны, страсть духовная, потому что они ненавистны врагам, как, скажем, в религиозных войнах ненавистны символы чужой религии. А с другой стороны — они представляют опасность как инструменты восстановления советского мировоззрения, советской мысли, советского способа действия. Вот и стремятся из нашего общественного сознания, из обихода все эти инструменты и символы удалить.

В. Кожемяко: Чем особенно опасен для них сегодня Ленин?

— Даже не столько как символ (хотя это бесспорно), сколько как источник очень эффективных подходов к осмыслению сложной реальности. Ленин создал и развил целый ряд методов осмысления ситуации кризиса, перехода, трансформации общества. И как политик испытал свои теоретические наработки на практике.

Замечу, что созданные им инструменты сознания и действия мы в спокойное советское время не оценили. Не написано учебников по их применению. А сегодня эти ленинские инструменты, ленинские технологии представляют огромную ценность для молодёжи, выходящей на общественную арену. Как оружие в борьбе против стяжателя и вора, который сегодня господствует. То есть для господствующего меньшинства это знание становится практически опасным!

В. Кожемяко: Поэтому они стараются всеми способами отвести людей от Ленина?

— Конечно. Чтобы он был неприятен даже лично, интуитивно, даже внешне. Отсюда, например, эти ряженые “под Ленина”, чтобы сделать его смешным. Им важно, чтобы человек, особенно молодой, к Ленину не подходил!

В. Кожемяко: Насколько это получается?

— По-моему, не очень. Жизнь заставит — и ленинские идеи будут до молодёжи доходить.

Для студенчества сегодня становится всё более очевидным, что с тем господствующим меньшинством, которое у нас командует, выжить страна не может. Народ и страна становятся нежизнеспособными в современных условиях! Мы открыты всем кризисам, и наша уязвимость будет усугубляться. Мы будем беззащитны против любой войны. Мы на этом пути скоро останемся без оружия, без промышленности, без науки и школы.

Так вот, как я уже сказал, Ленин — мастер понимания и действия в ситуации хаоса и трансформации. Начиная с Первой русской революции он продемонстрировал в этом деле выдающееся умение, дар предвидения и творческий подход. Мастер в высшем смысле этого слова.

В. Кожемяко: Ленина изображают сегодня только разрушителем...

— Надо было нейтрализовать национализм элит и пересобрать рассыпавшуюся империю на новом фундаменте межэтнического общежития. Великолепная программа. А нэп? Тоже необычная и эффективная концепция. Причём всё это — в критических условиях.

Недавно “Единая Россия” выложила три антикризисные программы. Это такое убожество, что плакать хочется. А в советское время мы прошли через тяжелейшие ситуации, создавая для этого новые, оригинальные социальные формы. Представьте, если бы в 1941—1942 годах советское руководство рассуждало так же, как интеллектуалы из “Единой России”...

В. Кожемяко: А основы заложены были при Ленине, так ведь?

— Именно! Это же всё не стихийно возникало. Не вдруг появились такие социальные формы, как, скажем, советское профилактическое здравоохранение. Нет, это был творческий проект! Уже в двадцатые годы ликвидировали источники массовых инфекционных заболеваний, научились с очень скромными ресурсами предотвращать эпидемии. Когда началась война, 24 миллиона человек эвакуировали на восток — без единой эпидемии. А ведь люди по месяцу проводили в поездах, скученно, плохо питаюсь. В Гражданскую войну меньше передвигались, но 5 миллионов умерло от тифа. Другие социальные формы, другое качество управления, ответственности, мотивации и культуры.

Сегодня это и многое другое надо раскрыть, показать молодёжи. Чтобы она знала, как всё это было сделано. Потому что на ее плечи лягут подобные бедствия, и Ленин — незамеченная помощь. Надо многому учиться у Ленина!

В. Кожемяко: Обратимся в заключение снова к ленинскому Мавзолею. Уже 85 лет гробница эта, воздвигнутая по воле трудящихся страны, находится на Красной площади. Снести её или вынести оттуда тело Ленина — задача нынешней власти. А почему она всё-таки до сих пор не решилась это сделать?

— Потому что советский человек и симпатизирующие ему пока что составляют слишком большую часть населения России. Эта акция, которая всеми ими была бы воспринята как святотатство, сплотила бы их. То есть послужила бы тому, чтобы советский человек окреп и глубже себя осознал. Да и эту акцию осознал бы именно как войну.

Пока власти это не нужно. Курс был взят на постепенное удушение советского человека. Но, мне думается, и власть не едина. В ней есть группировка, которая ведёт дело к углублению раскола в обществе и целенаправленно озлобляет советскую часть общества, стравливает одну часть с другой.

В. Кожемяко: Так называемый проект “Имя Россия” направлен на это?

— Реально — да. Целенаправленное стравливание разных групп общества — сильная политическая технология. Уже и так советские люди, минимум половина населения страны, ходят сегодня по своей земле как по оккупированной территории. Есть те, кто заинтересован этот раскол усугублять, а кризис углублять. Наша задача — всемерно противостоять им.

26.01.2009. Аудио-запись выступления. Сам я забыл включить диктофон, каюсь

Выступление:

[http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/Sepulka/\(090126034545\)_vystupl_ubiley1.wav](http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/Sepulka/(090126034545)_vystupl_ubiley1.wav)

[http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/Sepulka/\(090126035117\)_vystupl_ubiley2.wav](http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/Sepulka/(090126035117)_vystupl_ubiley2.wav)

26.01.2009. Ленин мыслил в категориях «науки становления». Статья 1997 г.

Катастрофы, хаос, развитие

В ряде статей я подводил к мысли, что истмат уходит своими корнями в представление о мире как машине (механицизм), которая находится в равновесии и действует согласно объективным законам (детерминизм, т.е. предопределенность). Поэтому истмат плохо описывает состояния краха, слома общественных систем - кризисы и революции. В XX

веке наука стала уходить от механицизма и детерминизма, больше внимания уделять состояниям нестабильности и перестройки систем.

Это знание можно было бы включить в истмат, но мышление приверженных ему людей слишком консервативно. Поэтому это знание осваивается в приложении к обществу вне истмата, а часто даже, к большому сожалению, в конфликте с ним. Но полезно ли это знание? Помогает ли оно по-новому осмыслить прошлый опыт и нынешние дела, а тем более, способствует ли творческой мысли для улучшения жизни? Я считаю, что да, помогает, и рассмотрю это на примерах.

Сначала, однако, надо ввести пару-другую новых терминов, сделать усилие их понять (поневоле упрощенно - ученые простят). Система работает стабильно, когда ее структуры достаточно устойчивы. Всем частичкам системы в общем удобнее быть включенными в эти структуры, чем болтаться свободно, в состоянии хаоса. Это - порядок. Вал мотора стабильно вращается, когда исправны подшипники, правильно затянуты муфты, подается смазка. Следовать порядку в этих структурах «выгодно» системе. Но вот треснул ролик, разболталась муфта или не поступает масло - начинается вибрация, задиры. Структуры не удерживают систему, где-то ее отклонения переходят порог нестабильности, система идет вразнос и после краткого периода хаоса возникает новый порядок: мотор превращается в грудку металлолома. Это состояние покоя, без трения и ударов. Новый порядок. Стабилизация!

Говорят, что новая структура («грудка лома») - аттрактор системы, к которому она тянется из состояния хаоса. Аттрактор - от слова привлекать, притягивать, казаться выгодным. Переход от прежнего порядка через состояние хаоса к новому порядку описывается в теории катастроф, и в нашем примере это слово можно понимать буквально. Но вообще-то перестройка системы через катастрофу может быть безобидной, мы говорим о типе процесса. Вот я перепиливаю ножовкой брус в неудобном месте. Сначала система нестабильна - не попаду по метке, срывается пила. Попал, углубил пилу, возник аттрактор - стенки надпила. Порядок! Но я поспешил, пила перекосилась, пошла так-сяк, разрушила стенки. Хаос. Потом возник новый аттрактор, вкось, и вышел срез с изломом. На нем виден этап хаоса, когда пила ходила беспорядочно. Система перестроилась с катастрофой. Если брус был не из красного дерева, такая катастрофа меня не разорила.

Перестройка общества через революцию - это быстрое, радикальное уничтожение или ослабление достаточного числа важнейших структур старого режима и создание обширного хаоса. Из него люди загоняются (словом или штыком) в новые аттракторы, которые революционеры спешно создают исходя из своих идеалов или интересов. Если новые аттракторы жизнеспособны, а старые надежно блокированы или уничтожены, то революция удастся, и жизнь после травмы течет по новому руслу, а новые, наспех созданные структуры понемногу улучшаются в ходе реформ. Так произошли буржуазные революции в Европе и Октябрьская в России.

Если новые аттракторы нежизнеспособны, то или происходит реставрация, или продолжается хаос с гибелью элементов системы, вплоть до ее полного превращения в грудку обломков. Ясно, что образ будущих аттракторов играет важную роль и на этапе создания хаоса, слома прежнего порядка. Нередко эти образы - лишь привлекательные миражи, утопии. Так соблазнитель разрушает семью, а потом отказывается жениться. Новый порядок при этом печален - урок легкомысленной женщине. А то бывает, что целому народу обещают принять его «в наш общий европейский дом» - только сначала сожги свой, нехороший.

Перестройка общества через реформы исключает создание хаоса, разрушение или порчу действующих структур. Вместо этого новые аттракторы создаются параллельно с действующими, так что система «имеет выбор». Потом старая структура тихо отмирает или

улучшается, а может и сосуществовать с новой - просто увеличивается разнообразие системы, повышающее ее эффективность.

Конечно, все эти понятия, как и теория в целом, не заменяют ума, знания реальности и творчества. Они лишь помогают упорядочить процесс мышления, но это немаловажно, а часто, когда речь идет о сложных системах, решает дело. Политиком, который видел общественные процессы в этих понятиях (пусть и не в таких терминах), был Ленин. Думаю, он много почерпнул из трудов близкого ему А.Богданова, создавшего первую теорию систем, - тектологию - так что его учение о равновесии одно время даже было включено в истмат. Но Ленин намного опередил время, применив новые представления в политической практике. Это хорошо видно в его апрельских тезисах 1917 г.

Порча образа главных структур общества царской России велась либеральной интеллигенцией более полувека (большевики к этому добавить почти ничего не успели). Дело завершило расстрелы 1905 и 1912 годов, «стольпинские галстуки», мерзости, вскрытые войной. К концу 1916 г. равновесие стало неустойчивым. Толчком к слому порядка послужила созданная (видимо, искусственно) нехватка хлеба в столицах. В феврале 1917 г. революция породила обширный хаос. Либералы, пришедшие к власти, продолжали разрушать старые структуры (прежде всего, армию), но совершенно не заботились о создании новых аттракторов, к которым могло бы тяготеть разрушенное общество. Они были поразительно глухи ко всем главным требованиям народа. Единственным новым и очень слабым аттрактором можно считать само Временное правительство с его криками о свободе.

Что же увидел Ленин? Возникновение новых и набирающих силу аттракторов с очень широким охватом - советов. Первый их состав даже не осознавал своей силы и видел свою роль в том, чтобы «добровольно передать власть буржуазии». Но получилось, что решения советов признавались все большим числом рабочих и солдат - власть падала в руки советов, вопреки их намерениям. Сила их, по мнению Ленина, была в том, что они были реально связаны с массами и действовали вне рамок старых норм и условностей («как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа»). Значит, они могли меняться под влиянием реальных потребностей народных масс и служить их выражением.

И в апреле 1917 г. Ленин выдвинул тезис о революции, которая не укладывалась в понимание истмата: в момент нестабильного равновесия власти между Временным правительством и советами подтолкнуть к новому аттрактору под лозунгом «Вся власть советам». Гениальность этого тезиса в том, что в тот момент большевики не только не были влиятельной силой в советах, но почти не были в них представлены.

Последующая советская мифология представила эту идею Ленина как очевидно разумную, вытекающую из марксизма. Это не так. Апрельские тезисы всех поразили. На собрании руководства большевиков Ленин был в полной изоляции. Потом выступил в Таврическом дворце перед всеми социал-демократами, членами Совета. Богданов прервал его, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!». Примерно так же выступил большевик Гольденберг и редактор «Известий» Стеклов. Отпор был такой, что Ленин покинул зал, даже не использовав свое право на ответ.

Тезисы были опубликованы 7 апреля и были, по сути, перечнем новых аттракторов, которые могли быть созданы при переходе власти к советам и полностью лишили бы привлекательности рыхлую власть буржуазных либералов. В области политики: «Не парламентская республика - возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад - а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху».

На другой день тезисы обсуждались на заседании Петроградского комитета большевиков и были отклонены: против них было 13 голосов, за 2, воздержался 1. Но за десять дней Ленин смог убедить товарищей, и Апрельская партконференция его поддержала. Потом само Временное правительство стало «портить» свои аттракторы, а в советах стала расти роль большевиков (работали «будущие декреты»). История прекрасно показывает этот процесс: власть совершенно бескровно и почти незаметно «перетекла» в руки Петроградского совета, который передал ее II Съезду Советов. Тот сразу принял Декреты о мире и о земле - главные предусмотренные Лениным аттракторы нового порядка.

Они полностью нейтрализовали аттрактор, созданный по инерции «из двоевластия» - Учредительное собрание. Оно отказалось признать советскую власть, проговорило впустую почти сутки и было закрыто матросом Железняковым («караул устал»). Как вспоминает в эмиграции один нейтральный политик из правых, на улицах «Учредительное собрание бранили больше, чем большевиков, разогнавших его». А уж о том, что произошло с «учредилловцами» дальше, наши демократы, затопившие Москву своими крокодиловыми слезами, даже сегодня умалчивают. Учредилловцы отправились к белочехам, объявили себя правительством России (Директорией), потом эту «керенщину» переловил Колчак. Сидели в тюрьме в Омске, их вместе с другими заключенными освободили неудачно восставшие рабочие. Колчак приказал бежавшим вернуться в тюрьму, и «контрреволюционные демократы» послушно вернулись. Ночью их «отправили в республику Иртыш» - вывели на берег и расстреляли. (Примечательно, что шавки Горбачева брызгали слюной на матроса Железнякова и прославляли интеллигента Колчака). В общем, в тот момент антисоветский парламент в России ни для кого не смог стать аттрактором.

Прагматичные историки и у нас, и за рубежом оценили стратегию Ленина, позволившую осуществить практически бескровный переход, как блестящую. Меньшевики же считали ее окончательным отходом от марксизма - прыжком в бездну социалистической революции без прочного фундамента в виде развитого капитализма. Этот приговор истмата все время довлел над нами. Считая себя «объективно незаконными», большевики фантастически преувеличивали многие опасности и наносили своим противникам излишние травмы. Например, новая интеллигенция на окраинах почти неизбежно впадала в ересь национализма, и большая часть ее поплатилась головой. А реально она нового аттрактора, опасного для советского строя, в 20-30-е годы не создавала, и репрессии были не нужны.

Можно показать, какими важными аттракторами стали первые национализированные предприятия в 1918 г., какую огромную роль как аттрактор сыграл СССР - и для «державников», и для народов окраин. Отдельной темой может быть «перестройка с катастрофой» в сельском хозяйстве - коллективизация 1929-1933 гг., когда старые структуры были насильственно разрушены, а новые аттракторы, созданные вопреки культурным и социальным условиям села, не работали. Им помогли удержаться до их укрепления насильем, и это было тяжелым ударом по России. Об этом опыте - особый разговор.

Поговорим о том, что мы воочию видим сегодня - о «реформе Гайдара-Сакса», которую верно продолжает правительство Черномырдина. Пожалуй, это - классическая иллюстрация для теории катастроф. В этом ключе излагает ход событий уже ряд экономистов (Ю.М.Осипов, И.Н.Шургалина и др.).

Реформаторы имели политическую сверхзадачу: необратимо уничтожить советский строй (эта цель, кстати, не скрывалась). Перестройка экономики была для этого средством, хозяйство было заложником политики. Правительству Гайдара поставили задачу: политическими средствами создать хаос и заблокировать действие аттракторов советской хозяйственной системы (план, финансовая система, регулируемые цены и т.д.), а затем включить действие аттракторов рыночной экономики (коммерческие банки, биржи, свободные цены, частная собственность и т.д.). Элементы разрушенной системы - и предприятия, и люди - будут втянуты в новые аттракторы, хаос будет преодолен и возникнет новый поряд

док, капитализм западного типа. Так обещалось и, возможно, в это верил Гайдар (хотя я о его умственных способностях более высокого мнения).

Дестабилизация советской системы была проведена в ходе перестройки достаточно эффективно. Все ее основные структуры были сначала опорочены в общественном сознании, а затем парализованы административными мерами. Началась инфляция, был разрушен потребительский рынок, ликвидирован план и ослаблена необходимая монополия внешней торговли. К 1991 г. равновесие стало неустойчивым, а хаос весьма обширным. Благодаря умелой провокации (путч ГКЧП) равновесие было сломано, систему толкнули в полный хаос, о восстановлении советского строя никто и не заикался.

План реформы был «спущен» из МВФ и повторял ее грубо механистическую программу «структурной стабилизации», которая до этого угробила экономику ряда стран «третьего мира» и Югославии. С помощью т.н. «шоковой терапии» достигалась катастрофическая потеря устойчивости старой системы, а дальше «рыночные» аттракторы должны были сами втянуть оставшуюся от советской экономики труху в зону своего притяжения. Мол, «невидимая рука» рынка слепит из нее светлое здание капитализма через механизмы самоорганизации. Надо только подвести людей, кнутом и пряником, близко к зоне притяжения нового аттрактора - и ликвидировать старый, чтобы некуда было вернуться. Подчеркну, что все это - декларации Гайдара и его американских советников. На деле же, весьма вероятно, целью было как раз создание хаоса и таких аттракторов, которые держали бы систему в режиме саморазрушения. Но мы здесь не следствие ведем, а решаем учебную задачу, так что условно «поверим» реформаторам - допустим, что «они хотели как лучше».

Как мы хорошо помним, с помощью «шока» хаос удалось создать, но это был «шок без терапии». Отмена контроля за ценами вызвала обвальную инфляцию, которая превзошла все ожидания - 1500 процентов в 1992 г. При этом рост цен не останавливался. Потом были отменены все ограничения внешней торговли, и рухнул рубль по отношению к доллару, капиталы хлынули за рубеж. Третьим ударом была приватизация. Хаос был создан, а новых структур не возникло. Деваться остаткам хозяйства было просто некуда. Стали «ограничивать» инфляцию методами монетаризма, взятыми из совсем иной системы. По расчетам самих реформаторов, «за каждый процент сокращения инфляции хозяйство должно расплачиваться тремя-пятью процентами спада производства».

Итак, в результате действий правительства экономическая система не получила набора новых структур-аттракторов, которые через «шок» вывели бы ее на путь к новому порядку с эволюционным развитием. Результатом была полная дестабилизация системы и такой тип хаоса, при котором возникают непредвиденные (т.н. «странные») аттракторы: преступный и теневой бизнес, массовые неплатежи (прямой грабеж населения государством), безумные налоги, дикие формы найма и расчетов, черный рынок с мелочной торговлей и т.д. Никакого импульса к развитию эти аттракторы не дают, но они укореняются, и уже их преодоление потребует огромных усилий. Даже та единственная из задуманных структур, которая активно действует - банки - превратилась в разрушительную силу, в паука, высасывающего последние соки из хозяйства и населения.

Не сработал главный аттрактор рыночной системы - частная собственность, он натолкнулся на мощное подспудное сопротивление всей культурной среды. Вот вопль рыночной мадам Пияшевой (сохраняю ее неповторимый стиль): «Я социализм рассматриваю просто как архаику, как недоразвитость общества, нецивилизованность общества, неразвитость, если в высших категориях там личности, человека. Неразвитый человек, несамостоятельный, неответственный - не берет и не хочет. Ему нужно коллективно... Это очень довлеет над сознанием людей, которые здесь живут. И поэтому он ищет как бы, все это называют «третьим» путем, на самом деле никаких третьих путей нет. И социалистического пути, как пути, тоже нет, и XX век это доказал... Какой вариант наиболее реален? На мой

взгляд, самый реальный вариант - это попытка стабилизации, т.е. это возврат к принципам социалистического управления экономикой».

В чем смысл этого лепета «доктора экономических наук»? В том, что ввести людей в зону притяжения самого главного аттрактора не удалось. Русскому человеку, несмотря на все потуги Чубайса да Ясина, «нужно коллективно». И потому он не берет и не хочет их священной частной собственности. И потому, по разумению умницы Пияшевой, хотя «социализма нет», единственным реальным выходом из кризиса она видит «возврат к социализму». Но это уже очень трудно, ибо хотя привлекательность старых аттракторов растет, они подорваны. Да и созданное пропагандой недоверие к ним еще велико. Хаос и в хозяйстве, и в умах оплачивается страшной платой.

Как же в понятиях теории катастроф можно определить задачу оппозиции, которая принципиально отказывается от революции? Кстати сказать, пока что революция может быть совершенно мирной, поскольку хаос еще не преодолен, и сильных аттракторов, которые трудно сломать, еще нет (а «странные» аттракторы так и так придется демонтировать). Но не будем спорить, поговорим об «эволюционном» пути. Задача - создать из нынешнего хаоса некоторый порядок, какое-то приемлемое жизнеустройство, сокращающее бедствия народа и страны и позволяющее встать на путь восстановления и развития. Для этого надо собрать все силы и создать критический набор новых аттракторов, вокруг которых могла бы возникнуть ячейка такого жизнеустройства. Поскольку этому будет противодействовать политический режим, нечего надеяться на возможность наступления широким фронтом, речь может идти именно о ячейках. Но их демонстрационная роль исключительно велика, они должны стать «центрами кристаллизации», зародышами нового порядка.

Сегодня для такой программы есть все условия. В целом ряде областей и исполнительная, и представительная власть находится, пусть во многом условно, в руках оппозиции. Население же просто жаждет перемен к лучшему и внимательно приглядывается ко всем попыткам. Центральный режим не настолько силен, чтобы блокировать действия местных властей, тем более с использованием насилия. Учитывая, что экономический потенциал областей, которые могли бы участвовать в программе создания структур нового порядка, позволяет образовать целостные, самодостаточные системы, способные выдержать давление центра, набор частных акций может быть весьма широким. А значит, задавить их будет непросто. Специалисты уже сейчас могут назвать целый ряд проектов по локальному восстановлению хозяйства и быстрому улучшению жизни людей. Но это не для газеты.

КПРФ и весь блок оппозиции имеет редкую возможность выступить как конструктивная, но не соглашательская сила, реально создающая условия для спасения. Стоит только наглядно показать эту возможность в части страны, режим Чубайса быстро утратит остатки привлекательности.

Но можно быть уверенным - долго эта возможность не продлится. Режим подготовит и создаст новую катастрофу - монархию, войну, что угодно. Следует также отбросить иллюзии - самопроизвольно новые аттракторы не возникнут. Их надо создавать сознательно, собирая для этого силы и средства со всей страны. Если эта возможность будет упущена, перед русским народом останется один выбор: полная гибель или революция.

1997

Февраль

1.02.2009. Глава о бедности - часть 1 (2005). Актуальна в свете программы по борьбе с обеднением в ходе кризиса

Глава 38. Борьба с бедностью

Едва ли не важнейшей задачей государства на предстоящий второй срок президента В.В.Путина начиная с 2004 г. объявлена борьба с бедностью. Понятно, что многими это

было воспринято положительно, хотя и с долей скептицизма. Один политолог выразился так: «Борьба с бедностью - это... миф общегражданского значения, какими были когда-то “гласность” и “ваучеризация”».

Да и сам В.В.Путин, назвав борьбу с бедностью одной из первоочередных задач, тут же сделал в Послании 2004 г. туманную, но многозначительную оговорку: «Достижения последних лет дают нам основание приступить наконец к решению проблем, с которыми можно справиться. Но можно справиться только имея определенные экономические возможности, политическую стабильность и активное гражданское общество».

Вообще-то говоря, везде и всегда, даже без всяких особых достижений, люди запросто приступают к решению проблем, «с которыми можно справиться». Но, допустим, было в РФ нечто такое, что не позволяло приступить к решению даже таких проблем, - а за последние четыре года устранено. Смущает предупреждение о том, что с задачей преодоления бедности мы не справимся в тех случаях, если не будем иметь определенных (но не названных) экономических возможностей, если кто-то осмелится нарушить политический покой и если гражданское общество не будет активным. Это, согласитесь, такие оговорки, которые заранее снимают с авторов программы всякую ответственность за ее результат. Попробуйте сказать через четыре года, что у нас гражданское общество было достаточно активным. Тут же выскочит куча профессоров, которые как дважды два докажут, что у нас гражданского общества вообще нет. Оговорки эти не имеют под собой разумных оснований, они даже противоречат логике. Ведь именно поразившая страну массовая тяжелая бедность подрывает экономику, порождает политическую нестабильность и душит ростки гражданского общества.

Но нас здесь интересует не сама программа борьбы с бедностью, а лежащая под нею доктрина, представление о «противнике», динамике процессов, масштабе явления – все то, что можно определить как интеллектуальный инструментарий разработчиков этой большой программы. Используют ли они те средства познания и овладения реальностью, которые выработаны в рациональности Просвещения и в традиционной культуре России – или отбрасывают, вольно или невольно, эти средства?

Прежде всего, зададим фундаментальный и в то же время актуальный вопрос: на какой мировоззренческой платформе предполагается вести осмысление бедности и борьбу с нею? Видит ли нынешняя властная бригада реформаторов проблему бедности через призму философии неолиберализма, то есть следуют ли эти политики в русле мышления, заданного на первом этапе реформы – или они принципиально отходят от постулатов и логики 90-х годов? Если отходят от постулатов и логики неолиберализма, то каковы черты «новой рациональности» бригады В.В.Путина на предстоящий период?

В Послании 2004 г. сделано общее утверждение: «Никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей политики не будет. Приверженность демократическим ценностям продиктована волей нашего народа и стратегическими интересами самой Российской Федерации». У многих, однако, еще теплится надежда на то, что это - ритуальная торжественная фраза, которая не будет иметь силы в отношении конкретной проблемы бедности. Ведь невозможно с ней бороться, не пересмотрев буквально ни одного принципа политики реформ.

Понятие бедности. Вспомним исходные положения. Для любого жизнеустройства важным качеством является представление о бедности - отношение к тому факту, что часть членов общества имеет очень низкий, по меркам этого общества, уровень дохода. Имеется в виду тот порог в уровне доходов, ниже которого бедные и зажиточная, благополучная часть образуют по потреблению благ и типу жизни два разных мира (в Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах - «расе бедных» и «расе богатых»).

В политику понятие бедности вошло в развитой форме в Древнем Риме. Контроль над массой городской бедноты («пауперов») был одной из важных задач власти. Возникновение этой социальной группы происходило в процессе разрушения общины. Во-первых, община помогала своим членам не впасть в бедность и в то же время не позволяла человеку опуститься. Во-вторых, уравнительный уклад общины не порождал в человеке разрушительного самосознания бедняка. В городе зрелище образа жизни богатой части как целого социального класса порождало неутоленные потребности и ощущение своей отверженности. Возникновение такой бедности - процесс во многом духовный (поэтому слово «пауперизация» вошло в лексикон теоретиков капиталистической экономики уже начиная с Адама Смита).

Вот что писал Белинский Боткину в 1847 г. из Европы, куда он приехал впервые в жизни: «Только здесь я понял ужасное значение слов пауперизм и пролетариат. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами... но нет бедности... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!»

Бедность - социальный продукт именно классового общества с развитыми отношениями собственности и рынка. Таким было общество рабовладельческое, а потом капиталистическое. В сословном обществе люди включены в разного рода общины, и бедность здесь носит совсем иной характер, она обычно предстает в качестве общего бедствия, с которым и бороться надо сообща. Мы ее вообще мало знаем и маскируем ее сущность тем, что обозначаем словами из современного языка.

Понятно, что по типу бедности и отношению к ней советский строй жизни резко отличался от либерального общества Запада. Во время реформы были отвергнуты советские критерии и принципы, и именно Запад был взят за образец «правильного» жизнеустройства, якобы устраняющего ненавистную «уровниловку». Не будем вилять - отрицание уровниловки есть не что иное, как придание бедности законного характера.

Именно это произошло на Западе в ходе становления рыночной экономики («капитализма»). Причем произошло и на уровне обыденных житейских обычаев и установок, и на уровне социальной философии. Как писал Ф.Бродель об изменении отношения к бедным, «эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы»[1].

Ведущие мыслители-экономисты либерального направления (А.Смит, Т.Мальтус, Д.Рикардо) считали, что бедность - неизбежное следствие превращения традиционного общества в индустриальное. Действительно, протестантская Реформация породила новое, неизвестное в традиционном обществе отношение к бедности как признаку отверженности («бедные неуютны Богу» - в отличие от православного взгляда «бедные близки к Господу»)[2].

Адам Смит писал: «Отсутствие средств к жизни, сама нищета возбуждают к себе небольшое сочувствие; сопровождающие их жалобы вызывают наше сострадание, однако трогают нас неглубоко. Мы с презрением относимся к нищему, и, хотя своей докучливостью он вымалывает себе подаяние, он редко бывает предметом глубокого сострадания. А вот перемена судьбы, ниспровергающая человека с высоты величайшего благоденствия в крайнюю нищету, обыкновенно возбуждает глубокое к себе сочувствие»[3].

В другом своем трактате, «Причины богатства народов», Адам Смит так и определил главную роль государства в гра-жданском обществе: «Приобретение крупной и об-

ширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет”.

Это представление перешло и в идеологию. В середине XIX в. важным основанием либеральной идеологии стал социал-дарвинизм. Он исходил из того, что бедность - закономерное явление и она должна расти по мере того, как растет общественное производство. Кроме того, бедность - проблема не социальная, а личная. Это - индивидуальная судьба, предопределенная неспособностью конкретного человека побеждать в борьбе за существование. Идеолог социал-дарвинизма Г.Спенсер считал даже, что бедность играет положительную роль, будучи движущей силой развития личности. Идеолог неолиберализма Ф. фон Хайек также считал, что бедность - закономерное явление в человеческом обществе и необходима для общественного блага. Он призывал ограничить государственное участие в сокращении бедности и возложить ответственность за свою бедность на индивида[4].

Установление рыночной экономики впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. К.Поляньи в своей книге «Великая трансформация» об истории возникновения рыночной экономики отмечает, что когда в Англии в XVIII в. готовились новые Законы о бедных, философ и политик лорд Таунсенд писал: «Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще, только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод - это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности. Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению».

Это отношение к бедным очень нравится нашему либералу из номенклатуры КПСС Е.Гайдару. Он любит на этот счет потеоретизировать: «Либеральные идеи в том виде, в котором они сформировались к концу XVIII века, предполагали акцент на свободу, равенство, самостоятельную ответственность за свою судьбу. Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи»[5]. Интересно, читает ли все это приверженный либеральным ценностям В.В.Путин?

Таким образом, бедность в буржуазном обществе вызвана не недостатком материальных благ, она – целенаправленно и рационально созданный социальный механизм. В большой книге «Понимание бедности» (1993)[6] Пит Элкок дает обзор развития этого социального явления и представлений о нем в классической стране либерализма -Великобритании, - начиная с ранних стадий современного капитализма (с XIV века). Он пишет: «Бедность в определенной степени создается или, по крайней мере, воссоздается, как результат социальной и экономической политики, которая разрабатывается для того, чтобы контролировать бедность и бедных... Большинство писавших об истории бедности в Британии описывают состояние бедности и политики по отношению к ней, начиная с периода постепенного вытеснения в XVII-XVIII вв. феодализма капитализмом - то есть с периода, когда зародилась современная экономика. В своей книге по истории бедности в Британии Новак (Novak, 1988) утверждает, что бедность появилась именно тогда. В то время большинство людей было отделено от земли, превратилось в рабочих и, следовательно, потеряло контроль над средствами производства материальных благ и стало зависеть от заработков, приносимых наемным трудом».

Сам П.Элкок не склонен присоединиться к выводу социологов-марксистов, согласно которому бедность категорически присуща капиталистическому строю и в принципе не может быть в нем искоренена. Он считает, что капитализм далеко не полностью господствует в экономике даже Великобритании и оставляет довольно большое пространство для некапиталистических форм производства и распределения (доводов в пользу того, что это пространство достаточно велико, он не дает). Однако он признает, что капитализм создает бедность: «Работодатели стремятся поддерживать излишек рабочих, готовых и желающих быть нанятыми на работу по самой низкой цене. Политика государства по отношению к проблеме бедности всегда откровенно подчинялась таким требованиям и породила приоритеты, создавшие образы бедности и потребностей бедных».

Исследователь бедности, удостоенный за свой труд «Политэкономия голода» Нобелевской премии по экономике, А.Сен показывает, что бедность не связана с количеством товаров (шире - благ), а определяется социально обусловленными возможностями людей получить доступ к этим благам. В социальной реальности даже богатейших стран Запада бедность является обязательным элементом («структурная бедность»).

В.Глазычев приводит такие сведения: «По официальным данным на 1 января 2003 г. 20,2% жителей Нью-Йорка имели доходы ниже федерального уровня бедности, еще 13% находились чуть выше этой черты. В 2001 г. один миллион ежедневно получал свою похлебку в благотворительных столовых - и еще 350 тысяч эту похлебку не получили, так как на них не хватило еды. Насчитывалось 600 тысяч низкооплачиваемых работников, из которых у 56% нет медицинской страховки, а у 52% не было фиксированной платы. В городе насчитывалось 38 тысяч бездомных»[7].

Эта крайняя бедность в богатейших стран Запада служит важным фактором консолидации гражданского общества. Каждый гражданин, и прежде всего наемный работник, всегда должен иметь перед глазами печальный пример людей, выброшенных из общества. Таким наглядным образом и скрепляется «общество двух третей» - потому-то им и в голову бы не пришло, устраивать, подобно сытым советским гражданам, рискованные перестройки своего социального порядка.

П.Элкок пишет: «Этот подход ярко выражен в Законодательном Акте о Бедных, принятом в 1601 г. во время правления Елизаветы I, и целью его, согласно Голдингу и Миддлтоу (Golding and Middleton, 1982), была рабочая дисциплина, устрашение и разделение. Закон о Бедных оказался самым значительным достижением, очертившим развитие политики по отношению к бедности вплоть до конца XIX века; политика эта строилась преимущественно на контроле и устрашении. Особенно отчетливо это можно наблюдать в случае с институтом работного или исправительного дома. Работные дома - это учреждения, куда могли послать бедняков и нищих, если они себя не обеспечивали. Это было способом избавления от бедности, однако режим в работных домах был исключительно суровым и выполнял функцию наказания - чтобы настоящие и потенциальные обитатели таких домов не считали их желанной альтернативой занятости и самостоятельному добыванию хлеба.

Преобладающим убеждением было то, что бедность суть продукт взаимодействия лени и греха, и, следовательно, политика государства должна стремиться противостоять влиянию последних посредством поощрения самообеспечения и наказания зависимости. Не простым совпадением было и то, что это также усиливало трудовую дисциплину среди рабочих, нагоняя на них страх потерять работу и оказаться в бедности... Таким образом, самые первые попытки управиться с бедностью в общих чертах сформировали политику, направленную на контроль за бедными.

Реакция государства на бедность, выражающаяся в контроле над бедными и их дисциплинировании, создала модели как проблемы бедности, так и политики по отношению к ней. И то, как мы видим бедность сейчас, а также то, как мы меняем наше к ней отношение, во многом определено этим историческим наследием. Разделение на работающих и нерабо-

тающих бедных, на достойных и недостойных бедных и в современной Британии складывается под влиянием этих представлений о бедности».

И философские основания советского строя, и лежащая в их основе антропология, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, и русская православная философия, и наши традиционные культурные установки исходили из совершенно другой установки: бедность есть порождение несправедливости и потому она - зло[8]. Таков был официально декларируемый принцип и таков был важный стереотип общественного сознания. В этом официальная советская идеология и стихийное мироощущение людей полностью совпадали.

Надо особо подчеркнуть, что понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, советский строй - порождение этого взгляда на бедность. Вот выдержка из старого дореволюционного (хотя и издания 1917 г.) российского учебника: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы. Бесчисленное количество поколений создавало эту атмосферу; все нынешнее общество в целом поддерживает и развивает ее, и нет возможности выделить и определить ту долю в этой общей работе, которая совершается каждой отдельной единицей. Пусть доли этих единиц неравны, но доли эти есть и они обязывают все общество к тому, чтобы признать по крайней мере право каждого человека на обеспечение известного минимума необходимых средств на тот случай, если он сам по каким бы то ни было причинам окажется не в состоянии себя содержать. Другими словами, за каждым должно быть признано то, что называется правом на существование.

Мы знаем, что в прежнее время забота о выброшенных за борт экономической жизни лицах лежала на тех или других более тесных союзах - роде, общине, цехе и т.д. Но мы знаем также, что ныне все эти союзы отеснены, а то и вовсе уничтожены государством; это последнее заняло по отношению к индивиду их прежнее властное место; оно претендует на многие, прежде им принадлежавшие права (например, право наследования); естественно поэтому, что оно должно взять на себя и лежавшие прежде на них обязанности. Только при таком условии вступление на место прежних союзов государства будет подлинным прогрессом, подлинным расширением общественной солидарности. И действительно, как известно, призрение бедных, сирот и т.д. считается одной из государственных забот. Но все это нынешнее призрение построено на идее милости и потому не может не быть (недостаточным) унижительным для тех, на кого оно распространяется. Между тем дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование...

Признание права на существование окажет, без сомнения, огромное влияние и на всю область экономических отношений: положение «экономически слабых» станет прочнее и сделает их более устойчивыми в борьбе за цену предлагаемого ими труда и за лучшие условия жизни. Защищенные от опасности голодной смерти, они не так легко пойдут в сети хозяйственной эксплуатации.

Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности»[9].

Мы видим, что здесь, во-первых, отрицается способность рынка как социального механизма оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе - именно как право, а не милость. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью. Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным.

История быстрого индустриального и экономического развития стран с разными типами культуры убедительно показала, что в незападных культурах, сохранивших общинные представления о человеке, быстрое развитие возможно лишь при условии ликвидации бедности и большого разрыва в доходах. Здесь - кардинальная разница с либеральным гражданским обществом протестантского Запада.

Наши реформаторы, будучи ренегатами коммунистической идеи, терпеть не могут проектов развития, которые шли под красным флагом (СССР, Китай). Так вспомнили бы хоть «азиатских тигров» - например, Тайвань. Там была проведена форсированная программа экономического развития (1960-1974 гг.). Успех ее во многом был предопределен ликвидацией бедности и быстрым сокращением расслоения общества по доходам. Децильный фондовый коэффициент, составлявший в 1953 г. 30,4, сократился до 19,3 в 1961 г., а потом был резко сокращен до 8,6 в 1964 г. и 6,8 в 1972 г.[10]

В РФ пошли по пути Запада - стали выбрасывать из общества бедных (фондовый коэффициент за время реформы вырос с 3,5 до 14,5, а с учетом теневых доходов он оценивается в 30-40). И это - в обществе, культура которого корнями уходит в православную (а в существенной части - в исламскую) уравнительную этику!

Советское и либеральное понимание бедности – это две полярные мировоззренческие концепции. Выдвигая лозунг борьбы с бедностью, правительство В.В.Путина не может уклониться от того, чтобы определить свой вектор между этими двумя полюсами.

В конце XIX века идеологи западной буржуазии, напуганные призраком мировой революции бедняков, частично сдвинулись от либерализма к социал-демократии. Бедность, особенно крайняя, стала трактоваться как нежелательное, невыгодное социальное явление. Русская революция усилила этот сдвиг. Запад пережил период смягчения нравов, своего рода приступ гуманизма. Ограничение бедности стало рассматриваться как важное условие и выхода из тяжелых кризисов. Об этом много говорил президент США Рузвельт. Л.Эрхард в программе послевоенного восстановления ФРГ исходил из таких установок: «Бедность является важнейшим средством, чтобы заставить человека духовно зачехнуть в мелких материальных каждодневных заботах... [такие заботы] делают людей все несвободнее, они остаются пленниками своих материальных помыслов и устремлений». Л.Эрхард даже включал гарантию против внезапного обеднения в число фундаментальных прав: «Принцип стабильности цен следует включить в число основных прав человека, и каждый гражданин вправе потребовать от государства ее сохранения».

Е.Гайдар, разумеется, разумеется придерживается противоположного мнения: «Причиной того, что США устойчиво сохраняют роль лидера мирового экономического развития в постиндустриальную эпоху, было и то, что американские профсоюзы оказались более слабыми, а регулирование трудовых отношений, в том числе прав на увольнение, более мягким, чем в континентальной Западной Европе. К тому же система пособий по безработице в США сложилась более жесткая соотношение среднего пособия к средней заработной плате - ниже, период их предоставления - короче» (там же).

Понимание бедности в доктрине российских реформ. Четких определений тех социальных категорий, в которых они мыслят реальность, наши реформаторы в принципе избегают. Они, однако, приняли неолиберальную программу реформы и регулярно напоминают о

своей приверженности к либеральным ценностям. То есть, как минимум на уровне деклараций идеологи реформ на этапе Б.Н.Ельцина и В.В.Путина отвергли даже социал-демократический вариант западного капитализма.

Уже с самого начала реформы наши интеллектуалы в своих похвалах рынку легко проскакивали все умеренные градации социал-демократии и либерализма, доходя до крайностей неолиберального фундаментализма. Юлия Латынина свою статью-панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости». С возмущением вспомнив все известные истории попытки установить демократический и справедливый порядок жизни, она напоминает нам мудрую сентенцию неолибералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное - то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал атавизмом социальной справедливости»[11].

Как можно было видеть выше, в своих определениях даже умеренные установки Рузвельта и Эрхарда категорически несовместимы с неолиберализмом и классическим социал-дарвинизмом. Напротив, В.В.Путин в своей аргументации отказа от государственного патернализма в Послании 2000 г. (предполагая, что этот отказ раскрепостит потенциал человека) буквально следует представлениям Спенсера и фон Хайека, а не Л.Эрхарда и У.Пальме.

Зафиксируем тот факт, что в конце 80-х годов наша элитарная интеллигенция, представленная сплоченной, но пока еще теневой интеллектуальной бригадой будущих реформаторов типа Гайдара и Чубайса, сделала вполне определенный философский выбор. Она приняла неолиберальную концепцию человека и общества, а значит, и неолиберальное представление о бедности. Массовое обеднение населения России было хладнокровно предусмотрено в доктрине реформ. Бедность в этой доктрине рассматривалась не как зло, а именно как полезный социальный механизм.

П.Малиновский, обсуждая нынешний лозунг «борьбы с бедностью», напоминает: «В неолиберальной доктрине, чьи приверженцы делали в нашей стране социальную революцию 90-х годов (и рассуждали примерно следующим образом: «в России 70 миллионов лишних людей, которые ни к чему не приспособлены, поэтому основная задача - как можно быстрее от них избавиться, и тогда мы все заживём нормально»), сформулирован более жёсткий тезис: бороться надо не с бедностью, а с бедными. Поэтому тезис борьбы с бедностью звучит кощунственно»[12].

Допустим, с приписанным им рассуждением наши неолибералы могут не согласиться. Но вот документы. Директор Центра социологических исследований Российской академии государственной службы В.Э.Бойков писал в разгар реформы: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социальную депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства»[13]. В работе этого правительственного социолога есть даже целый раздел под заголовком «Пауперизация как причина социальной терпимости».

А.Чубайс писал в своей «теоретической» разработке в марте 1990 г.: «К числу ближайших социальных последствий ускоренной рыночной реформы относятся:

- общее снижение уровня жизни;
- рост дифференциации цен и доходов населения;
- возникновение массовой безработицы...

Население должно четко усвоить, что правительство не гарантирует место работы и уровень жизни, а гарантирует только саму жизнь...

На время проведения реформы (или по крайней мере ее решающих этапов) потребуется чрезвычайно антизабастовочное законодательство...

Следует ожидать ускоренной институционализации неолиберальной экономико-политической идеологии, политической основой которой станет часть нынешних демократических сил...»[14].

Таким образом, в ходе реформы произошел не сбой, не социальный срыв, а запланированное изменение структуры общества. Начиная с 60-х годов в сознании нашей либеральной интеллигенции вызревало социал-дарвинистское представление о человеке, в эпоху Горбачева оно вырвалось наружу в форме идеологии, а в 90-е годы легло в основу всей доктрины реформы. Это представление, согласно которому люди делятся на «сильных» (конкурентоспособных) и «слабых» (неконкурентоспособных), настолько вошло уже в подсознание и нынешней «элиты», и власть имущих, что они просто не замечают подтекста своих заявлений[15].

Вот, В.В.Путин делает программное заявление в Послании Федеральному собранию РФ 26 мая 2004 г.: «Главный конкурентный капитал, главный источник развития страны – это её граждане. Для того, чтобы страна стала сильной и богатой, необходимо сделать все для нормальной жизни каждого человека. Человека, создающего качественные товары и услуги, создающего культурное достояние державы, создающего новую страну».

Говоря о нормальной жизни для людей, он вполне мог бы ограничиться понятием «каждый человек». И раньше, в советское время, это так и понималось бы - каждый гражданин СССР, сильный и слабый, умный и глупый, как раз и есть «каждый человек», ибо все мы братья и имеем право на нормальную жизнь, то есть не некоторый разумный минимум жизненных благ. В.В.Путин, однако, уточняет новый смысл понятия. Речь идет теперь лишь о тех людях, которые составляют «конкурентный капитал». Каждый человек для В.В.Путина - это «человек, создающий качественные товары и услуги». А те, кто неконкурентоспособен, кто не составляет «конкурентный капитал» РФ, чьи товары и услуги не востребованы мировым рынком, в эту категорию не входят. Нормальной жизни им страна обеспечить не обязана, они являются для нее обузой и могут рассчитывать только на небольшие социальные трансферты, чтобы иметь возможность вымирать цивилизованно[16].

Сама программа реформы и не предполагала механизмов, предотвращающих обеднение населения. Исследователи ВЦИОМ пишут: «Процессы формирования рыночных механизмов в сфере труда протекают весьма противоречиво, приобретая подчас уродливые формы. При этом не только не была выдвинута такая стратегическая задача нового этапа развития российского общества, как предупреждение бедности, но и не было сделано никаких шагов в направлении решения текущей задачи – преодоления крайних проявлений бедности»[17].

Курс на резкое обеднение людей еще в последние советские годы получил идеологическую поддержку - экспертов для этого было достаточно. Экономист Л.Пияшева криком кричала: «Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций»[18].

Понятно, что в таких условиях объявление «борьбы с бедностью» и одновременно о «неизменности курса реформ» взаимно противоречат друг другу, ибо бедность в России является необходимым и желаемым продуктом именно этого курса реформ. Если принять, что власть в настоящий момент рассуждает рационально, то из этого следует, что одно из двух несовместимых утверждений является демагогическим и служит лишь для прикрытия истинных целей власти. Какому из этих утверждений следует верить, мы пока определить не можем, для этого недостаточно информации.

В.Глазычев, социолог, в общем, либерального направления, считает, что в Послании 2004 г. выбор политического режима В.В.Путина сделан вполне определенно - этот режим принял либеральную (англо-саксонскую) доктрину бедности. В.Глазычев пишет: «Пора называть вещи своими именами. Задача сокращения зоны российской бедности в два раза, поставленная властями, означает не более, но и не менее, чем прочерчивание вектора: приближение к цивилизационной норме порядка 10%. Совершенно понятно, что без трюков с подсчетами за несколько лет достичь этой цели невозможно, тем более что мучительно разворачивающиеся реформы - здравоохранения, пенсионная, муниципальная, образования, - вопреки заверениям властей, неизбежно будут расширять зону бедности одновременно с попытками ее сжатия «сверху». Соответственно, перед нами стадия длительного существования обширной зоны бедности, что предполагает, во-первых, признание особой культуры бедности, а во-вторых, ее развитие»[19].

Таким образом, идеологи реформы предупреждают, что мы должны оставить надежды на социальное государство с православной нравственной подосновой, а перестраиваться, готовясь сосуществовать с 15 миллионов «отверженных», помогая им небольшими субсидиями и дубинками ОМОНа выработать «культуру бедности». Заранее отмечу, что это - очень рискованная программа.

Поражает, однако, что даже социологи, которые занимаются изучением бедности, как будто не видят внутренней противоречивости своих рассуждений. С одной стороны, они фиксируют очевидный факт – массовая бедность возникла в результате реформ. С другой стороны, они сетуют на то, что «товарищи реформаторы» недоработали, упустили из виду и т.п. Ведь из самих же их текстов прямо следует, что если бы «товарищи» не допустили бедности, то и никакой их реформы не могло бы состояться.

Вот, например, читаем о сельской бедности: «Негативные социальные последствия трансформации СССР сказались на сельском населении сильнее, чем на городском... Социально-экономическая трансформация является обстоятельством непреодолимой силы, зачастую превосходящим возможности выживания отдельной сельской семьи». Социолог дает этому разумное объяснение: «Более трех четвертей трудоспособного сельского населения России составляли работники колхозов и совхозов. Советские сельхозпредприятия не только предоставляли рабочие места, но и обеспечивали своих членов жильем со всеми необходимыми для жизни условиями и поддерживали практически весь комплекс социальных услуг»[20].

Дальше перечислены социальные последствия ликвидации колхозов и совхозов, причем последствия эти фундаментальны – «большинство осталось ни с чем». Из текста видно, что эти последствия с абсолютной необходимостью были предопределены главными шагами реформы[21]. И тут же вывод: «Вторая причина [бедности] - отсутствие концепции и каких-либо политических действий, направленных на снижение социальных последствий перехода страны от одной социально-экономической системы к другой». Какая иррациональная вера в магическую силу «концепции»!

1.02.2009. Глава о бедности - часть 2

О борьбе с какой бедностью идет речь.

Рассмотрим теперь, что произошло в России в ходе реформы и с чем именно предлагает бороться В.В.Путин, с какой бедностью.

В результате реформ в РФ возникла структурная бедность – постоянное состояние значительной части населения. Была создана большая социальная группа бедных как стабильный структурный элемент нового общества. Эта бедность – социальная проблема, не связанная с личными качествами и трудовыми усилиями людей. ВЦИОМ фиксирует: «В обществе определились устойчивые группы бедных семей, у которых шансов вырваться из бедности практически нет. Это состояние можно обозначить как застойная бедность,

углубление бедности». По данным ВЦИОМ, только 10% бедняков могут, теоретически, повысить свой доход за счет повышения своей трудовой активности[22]. Вот красноречивый пример огромной ниши застойной бедности – 39 млн. сельских жителей РФ. Читаем в статье Овчинцевой: «Малоимущими являются около половины селян... Из общего числа сельских бедных треть является крайне бедными, т. е. ресурсы, которыми они располагают, ниже прожиточного минимума в два раза и более. Доля крайне бедных на селе в 2000 году была почти в два раза выше, чем в городе.

Особенность российской бедности в том, что это бедность работающих людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляют лица, имеющие работу. Основной сферой занятости для жителей села остается работа на сельскохозяйственных предприятиях, а средняя сумма заработной платы и социальных выплат в сельском хозяйстве в последние годы

Из этого видно, что либеральная трактовка бедности, согласно которой «проблемы бедных людей порождены их собственной ленью или неполноценностью», совершенно неприложима к конкретному случаю бедности в РФ. Независимо от того, насколько хороши либеральные ценности вообще, мыслители команды В.В.Путина не имеют разумных оснований для приложения либеральной доктрины к нашему случаю.

После объявления борьбы с бедностью по Москве прошло много семинаров и круглых столов, на которых видные политики и представители научной элиты высказали свои соображения. Они поражают их несовместимостью ни с реальностью, ни с логикой, ни даже друг с другом, причем эта несовместимость не вызывает никакого удивления или попыток разобраться в ее причинах.

Вот несколько типичных утверждений, их можно приводить, не называя авторов, ибо связной доктрины, хотя бы либеральной, они не выражают. Один говорит: «Самое эффективное направление - это инвестиции в образование. С одной стороны, это повышает конкурентоспособность на рынке труда, и следовательно, по идее, ведет к исчезновению такого феномена, как «работающие бедные». С другой стороны, это развивает сам рынок труда».

Другой эксперт-профессор продолжает: «Риски, связанные с понижением социального статуса и имущественно-экономических возможностей, риски скатывания на «социальное дно» чрезвычайно высоки у учителей, инженерно-технических работников, мелких служащих. «Социальное дно» нынче образованно и повышает свой интеллектуальный потенциал, что само по себе является политически чрезвычайно опасным фактором, поскольку там могут появиться свои «стенки разины», причем они образованные и способные рефлексировать свои политические действия».

Как можно ликвидировать нынешнюю российскую бедность с помощью «инвестиций в образование», если едва ли не большинство бедных и так имеют высшее образование, причем очень хорошее, еще советского типа? И при чем здесь «конкурентоспособность на рынке труда», если повышение конкурентоспособности Иванова по определению означает снижение конкурентоспособности Петрова и Сидорова и, следовательно, их обеднение? Ведь именно конкуренция на рынке труда и является главной причиной абсолютной бедности тех, кого этот рынок отверг, и относительной бедности тех, кто оказался востребован этим рынком, но находится под дамокловым мечом конкуренции со стороны отвергнутых и потому соглашается на низкую зарплату. Это элементарные вещи, изложенные задолго до Маркса уже самими либеральными философами. Как не стыдно российским профессорам XXI века!

Видный социолог так трактует дело: «Сегодня проблема бедности в России сконцентрирована не в селах, традиционно считающихся наиболее уязвимой в этом смысле зоной, а в малых городах, где уже нет ресурсов села, но еще не сформировались ресурсы крупного

города, которые способны выступать компенсаторными механизмами погашения бедности и предоставления возможностей на рынке труда».

Какие «механизмы погашения бедности» работают в Рио-де-Жанейро, при чем здесь «ресурсы крупного города», которые еще не сформировались в России, но вот уже формируются и устранят бедность? Разве Рязань и Челябинск с их глубоким обеднением квалифицированных рабочих и инженеров - не крупные города? И разве бедность села в РФ, как показано другим социологом, не достигла именно катастрофического уровня?

Начальник Отдела политики доходов населения Департамента доходов населения и уровня жизни Минтруда РФ М.Байгереев причиной бедности считает задержку со вступлением РФ в ВТО. В большой статье он пишет: «Причины российской бедности состоят прежде всего в вялой адаптации национальной экономики к процессам глобализации, неконкурентоспособности целых отраслей и производств, низкой производительности труда и слабой его организации, превалировании низкооплачиваемых рабочих мест и дефиците специалистов требуемой квалификации».

Неужели он не помнит, что совсем недавно, за «железным занавесом» (то есть с активным отрицанием глобализации вместо адаптации к ней) и с той же «неконкурентоспособностью целых отраслей и производств» (ибо они вообще не ради конкуренции и мирового рынка существовали), работники этих отраслей и производств вовсе не были бедными и не падали в забое в обморок от недоедания? К чему же наводить тень на плетень?

К тому же сам г-н М.Байгереев, видимо забывшись, пишет через пару абзацев, что с нами произойдет, если «адаптация национальной экономики к процессам глобализации» вдруг станет не вялой, а, наоборот, энергичной: «Неизбежное сближение потребительских цен национального рынка с мировыми ценами, связанное с интеграцией отечественной экономики в мировую экономическую систему, приведет к консервации уровня жизни большинства населения вокруг порога бедности или в крайнем случае невысокого материального достатка со всеми вытекающими последствиями для безопасности страны».

Понятия и модели, взятые из арсенала капиталистической экономики, не годятся и потому, что российская бедность не вызрела эволюционно вместе с развитием рынка труда, производившего жестокую выбраковку отверженных. В РФ обеднели целые категории работающих людей, причем людей квалифицированных, выполняющих сложную работу. Этот процесс просто не имеет аналогов в капиталистической экономике.

Тот же М.Байгереев пишет: «За годы становления рыночной экономики наиболее негативные изменения произошли в оплате труда работников. В 1992 г. минимальная заработная плата составляла 31,8% от прожиточного минимума трудоспособного населения, к 1995 г. она снизилась до 14,3%, затем наблюдался ее некоторый рост, но уже с 1998 г. обозначилась тенденция резкого снижения минимального размера оплаты труда относительно величины прожиточного минимума. В 1999 и 2000 г. соотношение составляло 8,3 и 8,2% соответственно».

В таких отраслях, как сельское хозяйство, здравоохранение, образование и культура, более 65% работников получают зарплату ниже прожиточного минимума. В целом по экономике доля работников, начисленная зарплата которых в 2000 г. была на уровне прожиточного минимума и ниже, составляла 41,5% их общей численности. Номинальная начисленная заработная плата более 18% работников была ниже стоимости минимального набора продуктов питания».

Таким образом, пресловутая «неконкурентоспособность работников и целых отраслей» к бедности не имеет никакого отношения. Люди получили рабочее место и в частных фирмах, и в государственных больницах или школах - значит, они вполне конкурентоспособны на рынке труда. К их работе нет нареканий - но 41,5% всех работников имеют зарплату ниже прожиточного минимума. Они даже свою собственную жизнь не могут обеспечить,

а не то чтобы воспроизвести свою рабочую силу! Более того, 18% работающих не могут себя даже прокормить работой - не то чтобы купить себе рубашку или носки. Тут капитализмом и не пахнет, почти половина работников в РФ работает в режиме концлагеря.

И ведь значительная часть бедных - это те, кто прямо работает на государство и получает от него зарплату. М.Байгереев, сам ответственный чиновник, пишет, как ни в чем не бывало: «Хронические очаги бедности сформировались в бюджетной сфере и в ряде стагнирующих отраслей промышленности. Низкий уровень оплаты труда работников этих секторов экономики стал главной причиной бедности работающего населения».

Как же глава государства В.В.Путин собирается бороться с бедностью, если именно вверенное ему государство и является работодателем, который грабит нанятых им работников? Ведь если переходить на язык рыночной экономики, то государство РФ, забрав на рынке у продавцов рабочей силы их товар, этого товара полностью не оплатило. К чему мудрить и искать виновника бедности - вот он, вор. Хватайте его, товарищ Президент!

Кстати, раз уж заговорили о воспроизводстве рабочей силы, то есть населения РФ, то совершенно очевидна и причина его сокращения. Тут тоже нечего мудрить, искать какие-то духовные причины, аналогии с Западом - детей надо кормить, а на зарплату, установленную в государстве РФ союзом правительства с его «бизнес-сообществом», вырастить детей население не может - даже для своего простого воспроизводства, то есть 2,1 детей на пару супругов.

Вот официальные данные, которые сообщает М.Байгереев: «В 2000 г. среднемесячная начисленная заработная плата составила 171,2% величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Это означает, что семья из двух работников со среднестатистической зарплатой может обеспечить минимальный уровень потребления только одному ребенку. В 2000 г. номинальная начисленная заработная плата более половины семей, состоящих из двух работающих, не могла обеспечить минимально приемлемый уровень жизни даже одному ребенку».

Более того, из всех возрастных категорий сильнее всего обеднели именно дети в возрасте от 7 до 15 лет. В 1992 г. за чертой бедности оказалось 45,9% этой части народа, а в 1997 г. эта доля сократилась до 31,2%. В последнее время обеднение детей опять усилилось – до 40,3% в 2000 и 2001 гг. Таким образом, все результаты воздействия бедности на здоровье, культуру, характер и поведение человека имеют долгосрочный характер – через состояние бедности прошла половина детей РФ.

Менее непосредственно, но существенно призрак бедности овеял своим дыханием почти все население России, и это влияние обладает последствием. В середине реформы подавляющее большинство граждан РФ субъективно считали, что они живут бедно. При опросе ВЦИОМ в марте 1996 г. на вопрос «Как вы считаете, большинство людей с таким же уровнем образования, как у вас, живут сейчас бедно или богато?» в целом 67,1% ответили «скорее бедно», а 18,5% - «бедно». То есть, люди, ощущавшие себя бедняками, в сумме составляли 85,6% всего населения РФ. Чуть-чуть благополучнее других оказались люди с высшим и незаконченным высшим образованием (из них бедняками себя посчитали 79,8%), хуже всех - с образованием ниже среднего (90%). О своей семье люди думали, что она живет несколько беднее, чем люди такого же уровня образования[23].

Исследователи подчеркивают важную особенность процесса обеднения в ходе реформы – происходит исчезновение «среднего класса» с образованием ничтожной прослойки богатых (к ним относят около 1% населения) и беднеющего большинства. Академик Т.И.Заславская пишет: «Процесс ускоренного социального расслоения охватывает российское общество не равномерно, подобно растягиваемой гармонике, а односторонне, – все резче отделяя верхние страты от массовых слоев, концентрирующихся на полюсе бедности»[24].

Пребывание в состоянии бедности уже оказало сильное влияние на экономическое поведение. Например, бедность порождает теневую экономику и придает ей высокую устойчивость тем, что она выгодна и работникам, и работодателям. Но теневая экономика в свою очередь воспроизводит бедность, в результате чего замыкается порочный круг. Вот как обстоит дело на селе: «Неформальная занятость позволяет селянам выживать, но совершенно не решает проблему бедности... - не получить ни медицинской помощи, ни образования... «Черный» рынок наемного труда выгоден работодателям - фермерам и предпринимателям, так как позволяет: экономить на социальных отчислениях; использовать дешевый труд на сельхозработах, что выгоднее, чем применение дорогостоящих гербицидов и техники»[25].

Застойная бедность изменила поведение и структуру потребностей по меньшей мере половины населения РФ, что предопределило новое состояние общества. Меняется сам тип жизни половины общества. Резко повысилась доля расходов людей на питание – первый признак обеднения. Лилия Овчарова в книге «Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению» пишет: «На наш взгляд, наиболее убедительным доказательством снижения уровня жизни за годы реформ служат официальные данные о резком росте доли расходов на питание в среднелюдском потребительском бюджете. В 1990 г. эта доля в семьях рабочих и служащих РСФСР составляла 28,2%, в семьях колхозников - 28,1%... После либерализации потребительских цен в 1992 г. доля расходов на питание, по данным наших обследований, поднялась до 65-70% среднего потребительского набора в выборках по городам. Происходившие в следующий период процессы адаптации и новой стратификации семей снизили эту долю до 48-52% в 1996-1997 гг.»[26]. По данным Госкомстата РФ, в 2002 г. расходы населения на питание в целом составляли 48,3%.

Далее Л.Овчарова продолжает: «По данным бюджетных обследований за 1996 г. средние характеристики питания городских семей свидетельствовали о недопотреблении калорий (91% нормы, заложенной в прожиточном минимуме), белков (73%) и даже углеводов (84%). Вызывает тревогу белковое недоедание у 40% низкодоходных городских семей, в которых живет более 50% несовершеннолетних. Недопотребление в этих семьях составило в 1996 г. по калориям 20%, по белкам 40%, по углеводам 24%». Согласно докладом о здоровье населения, положение с питанием в бедной части общества до 2000 г. не улучшалось.

Другим следствием перестройки структуры расходов людей при обеднении стало резкое сокращение покупок современных предметов длительного пользования, характерных для быта «среднего класса». Так, по сравнению с 1990 г. в 2001 г. покупки телевизоров сократились на 42%, магнитофонов на 72%, мотоциклов и мотороллеров на 81,5%. В ходе реформы произошло резкое, поразительное для таких больших инерционных систем, сокращение объема предоставляемых населению платных услуг. Уже на первом этапе реформы спад составил 4 раза, и сегодня население РФ потребляет в 2 раза меньше платных услуг, нежели в 1980 г. В быте большинства населения произошел огромный регресс[27].

Это всего лишь несколько штрихов картины. Но и из них видно, что бедность не сводится к сокращению потребления материальных благ (как, например, это произошло в годы Отечественной войны). Бедность – сложная система процессов, приводящих к глубокой перестройке материальной и духовной культуры – причем всего общества, а не только той его части, которая испытывает обеднение. Если состояние бедности продолжается достаточно долго, то складывается и воспроизводится устойчивый социальный тип и образ жизни бедняка. Бедность – это ловушка, то есть система порочных кругов, из которых очень трудно вырваться.

В сознании массы людей в ходе реформы целенаправленно создавался «синдром бедняка», в том числе множеством мелких подачек-льгот, а параллельно так же целенаправленно разрушались все сложившееся в советское время «структуры солидарности» - так, что-

бы люди могли опереться друг на друга. В.Глазычев пишет: «Взаимная социальная поддержка почти совсем ушла в прошлое вместе с советскими трудовыми коллективами, тогда как щедрые льготные обещания выработали у слабейших граждан закрепление синдрома зависимости от властей. В действительности - большей зависимости, чем в ушедшую эпоху. На глазах «из ничего» лепится новая сословность, она отнюдь не закрыта «снизу», но только для наиболее агрессивных, наиболее сильных персонажей»[28].

Так ли видят ту систему российской бедности, которую предстоит разрушить «за три года», интеллектуальные соратники В.В.Путина? Из тех обрывочных заявлений, что были сделаны по этому поводу, можно сделать предварительный вывод, что нет, они такой системы не видят. Нынешняя власть вообще представляет бедность как чисто экономическое явление, ключ к преодолению которого - в увеличении массы богатства. В Послании 2004 г. В.В.Путин сказал: «Действительно надежную основу для долговременного решения социальных проблем, в том числе и борьбы с бедностью может дать только экономический рост». Это более чем странное заявление. По нашим нынешним меркам экономический рост США колоссален, но никакого влияния на масштабы и глубину бедности это не оказывает. Важна именно социальная политика, причем далеко выходящая за рамки проблемы распределения экономических благ.

Это - общеизвестная вещь, но называющие себя либералами российские политики этого как будто не знают. Они сводят проблему практически только к перечислению, каким-то образом, дополнительных «социальных трансфертов» обедневшей части населения. Мерило бедности для них – душевой доход. Поэтому иногда даже приходится слышать нелепое выражение «сократить бедность вдвое».

О борьбе с бедностью В.В.Путин сказал в телефонном разговоре 18 декабря 2003 г.: «Ясно, сколько нужно будет денег на решение этой проблемы и сроки, которые потребуются для того, чтобы эту проблему решить... Все для этого есть».

Из контекста подобных заявлений как раз вытекает, во-первых, что правительству неясно, «сколько нужно будет денег на решение этой проблемы». А во-вторых, что ничего для этого нет. И прежде всего, нет трезвого понимания масштаба, глубины и структуры проблемы. Нет даже понимания того, что она совершенно не сводится к деньгам. За подобными декларациями проглядывает наивный оптимизм новых русских начала 90-х годов, когда вся их рациональность сводилась к постулату: «Бабушки, в натуре, решают все!»

Министр Г.Греф, который 22 декабря 2003 г. развивает мысль В.В.Путина, в этом развитии и детализации доводит ее до полной нелепости. Первый его тезис сводится к тому, что вся проблема - в «размазанности» льгот. Если бы их удалось собрать в мощный кулак и ударить им по бедности, то и проблема была бы снята. Тут уж не о выборе между социал-демократией и либерализмом речь, а о полной бессвязности мышления. Греф говорит: «Среди самых острых среднесрочных задач президентом названа главная - борьба с бедностью. Обозначена проблема национального масштаба - свыше 30 млн. человек за чертой бедности... Задача государства - адресно решать проблему бедности. Государство вполне доросло до того, чтобы подступить к этой проблеме кардинально. Сегодняшних объемов социальных расходов бюджета будет достаточно, если размазанные по всем социальным категориям льготы превратить в адресную помощь».

К этим рассуждениям Грефа трудно даже подступить, настолько они несообразны. Где же «размазаны» льготы, если за гранью и на грани бедности находится почти половина населения? В основном среди бедных и «размазаны». Что изменится, если эти льготы «размажут» не социально, а адресно (если даже предположить, что эта нелепая затея выполняется)? Сколько, вопреки Евангелию от Матфея, отнимется у богатого, а бедному да добавится? С гулькин нос. Министр экономики даже не дает себе труда хоть приблизительно оценить эту величину и сопоставить с масштабом проблемы. К тому же при этом

те, кто сегодня барахтается чуть-чуть выше уровня бедности, опустятся чуть-чуть ниже его.

И на каком, интересно, основании Греф ставит знак равенства между «социальными расходами бюджета» и льготами? Он что, предлагает превратить все социальные расходы бюджета (на образование, здравоохранение, культуру и пр.) в адресную помощь бедным? Да соображает ли он, о чем вообще идет речь? Страшно подумать, до чего «государство вполне доросло» с такими министрами. Они, похоже, не читают докладов своих собственных экспертов.

Вот как мило все выглядит у Грефа: «Гражданам в трудоспособном возрасте, в силу тех или иных причин находящимся за чертой бедности, государство должно помочь получить соответствующую квалификацию, помочь с переездом в другую местность, где есть рабочие места. Это серьезно изменит социальную картину в стране».

Манилов умер бы от зависти. Какую «соответствующую квалификацию» должно помочь получить государство оголодавшему учителю или врачу? В какую местность они должны переехать за мифическими рабочими местами, если и в своей местности они исправно ходят на работу - учат детей или делают операции больным? В какую местность должны переехать 40,3% детей, живущих ниже черты бедности? Куда должны переехать работники сельского хозяйства, получающие нищенскую зарплату и живущие со своего участка? Разве эти усилия доброго государства по переквалификации и переезду устраняют «силу тех или иных причин», которые сделали образованного работающего человека паупером? Почему г-н Греф не назовет таинственные «те и иные причины»? Как он видит «социальную картину в стране» после того, как совершатся все эти переезды?

И ведь впрямь умами нашей властной верхушки овладела эта странная фантазия, как будто в РФ где-то есть чудесные регионы с избытком высокооплачиваемых рабочих мест, но люди не решаются туда кинуться и вот, чахнут в бедности у себя в Рязани и Пскове. В Послании 2004 г. В.В.Путин так и сказал: «Даже нынешний рост доходов не всегда позволяет людям приобретать жилье и улучшать его качество. Отсюда – низкая мобильность населения, не позволяющая людям перемещаться по стране в поисках подходящей работы». Интересно, кстати, знает ли В.В.Путин, сколько стоит сегодня квартира, если говорит как-то о чем-то странном, что даже нынешний рост доходов (!) не всегда (!) позволяет людям приобретать жилье. Знает ли он, что даже всей выросшей зарплаты учителя за целый год хватит только на то, чтобы купить 1 кв. метр жилплощади?

Какой пошлый спектакль ставят все эти режиссеры.

1.02.2009. Глава о бедности - часть 3

Механизм создания и воспроизводства бедности в РФ.

Представляется очевидным, что реалистичная программа борьбы с бедностью прежде всего должна быть направлена на то, чтобы остановить маховик того механизма, который поверг людей в бедность и эту бедность воспроизводит. Также очевидно, что разработчики такой программы должны были бы первым делом эти механизмы описать. Пока что в выступлениях политиков, включая президента, такого описания слышать не приходилось. Однако общее представление об этом механизме сложилось, и мы его просто напомним.

Структурируем проблему на основании простых и почти очевидных утверждений. Прежде всего, важны не столько параметры бедности, сколько ее генезис, характер и динамика ее возникновения. И Запад, и «третий мир» обладают хотя и разными, но давно сложившимися типами бедности, они ее интегрировали в социальную систему и вполне могут держать под контролем протекающие в этой системе равновесные, стационарные процессы. Они могут, например, тонко регулировать масштабы бедности с помощью отработанных механизмов социальной помощи.

Бедность в России – совершенно иного типа. Она – продукт социальной катастрофы, слома, она представляет собой резко неравновесный переходный процесс. В стране, где «структурная бедность» была давно искоренена и, прямо скажем, забыта так, что ее уже никто не боялся, массовая бедность буквально «построена» политическими средствами. Искусственное создание бедности в нашей стране - колоссальный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у многих не укладывается в голове - люди не верят, что сброшены в безысходную бедность, считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни. Вот кончится это нечто, подобное войне, и все наладится.

Люди не верят, что старики, еще в старой приличной одежде, копаются в мусоре не из странного любопытства, а действительно в поисках средств к пропитанию. Наоборот, люди охотно верят глумливым и подлым сказкам телевидения о баснословных доходах нищих и романтических наклонностях бомжей. Отношение к бедности не является рациональным ни в среде «бедняков», ни в среде «благополучных». Еще требуются специальные усилия по разработке понятийного аппарата даже просто для описания происходящих процессов. Без этого невозможны ни рациональный план действий, ни рациональная оценка необходимых для успеха средств.

Быстрые и подвижные процессы, породившие бедность в России – приватизация и изменение типа распределения доходов. Приватизация лишила подавляющее большинство населения РФ постоянного источника значительных доходов в виде «дивидендов частичного собственника» – от общественной собственности на землю, промышленные и другие предприятия. Эти дивиденды распределялись на уравнительной основе в виде низких цен на главные жизненные блага или даже бесплатное предоставление таких благ (например, жилья).

Изменение отношений собственности и устранение права на труд позволило работодателям и резко снизить заработную плату. Это коснулось подавляющего большинства населения. Например, на среднюю номинальную начисленную заработную плату в РСФСР в 1990 можно было купить 95,9 кг говядины, или 1010 литров молока, или 776,9 кг хлеба пшеничного 1 сорта. В 2001 г. на среднюю месячную зарплату в РФ можно было купить 39,9 кг говядины, 350,4 литра молока или 424,0 кг такого же хлеба, в 2003 г. 47,2 кг говядины, 305,3 литра молока и 279,6 кг хлеба. Разница с 1990 г. огромна, и небольшой рост зарплаты, который сосредоточивается главным образом в благополучной части общества, никак этой разницы не покрывает. В целом реальная заработная плата работников в РФ составила по сравнению с 1990 г. в 1999 г. 35%, в 2000 г. 42 % и в 2001 г. 50,4% [29]. Надо к тому же учесть, что в 1990 г. Министр энергетики СССР имел зарплату в 4 раза выше средней по стране, а теперь директор регионального отделения РАО ЕЭС имеет зарплату в 100 раз выше средней. Так что сегодня средняя величина мало что говорит - львиную долю фонда зарплаты забирает себе новая номенклатура, в десятки раз прожорливее старой.

В ходе реформы изменился и принцип ценообразования. В рыночной экономике материальные блага производятся для удовлетворения лишь платежеспособного спроса, а не для потребления «всех слоев населения». Именно этим были вызваны резкие различия цен в СССР и на Западе. На Западе предметы первой необходимости были относительно очень дороги, но зато товары, которые человек начинает покупать только при более высоком уровне благосостояния, – дешевы. Хлеб, молоко и жилье очень дороги относительно автомобиля или видеомэгафона [30]. Этот принцип ценообразования создавал на Западе жесткий барьер, который запирает людей с низкими доходами в состоянии бедности – вынужденные покупать дорогие необходимые продукты, люди не могли накопить денег на дешевые «продукты для зажиточных». Таким образом создавался «средний класс», резко отделенный от примерно трети «бедных».

В СССР, напротив, низкие цены на самые необходимые продукты резко облегчали положение людей с низкими доходами, почти уравнивая их по фундаментальным показателям образа жизни с людьми зажиточными. Таким образом, бедность ликвидировалась, человек ценами «вытягивался» из бедности, и СССР становился «обществом среднего класса». В ходе реформы структура цен кардинальным образом изменилась. Продукты первой необходимости население будет покупать по любым ценам, что побуждает торговцев взвинчивать цены для извлечения сверхприбылей. В результате хлеб к настоящему моменту по сравнению с концом 80-х годов подорожал относительно среднего автомобиля (ВАЗ-2105) примерно в 7 раз, а проезд на метро в 18,5 раз.

По-разному изменились цены на непродовольственные товары разной степени необходимости. Например, курильщики не могут обойтись без сигарет (причем большинство из них курит дешевые отечественные сигареты). На этот товар цены за 1991-1999 гг. выросли в 8 раз больше, чем на джемперы и жакеты. А, например, аспирин отечественного производства к 1995 г. по сравнению с 1991 г. подорожал относительно магнитофонной кассеты в 300 раз. Таким образом, чем беднее человек, тем сильнее подорожала «корзина» необходимых для него товаров.

Конечно, в силах государства изменить положение дел и в сфере отношений собственности, и в распределении доходов, и в структуре цен. Но это и значит кардинально изменить курс реформ, принципиально отказаться от неолиберальной доктрины, активно влиять на процессы в экономике и реально стать «социальным» государством. Есть ли признаки такого поворота в намерениях правительства В.В.Путина? В пределах видимости таких признаков нет, а «читать в сердцах» не имеет смысла.

Важной особенностью природы российской бедности является и тот факт, что она, будучи создана посредством нанесения по обществу ряда молниеносных ударов (типа либерализации цен в январе 1992 г. и конфискации сбережений граждан), в дальнейшем стала воспроизводиться и углубляться в результате ряда массивных, очень инерционных, но начавших идти с ускорением процессов. Назову некоторые из них.

Это, прежде всего, ликвидация или деградация рабочих мест вследствие длительного паралича промышленного и сельскохозяйственного производства, распродажи, а также физического и морального износа всей производственной базы страны. Следствием этого процесса и стало резкое обеднение не только массы безработных или полубезработных, но и тех, кто продолжает занимать рабочие места в состоянии их качественного регресса. По масштабам своего влияния на благосостояние населения этот процесс просто несоизмерим с «социальной помощью» и «размазанными» льготами.

То некоторое оживление промышленности, которое имеет место после девальвации рубля в 1998 г. и одновременного скачка цен на нефть, не излечивает, а локализует и усугубляет бедность в целом ряде развитых в прошлом промышленных районов РФ. Причина этого в том, что на этом этапе «оживления» уже проявились черты нового типа экономики РФ как периферийной. Она складывается в виде небольшого числа анклавов промышленного производства, ориентированного на внешний рынок и не интегрированного в народное хозяйство страны. Вне этих анклавов идет процесс деградации и даже архаизации производства и быта. Возникают целые регионы с застойной бедностью, в которой не возникает рабочих мест для квалифицированных и образованных людей, тем более молодежи. Люди отсюда уезжают на заработки, многие спиваются, семьи разрушаются, происходит криминализация жизненных укладов. Эта тенденция набирает силу.

Второй массивный процесс – деградация и даже разрушение жилого фонда страны и инфраструктуры ЖКХ. Дело не только в том, что оставленная без надлежащего ухода и ремонта система требует все больших и больших затрат на ее содержание, которые перекла-

дываются на плечи жильцов. Само проживание в домах, которые на глазах превращаются в трущобы, создает в сознании людей синдром бедности, который сталкивает людей в бедность реальную.

В Послании 2004 г. В.В.Путин говорит: «Очень многие люди, надо признать это, все еще живут в ветхих, аварийных домах и квартирах. Строится – мало, а то, что строится, еще часто не отвечает современным стандартам безопасности и качества. Причем новое жилье могут позволить себе купить лишь люди с высокими доходами». Президент смягчил проблему, сказав, что люди все еще живут в ветхих домах. Напротив, именно в период его правления, в 1999 г. ветхий и аварийный жилой фонд стал расти в геометрической прогрессии - износ жилого фонда приобрел лавинообразный характер. Но главное в его заявлении тот факт, что большинство тех, кто живет в ветхих домах, не могут купить себе жилье - они обеднели в результате реформы. Как же собирается В.В.Путин бороться с этим проявлением бедности?

Вот его заключение: «Надо прекратить обманывать людей, вынуждая их годами и десятилетиями стоять в очередях на получение жилой площади. И обеспечить возможности ее приобретения на рынке для основной части работающего населения России, одновременно с этим – гарантируя предоставление малоимущим гражданам социального жилья». Итак, вынуждать людей годами ожидать бесплатной квартиры добрая власть теперь не будет. Кто может, пусть покупает на рынке. Большинство, как следует из распределения доходов, не сможет. Им обещается «социальное жилье». Что это такое, сколько его реально строится, какие государство дает «гарантии» его предоставления? Именно это и хотелось бы услышать. Президент много говорит об ипотеке, о строительстве в кредит в счет будущих доходов, но о механизме обеспечения жильем бедных - ни слова. И можно понять, почему. Объемы строительства такого жилья, если не считать Москву, ничтожны, и выделять средства на его строительство правительство не собирается.

Объявляя поход против бедности, политический режим одновременно запускает новый виток массового обеднения тех, кто еще барахтается на уровне чуть выше прожиточного минимума. Помимо резкого роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги при подтягивании цен на энергоносители до уровня мировых, всех граждан ждут другие крупные изменения в структуре расходов, связанных с жильем.

С.Плетнев в статье под заглавием «Не жильцы» в интернет-сайте strana.ru пишет: «Уже в следующем году всех собственников жилья в России ожидает очередное налоговое потрясение. Идет работа над законопроектом, формально снижающим ставку налога на имущество физических лиц. Если раньше налог на квартиру составлял 2% от оценки БТИ, то теперь его значение может составлять от 0,1 до 0,6% с небольшой поправкой: платить его необходимо с рыночной стоимости жилья. Минэкономразвития подсчитало, что если инвентаризационная стоимость жилья в России составляет порядка 2 триллионов 372 миллиарда рублей, то рыночная превышает 35 триллионов. Для населения суть закона проста: придется платить гораздо больше за те квартиры и те же самые дома в садовых товариществах. И если раньше налог на квартиру был малозаметным в расходной части семейного бюджета, то его повышение в 10-20 раз сразу сделает выплаты ощутимыми.

Со своей стороны Госстрой активно пробивает идею обязательного страхования жилья по аналогии с «автогражданкой». Правда, в отличие от последней, где можно не покупать страховку, если не имеешь автомобиля, жилье имеют все. Соответственно, и платить придется всем и каждому... Пока, правда, ввиду явной антисоциальной направленности этого проекта предложения Госстроя несколько потеряли актуальность, но доподлинно известно, что работа над этим законом продолжается, а значит, рано или поздно он появится на свет».

А наше население впало в оцепенение и просто не желает верить, что готовится этот людоедский закон об обязательном страховании жилья. Будучи председателем Госстроя,

Н.Кошман называл и цену страховки – 2% в год. Но аппетиты растут, и вот сообщение прессы: «Эксперты предполагают, что тарифы на обязательное страхование жилья составят 3% от рыночной стоимости квартиры в год» («Коммерсантъ», 31.07.2003).

Поскольку рыночная стоимость всех квартир в РФ превышает 1 трлн. долларов, это значит, что за страховку население должно будет выкладывать в год по 30 млрд. долл. – в среднем почти по 1 тыс. долларов с каждой семьи. Потянут такой груз люди? Пусть сами подумают. Тот, кто наскреб денег на новую квартиру, влез в долги, а теперь радуется и облизывает стены, должен будет платить намного больше – новые квартиры в цене. Придется расстаться, купить что подешевле – вплоть до картонного ящика.

Спросили П.Шелища, председателя Союза потребителей России, депутата Госдумы, кажется, «всех созывов»: «Разработчики нового жилищного кодекса предполагают, что богатые и бедные будут жить в разных кварталах. Это неизбежно?» Демократ важно ответил: «Да, это неизбежно. Наступает естественное расслоение бедных и богатых... К тому же, если у человека не хватает денег на хлеб и лекарства, зато от советской власти осталась дорогая квартира, почему не поменять ее на другую, чуть проще, меньше и дальше?» («Дело», 14.06.2004).

Ничего естественного в этом расслоении нет – это дело подлых рук человеческих, а также следствие тупости нашего избалованного советской властью населения, которое клюнуло на удочку таких шелищей и захотело свободного рынка – а теперь боится высунуть голову из-под одеяла, взглянуть в глаза страшной правде.

Творческое воображение правительства в изобретении способов вытряхивания карманов обывателя не знает границ. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 г. В.В.Путин говорит: «Мы давно говорим о платных дорогах. Полагаю, нам надо начать реализацию таких проектов по основным магистралям – разумеется, наряду с существующими бесплатными. Уже в самое ближайшее время Правительство должно определить их перечень». И так, реформаторы изобрели еще один способ изымать деньги из тощих кошельков российского «среднего класса». Сделать проезд по шоссе платным - значит отрезать от этих дорог еще значительную часть тех, кто на своих стареньких «жигулях» и «москвичах» еще могли доехать до унаследованных от советского времени «шести соток» - подкормиться летом, успокоиться и отдохнуть в своей скромной недвижимости. Уже обязательное страхование гражданской ответственности автовладельца очень сильно ударило по таким людям, примерно удвоив ежегодные расходы на содержание автомашины. Платить к тому же и за въезд на шоссе им будет не по силам. И где это, интересно, видел В.В.Путин у нас «магистрали, разумеется, существующие наряду с основными»? У нас и основных-то почти нет. Посмотрел бы сначала на карту автомобильных дорог, прежде чем говорить такое. Для очень большой части граждан драматические последствия будет иметь ликвидация льгот (прежде всего на покупку лекарств и транспорт). Академик Н.Петраков пишет: «Теперь государство решило покинуть не только экономическую, но и социальную сферу. Оно предполагает снять с себя всякую материальную ответственность за поддержание здоровья и мало-мальски пристойного качества жизни более 32 млн. своих подданных. Операция называется: деньги в обмен на льготы... Минфином уже подсчитано, что перевод льгот в денежную форму обойдется федеральному бюджету в 171,2 миллиарда рублей. Это, по утверждению Алексея Кудрина, в четыре раза больше, чем нынешнее финансирование льгот. Льготники должны просто плясать от радости. Но не пляшут почему-то, а, наоборот, завалили Госдуму, особенно единороссов, возмущенными письмами. По последним опросам социологов, как минимум 40% россиян, категорически против замены льгот на денежные компенсации. А среди граждан пенсионного возраста не принимают эту инициативу правительства 70% опрошенных. И только 16% (!) согласны с этой акцией власти.

На коварный вопрос президента РФ, зачем вообще нужна вся эта затея, главный вице-премьер Александр Жуков ответил: «Справедливость надо восстановить. Жители села не имеют телефонов и поэтому не могут получать льгот, которыми пользуются обтелефоненные городские граждане»... Можно напомнить г-ну Жукову, что социальные льготы вообще изначально «несправедливы», потому что они адресно направлены на конкретного нуждающегося. Один человек болеет чаще другого. Если он больше лежит в больнице, потребляет больше лекарств, то, по Жукову, он обкрадывает здорового. Ату его! Тысячу рублей в зубы и иди на все четыре стороны. Это и есть рыночная «справедливость» в исполнении российского правительства. Если господа министры действительно так радеют о народе, то почему бы им не сделать жест доброй воли: выбирай, народ, сам между льготой и денежной компенсацией. Пусть деревенский житель предпочтет деньги, а обремененный болезнями горожанин бесплатные лекарства. Так нет же!.. Наоборот, оно пошло в тотальное наступление на социальные льготы и гарантии прав человека на жизнь, выставляя в качестве «дымовой завесы» денежные компенсации обездоленным старикам и инвалидам: 1 доллар в день. Этот доллар мгновенно будет съеден инфляцией»[31].

Третий массивный процесс – ухудшение физического и духовного здоровья обедневших людей. Это вызывается целым комплексом причин, так что возникает порочный круг, из которого очень трудно вырваться. Причины ухудшения здоровья, резко снижающего трудовые возможности человека, достаточно полно освещаются в регулярных государственных докладах о состоянии здоровья населения РФ. Главные из них - плохое питание, резко ухудшившиеся жилищно-бытовые условия и постоянный тяжелый стресс, разрушающий иммунную систему. В Государственном докладе “О состоянии здоровья населения Российской Федерации” (2000 г.), представленном Минздравом РФ и Российской Академией медицинских наук указаны главные причины повышенной смертности населения РФ, прямо связанные с реформой: “Долговременное массовое накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения в сочетании с воздействием хронически высокого уровня стресса, снижения качества жизни в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы и базовой медицины, недоступности высокоэффективных средств лечения для подавляющей части населения, криминализация общества и рост преступности”.

Немаловажным фактором стало и ухудшение здравоохранения. Его кризис, вызванный реформой, сильнее всего ударил по обедневшей части населения, и кризис этот углубляется, поскольку иссякает запас прочности унаследованной от СССР система и ликвидирована отечественная фармацевтическая промышленность и производство медицинской техники.

Предполагает ли правительство принять в этой сфере какие-то специальные меры, чтобы облегчить положение именно бедной части населения? Судить об этом можно по тому, что сказал В.В.Путин в Послании 2004 г.: «Главная цель модернизации российского здравоохранения – повышение доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения. Из этого прежде всего следует, что гарантии бесплатной медицинской помощи должны быть общеизвестны и понятны... По каждому заболеванию должны быть выработаны и утверждены стандарты медицинских услуг – с обязательным перечнем лечебно-диагностических процедур и лекарств, а также – с минимальными требованиями к условиям оказания медпомощи... Детализация стандартов дает возможность посчитать реальную стоимость этих услуг и перейти от сметного принципа содержания медицинских учреждений к оплате за оказанный объем и качество медицинской помощи. Причем, такая оплата должна производиться в соответствии с принципами обязательного страхования».

Из этого туманного и странного рассуждения ясно, во-первых, что цель правительства - «повышение доступности медицинской помощи для широких слоев населения». Это - важное изменение, поскольку до недавнего времени, по инерции, говорили о праве на медицинскую помощь для всего населения. Судя по всему, бедные попадают в те «неширо-

кие» слои населения, для которых врач будет становиться все менее и менее доступным. Если в либеральных США 35 млн. человек не имеют доступа ни к какой медицинской помощи, а власть РФ привержена либеральным ценностям, то почему мы должны отставать от США?

Сделать здравоохранение доступным хотя бы для широких слоев власть предполагает не с помощью бюджетного финансирования отрасли, а посредством утопического плана стандартизации медицинских услуг по каждому заболеванию! В этом есть нечто иррациональное, даже мистическое. Как могут бумажки с надписью «Стандарт» заменить врача, больницу, лекарства? Что значит «обязательное страхование», из средств которого будет оплачиваться счет за все стандартные услуги, оказанные безработному человеку с доходом ниже физиологического минимума? Все это надо понимать так, что никакой помощи бедным в сфере здравоохранения государство оказывать не собирается, и доступность медицинской помощи для них и дальше будет снижаться.

Важным результатом реформы стало в бедной части населения угасание трудовой и жизненной мотивации, снижение квалификации работников и быстрое нарастание малограмотности и неграмотности. Вот что было сказано в 2002 г. на совещании работников образования по этой проблеме: «У нас сейчас достигли совершеннолетия 10 млн. совершенно неграмотных и 2 млн. ребят школьного возраста по разным причинам не учатся»[32]. Это не только резко сокращает возможности для профессионального роста и увеличения доходов, но и создает ту среду, в которой бедность воспринимается как нормальное состояние.

Обеднение большей части трудящихся и ликвидация права на равный доступ к образованию независимо от доходов родителей создали порочный круг, резко сокративший возможность молодежи вырваться из бедности. Этот механизм обратной связи был создан на первом же этапе реформы. Видный социолог В.Н.Шубкин говорил в докладе на международном симпозиуме в декабре 1994 г.: «Все более усиливается беспросветность в оценках молодежи. Этому в немалой степени способствует и дифференциация в системе образования, ибо плюрализм образования ведет к тому, что в наших условиях лишь богатые получают право на качественное образование. Бедные сегодня уже такого права не имеют»[33].

Но что изменилось за прошедшие 10 лет? Предполагается ли принять какие-то существенные меры, чтобы разорвать этот порочный круг? Нет, власть ограничивается констатацией общеизвестных фактов. В Послании 2004 г. В.В.Путин сказал: «Одна из самых серьезных проблем – это недоступность качественного образования для малоимущих. Обучение сопровождается дополнительными платежами, которые не каждый может себе позволить. Сокращение общежитий, маленькие стипендии не позволяют детям из малообеспеченных семей – особенно из отдаленных городов и сел – получить качественное образование».

Как это понимать? Президент констатирует недоступность нормального образования для большей части населения, которую искусственно превратили в бедняков. Это - результат политики, главных принципов которой власть менять не собирается. Ну так принимайте специальные меры, чтобы разрешить проблему в рамках своей политики. Так ведь нет, ничего делать не собираются. В чем же тогда заключается эта «борьба с бедностью»? В.В.Путин высказал там же философскую истину: «Доступность услуг образования и здравоохранения, возможность приобрести жилье помогут нам смягчить проблему бедности». Так ведь ни этой доступности, ни этой возможности вы и не предполагаете дать обедневшим людям!

Наконец, важным условием создания и воспроизводства бедности является становление и укрепление теневой и криминальной экономики. Бедность является ее питательной средой и одновременно следствием. Уже сейчас в РФ огромны масштабы низкооплачиваемого и

почти рабского труда нелегальных мигрантов. Эти работники, получая гроши ради того, чтобы пережить нынешний кризис, еще больше обеднеют, когда будут выброшены на улицу их преступными работодателями - без пенсии и других форм социального страхования. Присутствие целой армии таких бесправных работников на рынке труда настолько сбивает цену на рабочую силу, что в РФ нет даже возможности наладить капиталистическую эксплуатацию трудящихся - перед нами уклад, представляющий собой угнетение населения нефеодалным сословием-бандой, которая действует под маской предпринимателей.

Кроме того, как сказал бы химик, обеднение - автокаталитический процесс. Сам его «продукт» ускоряет процесс и может превратить его в лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир. С самого начала реформы подростковая (и женская) преступность в темпах роста значительно опередила общую. Криминалисты определенно оценивают главные причины этого: снижение жизненного уровня населения, появление и рост армии безработных, снижение нравственного уровня общества, ослабление профилактической и карательной работы правоохранительных органов. Сильнее всего эти факторы сказались на подростках, криминалисты отмечают в среде подростков «широкое распространение пьянства и наркомании, нравственное падение, физическое и психическое ухудшение здоровья, неэффективное оказание медицинской и социальной помощи»[34]. Это - массивный социальный процесс, который не будет переломлен просто из-за небольшого роста доходов.

Крайнее обеднение выталкивает массу людей из общества и так меняет их культурные устои, что они начинают добывать себе средства к жизни «поедая» структуры цивилизации. Тем самым они становятся инструментом «насильственной» архаизации жизни окружающих - и их дальнейшего обеднения. Типичным проявлением этого процесса стало хищение электрических проводов, медных и латунных деталей оборудования железных дорог и т.п.

Весной 2001 г. в МГУ выступал глава районной администрации из г. Ливны Орловской области. Там были юбилейные торжества в честь 125-летия со дня рождения С.Н.Булгакова, уроженца этого города, а в МГУ состоялась презентация книги, посвященной о. Сергию Булгакову. Представляя книгу, глава администрации рассказал, как-то связав с идеями С.Н.Булгакова о том, что произошло в их районе. Ночью кто-то срезал и увез 10 км электрического медного провода. Эта линия обеспечивала с десяток деревень, и все они остались без тока и без света. Денег на восстановление линии не было ни у администрации, ни у РАО ЕЭС, ни у жителей. И вот, через какое-то время у людей стала ослабевать потребность в электричестве - они стали свыкаться со своим новым положением.

По тому, как взволнованно и с каким-то глубоким смыслом говорил об этом представитель власти из этой местности центральной России, сам человек очень культурный, было видно, что он воспринял ситуацию как признак глубокого экзистенциального слома. Он не сводился к добыванию оставшихся животноводческих ферм, дальнейшему упадку производства, бытовым затруднениям жителей. Потерявшие культурный облик «гунны» за одну ночь перевели бытие жителей десятка деревень на новый уровень, сменили сам тип их жизни. И самое страшное в том, что люди к этому уже были психологически готовы. Они уже до этого собрали свои пожитки, чтобы уйти из современного общества назад, к лучине.

Подобных этому признаков архаизации мы наблюдаем достаточно, чтобы прийти в уме к логичному выводу: при длительном обеднении и сокращении предоставляемых на уравнительной основе социальных («бесплатных») благ люди вынуждены отказываться от до-

рогостоящих оболочек цивилизации и отступить ко все более примитивным и архаичным способам производства и жизнеустройства.

Чем дальше, тем разрушительная деятельность «гуннов» становится более крупномасштабной. Вот сообщение 2004 г.: «Кемеровская область: в Центральных электрических сетях ОАО «Кузбассэнерго» неизвестные злоумышленники частично разобрали 7 опор на магистральной ЛЭП напряжением 220 тысяч вольт. Ремонтники сетей обнаружили, что расхитители, обычно крадущие алюминиевый провод, на этот раз срезали с металлических опор стальные уголки, придающие жесткость и устойчивость конструкции. Общая масса похищенных деталей составила 1,5 тонны. По оценке специалистов, совершить подобную кражу могла только организованная группа расхитителей, оснащенная необходимым оборудованием и грузовой техникой... Как сообщили ИА REGNUM в пресс-службе ОАО «Кузбассэнерго», поврежденные ворами опоры не выдержали бы ветра и не самой большой силы. В этом случае электроснабжение значительной части региона было бы нарушено».

Очевидно, что все эти процессы вовсе не прекратятся оттого, что государство при благоприятной конъюнктуре на мировом нефтяном рынке сможет дать бедной части населения вспомоществование и «поднять» доходы некоторых из них (пусть даже половины) выше черты бедности. Указанные процессы деградации «затянут» этих людей обратно в бедность.

Для преодоления бедности требуется большая восстановительная программа – восстановление всех главных систем жизнеустройства. Для этого прежде всего необходимо восстановление рационального сознания и мобилизация материально-технических и трудовых ресурсов, а вовсе не «известная сумма денег». Правительство реформаторов, будучи проникнуто «монетаристским мировоззрением», во главу угла при рассмотрении состояния больших систем ставит проблему денег. Это – гипостазирование, уход от сути. Это, конечно, плохой признак, ибо в критических ситуациях, как правило, дело решают не деньги, а «реальные» ресурсы – материальные, кадровые, интеллектуальные. Когда король воскликнул «Коня! Полцарства за коня!», то ему был нужен именно конь, а не деньги, равные цене коня на ярмарке.

1.02.2009. Глава о бедности - часть 4

На чей опыт опирается программа «борьбы с бедностью».

Одним из обязательных этапов разработки социальных программ является изучение опыта сходных программ, проведенных в другие исторические периоды или в других условиях. Этот опыт обычно не годится для прямого переноса в нынешнюю конкретную обстановку, но является поучительным и своими успехами, и неудачами.

В данный момент обращаться к рациональным методам власть не желает или не умеет. Это видно уже из того, что полностью игнорируется даже близкий опыт преодоления бедности в собственной стране. Неприятно антисоветским идеологам, что эта программа была разработана и реализована именно советской властью, но нельзя же быть настолько мелочными. Советская власть унаследовала глубокую застойную бедность огромной массы крестьянства, усугубленную разрухой Мировой и Гражданской войн. И практически сразу после Октября были начаты большие исследовательские, а затем и практические (в том числе чрезвычайные) программы.

Первое обследование бюджета и быта семей рабочих было проведено по инициативе С.Г.Струмилина уже в мае-июне 1918 г. в Петрограде. Затем оно охватило 40 городов. Были получены важные результаты, а в 1920-1922 гг. работа по уточненной методике была проведена в самых разных регионах страны. В 1918 г. были сделаны и первые попытки рассчитать прожиточный минимум для установления обязательного минимального уровня

заработной платы. Велись исследования фактического потребления и физиологических норм.

В декабре 1922 г. было проведено всесоюзное месячное бюджетное обследование рабочих и служащих. С 1923 по 1928 г. такие месячные обследования проводились в ноябре. Это был большой проект, в ходе которого было накоплено много данных и методический опыт.

Во многом благодаря рационально разработанной комплексной программе советская власть за время НЭПа буквально изменила тип общества, ликвидировав «синдром бедняка», что привело к резкому увеличению продолжительности жизни, снижению детской смертности, искоренению массовых социальных болезней.

И.А.Гундаров пишет: «Отсутствие объективных оснований для значительного улучшения здоровья в 1921 г. заставляет предположить действие закона «духовно-демографической детерминации». Действительно, уровень преступности, подскочивший в 1914-1918 гг. в два раза, затем в начале 20-х годов снизился от этой величины в четыре раза. В последующие годы продолжалось поразительное улучшение духовного состояния общества. Если в 1922 г. коэффициент судимости по РСФСР составлял 2508 на 100000 жителей, то в 1927 г. он упал до 1080. Уменьшилось число психических заболеваний, что подтверждается сокращением в психиатрических больницах коечного фонда на 31% по сравнению с 1913 г. Годы НЭПа представляют собой удивительную картину резкого улучшения системы медико-оздоровительной помощи и здоровья населения»[35].

Программа преодоления бедности и присущих ей социальных болезней в 20-е годы привела к возникновению того антропологического оптимизма, который предопределил и успехи индустриализации, и массовую тягу к знаниям, и победу в Великой Отечественной войне, и быстрое восстановление после войны. А ведь советская власть тогда еще не располагала для этого крупными материальными ресурсами, успех был достигнут благодаря всеобщему «молекулярному» участию населения в этой программе, ясностью и фундаментальностью поставленных целей и критериев, способу организации действий, созвучному культурным традициям народа.

Можно ли ожидать всего этого сегодня? Пока что оснований для оптимизма нет. Наши неолибералы буквально закусил удила. Они создали шизофреническую, безвыходную ситуацию: бедность поражена реформой в советском обществе, которого они не знали, не понимали и знать не хотели; эта бедность имеет совершенно другой тип и другую динамику, нежели в обществе либеральном, по пути которого они якобы следуют, но которого тоже не знают и не понимают; наше обедневшее общество, хотя и изуродовано, но в главных своих основаниях осталось советским (точнее, типа советского), и на либеральные рецепты отвечает «неправильно». По сравнению с такой властью даже безумный тиран, воспитанный в лоне отечественной культуры, нанес бы нам меньше травм, чем эта свихнувшаяся на либерализме интеллигенция, за ниточки которой дергают воры всех мастей.

Беда и в том, что, начисто отвергнув советскую (и светскую) рациональность, наши реформаторы не могут опереться в понимании бедности и на Православие. Ведь недаром никаких существенных заявлений и напутствий в связи с «походом на бедность» от Церкви не последовало. Причина серьезна: поддержав эту власть, иерархи Церкви не в состоянии оправдать ее действия исходя из Православия. И лучше в такой ситуации промолчать, ибо иначе пришлось бы признать, что эта власть - источник зла.

Философ Б.Межуев пишет мягче: «Православие... ещё не осознало специфики существования в новом капиталистическом, бессловном обществе, где есть проблема бедности, где эта проблема реальна. На уровне глубинного философского осознания такие проблемы, как и многие другие, связанные с реалиями современного общества, по-моему, просто не ставятся... До сих пор в русской религиозной философии преобладала неприязнь к ка-

питалистическому обществу, в том числе и порождаемой им проблемы бедности, но она была осмыслена не изнутри современности, а извне ее, как предмет отрицания, а не как решение вопроса, что делать и как жить православному христианину в ценностно чуждой ему системе капитализма. Русская философия думала о том, как жить без капитализма, а не о том, как жить при капитализме, сохраняя вместе с тем какие-то гуманистические и иные духовные ценности»[36].

Вот такая гибкость ума у философов: выходит, в принципе можно жить православному христианину не просто в «ценностно чуждой ему системе капитализма», а именно в исключительно агрессивной, наступательной системе капитализма, - и оставаться духовным, гуманистом. В том-то и дело, что это невозможно, иначе бы не было революции в 1917 г. То есть, сохранить «какие-то гуманистические и иные духовные ценности» можно, только православными они уже не будут. И этот вопрос как раз прекрасно осмыслила русская религиозная философия - и потому-то С.Булгаков не доверял социалистам как «слишком буржуазным».

Но дело хуже. Ведь игнорируется не только советский опыт осмысления бедности и ее преодоления, полученный в рамках нашей собственной культуры, но и столь уважаемый реформаторами «опыт цивилизованных стран», то есть Запада. Например, в США имеется большой фонд диссертаций, посвященных исследованию бедности в разных странах и культурах, а также методологии изучения этой проблемы, конкретному опыту программ борьбы с бедностью. Никакого выхода в российское «интеллектуальное пространство» это знание не имеет. Попробуйте назвать хотя бы одну книгу на русском языке, где ясно и сжато были бы изложены современные научные представления о бедности. Таких книг не видно. Если не ошибаюсь, нет даже перевода знаменитой книги А.Сена «Политэкономия голода» – а ведь она удостоена Нобелевской премии, чего же еще надо нашим интеллектуалам-реформаторам! В работах, посвященных бедности, российские социологи первым делом ссылаются на издания Всемирного банка, например, на такие книги: «Бедность в России: Государственная политика и реакция населения». Вашингтон: Институт экономического развития Всемирного банка (ред. Дж.Клугман). 1997; «Обратить реформы на благо всех и каждого. Бедность и неравенство в странах Европы и Центральной Азии». Вашингтон: Всемирный банк. 2001. Но издания этой организации, на которой лежит значительная доля интеллектуальной ответственности за бедность в зависимых странах мира, предельно идеологизированы – как же их можно брать за путеводную нить!

Есть большая международная организация католической церкви «Caritas». Она ведет исключительно широкие и глубокие исследования бедности – во всех ее разрезах. Мне удалось поработать в библиотеке этой организации в Испании и почитать отчеты ее исследовательских групп. Это исключительно важный для нас материал – не в качестве рецептов, а как урок долгого осмысления и изучения проблемы бедности в конкретной культуре. Руководство этой организации подарило для работы в России целую коллекцию выпущенных под ее эгидой научных трудов и отчетов. Но никакого интереса к современному знанию по проблеме бедности, накопленному в этой организации, в России не проявили ни государственные, ни научные, ни общественные организации. Не было интереса и к опыту Индии, изучаемому российскими востоковедами.

Например, Российский гуманитарный научный фонд год за годом отказывал даже в небольших грантах на то, чтобы ввести эти обобщенные сведения в научный оборот в России и начать отечественные методологические работы в этой области. Эксперты РГНФ не голодают! Но ведь и оригинальных исследований РГНФ не финансировал.

Происходит следующее. Примерно половина населения России терпит бедствие в результате утраты доступа к самым элементарным условиям существования. По сути, половина народа внезапно оказалась в новой, ранее для нее неведомой окружающей среде. Чтобы выжить, требуется срочное получение нового знания, которым эта половина народа не об-

ладает даже в виде хотя бы эмпирического опыта. Повернулась ли наука, теперь управляемая «по-новому мыслящими людьми», к потребностям этих «слоев населения»? Ни в коей мере - ни на одном научном форуме об этом никто даже не заикнулся. Мы видим исключительную ориентацию элиты научной интеллигенции на «платежеспособный спрос», на потребности только имущей части населения. Это действительно радикальный отход от норм и даже идеалов Просвещения. Перед отечественной наукой стоит общенациональная проблема огромного значения – и никакого желания ее исследовать методами науки!

Зарубежный опыт не дает нам непосредственных указаний и рецептов, но многое в уже наработанной методологии имеет общее значение – а мы к этому знанию почти не прикоснулись. Возможно, у нас и есть знающие специалисты, но их влияния на мышление власти, элиты и широких кругов интеллигенции не чувствуется.

А ведь для рационального представления проблемы важен уже тот факт, что бедность является болезнью общества. Болезнь требуется лечить, она не прекращается просто от некоторого улучшения ухода за больным, хотя и это очень важно. Даже такое сравнительно широко известное и отложившееся в памяти проявление бедности, как голод, требует специальных знаний и осторожности для выведения человека из этого состояния. Дайте человеку после длительного голодания просто поесть – и это его убьет.

Насколько поверхностно наше обыденное знание о бедности, говорит такой факт, широко освещенный в литературе. Попытки оказания помощи голодающим в разных районах «третьего мира» путем посылки и раздачи продовольствия очень часто кончались неудачей просто потому, что организм долго голодавших людей «не принимал» пищи – их или рвало, или начиналось тяжелое расстройство желудка. Люди, пораженные желудочно-кишечными заболеваниями и гельминтозами, умирали от голода при избытке пищи – она ими не усваивалась. Этим людям надо было лечить, а не просто кормить.

Точно так же, значительной части страдающих от бедности людей не поможет формальное увеличение их доходов – у кого-то деньги отнимут окружающие, кто-то их пропьет, кто-то из иррационального страха перед «черным днем» спрячет деньги в тайник. Чтобы эти дополнительные деньги «усваивались», нужно лечить весь социум, в котором обитают бедные.

Более того, английские социологи, изучавшие обедневших жителей рабочих районов с длительной застойной безработицей, отметили у них такое явление, как «потерю рациональности» в обращении с деньгами. Эти люди разучились считать и разумно тратить деньги! Получив сумму денег, позволяющую сносно жить, они тратили ее на совершенно нелепые, ненужные вещи или лакомства – и снова впадали в нужду. Такое поведение в прошлом наблюдалось при первых контактах европейцев с жителями колоний, когда последние начинали привыкать к деньгам. Но те «дикари» не обладали навыками логического мышления, установления причинно-следственных связей, расчетливостью - у них был иной тип мышления. Их обращение с деньгами с интересом изучалось, но не вызывало удивления. Однако оказалось, что и бедные англичане впадают в такое состояние. Чтобы вновь превратить их в «рационального потребителя», необходимы усилия по их реабилитации. Понимают это российские разработчики программы «сокращения бедности вдвое»?

Еще более важно, что бедность – болезнь многообразная и очень динамичная. В ее развитии имеют место пороговые явления, критические точки и качественные переходы. В России пока что обеднело большинство граждан, так что они друг друга «разумеют». На этом мы пока и держимся. У всех них еще сохранилась данная общим образованием единая культурная основа, один и тот же способ мышления и рассуждения, один и тот же язык слов и образов. Все это сильно подпорчено телевидением, но и подпорчено почти одинаково у всех. Подавляющее большинство наших бедных имеют еще жилье, а в квартире

свет, водопровод, отопление, книги на полках. Все это «держит» человека на весьма высоком социальном уровне.

Совсем иное дело - бедность в трущобах большого капиталистического города. Здесь она приобретает новое качество, для определения которого пока что нет подходящего слова в русском языке. Вернее, смысл слова, которым точно переводится на русский язык применяемый на Западе термин, у нас совсем иной. Бедность (poverty - англ.) в городской трущобе на Западе для большинства быстро превращается в ничтожество (misery - англ.).

Что же это такое - ничтожество? Это, прежде всего, бедность неизбывная - когда безымянные общественные силы толкают тебя вниз, не дают перелезть порог. Кажется, чуть-чуть - и ты вылез, и там, за порогом, все оказывается и дешевле, и доступнее, и тебе даже помогают встать на ноги. Мы этого пока еще не знаем, но наши бедные - уже на этом пороге.

В такой ситуации очень быстро иссякают твои собственные силы, и ты теряешь все личные ресурсы, которые необходимы для того, чтобы подняться. У нас мы это видим в среде небольшого контингента опустившихся людей, прежде всего алкоголиков, но это другое дело, они «под наркозом» и не хотят оторваться от бутылки. Ничтожество - это постоянное и тупое желание выбраться из ямы, и в то же время неспособность напрячься, это деградация твоей культуры, воли и морали. Вырваться из этого состояния ничтожества можно только совершив скачок «вниз» - в антиобщество трущобы, в иной порядок и иной закон, чаще всего в преступный мир.

Переход людей через барьер, отделяющий бедность от ничтожества - важное и для нас малознакомое явление. Если оно приобретет характер массового социального процесса, то вся наша общественная система резко изменится - а наше сознание вообще пока что не освоило переходных процессов. Надо наблюдать и изучать то, что происходит на этой грани, в этом «фазовом переходе». Если понимать сущность нелинейных процессов и пороговых явлений, чувствовать приближение к критической точке, то можно и с небольшими средствами помочь людям удержаться в фазе бедности или даже перейти в эту фазу «снизу», из ничтожества.

Но для всего этого нужно произвести беспристрастную инвентаризацию нашего интеллектуального инструментария. И тогда наверняка придется начинать со срочной программы по восстановлению навыков и норм рационального мышления. Как бы неприятно это ни было нашим политическим бонзам.

Методологическое оснащение объявленной борьбы с бедностью. Как было сказано выше, в нашем обществе бедность является социальной болезнью. Для ее лечения необходим рациональный подход - с установлением диагноза, выяснением причин и отягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения. Конечно, когда нет врача с его рациональным научным подходом, можно пойти к знахарю или шаману, попробовать одолеть болезнь наговорами и заклинаниями. Бывает, что это дает психологический эффект, и болезнь отступает. Но так бывает редко. Победить бедность без опоры на рациональные методы вряд ли удастся.

РФ сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать нашу бедность. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной «фотографии» нашей бедности, ее «карты».

В.Глазычев отмечает: «Сколько-нибудь серьезной статистики нищеты в стране нет, и едва ли реалистично выстроить ее силами казенных учреждений, что ставит негосударственные объединения и локальные общественные организации перед весьма серьезным вызо-

вом. Картина различных «субкультур нищеты» не отстроена, хотя ее видовое богатство не является секретом ни для исследователей, ни для ответственных публицистов. Понятно, что без картирования явления нельзя выстроить сколько-нибудь действенную политику последовательного сжатия зоны нищеты до социально допустимого минимума»[37].

Методы, применяемые для измерения этого явления, малоинформативны, о чем говорилось в гл. *. Те данные, которые собирает Госкомстат, плохо согласуются с данными ВЦИОМ и бюджетными исследованиями международных научных групп. Критерии исчисления прожиточного минимума и определения «черты бедности» размыты и произвольны, теневые потоки денег, продовольствия и товаров почти не изучаются.

В некоторых отношениях социальное положение в России сегодня хуже, чем представляется западными экспертами и российскими социологами, мыслящими в понятиях западной методологии. Вернее, оно не то чтобы хуже, а находится в совсем ином измерении. Негативные социальные результаты реформ измеряются экспертами в привычных индикаторах. Но положение в России подошло к тем критическим точкам, когда эти индикаторы становятся неадекватными.

Например, при резком социальном расслоении в принципе утрачивают смысл многие средние величины. Так, показатель среднедушевого дохода, вполне информативный для СССР, ни о чем не говорит, ибо доходы разных групп стали просто несоизмеримы. В 1995 г. во всей сумме доходов населения оплата труда составила всего 39,3%, а рента на собственность 44,0% (соотношение 0,89:1). Нормальное для рыночной экономики соотношение совершенно иное (примерно 5:1)[38].

Ничего не говорят в такой ситуации и средние натурные показатели, например, потребления. В 1995 г. потребление животного масла в России было в два с лишним раза меньше, чем в 1990. Продажа мяса и птицы упала за это время с 4,7 млн. т до 2,1 млн. т. Но это снижение было почти целиком сконцентрировано в бедной половине населения. Следовательно, половина граждан России совершенно не потребляла мяса и сливочного масла - как же можно ее «усреднить» с благополучной половиной!

У нас даже не сообщается показатель, которым на Западе обычно сопровождают число тех, кто имеет доходы меньше прожиточного минимума - величину «пограничного слоя», то есть число тех, кто имеет доходы немного больше прожиточного минимума. А ведь у нас этот слой, судя по всему, очень велик, и любая очередная кампания власти по потрошению карманов «среднего класса» сбрасывает часть людей из «пограничного слоя» ниже уровня бедности.

Наконец, судя по риторике наших реформаторов, объявивших поход против бедности, они сознательно уходят от вопроса о глубине бедности в РФ. Одно дело - жить «ниже уровня бедности», когда тебе не хватает до прожиточного минимума десяти рублей в месяц, и совсем другое - когда тебе не хватает тысячи рублей, и ты не можешь на свои доходы купить даже минимального набора продуктов питания. Как те 30 миллионов бедных, с которыми собираются бороться наши неолибералы, распределяются по уровню доходов внутри своей социальной группы?

А ведь бедность в РФ углубляется. Чтобы потребление бедной части населения с поднять хотя бы до прожиточного минимума, требовалось, согласно данным Госкомстата РФ, до кризиса 1998 г. перераспределить в их пользу в разные годы 3,3-3,8% общего объема денежных доходов. Этого не делалось. В настоящее время глубина обеднения, то есть степень удаления доходов от прожиточного минимума, возросла. Если в 1997 г. совокупный дефицит денежного дохода населения с доходами ниже прожиточного минимума составлял 46,3 млрд. руб., то в 1999 г. он вырос до 140,1 млрд., а в 2000 г. составил 194,6 млрд. (5,1% объема всех денежных доходов).

Так какую же бедность будет ликвидировать правительство М.Е.Фрадкова? Кого оно будет подтягивать до «прожиточного минимума плюс 1 рубль»? Поскольку об этом упорно молчат, есть основание полагать, что социальную помощь будут оказывать именно тем, чьи доходы лишь немного ниже этой черты, а остальные пойдут на дно. И это назовут «сокращением бедности»! Теперь у нас большое внимание уделяют экономической эффективности, а эффективность использования государственных средств для помощи тем, кто барахтается чуть ниже прожиточного минимума, несравненно выше, чем при вытягивании людей из глубокой бедности.

Понятно, что ни наше общество, ни сформированное в советское время обществоведение методологически не были готовы для того, чтобы рационально описать и изучать разрушительные процессы, порожденные «революцией регресса». Но тот факт, что и за двадцать лет этой революции нет никаких импульсов чтобы развить или хотя бы освоить чужие методы описания и анализа таких объективно существующих теперь в нашем обществе объектов, как бедность, говорит о глубоком поражении рациональности всего нашего культурного слоя. Ведь не только официальное обществоведение реформаторов прячет, как страус, голову в песок, чтобы не видеть этого порождения реформы. Интеллигенция оппозиции находится примерно в таком же состоянии. Трудно было поверить, что все это происходит наяву, каждое утро хотелось ущипнуть себя за руку и убедиться, что все это во сне. Так и прождали десять лет, пока сон развеется. Теперь надо навестывать.

Надо полагать, что сейчас, в связи с объявленной «программой борьбы», пробудится интерес к методологии и достигнутым ею главным результатам. Это и станет тем каркасом, на котором будут упорядочены наблюдения отечественных исследователей и политиков. Хорошее введение в проблему дает упомянутая книга П.Элкока «Понимание бедности». Здесь полезно привести выдержки, посвященные двум важным общим проблемам - структурному разделению двух типов бедности, а также резкой нелинейности в динамике обеднения, наличию в этом процессе пороговых явлений, при которых происходит срыв, превращения одного типа бедности в другой. Вероятно, на остроту этих переломных моментов действует культурная специфика того или иного общества, однако в любом случае проблема эта имеет достаточно общий характер и должна быть учтена при рациональном подходе к социальной политике со стороны как власти, так и оппозиции.

Элкок так объясняет суть двух введенных исследователями категорий бедности: «Абсолютная бедность считается объективным определением, основанным на представлении о средствах к существованию (subsistence). Средства к существованию - это минимум, необходимый для поддержания жизни, и, следовательно, быть ниже этого уровня означает испытывать абсолютную бедность, поскольку индивиду не хватает средств для поддержания жизни.

Здесь совершенно очевидно противоречие: как же те, кому не на что жить, живут? Теоретики абсолютной бедности отвечают, что они не живут долго; если они недостаточно обеспечены для поддержания существования, они будут голодать или - что более вероятно в такой развитой стране, как Британия - они будут мерзнуть зимой. И действительно, в Британии каждую зиму значительное число престарелых людей умирает от гипотермии, так как они не могут себе позволить отапливать жилье.

Таким образом, абсолютная бедность противопоставляется относительной бедности. Второе понятие более субъективно, поскольку оно однозначно требует чьего-либо решения при определении уровня бедности, а чье решение это должно быть, - вопрос спорный...

Адам Смит писал по этому поводу: «Я вынужден признать, что порядочному человеку даже из низших слоев не пристало жить не только без предметов потребления, объективно необходимых для поддержания жизни, но и без соблюдения любого обычая, принятого в его стране: строго говоря, льняная рубашка не является жизненно необходимой, но сегодня порядочный работник не появится на людях без льняной рубашки» (Smith, 1776).

А.Сен обращается к описанной Адамом Смитом «потребности» в льняной рубашке. Он считает, что это высказывание служит основой для абсолютного, а не относительного определения бедности, поскольку Смит описывает отсутствие рубашки как нечто, разрушающее достоинство индивида - нечто постыдное. Как Сен утверждает далее, именно это чувство стыда - или отсутствие возможности от него избавиться - делает человека бедным. Средства, необходимые для того, чтобы избежать этой невозможности, в разных обществах разные, а внутри одного общества зависят от условий жизни индивидов; однако отсутствие является абсолютным, и именно оно и порождает бедность. Таким образом, бедные имеют особый статус, отличный от статуса просто менее зажиточных людей.

Конечно, Сену непросто определить, что же такое отсутствие возможности. Он пытается связать это с понятием Ролса о социальной справедливости: то, что мы готовы считать справедливым, - это самое низкое положение, которое мы считаем допустимым для себя в условиях существующего социального порядка, - те же, кто неспособен достичь такого стандарта, испытывают социальную несправедливость и, следовательно, бедны».

Принятые в «развитых странах», а теперь и в РФ, методики исчисления порога бедности через «набор необходимых продуктов питания» и другие подобные подходы, с самого начала подвергались острой критике. Элкок пишет: «Голод можно объективно считать бедностью, однако, как уже было сказано, попытки описать набор продуктов, необходимых для его избежания, были полны разногласий. Таким образом, абсолютные определения бедности обязательно требуют привлечения и относительных суждений в случае применения их к любому конкретному обществу; а относительные определения требуют некой абсолютной основы, чтобы отличать их от более общих видов неравенства...

Подходы к определению бедности с точки зрения бюджетных стандартов основываются на попытках составить список необходимых вещей, отсутствие которых можно использовать в качестве порога бедности, опускаться ниже которого людям давать нельзя... Определения с точки зрения бюджетных стандартов обычно основываются на понятии недельной потребительской корзины».

Такой недельный набор продуктов после долгих изысканий был составлен в Великобритании диетологами. В 1950 г. он включал 10 унций риса за 5,5 пенсов, 6 фунтов брюквы за 1 шиллинг 3 пенса, одно яйцо за 3,5 пенса и 0,5 фунта чая за 1 шиллинг 8 пенсов. Автор этого подхода признавал в 1961 г., что это был крайне скудный жизненный стандарт: «Семья, потребляющая продукты по этому списку, никогда не должна тратить ни пени на билет на поезд или автобус. Эти люди никогда не должны выбираться за город - если не считать пеших прогулок. Они должны никогда не покупать газет даже за полпенни или тратить пени, чтобы купить билет на популярный концерт: все их покупки должны быть предельно простыми и экономичными».

И профсоюзы, и левые политические партии отвергали такой подход. Элкок рассказывает о таком эпизоде (30-х годов): «Эрнест Бевин [председатель профсоюза докеров] вышел и купил рекомендованный набор продуктов, состоявший из крошечных кусочков ветчины, рыбы и хлеба, и показал их исследователю, спросив, считает ли он достаточным этого для мужчины, который должен целый день перетаскивать тяжелые мешки с зерном».

Попытки найти какие-то объективные, как бы заданные «природой человека» уровень и структуру индивидуальных потребностей, несостоятельны в принципе. Они исходят из представления о человеке как изолированном атоме (индивиде), в то время как человек существует только как явление социальное. Его потребности, в том числе «абсолютные», порождены отношениями с другими людьми в данном обществе. Поэтому в реальности бедняки потребляют вовсе не тот перечень «необходимых продуктов», который им предписывают власти.

Как пишет Эллок, «такой подход навязывает неоднозначные и - как показал Бевин - часто безнадежно идеальные представления людей, никогда не живших только на то, что предусматривается такими корзинами. Значит, на практике пользоваться этими корзинами нельзя, поскольку, как выявили исследования Раунтри, они слишком далеки от моделей расходов реальных людей.

Большинство реальных семей, если не все, тратят некоторое количество денег на необходимые вещи, такие как алкоголь и табак. Оршански утверждает, что средние расходы на необходимые вещи можно использовать в качестве детерминанты уровня бедности. Она предположила, что люди бедны в случае, если в семейном хозяйстве более 30% бюджета тратится на еду (Orshansky, 1969). Это позволяет вычлени критерий черты бедности, основанный на доходе, при котором возможно приобретение необходимых вещей. И, конечно, водоразделом не обязательно должны быть 30%, а в них должны входить не только расходы на еду. Например, в Канаде используется уровень в 62%, которые уходят на еду, одежду и жилье».

Таким образом, диапазон социально необходимых для человека расходов сверх «минимального набора продуктов» довольно широк. В США бедным считается тот, кто тратит на еду более 30% дохода. Если принять этот критерий, то в РФ за чертой бедности находятся не 30, а все 140 млн. человек. В среднем на питание в РФ в 2001 г. расходовали 52,7% всех расходов семейного бюджета, и даже в самой богатой пятой части (квинтили) населения расходовали на питание 44,1% семейного бюджета. Эта доля снижается очень медленно.

Из этого видно, что как определенный в РФ «уровень бедности» (прожиточный минимум), так и число людей, официально объявленных бедными, есть величины произвольные, имеющие очень небольшую познавательную ценность. В РФ масштабы бедности определяются решением правительства, а не путем изучения реальности. Понизили «прожиточный минимум» - и число бедных уменьшилось. Соответственно, и результаты «борьбы с бедностью», которые мы, возможно, услышим через три или четыре года, будут столь же произвольными и далекими от реальности. Инструменты измерения у наших борцов негодные.

Исследования того, как меняется образ жизни семей по мере снижения их доходов, позволили найти критическую точку, после которой начинается быстрый рост депривации (обездоленности) - вытеснения, выпадения человека из общества, его погружение на «дно» («Порог депривации - точка на нисходящей шкале доходов, ниже которой депривация диспропорционально растет по отношению к падению доходов» - Таунсенд, 1979). Эллок пишет: «Точка перехода, таким образом, показывает границу, где при определении расходов выбор вытесняется потребностью - то есть она показывает порог бедности. Брэдшоу (Bradshaw et al., 1987) утверждает, что такую точку можно рассчитать для большинства типов семейных хозяйств, исходя из расходов на еду, одежду и отопление.

Это позволило Таунсенду рассчитать «показатель депривации», основанный на двенадцати индикаторах, таких как отсутствие холодильника, ни одного проведенного вне дома отпуска за последние двенадцать месяцев, отсутствие завтрака в течение большинства дней недели - все эти индикаторы были тесно связаны с низкими доходами.

На более же абстрактном уровне, считал Таунсенд, здесь и лежит объективное определение относительной бедности; тот факт, что порог, или черта бедности, составлял примерно 140% от пособия SB [Supplementary Benefit - «Дополнительное пособие», на которое живут многие бедные в Великобритании], подтверждает более ранние утверждения Таунсенда и других, что люди, чьи доходы лишь немногим превышают уровень SB, все равно будут жить в бедности в такой богатой стране, как Британия»[39].

Рационализация проблемы, в том числе ознакомление с уже накопленным в мире знанием, необходима для понимания реальности теми из интеллигенции, кто «жизни этой румяна жирные отверг». Пока не развеются иллюзии в сознании действительно демократической интеллигенции, а она не поможет развеять эти иллюзии в массовом сознании, никакого поворота к выходу из кризиса и к восстановлению неразрушительных для общества форм жизнеустройства не произойдет.

1.02.2009. Глава о бедности – сноски

Сноски

- [1] Ф.Бродель. Структуры повседневности, с. 92.
- [2] Иногда истоки этой «современной либеральной ненависти к беднякам» видят в языческом культе золота, интерес к которому возродился у первых «монетаристов» на заре современного капитализма, а позже выразился в «нищенском» презрении к бедным и убогим. О роли культа денег в становлении культуры современного капитализма интересно пишет М.Фуко в книге «Слова и вещи».
- [3] А.Смит. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 147.
- [4] В.С.Сычева. Измерение уровня бедности: история вопроса. – СОЦИС, 1996, № 3.
- [5] Е.Гайдар. Богатые и бедные. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья первая - Вестник Европы, № 10, 2004.
- [6] Alcock, P. Understanding Poverty. MacMillan Press: London, 1993 (Перевод с английского М.Добряковой).
- [7] Urban Update, № 4, Feb. 2004, Woodrow Wilson International Center for Scholars., p.9.
- [8] Ю.С.Салин, полвека проработавший геологом на Дальнем Востоке, в книге «Россия и русские» (Хабаровск: ДО РАН, 2002) проводит интересное сравнение отношения к бедности русских и представителей малых народов Приморья и Севера. Во всех случаях это отношение, присущее традиционному обществу.
- [9] И.А. Покровский. Основные проблемы гражданского права. Петроград. 1917.
- [10] А.И.Салицкий. Бизнес по-китайски. - СОЦИС, № 5, 1989.
- [11] Ю.Латынина. Атавизм социальной справедливости. - Век XX и мир. 1992, № 5. С. 1-17.
- [12] archipelag.ru/text/n50.htm
- [13] В.Э.Бойков. Социально-экономические факторы развития российского общества. – СОЦИС, 1995, № 11.
- [14] «Век XX и мир». 1990, № 6. Цит. по: А.Фадеев. Тень Чубайса над ЖКХ. М.: Алгоритм. 2003.
- [15] Наивность социал-дарвинизма новой российской элиты могла бы даже умилять, если бы за этой наивностью не был виден оскал преступного интереса. Вот как по-доброму было сказано в программе Российского телевидения «Вести» 10 февраля 1992 г. после показа жизни бездомной дворняги и холеной борзой: «Только помогая друг другу, элитные - беспородным, богатые - бедным, мы сможем выжить!» За прошедшие после этого 12 лет доброты у элитных и богатых поубавилось. Да и у бедных терпение лишь кажется бесконечным.
- [16] А уж если человек вовсе не желает «создавать новую страну», а стремится возродить и развивать страну с ее исторически сложившимся природным и культурным обликом, то пусть о нормальной жизни и не мечтает.

- [17] Зубова Л.Г. Социальное расслоение в России - “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1995, № 3.
- [18] Стоит также вспомнить, что в разгар перестройки, когда опасность резкого обеднения людей в результате подрыва советской системы хозяйства уже была очевидна для специалистов, М.С.Горбачев взял на себя задачу успокоить доверчивых граждан. Он говорил: «Иные критики наших реформ упирают на неизбежность болезненных явлений в ходе перестройки. Пророчат нам инфляцию, безработицу, рост цен, усиление социального расслоения, то есть то самое, чем так «богат» Запад» («Перестройка и новое мышление». М.: Политиздат. 1988. С. 129).
- [19] В.Глазычев. Культура бедности. www.russ.ru, 31.05.2004.
- [20] Л.Овчинцева. Особенности сельской бедности. – Отечественные записки, 2004, № 1.
- [21] К огорчению наших энтузиастов рынка надо напомнить, что разгон колхозов привел к удушению и «частной инициативы» - наше село стало «менее рыночным», его товарность снизилась. Господа реформаторы уничтожили рыночную инфраструктуру российского села, бескорыстно помогая иностранным экспортерам. В той же статье говорится: «С 1991 по 1998 год товарность хозяйств населения снизилась по картофелю более чем в два с половиной раза (с 28,5 до 10,2%). Снижение товарности объясняется упадком сельскохозяйственных предприятий и развалом в большинстве регионов системы потребительской кооперации: и предприятия, и кооперация выполняли для мелкотоварного производства функции рыночных интеграторов, обеспечивая его необходимыми товарами и услугами (семенами, молодняком скота, услугами техники и пр.) и содействуя сбыту продукции. Предприимчивых и успешных сельских предпринимателей в любом районе можно сосчитать на пальцах».
- [22] Заславская Т.И. Новые данные о доходах россиян – “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1995, № 4. Зубова Л.Г. Представления о бедности и богатстве. Критерии и масштабы бедности – “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1996, №4.
- [23] Оценки населением качества жизни: проблемы бедности. - Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1996, № 3.
- [24] Заславская Т.И. Доходы работающего населения России. Часть вторая. Динамика и дифференциация доходов. - “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1996, № 6.
- [25] Л.Овчинцева, цит. труд.
- [26] Л.Овчарова. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М.: Московский центр Карнеги, 1998.
- [27] Показательна динамика использования такой характерной для современного городского быта транспортной услуги, как такси. Уже к концу 70-х годов такси стало привычной и обыденной услугой в городах РСФСР, доступной всем социальным группам населения. В результате реформы эта сфера услуг была практически ликвидирована (в какой-то, очень небольшой мере она была заменена примитивным извозом на личных автомобилях). К 2001 г. объем услуг таксомоторного транспорта сократился по сравнению с серединой 80-х годов в 50 раз.
- [28] В.Глазычев. Культура бедности. www.russ.ru, 31.05.2004.
- [29] Следует также отметить, что в 2000 г. по сравнению с 1990 г. зарплата в Белоруссии составила 95%, а на Украине 27%.
- [30] Вот пример: в 1989 г. в Испании японский видеомагнитофон стоил столько же, сколько 300 батонов хлеба. Продав его в Москве за 3 тыс. рублей, можно было купить 24 тыс.

батонов хлеба. Иными словами, если брать за единицу измерения видеомэганитофон, то в Москве хлеб стоил в 80 раз дешевле, чем в Испании.

[31] Н.Петраков. Денежный обман: что получают старики в обмен на льготы? - «Деловой вторник», 08.06.04.

[32] Образование как фактор государственной безопасности (Редакционная статья). – «Известия Академии педагогических и социальных наук», 2002, № 6, с. 9.

[33] В.Н.Шубкин. Молодое поколение в кризисном обществе. - «Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М.: Аспект-Пресс. 1995. С. 56-59.

[34] Е.Г.Зинчук, Ю.Г.Карпунин. Корыстные преступления несовершеннолетних. - СОЦИС, 1994, № 8-9.

[35] И.А.Гундаров. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Беловодье. 2001. С. 156-157.

[36] archipelag.ru/text/n49.htm

[37] В.Глазычев. Культура бедности. www.russ.ru, 31.05.2004.

[38] Впоследствии Госкомстат РФ пересчитал структуру доходов по какой-то иной, неизвестной методике и привел ее в приличное для цивилизованной страны состояние.

[39] В этой методологии в 1996 г. проведено исследование бедности в Петербурге и небольшом городе Вязники Л.Овчаровой. Очень интересные результаты изложены в цитированном выше труде.

11.02.2009.: Мера вещей в правительстве РФ

Как известно, с 2010 г. стоимость капитального ремонта жилых домов целиком возмещается самими жильцами. Средства на ремонт накапливаются из ежемесячных платежей собственников квартир, вносимых вместе с оплатой за услуги ЖКЖ.

Агентство «Вести.ру.» сообщило 23.12.2008: «Правительство РФ утвердило федеральные стандарты оплаты жилья и коммунальных услуг по России на 2009-2011 годы. ... Постановлением утвержден федеральный стандарт стоимости капитального ремонта. За один квадратный метр жилья в месяц россияне заплатят в 2009 году — 4,5 рубля, в 2010 году — 5 рублей, в 2011 году — 5,6 рубля».

Капитальный ремонт должен производиться через 25 лет эксплуатации. В настоящий момент около 2/3 городского жилищного фонда нуждаются в капитальном ремонте. Объем капитального ремонта, «отложенного» только за 1991-2004 годы, составляет 1,9 млрд. кв. м. Таким образом, практически все городское население России должно готовиться оплатить капитальный ремонт своего жилья. Сколько это стоит реально?

В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по РФ должна была составить 19,5 тыс. рублей за 1 кв. метр.

Как это согласуется с «федеральным стандартом стоимости капитального ремонта», который утвержден Правительством?

Жильцы вносят плату за ремонт из расчета 4,5 руб. за 1 кв. м. в месяц или 54 руб. в год или 1,35 тыс. руб. за 25 лет (в ценах 2008 г.). Это составляет 6,9% от реальной стоимости ремонта.

Таким образом, государство отказывается оплачивать капитальный ремонт жилищного фонда страны, но не решается включить его реальную стоимость в счета на оплату услуг

ЖКХ самими жильцами. Правительство бросает жилищный фонд на произвол судьбы, и он будет быстро ветшать, превращаясь в трущобы.

12.02.2009. Глава. Постиндустриальное общество как объект гипостазирования

Непосредственно для нашей темы важен случай гипостазирования относительно понятия постиндустриальное общество. Влиятельные круги реформаторской элиты России превратили это весьма расплывчатое понятие в обозначение реальной сущности, определенного жизнеустройства, в которое якобы втягивается мир по выходе из кризиса индустриальной цивилизации. Этой сущности приписываются черты, противоречащие реальному профилю того общества, которое и считается инкарнацией постиндустриализма – общества США и Западной Европы. Следовать при проектировании российского «общества знания» этому образу, созданному утопическим мышлением энтузиастов постиндустриализма, было бы очень неосторожно.

Канонической работой, на которую принято ссылаться в рассуждениях о постиндустриальном обществе, стала статья В.Л. Иноземцева «Парадоксы постиндустриальной экономики» [450]. Рассмотрим кратко ее главные тезисы, не пытаясь выявить в них какую-то систему. Речь идет действительно о парадоксах, но не постиндустриальной экономики, а ее фетишизации.

В.Л. Иноземцев пишет: «Постиндустриальное общество развивается на фундаменте всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания - этот важнейший тезис Д. Белла, основателя концепции постиндустриализма, сегодня фактически не подвергается сомнению».

[Напомним, что для постиндустриального общества, согласно определению Д. Белла, характерно «доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые... могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта» [453]]

Это утверждение не подтверждается ни логически, ни исторически. А уж здравому смыслу оно противоречит просто дерзко. Тезис о примате какого-то одного типа знания (конкретно, теоретического) можно принять как крайнюю абстракцию, применимую (с большими оговорками) на начальной стадии анализа. Но никак нельзя утверждать, что на таком вырожденном фундаменте может развиваться какое бы то ни было общество. Если сформулированный Иноземцевым тезис «фактически не подвергается сомнению», то лишь потому, что никто его всерьез и не рассматривает. Тезис просто неверен.

Очевидно, что система знания, на которой стоит постиндустриальное общество (как и любое другое), представляет собой сложную целостную систему, обладающую большим разнообразием. Теоретическое знание является в этой системе важным элементом, но именно элементом, встроенным в контекст множества других типов знания, методов познания и коммуникации – в большую когнитивную структуру. Если же говорить о проблемах развития российского «общества знания», то тем более важен настрой на создание большой динамичной системы с высокой способностью к адаптации. Здесь доминирование теоретического знания с сегрегацией других видов обошлось бы слишком дорого (да оно и невозможно, мы рассуждаем о модели, оторванной от реальности).

Далее В.Л. Иноземцев пишет: «Если информация, как и любой другой производственный ресурс, может выступать и выступает в качестве объекта собственности (property), и в этом отношении информационная экономика имеет сходство с индустриальной, то знания, в отличие от любого другого производственного ресурса, могут быть и являются лишь объектом владения (possession) и образуют базу для качественно новой хозяйственной системы».

Как это понять? Знания появились только сегодня, в постиндустриальном обществе? Каким образом знания «образуют базу для качественно новой хозяйственной системы» - разве в «качественно старой хозяйственной системе» не было знаний? А в аграрном натуральном хозяйстве не было не только знаний, но и информации, поскольку она не была «объектом собственности (property)»? К чему вся эта схоластика, эти рассуждения в духе страны Тлён? Они лишь дезориентируют людей.

В.Л. Иноземцев выдвигает странный тезис, истоки которого даже трудно себе представить: «Вовлечение в процесс массового материального [индустриального] производства всё нарастающего объема сырьевых ресурсов, энергии и рабочей силы приводило к пропорциональному росту общественного богатства. Сегодня набирает силу иной процесс: использование знаний умножает результаты гораздо более эффективно, чем применение любого другого»

Что за парадоксальный понятийный аппарат! Ведь очевидно, что «вовлечение энергии и рабочей силы» было точно таким же «использованием знаний», как и сегодня. Переход к «вовлечению энергии» ископаемого топлива вместо энергии сокращения мускула привело не просто к непропорциональному росту общественного богатства, а вызвало индустриальную революцию. Это был такой скачок в использовании знаний, с которым пока что постиндустриальная революция не может и сравниться. Неужели, по мнению В.Л. Иноземцева, создание паровой машины как средства «вовлечения энергии» менее значимо в движении знания, чем появление компьютера? И как можно оторвать «вовлечение нарастающего объема сырьевых ресурсов» от использования знания? Как вообще можно «умножать результаты» только с помощью использования знания, противопоставляя его всем «любим другим» ресурсам? Знание – без сырья, без энергии и без рабочей силы? Как автор представляет это себе в реальности? К чему эти парадоксы? Какую сверхзадачу хочет решить автор при помощи таких необычных утверждений? Читатель имеет право знать, к чему хочет его подвинуть текст.

Вот тезис уже из сферы социологии знания: «Переход от индустриального общества к постиндустриальному снижает воздействие на человека обстоятельств, обусловливаемых социальной средой; в то же время особое значение приобретают внутренние силы самой личности... и в этом аспекте постиндустриальная социальная система радикально отличается и от аграрного, и от индустриального обществ».

Это фантазия апологетов постиндустриализма, которая увяла еще в 80-е годы. Какие там «внутренние силы самой личности»? Никогда отдельная личность не испытывала столь мощного «давления социальной среды», как в постиндустриальном обществе, которое наконец-то получило вожаемые средства господства над личностью без прямого насилия и открытого принуждения – при помощи средств «дистанционного управления». «Общество спектакля», созданное телевидением и социальной психологией, мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы», столь резко усилили давление на человека, что это стало острой экзистенциальной проблемой именно при наступлении «третьей волны» цивилизации. Немецкий философ Краус афористично выразился о нынешней правящей верхушке Запада: «У них - пресса, у них - биржа, а теперь у них еще и наше подсознание».

Как пишет английский философ З. Бауман, именно постиндустриализм порождает новый тип бытия личности, от наступления которого невозможно укрыться никому: «Самые страшные бедствия приходят нынче неожиданно, выбирая жертвы по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов – даже непо-

стижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в «общее дело», не имеют «естественного адреса». Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики» [405].

Странным образом смешивает В.Л. Иноземцев предмет двух разных наук – социологии и экономической науки, пытаясь найти какое-то принципиальное отличие постиндустриализма от общества модерна. Он пишет: «Залогом прогресса [постиндустриальной экономики] становится развитие самого человека, а это никогда не принималось во внимание классической экономической теорией, сформировавшейся как наука о закономерностях производства материальных и нематериальных благ, но не личности. Поэтому с традиционной точки зрения экономика постиндустриального общества представляется экономикой парадоксов».

Это рассуждение некогерентно. Экономическая теория, хоть классическая, хоть постиндустриальная, и не должна заниматься «закономерностями производства личности». У каждой науки свой предмет. Разве постиндустриальная экономика есть «экономика парадоксов» (?) именно потому, что проблемами личности стала заниматься в ней экономическая теория, а не предназначенные для этого науки о человеке?

Что же это за парадоксы, которые имеет в виду В.Л. Иноземцев? На первое место он ставит вот что: «Первая парадоксальная ситуация отражает утрату возможности применять стоимостные показатели для оценки экономики знаний».

Этот парадокс – следствие нарушения логики и смешения категорий. Автор берет частный и очень специфический срез экономики (знания), который и раньше не подпадал под действие стоимостных показателей, и переносит ограниченность одного метода измерения (стоимость) на всю экономику. Система стоимостных показателей, как и любая другая, действует лишь в отношении вполне определенной и ограниченной группы параметров. В применении ее к знанию «обнаруживается» неадекватность этих показателей, которая никогда не была секретом, и это объявляется «парадоксом», якобы выражающим суть всей экономической системы.

Да и сама применяемая в этом суждении терминология создает путаницу: если «экономика знаний» определена как качественно новое явление, то как могли стоимостные показатели «утратить» свою применимость? Этой «применимости» и раньше не могло быть, поскольку не существовало объекта оценки.

В поисках парадоксальных особенностей постиндустриальной экономики В.Л. Иноземцев попадает в дебри, из которых трудно выбраться. Он пишет: «Сегодня информационные блага скорее копируются, чем воспроизводятся, поскольку большинство из них произведено в результате уникальной деятельности, а не постоянно повторяющихся малоквалифицированных усилий».

И тезис, и аргумент странны и сами по себе, но они к тому же несоизмеримы! В каком смысле сегодня информация копируется, а раньше воспроизводилась? Египетский писарь, переписывая документ, воспроизводил его, а не копировал, потому, что не имел квалификации? А копировать на ксероксе – признак высокого знания? И почему деятельность по производству информационных благ уникальна? Это же во времена марксизма называлось «всеобщим трудом». Почему усилия по их производству не являются «постоянно повторяющимися»? Достаточно взглянуть в работу исследователя в лаборатории – трудно найти деятельность, где было бы больше «постоянно повторяющихся» усилий. Причем здесь вообще «квалификация усилий»? Что нового внесла «экономика знаний» во все это по сравнению с Древним Египтом – разве там усилия жрецов были «малоквалифицированными»?

Далее В.Л. Иноземцев применяет к постиндустриальной экономике стоимостные показатели, забыв, что только что говорил об их неприменимости: «Удельная стоимость одного мегабайта памяти жесткого компьютерного диска снизилась за последние тринадцать лет более чем в 2 тыс. раз... Традиционные показатели экономического роста не способны зафиксировать достигнутый прогресс адекватным образом, когда технологическое совершенствование благ вызывает не рост цен на новые товары, а их снижение».

Откуда все это? Каков тут смысл? Тринадцать лет назад цена «нового товара» - мегабайта памяти жесткого диска – была в 2 тысячи раз выше, чем «старого товара» (например, детского рисунка с мегабайтом информации на листке бумаги). А снижение цены товара при технологическом совершенствовании его производства наблюдалось во все времена, от каменного века до постиндустриального общества, тут нет ничего нового и никакого парадокса.

Итак, первым парадоксом у В.Л. Иноземцева была неприменимость стоимостных показателей, а вторым парадоксом – применение этих самых неприменимых показателей. Он пишет: «Второй парадокс обнаруживается при сравнении темпов роста производительности труда и динамики технологических достижений. Еще в 80-е гг. было замечено, что производительность в высокотехнологичных отраслях не только существенно ниже, чем в традиционных, но и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. В начале 90-х годов величина добавленной стоимости в расчете на одного работника в электронной промышленности США была в пять раз ниже, чем в нефтепереработке, и в восемь раз ниже, чем в табачном производстве... Это говорит о том, что высокие темпы информационной революции не только обуславливают отсутствие роста цен на высокотехнологичную продукцию, но и требуют все более подготовленных и высокооплачиваемых работников, что снижает показатели фондоотдачи даже при быстром росте стоимости самих производственных фондов».

Здесь все поставлено с ног на голову, привычные понятия даны в каком-то извращенном смысле. Если наукоемкий труд не выражается в стоимостных показателях, зачем его измеряют величиной добавленной стоимости? Что значит «производительность в электронной промышленности в восемь раз ниже, чем в табачном производстве»? Ведь это нелепость. Сравниваются несоизмеримые вещи с применением неопределимой меры! Как можно сказать, что высокая зарплата работника сложного труда означает его низкую производительность? Понятие, имеющее узкий служебный смысл, в результате гипостазирования ведет к нелепым выводам, которые почему-то называются «парадоксами».

Третий, главный парадокс В.Л. Иноземцева: «Современная постиндустриальная экономика может демонстрировать хозяйственное развитие при постоянном снижении инвестиций... Таким образом, в постиндустриальном обществе экономический рост и инвестиционная активность становятся независимыми и взаимно нейтральными. В этом кроется как принципиальное отличие постиндустриальной экономической системы от индустриальной, так и объяснение того, почему «догоняющее» развитие является в современных условиях бесперспективным».

Откуда это, где факты, какова логика? Что такое «экономический рост и инвестиционная активность»? Что значит «недогоняющее развитие», которое теперь считается перспективным? В каком постиндустриальном обществе наблюдается «постоянное снижение инвестиций»? Кто так считает, кроме В.Л. Иноземцева? Все это ответственные утверждения, люди их читают и многие верят. Мало кто полезет в справочники их проверить.

Вот самый простой показатель – «Валовое накопление основного капитала». Он выражает динамику инвестиций в их самом грубом материальном выражении, не как покупку ценных бумаг на мировых биржах, а как вложения в основной капитал конкретной страны. В США относительно 1995 г. этот показатель был равен в 2000 г. 146%, а в 2005 г. 161%. Где здесь «постоянное снижение инвестиций»? Напротив, инвестиции опережают рост

ВВП, причем значительно (в США в 2000 г. он составил 122% относительно 1995 г., а в 2005 г. 139%). В Финляндии, стране-модели постиндустриальной экономики, валовое накопление основного капитала в 2000 г. составило 146% относительно 1995 г., а ВВП составил 126%.

В поддержку своего парадоксального тезиса В.Л. Иноземцев приводит такие доводы: «Известно, что в 90-е гг. доля ВВП, используемая на инвестиционные нужды, составляла в Японии 28,5%, Южной Кореи - 36,6%, а в континентальном Китае - 42%. Однако это не предотвратило мощного кризиса, поразившего эти индустриальные государства. Напротив, в 1996 г. в США инвестиции не превышали 18% ВВП, в Швеции - 14,5%... Тем не менее невысокий уровень инвестиционной активности в этих странах не является препятствием для быстрого хозяйственного роста».

Какой турбулентный поток цифр и слов! Можно было бы в него не окунаться и жить в параллельном мире, но этот поток не оставляет пространства для жизни, он стал в России мейнстримом. Если им не овладеть, он затопит всё.

Итак, в США инвестиции составили 18% ВВП, а в Китае 42%. Ну и что? Что хотел сказать автор? Что Китаю следовало бы поступить так же, как США? Какую латентную величину хотел выразить автор через параметр (измеряемую величину) - долю инвестиций в ВВП? Он эту латентную величину не называет и, похоже, о ней даже не подумал. О том, чтобы изложить связь между параметром и латентной величиной, хотя бы в виде гипотезы, и речь нет. Эти числа должны произвести на читателя магическое действие, как бубен шамана. Как связаны эти числа с выводом? Неужели В.Л. Иноземцев и впрямь считает, что США демонстрируют «быстрый хозяйственный рост», а Китай - низкий? О вольности обращения с фактами и говорить нечего. «Мощный кризис» не поразил Китай, несмотря на его большие инвестиции, - китайская валюта сохранила стабильность как на внутреннем, так и на мировом рынке. А вот «ипотечный кризис» США нанес удары даже по финансовой системе Западной Европы. Но это к рассуждениям В.Л. Иноземцева о постиндустриальной экономике не имеет никакого отношения.

Почему инвестиции представлены относительной величиной - в процентах ВВП? Автор, похоже, об этом не задумался, а ведь его выбор делает эту меру в данном контексте бессмысленной. Пока глобализация не ликвидировала государства, для каждой страны важен абсолютный размер инвестиций, определяемый стоящими перед страной критическими задачами. Япония поставила себе задачей в исторически короткие сроки догнать США, и все 80-е годы поддерживала уровень валовых сбережений в 2,5 раза более высокий (относительно ВВП), чем в США. Но следует ли из этого, что Япония не развивает постиндустриальную экономику? Нет, конечно. Просто приводимые В.Л. Иноземцевым параметры не имеют никакого отношения к теме.

Хозяйственные комплексы разных стран имеют разные национальные инвестиционные базы. Инвестиции в основной капитал в мире в целом составляли в начале этого века около 6,6 трлн. долл. в год, а в США 1,8 трлн. долл. или 27% от мировых. Вот что важно, а не проценты от ВВП США. В 2001 г. инвестиции в США составили 2,1 трлн. долл. - в 5 раз больше, чем в Китае [408] - это прежде всего и должен был сообщить В.Л. Иноземцев.

К тому же величина инвестиций зависит не от объёма ВВП страны, а от мобилизационных способностей финансовой системы извлекать необходимые ресурсы для решения критически важных задач. Этим определяются и инвестиционные стратегии стран. США, как следует из литературы, придерживаются «стратегии инвестиционного опережения», а нас хотят убедить в том, что там происходит «постоянное снижение инвестиций» и это, мол, признак постиндустриальной экономики [1]. Естественно, что инвестиционные стратегии различны у Китая, США и Швеции, и постиндустриальная экономика тут не при чем. Парадоксы возникают в сознании российских интеллектуалов.

Из всего этого В.Л. Иноземцев делает философский вывод, который с трудом поддается трактовке в обычных понятиях: «Все это говорит о том, что постиндустриальные государства обладают сегодня новым типом инвестиций, отличным от сбережений в традиционном понимании этого термина. В 90-е годы основным источником хозяйственного развития постиндустриальных стран становится реинвестируемый интеллектуальный капитал, аккумулируемый промышленными и сервисными компаниями, капитал, самовозрастание которого не сокращает личного потребления граждан, а фактически предполагает его».

Что это за «новый тип инвестиций»? Что объясняет эта новая туманная сущность? Откуда видно, что «реинвестируемый интеллектуальный капитал» становится «основным источником хозяйственного развития постиндустриальных стран»? Все это утверждения, составленные из неопределимых понятий и из неизмеримых величин. Они не обладают никакой познавательной ценностью, а создают информационный шум, питающий демагогию разного рода. Можно сделать разумное предположение, что «интеллектуальный капитал», о котором говорит В.Л. Иноземцев, есть знание. Но тогда его высказывание банально, а попытка приписать полезность знания именно постиндустриальной экономике очевидно несостоятельна. Знание всегда было полезно, и его «самовозрастание не сокращало личного потребления граждан, а фактически предполагало его». В этом смысле компьютер ничем не лучше каменного топора.

[1] Рассуждения об инвестициях в такой форме создают еще одну зону неопределенности – не различаются инвестиции из собственных накоплений и иностранные инвестиции. В начале нового тысячелетия иностранные инвестиции (все их формы) составляли 3775 млрд. долл. или 58,3% от общей суммы валовых национальных инвестиций в основной капитал [408].

12.02.2009. Глава. Постиндустриальное общество как объект гипостазирования – часть 2

Насчет «основного источника» – это наивная утопия, миф постиндустриализма. Бюро экономического анализа США регулярно публикует данные об «источниках хозяйственного развития». В 2004 г. корпоративная прибыль предприятий на территории США составила 1,037 трлн. долл., еще 316,4 млрд. поступило от иностранных филиалов и дочерних компаний. Прибыль от производства «постиндустриальных» товаров такова: «компьютеры и продукты электроники» принесли убыток в 4,9 млрд. долларов, «информация» дала прибыль 43,9 млрд. долл. «Основным источником» это никак не назовешь.

В 2006 г. общая прибыль выросла на 400 млрд. долл., прибыль от производства товаров выросла на 141 млрд. долларов, в том числе от производства компьютеров и информации – на 54 млрд. долл. Рынок «постиндустриальных» товаров очень невелик и, в общем, в экономическом смысле они убыточны – огромные капиталовложения в их производство приходится списывать

Ценность постиндустриального производства – вовсе не прибыль, позволяющая увеличить «личное потребление». Это источник силы, дающий группе постиндустриальных стран возможность занять в мире привилегированное положение и получать от него большие выгоды. Высокоточное оружие позволяет получать от инвестиций в Ближний Восток 7 долларов прибыли на 1 доллар капиталовложений. Но для этого США и их союзникам пришлось во время войны в Ираке тратить более 1 млрд. долларов ежедневно. На эти 7 долларов и прирастает «личное потребление», и извлекаются они из «традиционного» индустриального производства – добычи нефти и руды, производства материальных благ, строительства.

Что же касается «личного потребления граждан» в постиндустриальных странах, которое В.Л. Иноземцев считает достоинством постиндустриального общества, то эта идея уже в

2000 году вызывала недоумение. Речь идет о феномене, который и на самом Западе рассматривается как социальная болезнь, угрожающая очень тяжелыми последствиями. К концу XX века норма накопления в США стала отрицательной – население тратило примерно на 1% больше, чем получало. Постиндустриальное общество стало жить в долг, что говорит даже о мировоззренческом сдвиге, «протестантская этика» отброшена полностью.

В.Л. Иноземцев просто восхищен этим достижением постиндустриализма: «Таким образом, в современных постиндустриальных обществах сформировался саморегулирующийся механизм, позволяющий осуществлять инвестиции, стимулирующие хозяйственное развитие, посредством максимизации личного потребления, всегда казавшегося антитезой накоплениям и инвестициям».

Это – типичное гипостазирование, да еще отягощенное аутистическим мышлением. Инвестиции посредством максимизации личного потребления! И вправду парадокс. Только почему автор называет этот механизм «саморегулирующимся»? Ведь кто-то должен отдавать долги. На деле тут работает не «саморегулирующийся механизм», а «невидимый кулак» ВВС США.

Кого нам предлагают как пример, чтобы много потреблять, не вкладывая денег в производство? США! Да как с них можно взять пример, США – явление уникальное. В 1991 г. федеральный долг США составил 3,6 трлн. долл., долги корпораций 2,2 трлн. долл., долг населения по потребительскому кредиту 4 трлн. долл. Средний долг потребителей достиг 94% их личных годовых доходов после вычета налогов [496]. Попробовали бы русские занять у кого-нибудь такие деньги.

Если же взять все «развитые страны», то в 90-е годы стремительно рос объем банковских требований на погашение кредитов. В 1998 г. сумма невозвращенных кредитов достигла умопомрачительной величины — 11 трлн. долларов. В результате у всех «постиндустриальных» стран резко вырос внешний долг. Государство платило, чтобы не допустить краха финансовой системы. В 1998 г. иностранные долги составляли уже 23% федерального долга США, что составило 14% ВВП США [449, р. 264]. Маневрируя, финансовые власти США оттягивали и смягчали развязку, но все же кризис неизбежен. Что же хорошего видит В.Л. Иноземцев в этом потребительском буме в долг, где тут «самовозрастание интеллектуального капитала»?

Он противопоставляет постиндустриальной экономике индустриальную: «И наоборот, статистика развивающихся стран свидетельствует, что на старте XXI века индустриальная хозяйственная модель не имеет никаких источников финансирования собственного развития, кроме сокращения текущего потребления, уменьшающего возможности аккумуляции интеллектуального капитала».

В какой индустриальной стране он нашел «сокращение текущего потребления, уменьшающего возможности аккумуляции интеллектуального капитала»? Нельзя же такие вещи заявлять без всякого фактического подтверждения! Он приводит, как пример таких стран, Китай и Южную Корею. Так сообщите, какой мерой вы измерили интеллектуальное отставание этих стран или «сокращение текущего потребления». Ведь регулярно службы ООН и специальные международные организации публикуют сравнительные данные и по той, и по другой сфере. Какие, однако, странные заявления. Зачем создавать столь ложный образ индустриального хозяйства?

Согласно опубликованным данным, доля населения, живущего за чертой бедности, в Азии, Африке и Латинской Америке сократилась с 1960 года к середине 90-х годов в целом с 45-50% до 24-28%. В Индии этот показатель снизился с 56 до 35-40%, в Китае - с 33-39 до 8-12%, в Индонезии - с 58-60 до 15-17%, в Бразилии - с 48-52 до 17-19%. Это огромные, миллиардные массы населения, живущие в странах, находящихся на этапе индустри-

ального развития. Как можно говорить о «сокращении текущего потребления» в свете этих данных?

Завершается статья гимном постиндустриальным странам (в духе «мышления страны Тлён»). Презрение автора к отсталым индустриальным нациям таково, что он противопоставляет их человечеству: «В том, что человечество не только осваивает информацию как неисчерпаемый ресурс для развития производства, но и превращает основные виды потребления, связанные с развитием личности, в средство возобновления и наращивания этого ресурса, мы видим залог бесконечного прогресса постиндустриального общества. Его бурный хозяйственный рост способен продолжаться десятилетиями в условиях не только низкой, но и отрицательной нормы накопления в ее традиционном понимании. В то время как индустриальные нации вынуждены идти по пути самоограничения в потреблении, постиндустриальные способны его максимизировать, достигая при этом гораздо более впечатляющих и масштабных результатов».

Экономика постиндустриального общества – огромная и еще малоизученная тема. Здесь мы не можем в нее углубляться. Однако в связи с тем, что технократическая утопия постиндустриализма овладела умами значительной части российской интеллектуальной элиты, следует хотя бы указать на предупреждения, которые были сделаны на Западе, чтобы остудить несбыточные ожидания, порожденные апологетикой «третьей волны» в 70-80-е годы XX века. Грёзы о том, что «кодифицированное теоретическое знание» обеспечит западному обществу «рост потребления без инвестиций в материальное производство», становились опасными для устойчивости общества, как всякие миллениаристские ожидания чуда.

Прежде всего, уже первые попытки оценить вклад компьютерных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ускорение движения знания (точнее, даже не знания, а информации) показали, что лимитирующим фактором в этом движении является не технология, а социокультурные условия. Это было охарактеризовано поговоркой: «Вы можете подвести лошадь к воде, но вы не можете заставить ее пить».

И потребности общества в информации, и готовность получать и использовать всё большие объемы знания – системы инерционные и сложные. Расширение технических возможностей – фактор благоприятный, но не достаточный. В ходе проводимых с конца 70-х годов в Японии исследований движения и потребления информации привели к таким оценкам: ежегодный прирост производства информации в Японии составлял примерно 10%, ежегодный прирост потребления информации составлял лишь 3%. У людей нет времени принимать, после некоторого порога, избыточную информацию [101, с. 353].

Тем не менее, наличие большого запаса хорошо организованной и доступной информации повсеместно было признано потенциально важным фактором для развития большинства сфер общественной деятельности. Поэтому с конца 80-х годов в развитых промышленных странах стали делать крупные инвестиции в разработку, производство и широкое внедрение ИКТ. Примерно через 10 лет (срок, через который можно надежно оценить экономический эффект от инвестиций) были начаты исследования вклада ИКТ в рост производительности труда и прибыли.

Обобщая первые результаты американских работ, О. Григорьев и М. Хазин пишут в 2000 году: «До сих пор не произошло существенного воздействия нового информационного сектора на традиционный, в первую очередь промышленный, в смысле существенного увеличения эффективности последнего, роста в нем производительности труда и нормы прибыли» [452]. Если так, то вся статья В.Л. Иноземцева основана на ложных посылах, которые уже в момент ее публикации должны были быть поставлены под сомнение.

Подробный обзор проведенных в США исследований дан в книге А.Б. Кобякова и М.Л. Хазина [451]. Авторы вводят понятие «новая экономика», чтобы учесть затраты и эффект

работ по внедрению и использованию ИКТ во всех отраслях, которые по виду основной деятельности не включаются в число постиндустриальных. Они пишут: «Общие инвестиции в «новую экономику» к концу века составляли в США порядка 30% в долях ВВП, а ее продажи - на уровне 20% в долях ВВП. Уже в этой ситуации было совершенно непонятно, как можно было увеличить продажи «новой экономики» даже не в полтора раза, а на какие-нибудь 12-15% (в относительном масштабе, разумеется)! Ведь для этого надо было бы либо существенно увеличить расходы потребителей, как частных, так и корпоративных, либо вытеснить каких-либо традиционных производителей».

Анализ данных межотраслевого баланса США, приведенный в [451], показал, что за 1987-1998 годы доля инвестиций в продукцию «новой экономики» увеличилась в 1,68 раза, с 15% до 25% от объема государственных и частных инвестиций в основной капитал. В это же время доля аналогичной продукции в ВВП, рассчитанном методом конечного использования, увеличилась незначительно, с 17% в 1987 году до 19% в 1998 году (то есть в 1,11 раза).

Иными словами, в США возник огромный разрыв в 10% ВВП между затратами и ожидаемой отдачей от ИКТ. Таким образом, от постиндустриальной экономики в абстрактной модели В.Л. Иноземцева можно было бы ожидать только «снижения личного потребления граждан».

В [451] приведены данные самого крупного и широкого исследования, опубликованного к тому моменту, - «Рост производительности труда в США в 1995-2000». Оно было проведено для американской аудиторско-консалтинговой компании комиссией экспертов, возглавляемой Нобелевским лауреатом Робертом Солоу (Массачусетский технологический институт).

Были изучены 59 главных отраслей в разных сферах бизнеса. Общий вывод сводится к следующему. Вопреки распространенному мнению, при расчетах роста производительности для каждой отрасли, выяснилось, что практически всё увеличение скорости роста сконцентрировано всего в шести отраслях: розничная торговля, оптовая торговля, торговля ценными бумагами, полупроводники, производство компьютеров, телекоммуникации (точнее, две из трех подотраслей телекоммуникационной отрасли - мобильная телефония и сетевая телефонная связь).

В остальных 53 отраслях экономики происходили небольшие увеличения и снижения роста производительности, в целом компенсирующие друг друга. Указанные шесть отраслей производят 31% ВВП и вносят 38% в совокупное увеличение насыщенности экономики информационными технологиями. 62% освоенных ИКТ пришлось на оставшиеся 53 отрасли, которые в совокупности не внесли практически никакого вклада в увеличение роста производительности. Для всех отраслей промышленности огромная часть сделанных в 1990-е годы инвестиций в ИКТ оказалась неэффективной.

Вторая задача исследования состояла в определении веса разных факторов в развитии шести отраслей-лидеров. Какую роль сыграли именно ИКТ? Ответы таковы. В розничной торговле рост производительности ускорился благодаря ряду нововведений, не сводимым к современным ИКТ: новой организации складской работы, электронному обмену данными, беспроводному сканированию штрих-кода и др. «Электронные» продажи через Интернет большой роли пока не сыграли. В 2000 году доля электронных продаж составила 0,9% от совокупного объема розничных продаж и была слишком низка, чтобы оказать серьезное влияние на общую производительность. В совокупности развитие торговли через Интернет внесло менее 0,01% в общеэкономическое увеличение роста производительности. В оптовой торговле положение было примерно таким же - улучшения были следствием целого комплекса нововведений.

Производительность труда в полупроводниковой отрасли увеличилась благодаря ускорению разработки и выпуска новых более быстродействующих процессоров. Это – традиционные НИОКР и производство новой техники, без принципиальных признаков нового уклада (постиндустриализма). В производстве компьютеров ускорение роста производительности в значительной степени обязано нововведениям за пределами самой отрасли (усовершенствованию микропроцессоров, появлению новых устройств типа CD ROM и DVD). Появление Интернета вызвало необыкновенный всплеск спроса на более мощные персональные компьютеры и оказало на этот рост косвенное стимулирующее воздействие. Единственной из шести быстро развивающихся отраслей, где Интернет существенно способствовал увеличению производительности, оказалась торговля ценными бумагами. К концу 1999 года уже около 40% розничных продаж ценных бумаг осуществлялось через Интернет.

Однако и в этой сфере применение ИКТ оказалось сопряжено с новыми проблемами, решить которые будет непросто. Эти технологии создали широкие возможности для «беловоротничковой» преступности. Банкротство корпорации Enron, хищение 5 млрд. долларов из банка «Сосьете Женераль», махинации с бухгалтерской документацией, уязвимость счетов перед атаками хакеров и другие признаки показывают, что колоссальные затраты на внедрение информационных технологий не привели к соответствующему увеличению экономической эффективности.

Немаловажен для нашей темы и другой важный вывод этого и аналогичных исследований: позитивный эффект от применения ИКТ увеличивается по мере повышения уровня индустриального развития страны, причем увеличивается нелинейно. Таким образом, индустриализация («догоняющее» развитие, в терминах В.Л. Иноземцева) – необходимое условие для того, чтобы национальная экономика могла с успехом воспользоваться средствами постиндустриального уклада. В «развивающихся странах» внедрение ИКТ оказывается убыточным.

Все это нисколько не снимает с национальной повестки дня России задачу развития и освоения современных информационных технологий и строительства адекватного им «общества знания». Как было сказано выше, обладание такими технологиями и принадлежность к группе стран с развитой социодинамикой знания – условие для самого существования независимой страны в мире, входящем в полосу нестабильности и трансформации.

19.02.2009. Если кому-то интересно. Начинается "лекторий"

Вот плакат-объявление

[http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/\(090219125122\)_Kurs_a4_01.jpg](http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/(090219125122)_Kurs_a4_01.jpg)

УЧЕБНЫЙ КУРС
"Государственное строительство и управление"

**Что угрожает России,
и какова новая парадигма
ее жизнеустройства в XXI веке?**

Кому и зачем необходим демонтаж народа?

**Бархатные революции:
история или современность?**

– Узнать ответы на эти и многие другие своевременные вопросы;
– овладеть логикой и реальными инструментами
государственного строительства и управления, а также
– получить актуальные знания из области истории,
социологии и политологии России и мира

**Вы сможете благодаря уникальному курсу
«Государственное строительство и управление».**

Лекции ведут
Почетный президент и Председатель Клуба
молодых обществоведов
профессор, д.т.н. С.Г. Кара-Мурза
и доцент, к.э.н. В.В. Патоков

Лекции проводятся
каждую неделю по понедельникам,
начиная со 2 марта, с 19.30 до 21.30.
Место проведения: большой актовый зал
Российского государственного института
интеллектуальной собственности

Адрес: Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а.
www.kmo-sgkm.ru www.rgiis.ru Вход свободный.

20.02.2009. Статья в журнале "Наша власть" /Первый шаг – про кризис 2008 г./

Первый шаг

С сентября 2008 г. Россия втягивается в кризис, которым нас, как говорят, «заразили США». Признаки назревающего на Западе кризиса финансовой системы стали явными уже в 2005 г., и были сигналы, что в него будет вовлечена Россия, за 90-е годы «привязанная» к этой системе. Ни формальные показатели, ни предупреждения аналитиков во внимание не принимались, Россия представлялась «островком стабильности», и начавшийся в сентябре 2008 г. кризис оказался для нас полной неожиданностью. В 90-е годы реформаторы демонтировали защитные механизмы, которые придавали экономике СССР кризисоустойчивый характер, и не выстроили других защит. Россия, резко ослабленная кризисом 90-х годов, оказалась полностью раскрытой и беззащитной против «импорта» чужих кризисов. В.В.Путин образно определил эту ситуацию так: «За что боролись, на то и напоролись». Правда, боролись за это завсегдатаи Куршевеля, а напоролись 148 миллионов жителей России (теперь 141 млн.). Аномально высокие цены на нефть привели к бурному росту российского фондового и потребительского рынка, что привлекло большой спекулятивный капитал. Финансовый кризис в США вызвал бегство из России этих «глупых» денег и привел к кризису ликвидности, а затем и к обрушению биржи. Кроме того, надо выплачивать сотни миллиардов долларов кредитов, набранных на Западе российскими банками и корпорациями. Быстро тает золотовалютный запас России. Он составлял в начале августа 598 млрд. долларов, а 12 декабря 2008 г. 435,4 млрд. долл., в январе, по оценкам, уменьшился еще на 35-40 млрд. Остаток примерно равен внешнему долгу. Наш нынешний кризис налагается на большую волну кризиса 90-х годов, который вовсе еще не преодолен. Это может полностью изменить структуру и глубину кризиса в России по сравнению с тем, что «на Западе». Главная угроза в том, что волна «прежнего» кризиса

уже подвела многие системы хозяйства и социальной сферы России к «красной черте». Запас их прочности почти исчерпан, и добавочный удар нового кризиса может запустить цепную реакцию отказов. Это сразу потребует больших средств на устранение чрезвычайных ситуаций, а их недостаточно. Например, в критическом состоянии находится жилищный фонд, обветшавший без капитального ремонта, инженерные сети ЖКХ, водоканал. Это – системы жизнеобеспечения, сбои которых могут ухудшить положение большей части населения. Таким образом, «модель кризиса» должна включать в себя и потенциальные угрозы, порождаемые массивными процессами деградации, запущенными еще в 90-е годы. Кризис находится лишь в первой фазе, прогнозы противоречивы. В острой фазе процессы быстротечны и напоминают боевые действия. Более эффективна тактика тех, кто исходит из продуманной доктрины, задающей критерии для принятия решений при реализации того или иного сценария. Если такой доктрины нет, в обстановке дефицита информации и времени принимаются импульсивные решения, а иногда и не принимается никаких решений. Ход событий становится неуправляемым, инициатива переходит к «противнику». Доктрина – это совокупность методов, позволяющих заранее разработать алгоритмы принятия решений, которые будут реализованы в зависимости от хода событий. В ней должны быть определены и сформулированы такие элементы любой антикризисной программы: цели (на разных уровнях); ограничения (заданные условия, которые должны быть выполнены неукоснительно); главные активные факторы, определяющие состояние дел; располагаемые ресурсы, необходимые для достижения цели в рамках заданных ограничений; набор показателей для слежения за ходом процессов; критерии выбора способов достижения цели. Поскольку кризис может развиваться по разным траекториям, доктрина предполагает сценарный подход. Для каждого сценария должен быть намечен, в главных чертах, свой план действий. Быстрая подгонка заготовленных решений к конкретной ситуации сократит издержки. В режиме реального времени выработать хорошие решения для быстротечных процессов невозможно, их варианты надо готовить заранее. Они должны следовать общей логике доктрины преодоления кризиса в рамках главных ограничений. Такой подход рационализирует программу действий, снижает давление идеологических догм. В момент кризиса они лишь усугубляют трудности. Кризис – особый тип бытия, когда решения должны приниматься под давлением неумолимых обстоятельств и ограничений. Например, если городское население не может купить хлеба по рыночным ценам, то продразверстка вводится любым правительством, как это и было в России в 1916-1920 гг. Тогда продразверстка была введена сначала царским правительством, потом Временным, потом Советским. Никто не ссылался при этом на Православие, Демократию или «Капитал» Маркса, а успех определялся лишь способностью выполнить задачу. При таком подходе некоторые проблемы переносятся из острой фазы кризиса «в будущее». Там они должны быть разрешены в более благоприятной обстановке. Нередко в будущем об этих перенесенных из кризиса проблемах «забывают», что является грубой ошибкой. Сейчас, через пять месяцев с начала кризиса следует признать, что методологический аппарат экономического блока правительства и его экспертов оказался непригоден для оценки уязвимости российской экономики. Вплоть до середины лета 2008 г. государство и общество следовали ошибочным представлениям об угрозе, перед которой оказалась Россия. Было потеряно много времени, и кризис застал страну неподготовленной. Требуется беспристрастная оценка применяемых в правительстве методов анализа и срочное устранение дефектов. Так, на конец 2008 года значения индекса РТС прогнозировались на уровне 3000 пунктов. На деле 19 мая он был на отметке 2498 пунктов, а 26 декабря – 644,5 пункта, снизившись на 74,2%. Если отбросить предположение о недобросовестности сообщества финансовых аналитиков, приходится признать это сообщество несостоятельным в выполнении профессиональной функции предвидения. Безосновательными были заявления о ближайших перспективах экономики РФ, сделанные на XII Международном Санкт-Петербургском экономическом форуме (6-8 июня 2008 г.). Эти заявления были подготовлены экспертами правительства на основании той прогнозной информации,

которой они располагали. На Форуме Д.А. Медведев сказал: «В мире уже обозначились новые центры экономического развития. И Россия – это один из них, поэтому она намерена участвовать в формировании новых общих правил игры на мировом рынке. Поэтому уже в ближайшее время будет принят план превращения российской столицы в мировой финансовый центр, а рубля – в одну из ведущих резервных валют». Это было сказано за два месяца до начала обрушения российского фондового рынка. То же можно сказать и о части населения, которая под воздействием идеологической пропаганды и нефтедолларов соблазнилась возможностью жить в долг. В течение последних двух лет сумма потребительских кредитов физическим лицам росла ежегодно более чем в полтора раза, сильно опережая рост доходов. К ноябрю 2008 г. кредиты банков физическим лицам составили 4,1 трлн. руб. Тут и грянул кризис. Но кто принимал решение создавать в России потребительскую лихорадку, для которой реальная экономика не давала никаких оснований? Ведь после 1991 г. в сельском хозяйстве число тракторов сократилось в три раза – а число легковых автомобилей в России возросло в три раза. Это и есть путь к нынешнему кризису. Как видятся сегодня основные принципы антикризисной программы правительства? Кризис это – болезнь (общества, хозяйства, государства). Как и при болезни человека, на этот период необходимо создать особый тип жизнеустройства, качественно отличный от жизнеустройства стабильного времени. Глубина отличий определяется глубиной кризиса, однако, как правило, она недооценивается и государством, и населением. В результате необходимые изменения вносятся под давлением обстоятельств, без подготовки, в чрезвычайном порядке. Это приводит к лишним страданиям людей. При серьезной болезни человека для защиты его организма применяются лекарства и процедуры, которые уничтожают болезнетворное начало или повышают защитные способности органов и тканей, а иногда временно замещают их искусственными устройствами (почка, легкие). В крайних случаях производят хирургическое вмешательство, изменяя саму структуру организма путем ампутации или трансплантации. Из этой аналогии следует, что защита населения от «болезни» кризиса не может быть достигнута просто посредством раздачи тех ресурсов, которые хозяйство и население получали в благополучное время. Распределение государством денег, которые бы заменили прибыль, кредиты или зарплату, не может быть эффективным в принципе. Кризис требует изменения образа жизни. Это значит, необходимо создание новых социальных форм и ослабление или ликвидация (возможно, временная) тех социальных форм, которые провоцируют болезнь или усиливают болезнетворное начало. Таким образом, защита от кризиса требует активной, целенаправленной и созидательной деятельности. Главной организующей силой в России реально может стать только государство. Советские общественные системы самоорганизации (партийные, профсоюзные и профессиональные организации, трудовые коллективы и пр.) разрушены, дееспособных новых не сложилось. Поэтому чрезвычайной антикризисной программой должно быть укрепление легитимности государственной власти. Она вовсе не так крепка, как кажется. Авторитет власти определяется двумя «срезами» реальности – объективными условиями жизни общества и восприятием этих условий. Оба эти среза важны, а иногда более важным является именно восприятие реальности. В 90-е годы РФ переживала глубокий кризис легитимности власти. Проявлением его были раскол общества по отношению к режиму Ельцина, вспышки политического насилия, сепаратизм окраин, война в Чечне, аномальные масштабы преступности и коррупции, демографическая катастрофа. После 1999 года этот кризис стал смягчаться и «подмораживаться». Программа В.В.Путина была принята как преодоление ельцинизма, что успокоило страсти и породило надежды, авторитет власти вырос, хотя равновесие еще не было устойчивым. Сомнения не были рассеяны потому, что массивные процессы деградации основных фондов, систем жизнеобеспечения и социальной сферы продолжались. Однако восприятие реальности стало более оптимистическим, так как правление В.В.Путина, подслащенное нефтедолларами, оценивалось в сравнении с разрухой и беспорядком 90-х годов. Теперь же, в условиях кризиса, более мрачными станут и оценка объективной реальности, и ее субъективное восприятие.

Грядущие «тощие» годы будут сравниваться с всплеском конъюнктурного потребления 2003-2008 гг. и с несбывшимися надеждами «эпохи Путина». Если произойдет срыв в программах социальной защиты населения, если будут спровоцированы конфликты по всем трещинам, разделившим общество, то взаимодействие самых разных видов недовольства откроет дорогу «оранжевой» коалиции. Для ее усиления в России есть кадры, информационная инфраструктура, идеологические и художественные средства, финансовая и технологическая поддержка из-за рубежа. Подрыв легитимности нынешней государственной власти, без шансов возникновения дееспособной альтернативной власти через революцию, приведет к крупномасштабной системной катастрофе. Она ударит прежде всего по жизнеобеспечению населения, особенно социально уязвимой его части. Трезво оглядывая прошедшие 8 лет, надо признать, что государство и общество не использовали данную нам судьбой передышку. Манна небесная нефтедолларов была пропита, проедена и промотана. Восстановления производства, систем жизнеобеспечения и кадрового потенциала проведено не было. Теперь наша судьба зависит от того, сможем ли мы организоваться в условиях кризиса. Если сможем, то и на выходе из него наберем инерцию развития. Не сможем – будем ограблены уже подчистую. Чтобы организовать, необходим трезвый и честный диалог общества и власти, без заклинаний насчет рынка, конкуренции и царя-мученика. В.В.Путин как-то с уважением помянул Рузвельта. Тот в качестве первого шага к преодолению Великой депрессии сказал: «Давайте перестанем врать друг другу».

23.02.2009. Поздравляю с Днем Советской армии - Днем защитника Отечества

Это касается практически всех.

28.02.2009. План лекций, которые буду читать с понедельника

02.03.2009

Кризис и российское обществоведение. Причины несоответствия. 1, СГКМ

09.03.2009

Система знания об обществе России и ее динамика в XX веке. 1, СГКМ

16.03.2009

Рациональное знание в обществоведении. Основные блоки и их состояние. 1, СГКМ

23.03.2009

Повреждение рациональности. Понятия. 1, СГКМ

30.03.2009

Повреждение рациональности. Мера. 1, СГКМ

06.04.2009

Традиционное и гражданское общество. 1, СГКМ

13.04.2009

Государство: структура и функции, основания легитимности. 1, СГКМ

20.04.2009

Советское государство: причины кризиса. 1, СГКМ

27.04.2009

Реформы 90-х годов в России: доктрина и социальная база. 1, СГКМ

04.05.2009

Институциональные матрицы России и реформы 90-х годов.

11.05.2009

Демонтаж народа.

18.05.2009

Социальные и национальные общности России. Демонтаж народа,

25.05.2009

Угрозы для России. Методологические проблемы предвидения.

01.06.2009

Бархатные революции: история и современность.

08.06.2009

Бархатные революции: современные технологии.

15.06.2009

Евроцентризм и русофобия. Альтернативные проекты будущего.

07.09.2009

Россия и исторический выбор: варианты жизнеустройства в XXI веке

14.09.2009

"Кризис-2009" как отправной пункт преобразования общества

21.09.2009

Образ будущего и сценарии движения к нему.

28.09.2009

Внешние и внутренние факторы, ограничивающие пространство возможного.

Март

4.03.2009. Предложили сделать статью для "Известий". Посмотрим /О кризисе/

Кризис как будто приоткрыл ту бездну, в которую сползает наша культура. Что-то клубится внизу, дна не видно. И не видно, за что можно зацепиться на мокром грязном склоне. Весь этот мрак и тлен – не явление природы. Это – плод наших мыслей, наших действий и бездействия за последние 25-30 лет. Дальше вглубь истории лезть не надо, дело решили эти годы.

Советская революция была катастрофическим выходом из исторической ловушки, в которую попала Россия при импорте западного капитализма. Катастрофическим – но выходом. Мягче не нашлось, перепробовали все наличные проекты. Травмы катастрофы были залечены, ненависть и реваншизм культивировались в очень небольшом меньшинстве. Но советская система в ходе урбанизации и смены поколений переживала кризис мировоззрения, опасный для идеократического государства. «Прогрессивная общественность» решила этим кризисом воспользоваться и подправить систему «под себя».

Союзники в этом проекте были влиятельными (от еврокоммунистов до Рейгана, от Сахарова до фарцовщиков), вероятность успеха велика. Все прошло как по маслу, отпраздновали победу. Что она будет пирровой, не сомневались. Но, как и предполагали, удалось сбросить социальную цену «геополитической катастрофы» на шею большинства. Чтобы заглушить совесть, раскрутили дикий, невиданный в конце XX века социал-дарвинизм. Интеллигенция...

Вместе с совестью оказалось подавленным и рациональное сознание. Тут есть проблема для методологов – разве эти духовные сферы сопряжены? Для нас важнее сам факт. Образованный слой впал в гипостазирование, на грани безумия. Был испорчен весь понятийный аппарат, применяемый в познании и понимании общественных процессов. Пустые, туманные понятия превратились в призраки идолов и могучих чудовищ, суждения о нашей бренной реальности стали заклинаниями, как у впавших в транс шаманов, наевшихся галлюциногенных грибов. «Рынок! Демократия! Инвестиции! Тоталитаризм!» Всякая мера вещей и явлений была отброшена, число потеряло привычный физический смысл, его надо было принимать, как мистический образ. Министры и эксперты могли делать совершенно нелепые утверждения – и ничего! Любой упрек им отвергался как глупая придирка. Таков уж театр нашего Карабаса-Барабаса.

После «бури и натиска» 90-х годов наступило затишье. Крот истории продолжал догрызать теплосети и трубы водоканала, жилищный фонд и производственные мощности, но все это под анестезией нефтедолларов и «мюнхенских речей». Все славили лидера, который наваял нам сон золотой. Мы пригреблись и задремали, заносимые пургой глобализации и российского телевидения.

И вот – кризис, в который Россию призвали с сентября 2008 г. Никакой рефлексии он не вызвал. В 90-е годы государство демонтировало защитные механизмы, которые придавали экономике СССР устойчивый против таких кризисов характер, и не выстроило альтернативных защит. Об этом сейчас ни слова (и, похоже, ни мысли).

Россия, резко ослабленная кризисом 90-х и прогрессирующей деградацией, оказалась раскрытой и беззащитной против «импорта» чужих кризисов. В.В.Путин образно определил эту ситуацию так: «За что боролись, на то и напоролись». Но кто звал на эту «борьбу»? Ведь большинство было против. Зачем надо было «бороться» за то, чтобы нас допустили стать жертвой их кризисах? Это следовало бы объяснить обществу, иначе не будет «восстановлено доверие», которого так желает власть.

Объяснение кризису дается такое: «Америка нас заразила». Ах, Америка, нас так долго учили любить твои запретные плоды. Наш «юноша Эдип», убив отца, вкусил этих плодов. Любовь зла, но надо же смотреть, с кем имеешь дело, и предохраняться от заразы. Америка нас заразила! Один обозреватель выразился едко: «Говорится это с плохо скрываемой гордостью неопытного подростка, лишённого невинности развратной девкой, заразившей его дурной болезнью». И ведь «неопытного подростка» поощряла власть. Только за три месяца, с 1 апреля по 1 июля 2008 г. внешний долг российских банков и корпораций вырос на 56,4 млрд. долларов и составил 492,4 млрд. Ни формальные показатели, ни предупреждения аналитиков во внимание не принимались, Россия представлялась «островком стабильности».

Вот, кризис пришел и разворачивает свои порядки. Нужна программа защиты. Очевидно, она должна быть разработана исходя из определенной трактовки самого понятия «кризис». Уходить от ясного определения сущности явления недопустимо. Что же мы слышим? 20 ноября 2008 г. В.В.Путин сказал, что «нынешний кризис, как вы знаете, подобен стихии. В рамках давно созданной и действующей мировой финансовой системы его, как и природное бедствие, предотвратить было невозможно».

Эта метафора не только ошибочна, она симптом важного методологического изъяна – натурализации общественных явлений. Кризис – творение современной культуры и не имеет ничего общего со стихией. На стихию сваливают, чтобы оправдать собственное бездействие. Но эти метафоры формируют мышление. Любая программа вырабатывается исходя из представления о реальности и с помощью определенного набора познавательных инструментов.

На XII Международном Санкт-Петербургском экономическом форуме (6 июня 2008 г.) Д.А. Медведев заявил: «В мире уже обозначились новые центры экономического развития. И Россия – это один из них, поэтому она намерена участвовать в формировании новых общих правил игры на мировом рынке. Поэтому уже в ближайшее время будет принят план превращения российской столицы в мировой финансовый центр, а рубля – в одну из ведущих резервных валют».

Очевидно, что это заявление подготовлено экспертами экономического блока правительства в рамках их рациональности. Вот наша национальная беда - познавательные инструменты российских экспертов и политиков, ответственных за хозяйство, неадекватны реальности. От них требуется объяснение причин ошибок, иначе государство и общество будут и дальше двигаться по пространству кризиса вслепую. Но такого объяснения мы, скорее всего, не получим, и это – симптом деградации культуры в целом.

По истечении трех месяцев «борьбы с кризисом» мы видим, что ее главная стратегия заключается в распределении денег, которыми еще располагает государство. Это – продолжение прежней экономической политики. Но ведь кризис - особый тип бытия. Это – болезнь общества (хозяйства, государства). Как и при болезни человека, на этот период необходимо создать особый тип жизнеустройства, качественно отличный от жизнеустройства стабильного времени. При серьезной болезни человека меняется его образ жизни. Для защиты его организма применяются лекарства и процедуры, которые уничтожают болезнетворное начало или повышают защитные способности органов и тканей. Иногда необходимо временное замещение органов искусственными устройствами (почка, легкие). В крайних случаях производят хирургическое вмешательство, изменяя саму структуру организма путем ампутации или трансплантации.

Из этой аналогии следует, что защита от «болезни» кризиса не может быть достигнута просто раздачей тех средств, которые хозяйство получало в благополучное время. Распределение денег, которые бы заменили прежние прибыль, кредиты или зарплату, не лечит, как каша не лечит больного. Кризис требует создания новых социальных форм и ослабления или ликвидации тех социальных форм, которые провоцируют болезнь или усиливают болезнетворное начало.

Вспомним все большие и успешно преодоленные кризисы – всегда они были периодом интенсивного социального конструирования и создания новых форм общественной организации. Так, программа выхода из Великой депрессии США вошла в историю как «кейнсианская революция», новый этап в социальной организации западного капитализма. «Реформы Эрхарда» в послевоенной Германии многое почерпнули из ордолиберализма, социального учения, соединившего либерализм с немецким государственным порядком. Что уж говорить о НЭПе как восстановлении страны после кризиса семи лет войны. Это общее правило: успешный выход из кризиса всегда сопряжен с глубоким обновлением социальной системы и, соответственно, технологического уклада.

Почему же мы не видим никаких признаков такого поворота в России? Как будто даже мысли такой не возникает в элите, владеющей информационным пространством. Это пространство как будто специально завалили мусором, чтобы не пробились ненужные вопросы. Фундаментальной причиной этого является сложившаяся в России за годы реформы аномальная социальная структура общества. Она и стала устойчивой, и без активного социального конструирования не перестроится.

Похоже, государство этим заниматься не собирается. Реально, в России диалог происходит только между властью и «крупным бизнесом». Большие общности абсолютно исключены из диалога, они не имеют голоса. Структуру общества предпочитают просто игнорировать. Для мало-мальски эффективной политики необходима социокультурная карта общества, пусть даже грубая. В последние годы быстро меняются культурные характеристики общностей, а именно они будут влиять на установки и поведение в условиях кризиса.

Простое деление общества на группы по признакам дохода, собственности, рода занятий недостаточно, но даже оно замалчивается.

Субъекты общественных процессов – не индивиды, а общности, собравшиеся на какой-то матрице. Но в каком они состоянии? Не приходилось слышать, чтобы внятно был поднят вопрос о том, что происходит с большой общностью «промышленные рабочие» - основой кадрового потенциала промышленной страны. Их контингент сократился более чем вдвое, на 10 млн. человек. В России продолжается деклассирование рабочих, значительная часть их опустилась на «социальное дно». А что происходит с общностью «сельскохозяйственные работники»? Она сократилась в 6 раз. Дegradiрует системообразующая для России общность – интеллигенция. Она замещается «средним классом» - новым социокультурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. Высшее образование сейчас ежегодно поставляет на рынок труда около 600 тыс. таких суррогатных интеллигентов – при численности выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям 26 тыс.

Вернемся к кризису. Кризис ударил по России, когда в ней продолжается процесс распада всех общностей (может быть, кроме криминальных). Этот процесс был запущен в конце 80-х годов как способ демонтажа советского общества. Ни остановить его, ни начать «сборку» на новой основе после 2000 года не удалось (если вообще предполагали). После 1991 г. были остановлены и, в основном, ликвидированы практически все механизмы, сплачивающие людей в общности, сверху донизу.

Самым главным процессом стал демонтаж народа (нации). Задача «разборки» советского народа привела к повреждению или разрушению вообще связей, соединявших русских в народ как надличностную общность с системными свойствами. Другой комплекс действий привел к повреждению или разрушению связей, соединявших этносы и народы России с русским ядром – был проведен демонтаж советской системы межнационального общежития. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации), адекватной по связующей силе и разнообразию связей, создано не было. Никакой программы нациестроительства государство не выработало до сих пор.

Так совокупность структурных элементов российского общества утратила «внешний скелет», которым для нее служила нация. При этом пропала и скрепляющая нацию система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали все общности как часть их «внутреннего скелета» и связывали с другими общностями. Например, Россия утратила национальное информационное пространство. Она не располагает информационной системой, чтобы вести низовой «каждодневный плебисцит» по всем вопросам национальной повестки дня. Исчезли и каналы, по которым до всех граждан одновременно доводилась эта повестка дня. Телевидение этой функции выполнять не может, оно служит лишь каналом политической рекламы и контркультуры.

Уже не раз отмечалось, что кризис, а тем более послекризисное развитие, требуют от государства выработки и заключения нового общественного договора. Кто же будет допущен к столу переговоров в нынешней политической системе? На кого делает ставку эта система? Какая общность станет локомотивом, который вытащит Россию из кризиса и поставит «на путь инновационного развития»?

В 90-е годы в России были предприняты интенсивные попытки классового строительства, прежде всего, буржуазии, а затем и нового рабочего класса. Для этого применялись социальные и политические технологии конструктивизма. В целом, эти попытки не привели к успеху. Классовой культуры и самосознания до сих пор не возникло ни у «буржуазии», ни у «пролетариата», и шансов на их возникновение почти нет. Они напоминают ряженых в социально-политическом театре. Причины для этого фундаментальны, но их обсуждение выходит за рамки нашей темы.

В последние годы упор при создании идеологии, легитимирующей современное жизнеустройство и политический порядок, делается на средний класс. Он представляется ядром общества и социальной базой власти. Сама эта доктрина еще остается очень сырой, разработка идеологии среднего класса ведется вяло. Попытка взять за основу классический либерализм была ошибкой, философия либерализма, выросшая из Просвещения, давно неадекватна нынешней реальности. Идея гибридизации остатков либерализма с Православием и Самодержавием успеха не имела, и даже непонятно, кто мог надеяться на такой успех.

Кризис заставил форсировать проект классового строительства, в качестве главного общественного субъекта России власть выбрала средний класс. 28 ноября 2008 г. программное заявление сделал В. Сурков. Он сказал: «Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену».

В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть. Сурков подчеркнул: «Помочь среднему классу пережить следующий год без серьезного ущерба. Поддержать уровень занятости и потребления... Потому что российское государство - это его государство. И российская демократия - его. И будущее у них общее. Нужно позаботиться о них. Россия - их страна. Медведев и Путин - их лидеры. И они их в обиду не дадут».

Называть период 2000-2008 гг. эпохой среднего класса – гротеск, иной раз кажется, что тут есть скрытое издевательство. «Гегемон» не только не определен внятыми признаками, он воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное, артефакт смутного времени, заслуживающий легкого сострадания. Ничего эпохального этот субъект не совершил, и ничего от него не ждут.

Сурков видит в среднем классе прямо становой хребет современной России: «Российское государство - это его государство». Неужели это всерьез? Сам этот образ «хозяина государства Российского» лишает авторитета любую государственную программу борьбы с кризисом. Средний класс - небольшая общность, составляющая примерно 7-12% населения. По своим социокультурным характеристикам эта общность - продукт постсоветского смутного времени, который уже не обременен коллективной памятью «советского типа», но не обрел «своей» памяти. Это «рожденные в года глухие, пути не помнят своего». Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия?

Чтобы оценить эффект этого образа, представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий тот средний класс, о котором говорит Сурков. Каков может быть этот памятник «белому воротничку» или «офисному планктону»? Монумент «Чижик-пыжик»? Поставим его в один ряд с уже известными монументами, символизирующими культурные типы. Это фигура «Рабочий и крестьянка» - аналог с классовой символикой. Это памятник «Воину-освободителю» в Трептов-парке. Такое сравнение для «белого воротничка» убийственно, речь идет о несоизмеримых по потенциалу и консолидирующей силе социальных общностях.

В ходе обсуждения роли среднего класса видный идеологический работник «партии власти» телеведущий Владимир Соловьев подчеркнул, что это – «класс потребителей, а значит, именно он является двигателем всего, что происходит в стране». Класс потребителей! И на него власть возлагает миссию спасения страны от тяжелого кризиса и подвиг «перехода к инновационному развитию»! Это похоже на театр абсурда.

Каковы перспективы? Опора на средний класс – тупик. В принципе, сам классовый подход не отвечает цивилизационным угрозам, который создает для России этот кризис, принципиально отличный от западного. Другая у него структура и другой состав дей-

ствующих лиц. Целеполагание программы должно исходить из реальности России, и организующей силой сейчас может быть только государство. Оно больно, но это еще государство. На что же оно может опереться, сборку и мобилизацию какой общности должно поддержать?

Преодоление нашего кризиса уже возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Его вырабатывает надклассовая и надэтническая общность. В свое время Данилевский назвал ее «культурно-исторический тип». Эта общность и служит ядром консолидации в момент больших кризисов, она и задает проект будущего. Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился уже как «советский человек». Он сник в 70-80-е годы, а потом был загнан в катакомбы, но не исчез. Он – молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму.

Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа – стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповает на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности. Но это уже другая тема.

Государство же стоит перед выбором историческим, который выше выбора идеологического или шкурного. Пока оно от выбора уклоняется, но счетчик тикает.

4.03.2009. Мое интервью для башкирского сайта

<http://rb21.ru/node/464#comments>

Представляют некоторый интерес комментарии. А вообще-то сам сайт.

113

9.03.2009. Властная элита и рефлексия

Рефлексивное отношение к бытию, способность регулярно, почти непрерывно «оглядываться назад» - важное качество того «общества знания», нормы которого выработало Просвещение. Это вовсе не самопроизвольно возникшее умение, это часть определенной методологии мышления. Ее можно освоить и развивать, а можно и утратить.

Именно рефлексия дает возможность поступательного движения в познании реальности - в каждый момент настоящего мы должны иметь в виду тот прошлый запас знания, который приращиваем сейчас, ибо эту новую частицу знания мы встраиваем в изменяющуюся структуру знания, которым обладали вчера, год или десять лет назад. Рефлексия - это непрерывное обновление знания. Понятно, что она требует воли и мужества - сзади всегда ошибки. Недаром Кант писал, что Просвещение имеет свой девиз, свой наказ: *Aude sapere* - «имей отвагу, смелость знать».

В России после 1992 г. произошло разрушение или глубокая деградация инструментов рефлексивного мышления. Доктрина реформы прямо предполагала стирание коллективной исторической памяти, замену культурного ядра российского общества, возвращение на «столбовую дорожку цивилизации». Отключение «блока рефлексии» в сознании работников власти и управления в начале 90-х годов было массовым и поразительным по своей ментальности – как будто кто-то сверху щелкнул каким-то выключателем.

Нарушение норм рациональности при утрате памяти и способности к рефлексии - большая общенациональная проблема, она сама должна стать предметом усиленной рефлексии, а затем и специальной культурной, образовательной и организационной программы. Пока что признаков осознания этой проблемы не видно.

Вот недавний известный пример. В 2002 году в РФ собрали 86 млн. т зерна. Высшие должностные лица заявили, что в России достигнут рекордный урожай (говорилось даже, что «удалось добиться таких результатов, которых не было в советское время»). При этом реальные данные Госкомстата РФ о производстве зерна (в весе после доработки) публикуются регулярно и общедоступны. Они таковы: в 1970 г. в РСФСР было собрано 107 млн. т зерна; в 1973 – 121,5; в 1976 – 119; в 1978 – 127,4; в 1990 – 116,7; в 1992 – 107. Мы видим, что 24 года назад было собрано зерна в полтора раза больше, чем в «рекордный» 2002 г. То есть, представления высших чиновников и их экспертов о зерновом хозяйстве России ошибочны фундаментально. Более того, урожай 1992 года, то есть уже времен реформы, был больше «рекорда» почти на треть. Урожай менее 100 млн. т в последние 20 лет в РСФСР вообще был редкостью. Даже в среднем за пятилетку 1986-1990 гг. зерна собирали 104,3 млн. т в год.

Чиновники и служащие в правительстве и администрации президента эксперты-экономисты, конечно же, не собирались ввести общество в заблуждение. Они были неспособны мыслить во временном контексте, «видеть» даже короткие временные ряды. И это свойственно нынешней власти в целом. Поврежден важный механизм рационального знания. Утверждение, будто 2002 год стал рекордным для территории РФ за всю ее историю, не является тривиальным. Как можно, называя какое-то достижение рекордом (то есть «записанным на скрижалях» достижением), не взглянуть назад и не поинтересоваться, какими были достижения в прошлые годы? Тем более, что сельское хозяйство страны переживает кризис. Как мог сенсационный рекорд не вызвать интереса и сомнения?

Надо вспомнить, что одним из первых шагов реформы стала ликвидация тех главных инструментов рефлексии и «административной памяти», которые выработала наша культура. К их числу относился, например, регулярный гласный отчет по понятной и весьма строгой форме. Прошел год - и отчитывается руководитель, каждый в рамках своей ответственности, а все слушают. Сама форма отчета заставляла людей вспоминать. И этот отчет кладется, как летопись наших дел.

Производственные совещания, на которых отчитывался директор, профсобрания с отчетом профкома, сессии Верховного Совета с отчетом председателя Совета министров – все это был механизм, заставляющий вспоминать и обдумывать пройденное - за год, за пятилетку. Эту обязанность вспоминать и обдумывать отменили. Полезно взять сегодня любой отчетный доклад Косыгина - и сравните с речами Гайдара, Черномырдина, Касьянова. Мы видим огромный откат в культуре памяти и мышления

Если и есть отчеты, составляемые правительством по установленной международными организациями форме, то они остаются практически недоступными для общества. Официальный «Доклад о состоянии здоровья населения РФ» в 1993 г. был выпущен тиражом 300 экз. Чиновники и даже специалисты утратили доступ к элементарному инструменту рефлексии - статистическим ежегодникам. В советское время ежегодник «Народное хозяйство СССР» издавался массовым тиражом, содержал информативные показатели с длинными временными рядами и стоил 3 рубля. Нынешний ежегодник - скудное по содержанию издание ценой более 1 тыс. руб. Сделаны недоступными простейшие контрольные инструменты рефлексии (отчетные доклады, контрольные цифры и др.), идет быстрая деградация хранилищ материальных носителей памяти (архивов и библиотек). Восстановление даже этих элементарных условий для полноценного рефлексивного мышления уже стало сложной задачей.

Не имея ни ясно изложенных программ, ни отложившихся, как летописи, отчетов, ни доступной статистики работники органов власти и управления и не могут оценить пройденного пути. А без памяти о пройденном нельзя рационально рассуждать о программах! Пять лет говорилось о «программе Грефа», потом эта программа куда-то исчезает - и о ней никто не вспоминает.

Хороший учебный материал для анализа функции рефлексии дает история введения купли-продажи земли и «фермеризации» России в 90-е годы. В доктрине реформ было принято, что главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе станут фермерские хозяйства. Их пропагандой занимались идеологи и ученые широкого диапазона. Кампания эта проходила вне норм рационального знания – с крайним гипостазированием, игнорированием реальных фактов и нарушением логики. Но здесь мы говорим о рефлексии.

Как видятся результаты огромного изменения сегодня, через 17 лет после начала «фермеризации всей страны»? Невозможно разумное планирование дальнейших шагов без анализа тех последствий, к которым привела большая программа, которая к тому же не отменена и не завершена.

Результаты таковы. В 2006 г. число фермерских хозяйств в РФ составило 255,4 тыс., а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий - 21,6 млн. га (со средним размером земельного участка 81 га). Из этих угодий пашня составляла 15 млн. га. Это около 15% всей пашни в России. На этой земле фермеры произвели в 2006 г. 6,5% всей валовой сельскохозяйственной продукции страны. Особенно сильно у них отстает трудоемкая часть сельского хозяйства – животноводство. Здесь они дают только 3,3% от общего объема продукции. Очевидно, что как производственный уклад в российском сельском хозяйстве фермерское хозяйство оказалось несостоятельным. Предположение, что этот уклад является наиболее прогрессивным и продуктивным, не оправдалось. Но ведь ученые и политики, которые 17 лет переделывали сельское хозяйство страны, исходя из этого предположения, никогда не обмолвились об этом выводе. Неизвестно даже, знают ли они о результатах этого колоссального эксперимента.

Каковы перспективы фермерства в нынешней системе хозяйства? Судя по объективным данным, очень небольшие. По данным Сельскохозяйственной переписи 2006 года, из имеющихся фермерских хозяйств сельскохозяйственную деятельность осуществляли в 2006 году только 124,7 тыс. А 107 тыс. фермеров относятся к категории «прекративших сельскохозяйственную деятельность». Еще 21,4 тыс. хозяйств считаются «приостановившими сельскохозяйственную деятельность». Выходит, половина фермеров, получив землю, хозяйства на ней не ведут! Можно ли замалчивать этот факт?

Ведь из него следует, что не увенчалось успехом главное институциональное изменение в сельском хозяйстве России, которое было положено в основу реформ - не действует институт купли-продажи земли. Такое фундаментальное изменение жизнеустройства страны требовало обширного обоснования и общественного диалога. Диалога не было, задать вопросы было нельзя, доводы реформаторов были очень скудными. Но как реально пошла купля-продажа земли, как оправдалось первое предвидение авторов реформы? Самый длительный эксперимент по продаже земли был проведен в Саратовской области. Казалось бы, итоги его должны быть подведены и изучены. Напротив, о результатах уже более чем десятилетнего опыта Саратовской области практически ничего не известно, есть лишь отрывочные данные.

Саратовская область – зерновая. Как повлияло введение купли-продажи земли на производство? Заметных улучшений по сравнению с другими областями нет. Относительно трех «советских» пятилеток с 1976 по 1990 годы сбор зерна в области за пятилетки с 1991 по 2005 годы снизился в той же пропорции, что и в других регионах. Но это не главное. Главное – частный капитал не покупает землю, чтобы вести хозяйство. Землю скупают спекулянты для теневой перепродажи иностранцам, о чем пишут откровенно. Вот недавняя справка Минсельхоза: «Добросовестные землепользователи и инвесторы сталкиваются с проблемами оформления земли в собственность или в долгосрочную аренду. Одновременно с этим, все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты».

В «Государственном (национальном) докладе о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г.» сказано: «Из 401 млн. га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн. га или более 30% от всех таких земель. Остальные 275 млн. га (около 70%) находятся в государственной и муниципальной собственности. Из 121 млн. га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн. га (93%) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн. га (24%) — это невостребованные земельные доли. В сельскохозяйственном производстве не используется более 30 млн. га пашни» [356].

Итак, в государственной и муниципальной собственности в 2004 г. находилось 275 млн. га (около 70%) земель сельскохозяйственного назначения России. Эту землю в небольших размерах каждый год покупают сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства. Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти 8 тыс. га земель вне населенных пунктов. Это 0,0029% земли, предлагаемой к продаже. И сельскохозяйственные предприятия, и фермеры предпочитают не обременять себя частной собственностью, а арендовать землю у государства (в 2004 г. такая аренда составила 54 млн. га).

Реально, никто землю для производства хлеба не покупает, 93% земли граждан – полученные от колхозов пай, а у юридических лиц земли чуть больше 1%. При этом разгром колхозов и совхозов привел к сокращению посевных площадей на треть. Надо зафиксировать этот вывод, ставший несомненным за 17 лет реформ: институт купли-продажи земли, ради внедрения которого реформаторы пошли на создание глубокого раскола в обществе, в России не действует.

Почему же и половина начавших свое дело фермеров прекратили пахать и сеять? Причина в том, что мелкая ферма не может вести хозяйство и тягаться с крупным хозяйством без очень больших бюджетных дотаций. Это надежно установлено и в сталинской реформе, и в США, и в Западной Европе. А обещанных дотаций фермерам в России не дали. Когда проводилась кампания “фермеризации”, были обещания, что тем гражданам, которые выйдут из коллективных хозяйств и совхозов и заведут собственное хозяйство, будет оказана государственная поддержка. К концу 90-х годов около 80% фермеров не получили такой помощи. Они работали себе в убыток, с огромной самоэксплуатацией. Сейчас, с быстрым ростом цен на зерно, финансовое положение фермеров немного улучшается, но в целом это не меняет дела.

В результате к 2006 г. 50,6% всей земельной площади занимали фермерские хозяйства, владеющие более чем 1000 га земли. Таковых было 4466 хозяйств – на всю Россию. Среди них выделялись 101 хозяйство, владевшие более 10 тыс. га каждое (в среднем по 56 тыс. га). Это российские латифундисты, уклад «третьего мира». Возник и слой малоземельных и, как ни странно это звучит, безземельных фермеров. Из всех фермерских хозяйств в 2006 г. 17,4% вообще не имело земельных участков, и еще 20,5% имели участки до 3 га (в среднем по 1,7 га).

Хозяйства фермеров, в основном, являются семейными. По сути дела, это трудовые крестьянские хозяйства с очень малой долей наемного труда. Согласно изучению, в 1999 году, 187,6 тыс. хозяйств. В них было занято 235,8 тыс. наемных работников (в среднем 1,3 работника на одно хозяйство), причем в среднем один работник за год отработал только 43,9 человеко-дня. Реально, это были батраки-сезонники. Затраты на оплату труда с социальными отчислениями в структуре расходов фермерских хозяйств составляли всего 10%.

В 2006 г. общее число работников, занятых во всех фермерских хозяйствах, составляло 475 тыс. человек. В их числе наемных работников, занятых на постоянной основе, было 83 тыс. человек, то есть в среднем по одному работнику на 3 фермерских хозяйства. Остальные – поденщики или сезонники. Таким фермерские хозяйства в России в целом стали

еще менее «капиталистическими», чем в 1999 году. Тогда ради чего разрушили имевшиеся развитые хозяйства?

Фермерством занялась отечественная сельская элита, верхушка колхозно-совхозной деревни. Из 146 тысяч руководителей дееспособных фермерских хозяйств 86 тыс. проработали в сельском хозяйстве более 20 лет. Мало того, это самый образованный состав – 34,2 тыс. (23%) руководителей имеют высшее профессиональное образование. Это агрономы, инженеры, зоотехники. Еще 4,8 тыс. имеют незаконченное высшее образование, а 46,6 тыс. (32%) – среднее специальное. Изъятие из сельскохозяйственных предприятий такого числа опытных и высокообразованных специалистов и превращение их в мелких хозяев на клочке земли – колоссальный удар по отечественной экономике и по российской деревне. Это наша национальная беда, которая не была осмыслена и к которой государство и общество остались равнодушны.

Надо искать новые формы соединения трудовых крестьянских хозяйств с крупными предприятиями, совместно модернизировать их как систему. Но для этого требуется рефлексия, а она отсутствует.

Можно говорить об утрате управленческими структурами «системной памяти», наличие которой и делает возможной рефлексию. За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ, а также их социальной базы – гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Мы переживаем кризис когнитивной структуры управления – всей системы средств познания и доказательства, которые применяются при выработке решений. Это не могло не вызвать и кризиса сообщества управленцев. Ведь оно, как и любое профессиональное сообщество, соединяется не административными узлами, а общим инструментарием. Масштабы деформации когнитивной структуры таковы, что на деле надо констатировать распад сообщества. Разумеется, работники управления – умные и образованные люди, они часто произносят разумные речи, но эти «атомы разума» не соединяются в систему, что и говорит о распаде сообщества.

Для такого вывода имеются необходимые и достаточные признаки. Во-первых, социально важные решения, полученные с явным нарушением логики и меры, а иногда и прямая ложь политизированных управленцев не вызывают санкций со стороны коллег – это означает, что сообщества не существует. Есть конгломерат личностей и клики, собранные «по интересам», но нет социальной системы, соединенной общими нормами и общей этикой. Во-вторых, взаимоисключающие утверждения, которые кладутся в основу решений, не становятся предметом дебатов с целью найти причины расхождений. А ведь такие расхождения с невыявленными «корнями» ставят под угрозу целостность когнитивной структуры и всегда вызывают тревогу сообщества. В настоящее время они не порождают ни тревоги, ни дебатов, даже не вызывают удивления и любопытства.

Состояние системы управления в России ныне таково, что оно будит и актуализирует латентные опасности и выводит на уровень потенциально смертельных даже те опасности, которые могли бы контролироваться с ничтожными затратами. Мы обычно сводим дело к коррупции и некомпетентности, но еще большая беда состоит в том, что власти делают ошибку за ошибкой – и никаких признаков рефлексии и «обучаемости».

9.03.2009. Кто будет ходить на лекции - сегодня состоится

Там же в то же время - 19-30, м. Беляево, ул. Миклухо-Маклая, 52, МГИИС

11.03.2009. Полный текст моего интервью Азату Бердину (ИГИ РБ)

1 декабря 2008 г. в Институте социально-политических исследований РАН известный политолог, главный научный сотрудник ИСПИ РАН Сергей Георгиевич Кара-Мурза ответил

на вопросы старшего научного сотрудника нашего Института гуманитарных исследований АН РБ, Азата Бердина. Предлагаем вниманию читателей данное интервью[1].

1. А.Б.: Уважаемый Сергей Георгиевич! В диссертации А.В.Самохина Вы причисляетесь к сторонникам евразийства. Не могли бы Вы уточнить свое отношение к данному направлению отечественной мысли и оценить его перспективы на будущее?

С.К-М: Я не специалист по евразийству. Но если меня причисляют к этому течению, значит, согласно критериям моих коллег, я выражаю некоторые его установки. Действительно, я считаю, что на территории Евразии сложилась целостная, самобытная и устойчивая цивилизация, в которую входит русский народ как ядро и большое число народов с общей центральной мировоззренческой матрицей.

Отсюда следует много важных общих установок - по проблемам добра и зла, жизнеустройству, устройству межэтнического общежития. Я считаю, что у нас сложилась большая культурная и этническая система, которая задает общую – в главном - цивилизационную траекторию. Она позволяет нам не просто выжить в сложных природных и геополитических условиях дел, но и быстро развиваться, делая жизнь достойной, наполненной духовным смыслом, дающей возможности для самовыражения личности и вызывающей уважение многих народов всего мира, в том числе даже наших цивилизационных противников. Поэтому нам нет никакого смысла прерывать и менять эту цивилизационную траекторию. Это было бы колоссальной исторической глупостью. А кроме того, это принесло бы такие массовые страдания, которые для многих народов, в том числе и для русских, были бы чреваты пресечением их корня. Об этом надо думать.

2. А.Б.: Повальное увлечение евразийством сменилось другой крайностью – столь же резким креном в сторону русского этнонационализма. Странно выглядит стремление ряда ученых разных отраслей гуманитарного знания «свести счеты с собственным евразийским прошлым», по выражению одного весьма уважаемого историка. Как Вы оцениваете причины и последствия этой тенденции?

С.К-М: Во-первых, Вы говорите об идеологической и политической проблеме, а не научной. Каким бы научным титулом не обладал человек, его идеологические предпочтения могут радикально противоречить научному знанию. Так что не будем считать, что стремление «свести счеты с собственным евразийским прошлым» как-то связано с наукой. В среде интеллигенции периодически возникает это стремление, есть такой комплекс. Отказываться от дела своих отцов и дедов некоторые считают признаком «прогресса». Особенно когда своя страна переживает трудные времена.

Что касается политического интереса, то разжигание русского этнонационализма, - это эффективное средство предотвратить восстановление всей евразийской цивилизационной конструкции. Конкретно, помешать восстановлению политических структур единого государства, единого хозяйства, единой школы, общих культурных устоев. На мой взгляд, установка на разжигание всяческих этнонационализмов в России уже с 70-х годов была принята в интеллектуальной верхушке нашего цивилизационного противника как главный вектор, а все остальные были только прикрытием. Но поскольку у нас знание о цивилизациях и народах было неявным, т.е. официальное обществоведение этот срез общественных отношений рассматривало в романтическом духе, то мы оказались беззащитны против этого удара по нашим народам и их способу совместной жизни. Это был сильный проект, хорошо разработанный политически, интеллектуально, художественно.

Те, кто по разным мотивам примкнули к противнику в антироссийской войне, стали выполнять и эту программу. Она – элемент большой программы разборки, демонтажа всей нашей цивилизации. На нашу беду, в ряды противников России перешла существенная часть нашей интеллектуальной и культурной элиты. Это были авторитетные, зачастую

любимые народом люди, их позиция привела нас в замешательство, расстроила наши ряды.

Конечно, в момент острого кризиса сдвиг к этнонационализму у многих происходит как акт отчаяния. Люди ищут поддержки, спасения от хаоса через сплочение близких людей, и самой понятной и доступной часто оказывается близость этническая. Она воспринимается как близость «по крови». Когда кажется, что страна катится в пропасть и не может защитить тебя, спасение видится в том, чтобы теснее собраться в этническую общность, пусть и небольшую.

В момент разложения, когда ослабевают или рвутся связи, раньше скреплявшие все народы в огромную нацию и страну, этнонационализм становится убежищем, в котором можно пережить бедствие. Это убежище находится на тупиковой ветви исторического пути, этнонационализм блокирует развитие, затрудняет сотрудничество народов и собирание их в мощную нацию. Но бывают ситуации, когда и такое убежище необходимо. Главное, не засиживаться в нем, не допускать архаизации, не принимать вынужденный выбор за идеал.

Причины и ограниченность такого выбора в критические моменты для малых народов очевидны. Но принять такую тактику русскому народу, у которого племенное чувство давно изжито – это регресс, историческая ловушка. Русские уже с XV века начинают сознавать себя державным народом, который собирает и скрепляет всю нашу многонациональную цивилизационную конструкцию. С выполнением этой роли этнонационализм несовместим.

В целом проект «русского этнонационализма» идет очень трудно, и я считаю, что успехом он не увенчается и порогового уровня в его развитии не удастся достигнуть. Для этого проекта есть важные культурные и социальные ограничения в условиях жизни и мировоззрении большей части русских людей. Но, как говорят: «не мытьем, так катаньем», этот проект продолжается, и большая часть СМИ на него работает.

3. А.Б.: Уважаемый Сергей Георгиевич! В своей работе «Демонтаж народа» Вы уделили немало внимания тезисам распространенной ныне критики идей Л.Н.Гумилева с позиций конструктивизма. Как бы Вы сформулировали основной позитив наследия Л.Н для современной гуманитарной мысли?

С.К-М: Он прекрасно и в замечательной художественной форме описал важные черты этнической реальности. Реальность можно описывать в разных теоретических рамках, описание и само по себе представляет большую ценность. Я думаю, к пониманию наших проблем в сфере этничности и межэтнических отношений мы двигаемся в большой степени благодаря трудам Гумилева. Он привлек наш интерес к проблеме, мастерски ввел в мир этнической истории, очаровал блестящими парадоксальными идеями. Я не считаю его теоретическую концепцию верной, но без него мы не освоили бы никакой доктрины. Грамши говорил, что распространение знания даже важнее, чем его создание. Так вот Гумилев нашел форму, через которую удалось до многих донести смыслы большой проблемы.

4. А.Б.: Ныне весьма распространен стереотип, согласно которому в национальных субъектах РФ образовались, с развалом СССР, жесткие этнократические режимы. В то время как их точнее назвать «островками» традиционализма. Они имеют установку на этнократию, но она не является доминирующей. Как Вы это прокомментируете?

С.К-М: Вы в этом вопросе совместили несколько проблем, причем сложных, по которым еще не выработано удовлетворительных ответов. Да и понятия не вполне определились. Выскажу свое мнение, которое еще нельзя назвать достаточно зрелым. Все мы еще должны думать над процессами, которые идут на наших глазах.

Первое. Этнократия – один из видов авторитарной власти и в то же время идеология, которая может присутствовать в любом типе власти вообще. Признанные демократическими режимы, например, Латвии или Израиля, в то же время следуют принципам этнократии, что признается западными антропологами. Можно даже сказать, что они намного этнократичнее, чем режимы республик РФ, которые называют этнократиями. Классификация – необходимое интеллектуальное средство, но если не принимать во внимание весь комплекс качеств конкретного режима, то ярлык ведет к ошибочным выводам. Да еще в этом комплексе качеств надо «взвешивать» главные его составляющие. Возьмем три класса авторитарной власти – монархию, диктатуру и этнократию. Разве можно верно оценить конкретные случаи, беря за критерий название класса? Ведь это ярлык, приклеенный теми, кто владеет СМИ. Монархия Испании и Саудовской Аравии – режимы разные по сути.

Этнократия может выражаться в том, что титульный народ, сплоченный ею сильнее, чем другие проживающие в республике этнические общности, берет на себя роль силы, организующей такое жизнеустройство, в котором все население сможет с меньшими потерями пройти через кризис и сохранить потенциал развития. То есть, этот титульный народ берет на себя державную ношу. А может, наоборот, выражаться в том, что титульный народ получает привилегии за счет других этнических общностей. А иногда и начинает дискриминацию «иногородцев», их оскорбление и угнетение. Под одним названием могут быть разные по сути режимы.

Нам навязывают власть слов, а мы должны брать явления в их целостности и оценивать исходя из критериев всех главных групп нашего расколотого общества.

Второе. Принципы политической философии, выработанные Просвещением, переживают сейчас кризис, как часть общего кризиса индустриальной цивилизации. И здесь наступает постмодерн, который смыкается с архаикой (премодерном). Неолиберализм размывает классовый характер капитализма и превращает элиту собственников в замкнутое сословие. А оно, в свою очередь, приобретает этнические черты.

Что такое «золотой миллиард»? Утопия собирания новой всемирной господствующей нации, на которую будут работать «новые рабы», лишённые своей национальной идентичности. Это жесткая глобальная этнократия.

Что мы видим в 90-е годы в России? Разрушившие СССР силы стали встраивать свой политический режим в фарватер этой глобальной утопии. Они тоже занялись строительством новой нации, собранной из крупных собственников, созданных в ходе приватизации. Эту «нацию» назвали «новыми русскими», хотя она, как и «золотой миллиард», была интернациональной. Имя «новые русские» не прижилось, оно сразу приобрело негативный смысл. Но проект выполнялся, и в нем сразу обнаружились черты архаической этнократии – в РФ была искусственно создана прослойка «олигархов» из числа «новых русских». При этом «старые русские» (не деле – большинство многонационального советского народа) были лишены огромной собственности и сбережений, дискриминированы в распределении доходов и в доступе к базовым социальным и гражданским благам. Российское государство 90-х годов – жесткая этнократия под властью «новых русских».

Этот социальный и политический режим неизбежно порождает и поощрял этнократические проекты в регионах. Поощрял потому, что они разрывали связи советского народа и лишали его возможности сплотиться для сопротивления катастрофе. А порождает потому, что в условиях катастрофы малые народы искали способ сплотиться на этнической основе, чтобы пережить бедствие и закрыться от этнократии «новых русских» и «золотого миллиарда», надсмотрщиками которого они становились в России.

Этнократическое прикрытие стало чрезвычайной мерой защиты нерусских народов, а русские такой защиты создать себе не могли и уже не успеют. У них больше шансов спасти себя как народ через восстановление державы.

Третье. В этнократическом укрытии можно пересидеть катастрофу, как бомбежку. Но за-
сидиваться нельзя, это грозит народу большой бедой, уже сравнимой с самой бомбежкой.
Этнократия – архаический режим, толкающий народ на путь регресса вплоть до отката к
племенному сознанию. Оно обращено назад, к утопии Золотого века, который был пре-
рван «пришельцами». Это парализует импульс к развитию и разрывает связи сотрудниче-
ства с людьми «чужого племени». Такие общности могут жить лишь при мощной подпит-
ке извне (как Израиль). В России это нереально.

Такова уж наша историческая судьба, многовековое движение народов привело к этниче-
ской чересполосице. У нас даже в масштабах района надо устраивать добрососедское су-
ществование нескольких этнических групп. Это требует работы ума и сердца, но альтер-
натива – межэтнические конфликты. Их природа изучена досконально, раскрутить их лег-
ко, а погасить трудно. Они тлеют, пока не «выгорит» весь горючий «человеческий мате-
риал». Этнократия нередко срывается в эту пропасть, поскольку она в поддержку себе мо-
билизует политизированную этничность, которая очень легко выходит из-под контроля.
Желающих подлить масла в этот огонь достаточно и в России, и за рубежом.

5. А.Б.: *А как Вы видите взаимосвязь между этнократией и традиционализмом?*

С.К-М: На мой взгляд, эта связь непрямая. Это явления разной природы, их векторы раз-
личны, оба они могут использовать друг друга как средство, даже как маску. А могут быть
и противниками. Например, советский традиционализм отвергает этнократию, но в каких-
то критических ситуациях может использовать ее как маску, как меньшее зло, позволяю-
щее сохранить советские ценности (например, социальную справедливость) посредством
авторитарного правления с этнократическими чертами.

Главное в наше время – здравый смысл и расчет. Ни в коем случае нельзя впадать ни в ка-
кие «измы», надо внимательно изучать ситуацию и прикидывать, куда ведет тот или иной
коридор. Мы сейчас переходим с одного распутья на другое, и на каждом надо делать от-
ветственный выбор. Тут как раз должна сказать свое слово мудрость традиционного со-
знания, в противовес радикализму, порожденному кризисом. Трезвый взгляд и мера – вот
что нужно сейчас и государству, и обществу, и народу. Не надо сейчас выпячивать ничего,
что работает на раскол.

6. А.Б.: *Идеология «неолиберальной империи» А.Б. Чубайса подразумевает унитаризацию
страны. (Правда, об авторстве этой идеи предпочитают не вспоминать). Идеи унитар-
изации, губернизации находят и широкий отклик у многих, использующих патриотиче-
скую риторику. Экономически и политически укрепление вертикали из здорового проекта
по наведению дисциплины приобретает все более зримые черты проекта неолиберально-
го. Возможно, попытка найти согласие власти с обществом будет предпринята именно
в этом направлении. Как Вы относитесь к идее губернизации?*

С.К-М: Любое административное устройство – это не корень культуры, а инструменты.
Выбирая инструмент, надо исходить из той реальности, из тех задач, которые она ставит.
Любое административное действие отвечает какой-то приоритетной задаче более высоко-
го порядка.

К идее унитаризации разные люди привержены, исходя из совершенно разных оснований,
соединять их в какую-то одну общность нельзя. У Чубайса одни задачи, у «новых белых»
другие, у монархистов третьи. И образы империи у них совершенно разные.

Бедя в том, что у нас очень многие удревняют нынешние проблемы. Одни хотели бы
устроить, как в Российской империи, другие как в советское время. Но сейчас и то, и дру-
гое - уже история! Аналогии могут привести к большим ошибкам. Например, сразу после
войны, в 1945 году, когда сплоченность большой полиэтнической советской нации была
так сильна, что людей не волновало, как проводятся административные границы, какие
национальные символы применяются местной властью. Уже 80-е годы – это другой исто-

рический период. А в 90-е годы люди переживали общенациональное бедствие, катастрофу. Для её переживания люди мобилизовали все культурные ресурсы, в том числе свои этнические символы, важнейшим из которых был образ родной земли, а значит, и ее граница. Стереть ее, нарезать Россию на губернии – значит разрушить защиту символов, снова создать душевный хаос. Приведет ли это к сплочению всех народов в рамках Российской Федерации? Думаю, что нет. Сейчас попытка подавления этнического чувства политическими средствами, думаю, будет иметь обратный эффект. Что, например, дало устранение в паспорте графы национальности?

Я допускаю, что многие либеральные этнологи-конструктивисты искренне считают, что они, административными средствами приглушая этничность, усилят гражданственность. Но в реальных условиях это может привести к обратному эффекту. Это как тушить водой пожар бензохранилища. Когда этничность становится средством собирания общности для того, чтобы спастись в условиях хаоса, попытки её подавления ведут к холодной этнической войне. Как можно играть такими вещами?!

7. А.Б.: Сегодня Вас считают традиционалистом-консерватором. Вы убеждаете власти двигаться к системе общественного согласия и т.д. Но время идет, а либерализация российского общества продолжается. Системного кризиса, который Вы предрекали несколько раз, в том числе к 2010 году, не произошло. Не считаете ли Вы возможным внести коррективы в свою позицию?

С.К-М: Коррективы я все время вношу, это неизбежно. Само понятие «системный кризис» размытое. Он может быть смертельным, а может протекать как несмертельная болезнь, но с обострениями. У нас продолжаются главные, массивные процессы деградации - они не так быстро, но идут. А некоторые идут примерно в том же темпе, что и в 90-е годы. Значит, они неизбежно приведут к таким последствиям, которые заставят изменить нашу жизнь, причем системно. Этот вывод пока что нет оснований пересматривать.

А.Б.: Как же возможно сотрудничество с властью, которая на словах выступает за сохранение и восстановление традиционных ценностей и за уважение к историческому прошлому, а на деле продолжает вести неолиберальный курс, приводящий к дальнейшей деструкции?

С.К-М: Власть могла бы быстрее вести деструкцию, а она этого не делает. Это уже очень большое достижение, оно дает надежду. Поскольку общество в его нынешнем состоянии не находит выхода и не может пока выработать объединяющего проекта, наша надежда только на то, чтобы затянуть кризис настолько, чтобы успели прибыть те силы, которые на подходе. Нынешнее студенчество, выйдя на общественную арену, будет подготовлено к действиям в актуальных условиях лучше, чем старшее поколение. Эта надежда пока не исчезла, зачем же ускорять события.

8. А.Б.: Уважаемый Сергей Георгиевич! Вы являетесь одним из тех мыслителей левого направления, кто обратил внимание на не классовый, а ценностно-цивилизационный характер конфликта, расколовшего наше общество. Национальные движения, связанные в свое время с всплеском политизированной этничности, на деле часто являются превращенными формами традиционализма, защиты этнической, а значит, и цивилизационной идентичности. Ведь движения защиты этнической идентичности народов России, например, башкир, развивались в первой четверти XX века во многом аналогично идеям народников и эсеров, позже – почвенной части большевиков. Нас не должна сбивать с толку европоцентристская фразеология, неизбежная для национализма начала XX века так же, как и для всех видов марксизма того времени.

Сегодня защитный, консервативный характер низовой поддержки этих движений еще очевидней. С другой стороны, в национальных регионах они являются наиболее опытной силой в противостоянии правовому нигилизму 1990-х гг. Возможен ли, на Ваш взгляд, со-

юз между трансформированными национальными движениями и теми силами, на которые надеетесь Вы?

С.К-М: В принципе, возможен и логичен. Но противоречия и конфликты, которые развиваются в обществе, имеют ещё и собственную динамику. В ней возникают пороговые явления, после которых начинают работать новые факторы. Если конфликт пересек некоторую грань, то его первоначальная причина уже становится несущественной. Конфликт сам порождает причины и оправдания – входит в режим воспроизводства и, часто, самоускорения.

Поэтому нам, чтобы разобраться в структуре конфликтов, нужно хладнокровно и непредвзято обрисовать динамику каждого из них. Каждый является уникальным. Выявить общие закономерности конфликта в Чечне и Приднестровье можно лишь с большой натяжкой, каждый требует своей модели. Другое дело, что у нас мало интеллектуальных ресурсов, чтобы создать полную картину. Но хотя бы грубо надо ситуацию структурировать.

В любом очаге такого конфликта, люди, которые думают о будущем, должны стараться не перейти ту грань, о которой шла речь. Конечно, конфликт спланирует, он может быть фактором собирания общности. Но нельзя переступать порог, за которым начинается необратимый цепной процесс. На конфликте надо накладывать ряд ограничений, вождя обязаны их определить и жестко соблюдать.

Лидеры, которые начинают сплочение через конфронтацию, должны проиграть в уме динамику этой акции не на месяц, не на год, а хотя бы на полвека. В Чечне, я считаю, переступили целый ряд порогов, которые очень дорого обошлись народу. А тот конфликт, который возник на Украине, ещё года два назад можно было подморозить через диалог пророссийской и антироссийской частей украинцев. Но пророссийская часть не нашла сил для того, чтобы побудить к такому диалогу этнонационалистов. Это тоже ухудшило перспективы для украинского народа в целом.

9. А.Б.: Разрушение мира символов Советской цивилизации происходили с разной скоростью и успехом в разных частях России. В Башкортостане, например, его удалось сильно смягчить. Ныне наблюдается попытка углубить этот разрушительный процесс в подобных регионах. Используются испытанные приемы: культурный садизм, антинаучные мифы (в частности, неолиберальные мифы «Белого движения»), провокация этнической конфликтности, дискредитация «культы личности» и т.д. Как Вы относитесь к подобным попыткам? Как, по Вашему, должна относиться к ним «левая» мысль? Как – ответственность России в целом?

С.К-М: Я отношусь к этому как к нормальным действиям противников в войне. Война против символов - это война на уничтожение, к миру в ней прийти трудно. Она вовлекает много мирного населения, которое не понимает, что является бульдозером циничных политических сил. А за рычагами бульдозера сидят радикалы, толкающие к катастрофе.

Я бы только заметил, что речь идет вовсе не о разрушении мира символов именно Советской цивилизации. Война идет против всего пантеона символов национального сознания народов России (Евразии). Другое дело, что многие символы советского периода у нас общие, например, Стаханов, Чкалов, Зоя Космодемьянская, Гагарин. Да и Сталин является общим символом практически для всех, включая антисталинистов. Но наряду с ними есть и национальные символы, скрепляющие ткань каждого народа.

Например, для русских очень важен образ Александра Невского. С ним русские связывают исторический вызов, который и определил судьбу России как Евразии. Историк Г.В. Вернадский так видит значение символа: «Два подвига Александра Невского - подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке - имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа. Цель эта была достигнута: воз-

растание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром. Племя александрово построило Московскую державу».

В 1547 г. Александр Невский был причислен к лику общерусских святых как новый чудотворец. Тогда же было написано каноническое житие Александра Невского, из него исходила и официальная, и народная русская национальная идеология во все времена, включая советские.

Во время перестройки была поставлена задача развенчать Александра Невского как «хитрого, властолюбивого и жестокого правителя». Для этого собирались международные конференции, приезжали иностранные профессора, издавались книги. Вся программа «развенчания семисотлетнего мифа об Александре Невском» убеждала, что русским было бы выгоднее сдаться на милость тевтонских рыцарей и через них приобщиться к Западу. Ничего из этой кампании не вышло, народная память оказалась сильнее.

Я думаю, аналогичные кампании ведутся и против символов других народов.

10. А.Б. Да, в Башкортостане есть группа публицистов, которая ведет активную кампанию по «развенчанию» образа Салавата Юлаева. Эта кампания шла под знаменем поиска исторической правды, но нетрудно увидеть, что она преследует идеологические цели, не имеющие общего с исторической наукой. Насколько существенна сила этих кампаний сегодня?

С.К-М: Конечно, такие кампании – лишь небольшой элемент программы ослабления национального самосознания и создания всяческих трещин и расколов в народе. Но пренебрегать этим элементом нельзя. Любая трещина затем может быть расширена и даже превращена в пропасть. Этим и опасны войны против символов, которые были приняты традицией. Великий антрополог Конрад Лоренц писал, что разрушение символов, «даже если оно полностью оправдано», очень опасно. Мы не знаем точно, какую роль играет тот или иной символ в культуре, и при его ликвидации вся система культурных норм «может угаснуть, как пламя свечи».

Не берусь оценить роль образа Салавата Юлаева в современной культуре башкир. О себе скажу, что я в детстве прочитал книгу о Салавате Юлаеве, и через его образ мне в память впечаталось представление о башкирах как народе, достойном глубокого уважения. И я не хочу, чтобы кто-то сегодня запускать свои лапы ко мне в душу, чтобы разрушить этот образ. «Историческая правда» к этому не имеет никакого отношения, символы – по другой части.

Москва, 1 декабря 2008 г.

[1] Интервью проводилось в рамках проекта РГНФ-Урал «Социокультурный феномен фольклористики(на материале РФ, РБ и РТ)».

12.03.2009. "Образ будущего" - Статья в "русском журнале", снова актуальна

Образ будущего

Способность предвидеть будущее, то есть строить его образ в сознании (воображение) - свойство разумного человека. Прежде чем сделать шаг, человек представляет себе его последствия, строит в сознании образ будущего – в данном случае ближайшего. Если этот шаг порождает цепную реакцию последствий (как переход через Рубикон), временной диапазон предвидения увеличивается. Если человек мыслит о времени в категориях смены формаций и Страшного суда как вселенской пролетарской революции, то его диапазон предвидения отдалается до горизонта истории – той линии, где кончается этот мир (мир предыстории). Во всех случаях производится одна и та же мыслительная операция – со-

здание образа будущего. Инструменты для нее вырабатываются, начиная со скачкообразного возникновения человека.

Первые коллективные представления – о мире. Они вырабатывались в сфере религиозного (поначалу мифологического) сознания. По данным антропологов, создаваемые таким сознанием образы мира (в том числе в движении) носили системный характер и в этом отношении мало уступали науке.

Сфера религиозного и мифологического сознания и присущий ей инструментарий действуют и поныне, хотя и в разных формах (в том числе маскируясь под науку – такова мода Нового времени). С самого начала одна из главных функций шамана или жреца заключалась в том, чтобы говорить с духами или богами и получать от них сведения о будущем.

Для сознания необходим поток сообщений особого типа – Откровения. Выполнение социальной функции добывать и передавать эти сообщения оформилось очень рано и приобрело изощренные формы. Так, сивиллы, действующие под коллективными псевдонимами прорицательницы, были важным институтом Малой Азии, Египта и античного мира в течение 12 веков. Они оставили целую литературу – *oracular sibillina*, 15 книг, из которых сохранились 12. На бытовом уровне важной фигурой стали гадалки и ясновидящие. «Откровение» тайн будущего (апокалиптики) – изначально и поныне столь важная часть общественной жизни, что по выражению немецкого философа, «Апокалиптическая схема висит над историей».

Для нашей темы актуальна издавна сложившая классификация типов и оснований предвидения будущего. Эти системы сосуществуют, а периодически теснят друг друга. Так, в истории была эпоха пророков. Их деятельность закладывала основы мировых религий как систем. Пророки – выдающиеся личности, гармонично сочетавшие в себе религиозное, художественное и рациональное сознание. Кооперативный эффект взаимодействия всех трех типов сознания придавал предсказаниям пророков убедительность и очарование.

Пророки, отталкиваясь от злободневной реальности, задавали траекторию ее движения в очень отдаленное будущее, объясняли «тайны Царствия Божия» и судьбы народов и человечества. Воспринятые народом как личности, Слышащие глас Божий и избранные Богом для сообщения его Откровения, пророки приобретали такой авторитет, что их прорицания задавали матрицу для строительства культуры, политических систем, социальных и нравственных норм. В их лице соединялись духовные и общественные деятели, выполнявшие ключевую роль в «нациестроительстве».

Пророчество как система построения образа будущего, с его очевидной значимостью как ресурса, нисколько не утратило своего значения и в наши дни. В переломные периоды это проявляется наглядно, достаточно вспомнить роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком. Пророками были и Махатма Ганди, и Гитлер.

Эпохи пророков можно, в качестве аналогии, уподобить периодам научных революций, приводящих к смене парадигм. В период стабильности, а тем более упадка, предвидение будущего организуется подобно «нормальной науке». С.Н. Булгаков дал обзор этого перехода на примере иудейской апокалиптики («Апокалиптика и социализм», 1910). В отличие от пророков, эта деятельность напоминает работу безымянных научных коллективов. Их тексты более систематичны и упорядочены. Они не претендуют на то, чтобы сообщать Откровение самого Бога, а дают трактовку прежних пророчеств.

Уже в иудейской апокалиптике возникают формы абстрактного, обезличенного и не привязанного к конкретно-исторической обстановке знания. Его можно уподобить теоретическому знанию «объективных законов исторического развития». Эти тексты были востребованы, поскольку служили людям средством ободрения, особенно в обстоятельствах кризиса. Прогнозы апокалиптиков включали в себя множество сведений из самых разных областей, что придавало им энциклопедический характер. Апокалиптическая литература

такого рода – необходимый ресурс революций, войн, катастрофических реформ. И учение Маркса, и доктрина реформ 90-х годов в России – замечательная иллюстрация канонів апокалиптики такого рода.

В любом случае предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык рефлексии – «обращения назад». В «откровении» будущего соединяются философия истории с идеей прогресса. Это хорошо видно на материале знакомого старшему поколению исторического материализма Маркса.

Казалось бы, сама постановка задачи такого предвидения является ложной: из многообразия исторической реальности берется ничтожная часть сигналов, строится абстрактная модель, в которую закладываются эти предельно обедненные сведения – и на этом основании предсказывается образ будущей реальности. Здесь нет непосредственной возможности услышать глас Божий. Источник истины здесь принимает форму Призрака, который не может отвечать на вопросы, он лишь помогает их ставить. Так для Маркса был важен образ Отца Гамлета – как методологический инструмент. Образом Призрака Коммунизма, бродящего по Европе, он начинает свой «Манифест». Но истину надо добывать наукой – следя и за Призраком, и за людьми.

Почему же эти «откровения», стоящие на столь зыбком фундаменте, так востребованы во все времена? Потому, что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом – люди прилагают усилия и даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути.

Поэтому прогнозы и имеют повышенный шанс сбыться, хотя реальность с изменчивостью условий и многообразием интересов множества людей, казалось бы, должны разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. Макс Вебер писал: «Интересы (материальные и идеальные), а не идеи непосредственно определяют действия человека. Однако картины мира, которые создаются «идеями», очень часто, словно стрелки, определяют пути, по которым динамика интересов движет действия дальше».

Чтобы «откровение» стало движущей силой (ресурсом), оно всегда должно включать в образ будущего свет надежды. Светлое будущее возможно! Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ хилиазм – идея тысячелетнего царства добра. Он может быть религиозным, философским, национальным, социальным. Это идея прогресса, выраженная в символической форме. Во время перестройки академик С.Шаталин иронизировал над хилиазмом русской революции с ее поиском града Китежа и крестьянским коммунизмом – и как будто не замечал, что сам проповедует поразительно приземленный хилиазм «царства рынка».

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. Пример – фанатизация немцев «светлым будущим» Третьего рейха, который вынесет эксплуатацию за пределы Германии, превратив славян во «внешний пролетариат». Более ста лет умами владел хилиазм Маркса с его «прыжком из царства необходимости в царство свободы» после победы мессии-пролетариата. По словам С. Булгакова, хилиазм «есть живой нерв истории, - историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном».

Позже Антонио Грамши высказал в «Тюремных тетрадах» такую мысль о роли исторического материализма с его фатализмом для консолидации трудящихся: «Можно наблюдать, как детерминистский, фаталистический механистический элемент становится непосредственно идеологическим «арома-том» философии, практически своего рода религией и возбуждающим средством (но наподобие наркотиков), ставшими необходимыми и исторически оправданными «подчиненным» характером определенных общественных слоев. Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом

поражений, механический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости. “Сейчас я потерпел поражение, но сила обстоятельств в перспективе работает на меня и т.д.” Реальная воля становится актом веры в некую рациональность истории, эмпирической и примитивной формой страстной целеустремленности, представляющей заменителем предопределения, провидения и т.п. в конфессиональных религиях”.

Грамши подчеркивает созидательную силу марксистского догматизма именно как ресурса: “То, что механистическая концепция являлась своеобразной религией подчиненных, явствует из анализа развития христианской религии, которая в известный исторический период и в определенных исторических условиях была и продолжает оставаться “необходимостью”, необходимой разновидностью воли народных масс, определенной формой рациональности мира и жизни и дала главные кадры для реальной практической деятельности”. Здесь мы не будем подробно останавливаться на его столь же важной мысли о том, что после победы «подчиненных» хилиазм становится фактором, разрушающим волю народных масс (как это мы и наблюдали в послевоенном СССР).

Для нас сегодня актуально изучение апокалиптики русской революции, замечательно выраженной в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов. Корнями она уходит в иное мировоззрение, нежели иудейская апокалиптика (и производная от нее апокалиптика Маркса). В ней приглушен мотив разрушения «мира зла» для строительства Царства добра на голом месте. Скорее, речь идет о нахождении утраченного на время града Китежа, об очищении добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина». Таковы общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, социальные и евразийские «откровения» Блока, крестьянские образы будущего земного рая у Есенина и Клюева, поэтический образ Маяковского «Через четыре года здесь будет город-сад».

Стоит заметить, что этой русской апокалиптике с удивительной, религиозной страстью противостоит прогрессизм и классического марксизма, и либерализма. Перед нами – очень поучительная война альтернативных «образов будущего». К ней надо подходить с хладнокровным знанием, тут еще предстоят тяжелые бои.

Здесь, кстати, поучительны резкое неприятие Н.И. Бухариным поэтических образов будущего у Блока и Есенина. Бухарин верно определяет несовместимость с антропологией марксизма прозрения Блока: «с великой болью Блок угадывал по вечерним кровавым закатам и грозовой атмосфере грядущую катастрофу и надеялся, что революционная купель, быть может, приведет к новой братской соборности». Так же верно оценил Бухарин несовместимость с апокалиптикой «производительных сил» есенинского образа светлого будущего - где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где «дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой».

Отметим еще один важный канон в создании образа будущего. Хилиазм и надежда на избавление в светлом будущем сопровождаются эсхатологическими мотивами. К Царству добра всегда ведет трудный путь борьбы и лишений, гонения и поражения, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции – «и последние станут первыми»). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее. Все идет по плану!

Не раз отмечалось, что странная концепция Маркса об «абсолютном обнищании пролетариата» по мере развития производительных сил при капитализме явно противоречила и исторической реальности, и логике. Но в его апокалиптической модели такое страдание пролетариата перед Страшным судом было необходимо. Клеточку «периодического закона» надо было заполнить.

Эсхатологическое восприятие времени, которое предполагает избавление в виде катастрофы, разрыва непрерывности, породило и установку «чем хуже, тем лучше», и множество историй с ожиданиями «конца света» и желанием приблизить его. Но как норму – именно принятие страданий как оправданных будущим избавлением. В революционной лирике этот мотив очень силен. Читаем у Брюсова:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром - Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, -
Но первой жатвы не увидишь ты.

Каково же наше положение сегодня? Во-первых, русская советская культура конца XX века утратила инструменты и навыки для войны «образов будущего». Мы не только проиграли эту войну, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами. Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в 90-е годы, но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

Во-первых, предвидение требует мужества, недаром Кант считал, что девиз разума - *Aude sapere* («имей отвагу знать»). Это мужество подорвано у нескольких поколений. А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как “бунт юноши Эдипа”, бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Начатый с распродажи страны «праздник жизни» затянулся сверх меры. Созревают угрозы, но их не желают видеть и слышать. Будущее идет к нам шагами Каменного гостя.

Общество без рефлексии не имеет будущего. Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и порча инструментов рефлексии. Это изменение в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности – как будто кто-то сверху щелкнул выключателем. Произошел сдвиг от реалистического мышления к аутистическому. Цель реалистического мышления - создать правильные представления о действительности, цель аутистического мышления - создать приятные представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием. Наши реформаторы и часть среднего класса впала в крайнее состояние - грезы наяву. Исходя из социального запроса этой «элиты» и фабрикуются нынешней апокалиптикой в лице политологии и футурологии приятные образы будущего.

Эти образы являются ресурсом только для российской индустрии ритуальных услуг.

13.03.2009. Глава 36. Поддержка рыночной реформы в РФ: предупреждения с Запада

Весь раздел, посвященный тому, как была воспринята в широких кругах нашей интеллигенции доктрина и практика «рыночной реформы» в РФ, полезно заключить суждениями и оценками западных экономистов и философов, причем в большинстве своем специалистов либерального толка. В этих суждениях трудно усмотреть и корысть советских «консерваторов», якобы пекущихся о сохранении своих привилегий, и фанатизм «красно-коричневых», якобы отвергающих западную хозяйственную систему из-за своей идеологической ограниченности.

Дадим слово самим западным авторитетам, пусть наши честные интеллигенты, считающие себя либералами и демократами-западниками, услышат из их уст, какие грубые и фундаментальные ошибки они допустили, поверив подряд трем командам реформаторов, от Горбачева до Путина.

Прежде всего, зафиксируем, что уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в РФ «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным среди западных специалистов. Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, безусловный сторонник рыночной экономики, дает оценку совершенно ясную, которую невозможно смягчить: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту, особенно когда оно ведет к социальной и политической нестабильности»[1].

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили самое худшее из всех возможных состояний общества. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о системе ошибок, о возникновении в сфере сознания «странных аттракторов», которые тянули к выбору наихудших вариантов из всех возможных, тянули к катастрофе. Какое же русская интеллигенция, которая поддерживала доктрину этих реформ и забрасывала цветами ее авторов, имеет право уклоняться теперь от честного анализа этих ошибок!

В 1996 г. целая группа американских экспертов, работавших в РФ, была вынуждена признать: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества»[2]. Страх - это эмоция, он вне рациональности. Причины нашей драмы в том, что эмоции типа параноидального страха не были обузданы разумом - логикой и расчетом. В большой мере это произошло вследствие постыдной для интеллигенции слабости - невежества. Очень многие из ошибочных установок наша образованная публика приняла просто потому, что мало знала и искала не достоверности, а убеждений. И речь идет вовсе не только о ее поводырях-реформаторах, а и о массе образованных людей.

Эмсен и др. пишут в своем докладе: «Несмотря на плачевные результаты, неуклонное следование логике шоковой терапии в России и Восточной Европе было в какой-то мере добровольным, отражая взгляды части интеллигенции. Для многих интеллигентов стало символом веры, что быстрая радикальная экономическая реформа абсолютно необходима, дабы избежать обратного хода событий после очередных выборов. Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык «скрытых сталинистов» (Эмсен, с. 67).

Заметим, что в самой РФ о катастрофическом провале реформ, ведущих по схеме МВФ, говорили вовсе не только «скрытые сталинисты», а и вполне либеральные экономисты-«рыночники», по разным причинам сохранившие независимость суждений. Н.Петраков и В.Перламутров писали в академическом журнале: «Анализ политики правительства Гайдара-Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы. Взяв на воору-

жение концепцию финансовой стабилизации, имеющую весьма ограниченное и производное значение, они стали множить дестабилизирующие факторы»[3].

Итак, в огромной стране совместными усилиями политиков и влиятельного интеллектуального сообщества, при поддержке широких слоев интеллигенции искусственно создана хозяйственная и социальная катастрофа. Казалось бы, перед российской интеллигенцией и особенно перед научным сообществом возник очень важный в теоретическом и еще более в практическом плане объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Очевидно, что обществом совершена ошибка (корыстные и преступные соображения политиков - лишь отягощающие обстоятельства этой ошибки), но за прошедшие десять лет никакого стремления к рефлексии по отношению к программе реформ в среде интеллигенции не наблюдается! Гораздо больше анализом того, что произошло в России, озабочены ученые Запада. Разве это не говорит о том, что что-то важное сломалось в сознании нашего образованного слоя?

Дж.Стиглиц констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»... Программа стабилизации-либерализации-приватизации, разумеется, не была программой роста. Она была нацелена на создание предварительных условий для роста. Вместо этого она создала предварительные условия для деградации. Не только не делались инвестиции, но и снашивался капитал - сбережения испарились в результате инфляции, выручка от приватизации или иностранные кредиты были растрочены. Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным» (Стиглиц, с. 81, 176).

То есть, реформаторы под аплодисменты широких слоев интеллигенции совершили ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем (и их предсказывали с большой точностью). Это ошибки тривиальные. Чтобы их не видеть, надо было впасть в аномальное, болезненное состояние сознания. Но надо же когда-то заняться лечением!

Были и более важные ошибки, которые не обязан рассматривать Дж.Стиглиц, но обязана понять российская интеллигенция. Реформаторы убили хозяйственный организм, а строение его не знают. И всякие ссылки на реформы Тэтчер, у которой якобы учился Чубайс, на приватизацию лавочек и мастерских в Польше при Лехе Валенсе – ложь и издевательство над здравым смыслом. Никакого подобия это не имеет промышленности СССР, которая представляла из себя один большой комбинат. Не может врач, на руках которого из-за его ошибки умер пациент, не задуматься о сути этой ошибки, не раскопать ее причин. Это было бы противоестественно, противоречило бы главным нормам врачебного сознания. Но ведь интеллигенция, призывавшая народ поддержать реформы, как раз и выступила в роли врача, обещавшего вылечить болезни нашего хозяйства. И вот, совершены тяжелые ошибки, хозяйство загублено - и никаких признаков рефлексии.

Были ли эти ошибки неизбежны, стояла ли перед реформаторами и их «группой поддержки» сложная задача, на которую не могла дать ответа экономическая наука? На этот вопрос можно ответить вполне определенно: нет, никаких непреодолимых сложностей не было, провал реформы был надежно предсказан специалистами самых разных политических направлений. Дж.Стиглиц подчеркивает: «За последние пятьдесят лет экономическая наука объяснила, почему и при каких условиях рынки функционируют хорошо и когда этого не происходит» (Стиглиц, с. 253). Причина нашей катастрофы - именно смесь политического интереса («страха») и невежества.

Перечислим, кратко, главные ошибки, совершенные в ходе реформы в РФ. Они взаимосвязаны, и их трудно расположить в иерархической последовательности. Можно сказать, что была совершена одна большая фундаментальная ошибка, которая слегка по-разному видится с различных точек зрения.

Как известно, в качестве цели реформ было декларировано превращение советской хозяйственной системы в экономику свободного рынка, причем западного (и даже не вообще западного, а англосаксонского) типа. Когда в 1988-89 гг. академики от А до Я (от Аганбегяна до Яковлева) заговорили о переходе к свободному рынку, это поначалу воспринималось как мистификация, как дьявольская хитрость ради каких-то политических махинаций, которые задумал Горбачев. Казалось невероятным, чтобы наши миллионы образованных людей поверили в эту нелепость. Немногие видные западные экономисты, которые могли в тот момент вставить слово в каком-нибудь интервью для советской прессы, тоже были в недоумении. Например, английский историк экономики Теодор Шанин в интервью «Известиям» (25 февраля 1989 г.) сказал: «Меня смущает, когда у вас говорят о свободном рынке Запада. Где он? Его нет. Скажем, цены на молоко в Англии определяет правительство, а не рынок».

Чуть позже Дж.Гэлбрейт сказал об этих планах наших реформаторов более откровенно: «Говорящие - а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь - о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого к нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» («Известия», 31 янв. 1990).

Психическое отклонение клинического характера - вот как это воспринималось западными специалистами, не имеющими причин лгать!

Навязывая обществу определенную доктрину реформ, политики, в том числе с академическими титулами, утверждали, что они опираются на самую современную и эффективную экономическую теорию - неолиберальную. Политики были недобросовестны, в этом уже не может быть сомнений. Но со стороны интеллигенции вера в теорию, которой никто не изучал и никто не обсуждал, смахивает на идолопоклонство. Ведь даже сами творцы этой теории честно предупреждали, что она имеет ограниченное поле действия, а именно - общество, проникнутое «духом капитализма», т.н. «протестантской этикой» наживы как благой высшей цели. Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенен так определил то условие, при котором экономическая теория обладает полезностью: «Теория будет полезной, если экономические отношения распространены в достаточной степени, чтобы возможно было прогнозировать и толковать человеческое поведение. Более того, экономическая теория может быть применима к реальному миру только в том случае, если экономическая мотивация преобладает в поведении всех участников рыночной деятельности»[4].

Принятие неолиберальной доктрины для реформирования отечественной экономики поразительно и потому, что это означало очевидный разрыв непрерывности, самоотречение, отказ от всякой исторической преемственности принципов хозяйственного развития - и одновременно от принципов экономической рациональности вообще. Как могли пойти на это интеллигентные люди, считающие себя русскими, даже православными! Ведь это редкий случай в истории культуры.

Американские эксперты пишут: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку - это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России» (Эмсен и др., с. 65).

Никаких шансов на успех такая реформа не имела. Народное хозяйство любой страны - это большая система, которая складывается исторически и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений - даже если на время политикам удастся пробудить массовый энтузиазм и радужные иллюзии. В данном же случае устойчивой массовой под-

держки неолиберальная доктрина реформ в СССР и РФ не получила, что показали многочисленные исследования и самые разные способы демонстрации позиции «послушно-агрессивного большинства» («совка», «люмпена», «иждивенца» - сам набор ругательств, которыми осыпали идеологи реформ большинство населения, говорит о неприятии реформ).

Это и поражает западных обозревателей. В большом американском докладе сказано: «Критически важным политическим условием экономического успеха является разработка стратегии перехода, опирающейся на широкую поддержку общества. Без такой поддержки, без изначальной социальной направленности реформ ни одну из них нельзя считать «необратимой»... С точки зрения развития, нынешний режим, основанный на неолиберальной политике - тупик. Он не способен провести истинные реформы в демократическом духе. Неолиберальная доктрина фактически не имеет общественной поддержки, что диктует авторитарную тактику проведения болезненных и непопулярных мер (которые несовместимы и с задачами развития). Все, что формируется в современных условиях, - зыбко и непостоянно» (Эмсен и др., с. 66, 81).

Понятно, что правящая верхушка США была заинтересована в том, чтобы разрушить экономику СССР, расчленив его и втянуть его куски в свою орбиту. Холодная война - война на уничтожение. В западной литературе, однако, экономическая часть этой доктрины трактуется как ошибка. Дж. Грей пишет: «Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает демонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада»[5].

Мотивация западных политиков нас мало волнует. Нас волнует тот факт, что российская интеллигенция должна была на время совсем ослепнуть, чтобы поверить западным политикам и их подслеповатым теоретикам. Ведь даже если бы либеральная доктрина была хороша для условий Запада (хороша ли она для них, это особый вопрос), она совершенно не могла привести к успеху в России, какие бы законы ни принимали Верховный Совет РСФСР или Госдума РФ. Это странное идолопоклонство, слепая вера в Закон, которую проявили наши интеллигенты, просто пугает.

Дж. Грей пишет о приверженцах неолиберализма: «Его сторонники либо не понимают роли культуры в поддержании политического порядка и обеспечения легитимности рыночных институтов, либо отвергают ее как нечто иррациональное. Они убеждены, что только система общих, обязательных для всех законов, якобы воплощающих общепринятые представления о правах, - это единственное, что требуется для стабильности рыночных институтов и либерального гражданского общества. Такая разновидность либерального легализма не учитывает или отрицает, что рыночные институты не станут стабильными, - во всяком случае в своем сочетании с демократическими институтами, - пока они будут расходиться с преобладающими понятиями о справедливости, нарушать иные важные культурные нормы или оказывать слишком разрушительное воздействие на привычные ожидания граждан. Короче говоря, этот либерализм отрицает очевидный факт, что абсолютно свободный рынок несовместим с социальной и политической стабильностью, в то же время стабильность самих рыночных институтов с гораздо большей мерой зависит от того, насколько они приемлемы в политическом и культурном отношении, чем от совокупности правовых норм, призванных определять их рамки и защищать их» (Грей, с. 201-202).

Идолопоклонством отдает и слепое убеждение в том, что России (СССР) следовало копировать Запад - сначала в соревновании с ним, потом в имитации его. И эта тяга к имитации, к отказу от творчества и синтеза, от широкого сравнения разных вариантов, испытанных в различных культурах, вдруг проявилась с тупой силой именно в интеллигенции!

Ее символом веры стал давно, казалось бы, изжитый в просвещенном сознании примитивный евроцентристский миф о том, что Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Этот миф используется в западной пропаганде и психологических войнах – а у нас его носителем стала интеллигенция!

Либеральный философ Дж.Грей пишет: «Вместо того, чтобы упорствовать в своей приверженности несостоятельному проекту апологетического либерального фундаментализма, следует признать, что либеральные формы жизни сообщества принимают по воле случая и сохраняют благодаря идентичности, сформировавшейся у индивидов в силу того же исторически случайного стечения обстоятельств, причем своим случайным характером и идентичностью, и судьба либеральных сообществ ничем не отличаются от всех других. Тем самым мы признаем, что либеральные убеждения и либеральные культуры - это конкретные социальные формы, которым не положено никаких особых привилегий ни со стороны истории, ни со стороны человеческой природы» (Грей, с. 167).

Выбор за образец для построения нового общества именно Соединенных Штатов Америки - страны, искусственно созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице - не находит никаких рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды нам пришлось бы еще испытать, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать нас в этот коридор.

Этот выбор поражает западных либералов. Дж. Грей пишет: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» (Грей, с. 192).

И ведь в этом сходятся и английский либерал Дж. Грей, и основоположники современной русской культуры! Гоголь в своих размышлениях о Западе страдал не только от страха за судьбу России, но и при виде угрозы душе европейца. А поскольку уже было ясно, что США стали наиболее полным выразителем нового духа Запада, о них он и сказал, перефразируя Пушкина: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит»[6].

Надо к тому же вспомнить, что, в отличие от образованного слоя, массовое сознание СССР вовсе не было так жестко привязано к ориентации на США - люди без высшего образования разумно считали, что для нашей страны гораздо полезнее было бы поучиться реформам у стран Юго-Восточной Азии. Это показали широкие опросы 1989-1990 гг. Ориентация на зарубежный опыт расщепляется так резко, что можно даже говорить о двух противоположных векторах. В «общем» опросе населения СССР в 1989-1990 гг. (опрос в «выборке») опыт Японии назвали самым ценным 51,5%, а в опросе через «Литературную газету» (пресс-опрос), то есть среди интеллигенции, - только 4%! При этом социологи уточняют: «Те, кто назвал ценным для нашей страны опыт США, в пресс-опросе чаще называют в ряду главных событий года (в сравнении с упомянутыми другие страны) возвращение доброго имени академику Сахарову (31%, в аналогичной группе по выборке – 6%), возникновение народных фронтов (14%, в подобной же группе по выборке – 3%). Иначе говоря, ориентация на достижения США предполагает более активную заинтересованность в процессах демократизации, политического обновления страны. Япония же крайне редко называется сторонниками политических реформ» [7].

Однако несмотря на явную ориентацию массового сознания на опыт Азии (Япония и Китай в сумме набрали 63,5% высших оценок в общей выборке) наши реформаторы, начиная с Явлинского и кончая нынешними, пошли за «чикагскими мальчиками», как за крысоло-

вом с его дудочкой. Никаких интеллектуальных ресурсов не было направлено на изучение, обсуждение и освоение опыта модернизации и рыночных реформ в азиатских странах, никаких усилий не было сделано для сохранения там тех прочных позиций, которые кропотливо создавались в советское время. Ценным для нас опытом Японии, Китая, Кореи просто пренебрегли. Американские эксперты пишут: «За пренебрежение восточно-азиатской моделью постсоциалистические страны уплатили очень высокую цену. Ведь по крайней мере два краеугольных камня восточно-азиатского «чуда» имелись также в России и Восточной Европе: высокий уровень образования и равномерность распределения доходов» (Эмсен, с. 76).

Тотальная ориентация российских реформаторов на Запад была вдвойне неразумной оттого, что тот Запад, утопический образ которого создавался в пропагандистских целях во время холодной войны и перестройки, разрушается вместе с советской системой, ибо он, как ее антагонист, в большой мере и был порождением холодной войны. Куда собирались и собираются «входить» наши режимы от Горбачева до Путина? Уже в 1990 г. обнаружился глубокий кризис всех западных институтов, симптомом которого стали «странные войны» и еще более странные рассуждения политиков. Образец растаял в воздухе, а за ним все равно тянутся, поощряемые западными политиками параноидального типа, хотя и внешне разными, вроде Клинтон и Буша.

Дж.Грей пишет об этом провале в логике: «Те, кто формирует общественное мнение и делает политику на Западе, говоря о посткоммунистических государствах в переходный период, практически единодушно предполагают, что перестройка этих государств происходит по западному образцу, и их интеграция в целостный международный порядок опирается на власть и институты Запада. В основе этой почти универсальной модели лежат анахроничные и абсолютно изжившие себя допущения... Подобного рода допущения игнорируют обусловленность этих институтов особой стратегической ситуацией времен холодной войны, а также тот факт, что по мере дезинтеграции послевоенного мироустройства они все больше утрачивают для нас привлекательность... Сегодня ситуация такова, что на Западе нет ни одной достаточно стабильной системы институтов, куда на практике могли бы интегрироваться бывшие коммунистические государства. Реальной перспективой здесь, скорее всего, является прямо противоположная тенденция, ведущая к распространению экономического и военного хаоса постсоветского мира на Запад» (Грей, с. 75-77).

Более того, на исходе неолиберальной волны обнаружилась глубина того кризиса западной экономической системы, который был не создан, но усугублен неолибералами. Холодная война, которая сплывала Запад как цивилизацию и как общество, после ее незапного прекращения создала вакуум, который было нечем заполнить. Запад болен - как же можно было нашей огромной стране брать его в этот момент за образец!

[1] Дж.Стиглиц. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. С. 188.

[2] А.Эмсен, М.Интрилигейтор, Р.Макинтайр, Л.Тейлор. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. - Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996. С. 65-85.

[3] Н.Петраков, В.Перламутров. Россия - зона экономической катастрофы. - Вопросы экономики. 1996, № 3, с. 76.

[4] Дж. Бьюкенен. Конституция экономической политики. Расчет свободы. М., 1997. Т. 1. С. 53.

[5] Дж. Грей. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003. С. 81.

[6] На деле Пушкин выразился так: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом».

[7] Есть мнение! М.: Прогресс, 1990. С. 95-96.

13.03.2009. Поддержка рыночной реформы в РФ: предупреждения с Запада (продолжение)

Дж.Грей продолжает высказанную выше мысль: «Поистине самая изощренная и жестокая ирония истории заключается в том, что кризис легитимности институтов западного рынка, которого неомарксистские теоретики вроде Хабермаса напрасно ждали в течение десятилетий экономического процветания и холодной войны, по-видимому, наступает теперь, в новом историческом контексте, уже в отсутствие враждебного соседства Советов» (Грей, с. 80). В другом месте он развивает эту мысль так: «Саморазрушение либерального индивидуализма, которое Йозеф Шумпетер предвидел еще в 40-х годах XX века, скорее всего, произойдет быстро, особенно теперь, когда крах Советского Союза лишил западные институты легитимности, придаваемой им соперничеством с системой-антагонистом, и когда восточно-азиатские общества более не связаны ограничениями послевоенного устройства и могут идти собственным путем развития, все меньше заимствуя западный опыт» (Грей, с. 170).

И уж совсем глупо (если отбросить версию о злом умысле) было для политиков ориентироваться в своих реформах на Запад в условиях спада производства и ухудшения жизни большинства населения. Ибо Западный образ жизни если и терпим, то только при росте благосостояния. Любое снижение уровня жизни, даже по нашим меркам вообще незаметное, Запад переживает исключительно болезненно. Вот тогда здесь верх берет иррациональность, вплоть до безумия – и появляются бесноватые фюреры, скинхеды или неолибералы. Дж. Грей пишет: «Именно смутное или негласное признание факта, что перед рыночными институтами в пору низкой эффективности экономики всегда встает проблема легитимности, и привело многих фундаменталистски настроенных идеологов экономического либерализма к необходимости поступиться рационалистической чистотой доктрины и соединить ее с определенными разновидностями морального или культурного фундаментализма» (Грей, с. 202).

Заметим, что в болезненной форме, с отходом от рациональности произошло в среде интеллигенции и крушение западнической иллюзии. Уже летом 1994 г. социологи ВЦИОМ пишут: «На протяжении последних лет почвеннические сантименты характеризовали прежде всего необразованную публику. Теперь наиболее яростными антизападниками выступили обладатели вузовских дипломов, в первую очередь немолодые. (Респондент этой категории ныне обнаруживает врагов российского народа на Западе вдвое чаще, чем даже такая, преимущественно немолодая и традиционно консервативная среда, как неквалифицированные рабочие).

Именно эта категория людей (а не молодежь!) в свое время встретила с наибольшим энтузиазмом горбачевскую политику «нового мышления» и оказала ей наибольшую поддержку. Теперь они зачислят Запад во враги вдвое чаще, чем нынешние образованные люди более молодого возраста»[1]. Здесь интересна именно неустойчивость сознания интеллигенции «перестроечного» времени. А по сути проблемы молодежь вскоре подтянулась к старшим. В январе 1995 г. 59% опрошенных (в «общем» опросе) согласились с утверждением «Западные государства хотят превратить Россию в колонию» и 55% - что «Запад пытается привести Россию к обнищанию и распаду». Но уже и 48% молодых людей с высшим образованием высказали это недоверие Западу[2].

Однако можно сказать, что перечисленные выше ошибочные шаги к принятию общей доктрины реформ имели все же преходящий характер. Да, Запад сейчас болен. Да, у Япо-

нии многому можно было бы научиться. Но все же главный вектор – к буржуазному обществу, к рыночной экономике, от этого под сомнение не ставится! Чем же он плох для нашей Святой Руси?

В действительности именно в ответе на этот фундаментальный вопрос наши реформаторы совершили самые грубые нарушения норм рациональности. То меньшинство, которое рвалось и дорвалось к собственности и надеется влиться в ряды «золотого миллиарда», действовало вполне рационально, хотя и недобросовестно. Удивительно то, что в буржуазный энтузиазм впала интеллигенция, которая всегда претендовала на то, чтобы быть нашей духовной аристократией, хранительницей культурных ценностей России. Как получилось, что она вдруг оказалась охвачена тупым, неразумным мировоззрением мещанства и стала более буржуазной, нежели российская буржуазия начала XX века? Еще более удивительно, что при этом в ней усилились и утопические, мессианские черты мышления. Быть мещанином и в то же время совершенно непрактичным – ведь это болезнь сознания почти смертельная.

Как представляла себе интеллигенция свое собственное бытие в буржуазном обществе, если бы его действительно удалось построить в России? Ведь сам этот культурный тип там никому не нужен. Й.Шумпетер писал: «Буржуазное общество выступает исключительно в экономическом обличье; как его фундаментальные черты, так и его поверхностные признаки - все они сотканы из экономического материала»[3]. Напротив, русская интеллигенция – явление исключительно внеэкономическое. Она могла и может существовать только в «культуре с символами» (Гегель), то есть в обществе в основном небуржуазном. Она может жить только в идеократическом государстве, пусть и под гнетом этого государства и с постоянной фигой в кармане. Ну уродился на нашей земле такой странный культурный тип, интеллигенция, все над ним подшучивали, и в то же время лелеяли. Если бы интеллигенция, бурно поддержав Горбачева и Ельцина, сознательно желала бы своего уничтожения и растворения в массе ларечников и нищих – куда ни шло. В этом социальном самоубийстве было бы даже нечто героическое. Но ведь все было не так! Наши интеллектуалы так и мечтали остаться аристократией, при государственной кормушке, так же служить «инженерами человеческих душ» – но чтобы вне их круга экономика была бы рыночной, а общество буржуазным. Чему только их учили в университетах и аспирантурах?

Сказано было много раз и вполне ясно: интеллигентность с рыночной экономикой несовместима. Лэш пишет: «[Рынок] оказывает почти непреодолимое давление на любую деятельность с тем, чтобы она оправдывала себя на единственно понятном ему языке: становилась деловым предприятием, сама себя окупала, подводила бухгалтерский баланс с прибылью. Он обращает новости в развлечение, ученые занятия в профессиональный карьеризм, социальную работу в научное управление нищетою. Любое установление он неминуемо превращает в свой образ и подобие»[4].

Более того, в главном все это растолковал уже Адам Смит, который предупреждал об опасности трагического обеднения всей общественной жизни под воздействием рынка. Дж.Грей цитирует такое резюме этих рассуждений Адама Смита: «Таковы недостатки духа коммерции. Умы людей сужаются и становятся более неспособными к возвышенным мыслям, образование записывается в разряд чего-то презренного или как минимум незначительного, а героический дух почти полностью сходит на нет. Исправление таких недостатков было бы целью, достойной самого серьезного внимания» (Грей, с. 194).

Надо отдать должное – Запад приложил огромные усилия, чтобы компенсировать эти недостатки «духа коммерции». Но ведь российские реформаторы не просто пренебрегли опытом этих усилий Запада, они проявили к этим усилиям и стоящим за ними культурным и политическим течениям поразительную ненависть и агрессивность. Надо было очень постараться, чтобы в обществе с высоким уровнем массовой культуры, как СССР, приве-

сти к рычагам и явной, и теневой власти самые темные и злобные слои и субкультуры – все то, что в нашем обществе олицетворяло анти-Просвещение.

Реформаторы и стоящие за ними социальные группы сумели перенять у Запада именно то, что сегодня и там разрушает их духовные, в том числе либеральные, ценности и установления. Дж.Грей отмечает важнейший для нашей темы процесс: «Существуют и возможности выбора ценностей, и истинные блага, и подлинные формы процветания человека, основанные на социальных структурах нелиберальных обществ. Из либеральных обществ такие ценности вытесняются или вышибаются, или они существуют лишь как слабые тени самих себя, - стоит лишь разрушиться социальным структурам, на которых они основаны... Чего стоит интеллектуальная свобода, если обладающие ею граждане живут в условиях городского окружения, вернувшегося в «естественное состояние»? Какова ценность выбора, если этот выбор осуществляется в социальной среде, близкой, как в некоторых городах США, к состоянию «войны всех против всех» по Гоббсу, - ведь там почти нет достойного выбора?.. Из моих рассуждений следует, что западные либеральные формы жизни, в сущности, не всегда достойны лояльности: не обязательно именно они наилучшим образом соответствуют требованиям универсального минимума нравственных принципов, и их принятие иногда влечет за собой утрату драгоценных и незаменимых форм культуры» (Грей, с. 164, 169, 172).

Вот чем оборачивается для нас ошибка интеллигенции. Мало того, что она поддержала и на время легитимировала проект, который закончится неминуемым крахом со страшными последствиями для населения. До того, как это произойдет, бесплодное «принятие либеральных форм жизни» с большой вероятностью «повлечет за собой утрату драгоценных и незаменимых форм культуры». Каких трудов и жертв нам будет стоить возрождение этих форм культуры, да и все ли мы сможем восстановить!

В ухудшенном виде повторился интеллектуальный и духовный дефект мировоззрения российской либеральной интеллигенции, который уже и в начале XX века привел к катастрофическим последствиям – непонимание культурного аспекта имитации Запада. А ведь об этом предупреждали русские философы. Вот что писал в 1926 г. философ («евразиец») Г.В.Флоровский об интеллигентах-западниках той формации: «Духовное углубление и изощрение им кажется не только не практичным, но и чрезвычайно вредным. Разрешение русской проблемы они видят в том, чтобы превратить самих себя и весь русский народ в обывателей и дельцов. Им кажется, что в годину испытаний надо все духовные, религиозные и метафизические проблемы на время оставить в стороне, как ненужную и никчемную роскошь. Они со странным спокойствием предсказывают и ожидают будущее понижение духовного уровня России, когда все силы будут уходить на восстановление материального благополучия. Они даже радуются такому прекращению беспочвенного идеализма» («Вопросы философии», 1990, № 10)[5]. Ну не о сегодняшних ли интеллектуалах-реформаторах это сказано?

Сами же российские либералы признают, почти со скрежетом зубовным, что по своим фундаментальным чертам наше общество относилось к типу традиционных обществ, причем за советский период эти его черты еще усилились, несмотря на быструю модернизацию производства и быта. Для такого общества важнейшим условием его здоровья и самой жизни является историческая память, задающая культурные и нравственные нормы. Как же можно было избрать для РФ неолиберальную программу реформ, если именно разрушение исторической памяти является самым очевидным следствием этой программы! Ведь это покушение на убийство российского общества, пусть и по халатности и незнанию.

Дж.Грей пишет о последствиях неолиберальной волны на Западе: «Приняв неолиберальную программу непрерывной институциональной революции за основу своей деятельности, современные консерваторы не только отказались от любых претензий на роль гаран-

тов преемственности национальной жизни, они еще и связали свои судьбы с политическим проектом, вне всякого сомнения обреченным на поражение» (Грей, с. 174).

А вот его вывод более общего характера: «Навязывая людям режим непрерывных преобразований и вечной революции, не знающие пределов в своем развитии рыночные институты истощают запасы исторической памяти, от которых зависит культурная идентичность... Утрата исторической памяти, вызванная глобальным развитием рыночных сил, с любых истинно консервативных, да и осмысленно либеральных позиций, будет расценена как своего рода культурное обнищание, а вовсе не одна из стадий пути к единой цивилизации» (Грей, с. 210).

Разрушение системы нравственных ориентиров наряду с социальным бедствием повлекло за собой в РФ взрыв массовой преступности. Ее жертвы, включая саму вовлеченную в преступность молодежь, ежегодно исчисляются миллионами – и это только начало нашего страшного пути. Ведь раскручивается маховик наркомании, который скоро сам создаст для себя двигатель – и остановить его будет очень трудно. Но ведь ко всему этому приложили свою честную руку наши интеллигенты – врачи и инженеры, научные работники и учителя. Благодаря их поддержке преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Рынок, господа! Культ денег и силы! И ничего в этом не было неизвестного – просто не хотели знать и слушать.

Дж.Грей пишет: «Только проявив героическую волю к самообману или просто банальную нечестность, британские консерваторы могли не разглядеть связи между невиданным до селе уровнем преступности и реализуемыми с 1979 года рыночными мерами, которые явились грубым попранием интересов сложившихся общностей и привычных ценностей. И только не менее усердный самообман или нежелание знать всю правду до конца не позволили консерваторам увидеть связь между экономическими переменами, которые были усилены и ускорены их собственной политикой, и ростом многочисленных проявлений нищеты, различных групп бедности, огульно и бездушно объединенных рыночниками в броскую, но вводящую в глубокое заблуждение категорию «низшие слои населения (underclass)» (Грей, с. 176-177).

Что же теперь заламывать руки, ужасаясь детской преступности и детскому цинизму. Вспомните, как хотелось раскованности, плюрализма, свободы самовыражения – и как издевались над скучным советским телевидением. Помогли порно- и наркодельцам совершить культурную революцию, необходимую для слома советского жизнеустройства, так имейте мужество и силу увидеть последствия – это тоже норма рациональности. Без нее ни о каком лечении и речи быть не может.

На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан определенный вывод. Американский культуролог и историк образования Кристофер Лэш пишет: «В наше время все яснее становится видно, что цена этого вторжения рынка в семью оплачивается детьми. При обоих родителях на рабочем месте и в бросающемся в глаза отсутствии более старшего поколения семья теперь не способна оградить ребенка от рынка. Телевизор, по бедности, становится главной нянькой при ребенке. Его вторжение наносит последний удар по едва теплящейся надежде, что семья сможет предоставить некое убежище, в котором дети могли бы воспитываться. Сейчас дети подвергаются воздействию внешнего мира с того возраста, когда становятся достаточно большими, чтобы без присмотра оставаться перед телеящиком. Более того, они подвергаются его воздействию в той грубой, однако соблазнительной форме, которая представляет ценности рынка на понятном им простейшем языке. Самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка» (Лэш, с. 78-79).

Снова подчеркну, что растлевающее воздействие телевидения образует кооперативный эффект с одновременным обеднением населения. В ходе рыночной реформы в РФ сильнее

всего обеднели именно дети (особенно семьи с двумя-тремя детьми). И глубина их обеднения не идет ни в какое сравнение с бедностью в Великобритании или США. А вот что там принесла неолиберальная реформа: «Самым тревожным симптомом в каком-то смысле оказывается обращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накопление зачетов - всё это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут молодыми, уголовная мера наказания также не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадежности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своем стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлению с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними. Нам, следовательно, нужно спросить себя, чем объясняется это массовое отступничество от норм личностного поведения - вежливости, трудолюбия, выдержки, - когда-то считавшихся обязательными для демократии?» (Лэш, с. 169).

Наконец, надо признать, что сам выбор неолиберальной модели реформ в РФ означал радикальный отказ от тех демократических идеалов, которые привлекли интеллигенцию к участию в перестройке. Как этого можно было не заметить? Мало того, что большинство населения явно не поддержало постулаты реформы (это можно было списать на реакционную психологию «совка», не понимающего своего счастья). Радикальный слом привычных форм жизнеустройства, предполагаемый программой МВФ, заведомо, теоретически, противоречил интересам большинства. Не случайно символами политики неолиберализма были ковбой Рейган, «железная леди» и Пиночет.

Не будем приводить разумные и печальные предупреждения социал-демократов вроде Улофа Пальме, вот что пишет либерал Дж.Грей: «Больше, чем в свободе потребительского выбора, человек нуждается в культурной и экономической среде, способной обеспечить ему разумный уровень защищенности, и где он чувствовал бы себя как дома. Рыночные институты, отрицающие эту потребность, обречены на то, чтобы демократическая политика их отвергла» (Грей, с. 206).

Как можно было, поддерживая приватизацию, то есть передачу национального достояния в руки небольшого меньшинства, ожидать демократизации общественной жизни? Это откат к прагматическому мышлению. Когда и где денежные тузы и олигархи были демократами? Э.Бёрк писал об опыте Французской революции, что финансовые воротилы забирают при буржуазной революции всю власть в свои руки, и, естественно, «эти демократы, когда забываются, относятся к нижестоящим с величайшим презрением, в то же время притворно утверждая, что власть находится в их руках»[6]. Да и относительно более демократическое буржуазное государство США с самого начала декларировало власть собственников, а вовсе не народа. Один из отцов-основателей США Дж.Мэдисон писал в 1792 г., что «все [тогда - кроме женщин и негров] должны иметь равные возможности становиться в конечном итоге более неравными и быть ограждены от поползновений со стороны исповедующих эгалитарные взгляды» (Цит.: Лэш, с. 220).

Если реформы в РФ и дальше будут идти по заданной в конце 80-х годов «либеральной» траектории, то ни о какой демократизации не может быть и речи – государство с неизбежностью будет становиться все более полицейским, разбогатевшая часть будет отделять себя от общества все более непроницаемыми сословными барьерами, а внизу будет господствовать преступность и борьба за скудные жизненные ресурсы и идти архаизация жизни как единственный способ выживания. В меньшем масштабе, но достаточно отчетливо это проявилось и на Западе в ходе неолиберальной волны. Лэш писал: «Отринув былой республиканский идеал гражданственности, как и республиканский обвинительный приговор роскоши, либералы лишили себя основания, опираясь на которое они могли бы

призывать отдельных человеческих особей подчинять частную корысть общему благу» (Лэш, с. 77).

Дж.Грей как будто прямо обращается к нашей интеллигенции, поддержавшей неолиберальную реформу в РФ: «Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» (Грей, с. 89).

[1] А.Г.Левинсон. Власть, бизнес и Запад. - Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1994, № 4, с. 24.

[2] Л.Д.Гудков. Динамика этнических стереотипов. - Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1995, № 2, с. 25.

[3] Цит. в: Иноземцев В. За предел экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М. 1998, с. 184.

[4] К.Лэш. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс. 2002. С. 79-80.

[5] Эта антикультурная позиция частично объясняется и невежеством нашей либеральной интеллигенции. Она не знала и не знает Запада. Георгий Флоровский писал далее: «Им не приходит в голову, что можно и нужно задумываться над предельными судьбами европейской культуры... Их мнимое преклонение пред Европой лишь прикрывает их глубокое невнимание и неуважение к ее трагической судьбе».

[6] Э.Бёрк. Размышления о революции во Франции. М., 1992, с. 52.

17.03.2009. Надо бы разобрать один вопрос. Часть 1 /Общество-семья – или «песчаный карьер»/

Произошел ли в 60-е годы при смене поколений разрыв непрерывности в мировоззрении - или шел медленный сдвиг к новым установкам. Прошу под этим углом зрения посмотреть на следующий текст - на материале биографии Путина. Она ценна не как политический, а как аналитический материал, других биографий у нас практически нет.

Общество-семья – или «песчаный карьер»

Все согласны с тем, что наш народ переживает большую Смуту. Уже 15 лет, как у нас «разруха в умах» – духовная болезнь в открытой форме. Результатом ее стал распад страны, глубокий кризис и вымирание населения. А поскольку причин болезни мы никак не выявим, то и лечить ее не можем – мы таем на глазах, несмотря на временные улучшения.

Чтобы успеть найти лекарство, мы обязаны честно описать симптомы болезни на ее ранних стадиях, найти промежуточные причины, а от них идти к коренным. Все это мы должны делать сами, доброго врача нам мировая закулиса не пошлет, она уже потирает руки.

Нет сомнений, что одной из причин болезни стал странный сдвиг в сознании, который произошел в 60-е годы в среде горожан. Люди перестали ценить и даже замечать те самые главные жизненные блага, которые им предоставлял советский строй и даже шире – русская культура и русский образ жизни. В целом, тот образ жизни, который в главных своих чертах сложился задолго до 1917 г. Вспомните – тогда считалось хорошим тоном позавидовать американским безработным, которые якобы приезжали получать пособие по безработице на собственном автомобиле. Эта зависть сегодня, когда у себя в стране мы наконец имеем массовую безработицу, выглядит анекдотичной, и мы стараемся о ней не вспоми-

нать. А ведь надо задуматься, надо искать надежные свидетельства того, как зрела эта аномалия.

Таким ценным историческим документом, на мой взгляд, служит книга О.Блоцкого «Владимир Путин» (М., 2003, тир. 200 000 экз.). Книга эта издана со странным грифом - «Продаже не подлежит». Что это такое? Как это вяжется с рыночной экономикой? Кто оплатил такой подарок дорогим россиянам?

Как сказано в аннотации, книга «воссоздает жизнь и атмосферу, в которых воспитывался В.В.Путин, формировался его характер и мировоззрение». Иными словами, эта книга претендует на то, чтобы через личную историю В.В.Путина воссоздать «жизнь и атмосферу» 60-70-х годов в их мировоззренческом срезе.

Почему эта книга ценна как документ? Во-первых, потому, что характер и мировоззрение В.В.Путина формировались в типичной среде большого города, а не в каком-то тонком привилегированном или маргинальном слое. Следовательно, можно предположить, что по крайней мере окружающая среда не оказала на ребенка и подростка какого-то необычного воздействия, которым можно было бы объяснить особенности его мировоззрения.

Во-вторых, его характер и мировоззрение созвучны большей части населения РФ, В.В.Путин – свой для этой части народа. Это показали выборы. Значит, когда он говорит о своем восприятии жизни в бытность его подростком, он вспоминает нечто типичное, а не присущее каким-то необычным меньшинствам типа «стиляг» – золотой молодежи 50-х годов. Конечно, каждая личность уникальна, но вряд ли в книге о юности действующего президента он сам и автор стали делать акцент на том, что его сильно отделяло от сверстников. Можно предположить, что эпизоды и комментарии подобраны так, чтобы образ президента был понятен и близок людям его поколения.

Можно уверенно полагать, что и сам В.В.Путин, и О.Блоцкий, и редакторы книги ответственно подошли к каждому утверждению в тексте, которое несет философский и идеологический заряд. Каждая строка в таких книгах содержит в себе определенную установку, является именно мировоззренческой декларацией.

Надо только учитывать, что в таких воспоминаниях всегда есть два плана. Первый план - как видел мир подросток Володя Путин в 60-е годы (точнее, как он сам и свидетели его взросления вспоминают его восприятие, причем само это воспоминание подвержено давлению нынешних стереотипов). Второй план - как оценивает это свое тогдашнее видение В.В.Путин сегодня, будучи президентом в момент большой Смуты.

Составляя «воспоминания» людей такого ранга, изданные в момент пребывания их у власти, создатели книги, конечно, по необходимости отбирают из уникального потока событий личной жизни героя те моменты и впечатления, которые делают его близким, «своим» для социально и политически активного поколения, определяющего в данный момент жизнь страны. Это и делает подобные книги социологически важным документом – в них неявно записан диагноз поколения, его «история болезни» с ранних лет до настоящего момента, а также предписано «правильное» отношение к явлениям того времени.

И приверженцев, и противников В.В.Путина хочу сразу предупредить, что никакого политического интереса последующие рассуждения не преследуют. Думаю, политически остротенный читатель вряд ли и заметил бы ту ноту в воспоминаниях В.В.Путина, на которую я хочу обратить внимание. Книга дает много других случаев, чтобы бросить тень на личные качества президента. Иной раз даже кажется, что издание этой книги финансировал его злопыхатель Б.А.Березовский. Но, скорее всего, эти пятнышки поставлены, чтобы придать образу президента больше реалистичности и человечности (по формуле «все мы люди, все мы человеки; я весь перед вами, любите меня таким, каков я есть»).

Лично меня потрясло одно место в самом начале книги, и потрясло в обоих указанных планах – как в изложении впечатлений подростка 60-х годов, так и в трактовке этих впечатлений сегодня. Я увидел, какая мировоззренческая пропасть отделяет мое поколение (я родился в 1939 г.) от поколения В.В.Путина. Она и раньше чувствовалась, эта пропасть – а в книге она документально подтверждена.

Вот некоторые объективные факты из биографии В.В.Путина, восприятие этих фактов подростком Володей и их оценка, сделанная из 2002 года, уже взрослым человеком и президентом.

Итак, В.В.Путин родился в октябре 1952 г. Его отец, фронтовик и инвалид Отечественной войны, работал на заводе, был стахановцем и секретарем парторганизации цеха. Жили они в Ленинграде в коммунальной квартире, в ней было еще две семьи, потом одну отселили. Школьный приятель Володи вспоминает: «Помню, у них в комнате на столе стоял массивный черный телефон. По тем временам это была большая редкость». Отдельную квартиру получили в 1977 г. Была у них дача недалеко от Ленинграда – ее родители купили, когда Володя пошел в школу. Сам В.В.Путин пишет: «Чувства какой-то обойденности или бедности у меня никогда не возникало, потому что вокруг все были такие же, как я».

Да, почти все мы тогда жили примерно так же. Хотя, судя по целому ряду приведенных в книге деталей, материальное благосостояние поколения В.В.Путина значительно улучшилось по сравнению с моим поколением. Большинство ребят моего поколения (рождения 1939 г.) были сиротами, да и в целом страна за 13 лет сделала большой рывок. В моем классе, по-моему, ни у кого не было дачи и никому в первом классе родители не покупали, как Володе, дорогих хороших часов (точнее, не покупали никаких часов, это было бы нечто из ряда вон).

В чем же разница мировоззренческая, что меня поразило? То, как В.В.Путин оценивает жизнь подростка, которая, судя по объективным признакам, в главных срезях жизнеустройства еще почти не изменилась по сравнению с жизнью подростка моего поколения.

Он пишет: «Жить во дворе и в нем воспитываться – это все равно что жить в джунглях. Очень похоже. Очень!.. Уличная жизнь сама по себе очень вольная. Совсем как в фильме «Генералы песчаных карьеров». У нас было то же самое. Разница была, наверное, только в погодных условиях. В «Генералах» было теплее, и там ребята собирались на пляже. Но в остальном, что у них, что у нас – абсолютно одинаково» (с. 27).

Вчитайтесь в этот текст. Он содержит целую концепцию. Главный, обобщающий тезис состоит в том, что жизнь подростков в типичном советском городском дворе в 60-е годы протекала по закону джунглей. Вторая часть рассуждения является подкреплением этого тезиса с использованием содержательной аналогии. Утверждается, что это была жизнь, структурно одинаковая с той, что изображена в известном бразильском фильме «Генералы песчаных карьеров».

Если бы не было первой, обобщающей части (о «джунглях»), отсылку к фильму можно было бы как-то списать на эмоциональное, романтическое восприятие этого фильма подростком, который не заметил за динамичными картинками вольной жизни в «песчаных карьерах» социальной трагедии. Но в таком случае взрослый человек сегодня не стал бы подтверждать ту романтическую оценку подростка и привлекать фильм как серьезную аналогию. Нет, В.В.Путин и сегодня, после явного краха всей нашей жизни, не делает поправок и оговорок к своему детскому впечатлению, он его подтверждает и даже усиливает!

В тексте настойчиво подчеркивается абсолютное сходство жизни советских подростков 60-х годов и жизни бразильских подростков, героев фильма. Разница только в погодных условиях! В этом подчеркивании и применяемой терминологии есть очевидный перебор,

который и указывает на декларативный характер всего этого тезиса – на него специально обращается внимание читателя.

Является ли такое восприятие жизни чем-то естественным, обычным, вытекающим из реальности? Нет, ни в коем случае. Я тоже «жил во дворе». Более того, рос без отца, а мать уходила на работу в 7 часов утра и приходила с работы поздно вечером. Почти все время после школы я проводил во дворе. Каков же был двор, реальность его быта? В конце 40-х и начале 50-х годов наши дворы были намного беднее, чем в 60-е годы. За узкой линией домов, выходящих на большую улицу, начинался массив бараков и деревянных домов с деревянными уборными. Хулиганство во дворах и подворотнях было намного более жестким, чем в 60-е годы, воровство и поножовщина были перед глазами. Дети гибли и калечились по неосторожности – падали с лесов на стройке, устраивали неудачные взрывы, выскакивали сломя голову под машины. Но никому тогда и в голову не могло прийти, что это было «все равно что жить в джунглях». Мы жили трудно, но мы жили в нашем родном обществе и родном государстве. И мы это состояние родного ощущали как счастье. Мы о нем не думали, но мы его ощущали.

В.В.Путин вспоминает о себе и своих сверстниках: «Мы не были хулиганами... Конечно же, на «задворках» кто-то из них, криминальных, болтался. Но к нам они никакого отношения не имели. Как и мы к ним» (с. 29).

Я жил подростком в 50-е годы в большом московском дворе. Мы тоже не были хулиганами, но мы не были изолированы от хулиганов и воров. Мы их знали и с ними общались, этого просто невозможно было избежать. Мы видели, как их после какой-то драки с убийством «брала» милиция. Мы встречались с родителями тех, кто попал в тюрьму, видели их слезы. Сейчас я пишу это и вспоминаю лица и некоторые имена этих «криминальных» из нашего и близких дворов. Это не были обитатели «джунглей»! Это были молодые люди нашего народа и нашей культуры – русские, татары, евреи. Они были искалечены – сиротством, пьянством или тюрьмой родителей, личной судьбой, темными связями. Это была большая, опасная, страдающая часть нашего народа, но именно нашего, так мы их воспринимали. Даже их, а что уж говорить о большинстве, о тех, кто не принадлежал к шайкам.

Надо зафиксировать этот факт – что-то сломалось в мироощущении детей и подростков именно за эти 13 лет! Ведь это сдвиг фундаментальный. Увидеть в отношениях дворовых сверстников «жизнь джунглей» – значит перейти к совершенно иному представлению о человеке, иной «антропологической модели» по сравнению с той, что была принята в моем поколении.

Пожалуй, многие скажут: ну подумаешь, назвал человек двор джунглями – ведь это всего-навсего метафора! Да, метафора, слово – но ведь «мы рабы слов»! Метафоры – главный продукт идеологии, это очки, через которые мы смотрим на мир и воспринимаем его.

Сама метафора «джунгли» в отношении к человеку вовсе не возникла из нашего обыденного языка. В обиход она вошла у нас из обличительной литературы о Западе, для противопоставления Западу нашей жизни – у них, мол, господствует «закон джунглей». Но дело в том, что на самом Западе эта метафора была не обличительной, а утвердительной! Да, человек живет в обществе конкуренции, а это «джунгли», цивилизованные законом. В Древнем Риме говорили «человек человеку волк», а во времена Киплинга «закон джунглей».

Представление человеческого общества как дикой, враждебной каждому природы, возникло при становлении буржуазного строя и несло в себе сильнейший идеологический заряд. Да и до сих пор в культуре современного Запада силен социал-дарвинизм, представление общества как арены борьбы за существование. В основании этого представления лежит идеологический миф о «естественном человеке» как индивидуум-собственнике, хищном и эгоистическом существе, ведущим «войну всех против всех» и

следующем лишь «закону джунглей». Этот одинокий человек зависит только от себя самого, от силы и ловкости своих ног и кулаков, он находится во враждебном окружении, где его признание другими измеряется лишь властью над этими другими.

Миф о «человеке в джунглях», «онаученный» в XVII веке Томасом Гоббсом, был кардинально антихристианским. В христианстве все люди созданы по образу и подобию Божию все они – его дети и братья между собой, и в этом смысле они равны. По Гоббсу же «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Он пишет: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними».

Это представление о человеке вошло в культуру Запада во время становления «дикого капитализма» как оправдание жестокости колониальных захватов и первоначального накопления. В фундаментальном труде «Протестантская этика и дух капитализма» М.Вебер пишет о том, как в ходе Реформации было изменено христианское представление о человеке: видный протестантский философ Бейли «советует каждое утро, выходя из дому, представлять себе, что тебя ждет дикая чаща, полная опасностей». А другой философ настойчиво напоминает о словах пророка Иереми: «Проклят человек, который надеется на человека».

Как известно, внедренные в сознание метафоры и теории начинают формировать мировоззрение, а значит и поведение людей. Виднейший американский антрополог М.Салинс говорит об этом, с некоторой горечью: «Гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. Однако очевидно, что в этом сравнении и, на деле, в сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы - единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством».

В русской культуре и антропологическая модель Гоббса, и социал-дарвинизм были категорически отвергнуты и православными философами, и наукой, и идеологией большевизма, и обыденным сознанием русских и советских людей. В основе господствующей в России и СССР антропологической модели лежало представление о соборной личности, с тем или иным легким идеологическим прикрытием. Даже злодеи, окаянные грешники не несли в себе «закон джунглей» как матрицы, на которой могли бы строиться отношения, например, подростков в городском дворе. Любовь и сострадание вылечивали душу даже разбойника Кудеяра и убийцу Родиона Раскольникова. Насколько я помню себя подростком, мы жили в Святой Руси. Мы никогда об этом не говорили и не думали, но мы это чувствовали, хотя такими словами и не изъяснялись.

И вот, похоже, в 60-е годы произошел срыв – метафора «джунглей» и стоящая за ней антропологическая модель были восприняты, сначала неосознанно, существенной частью подростков, а в более позднем возрасте укоренились в их сознании и сейчас повторяется как нечто обыденное. Наш дом «разделился внутри себя» и, как говорится, такой дом устоять не может. Он и не устоял.

Этот срыв означал сильнейший удар по легитимности советского строя (и, шире, по легитимности всего цивилизационного пути России). Для подростка двор – модель всего жизнеустройства, «клеточка» общественного организма. Если молодой человек принимает метафору «джунглей» для жизни двора, в котором он вырос, он принимает эту метафору и для всей общественной жизни в целом. Семья для него становится не «ячейкой общества», а наоборот – убежищем от общества, где можно отдохнуть, не опасаясь удара в спину.

Детская драка, а потом и занятие дзюдо становятся не проявлением избытка сил и энергии, а инструментом борьбы за существование.

В.В.Путин пишет, что из первой детской драки он вывел три принципа, третий из которых гласил: «В любом случае – прав я или нет – надо быть сильным, чтобы иметь возможность ответить». Но это и есть одна из статей «закона джунглей» – сила важнее, чем правда.

О своем решении заняться спортом, он рассказывает: «Для того, чтобы сохранить тот уровень лидерства, который существовал, требовались реальная физическая сила и навыки. Стремление поддерживать уровень лидерства было. Именно им я и руководствовался, когда начал заниматься сначала боксом, а потом самбо... Во «внешней» не спортивной жизни следовало закрепить свое положение и быть успешным. Тогда у меня соперников не было. Но я заранее знал, что если сейчас не начну заниматься спортом, то завтра здесь, во дворе и школе, уже не буду иметь то положение, которое было».

Когда видишь окружающий мир как «джунгли», то общественные институты, устроенные исходя из совсем иных мировоззренческих принципов, воспринимаются как двумысленные и злонамеренные, к их укладу относишься с подозрением. В.В.Путин так и пишет, например, о школе: «Когда человек воспитывается в джунглях, то, попав в другую среду, все равно продолжает жить по этим законам. А в школе его в какое-то стойло ставят. В стойле неудобно, и человек начинает «раздвигать» окружающие его «стены» (с. 27).

Когда я и мои сверстники учились в школе, в первой половине 50-х годов, даже самые мятежные из нас не трактовали школу в этих понятиях. Мы не ощущали себя животными, которых школа загоняет в стойло. Нам учителя объяснили просто и понятно: вы все товарищи, школьная семья («школа – второй дом»). В классе 44 мальчика, кто-то быстро соображает, кто-то медленнее. А учитель один. Если будете шуметь и прыгать – кто-то из ваших товарищей не усвоит урок, отстанет. Не мешайте друг другу, а помогайте, ведь человек человеку брат!

Понятно, что, осознав жизнеустройство своей страны как «джунгли», молодой человек утрачивает ту мировоззренческую платформу, на которую он до этого опирался в «холодной войне», ведущейся против Советского Союза. Ведь до этого мы понимали дело так: там, на Западе, «джунгли», а у нас «общество-семья», братство людей и народов. За это стоит бороться и терпеть бытовые неурядицы. Но если «там джунгли – и здесь джунгли», то неизбежно начинаешь сравнивать, какие джунгли сытнее. Главная наша цивилизационная ценность, которая и давала нам силу и радость, при этом исчезает.

Позже, в университете, «старшие товарищи» и дружественные радиоголоса помогут сделать следующий шаг: дело не в том, что «их» джунгли сытнее. У «них» вообще не джунгли! Сказки про «каменные джунгли» и «город желтого дьявола» были всего лишь пропагандой, а мы же интеллигентные люди. На самом деле у «них» – либеральные ценности, свобода личности, правовое государство. Джунгли именно у нас, и с этим надо что-то делать, «так жить нельзя». Конечно, этот процесс подтачивает мировоззрение юноши постепенно, у одних быстрее, у других медленнее, но в этом процессе перескок от идеи соборной личности к «антропологии джунглей» – пороговый момент.

Ускорению этого процесса способствовал другой мировоззренческий срыв – утрата ощущения связности жизни, соединения всех людей и явлений множеством невидимых «струн». Это был следующий шаг - от социал-дарвинизма к механицизму, изначально присущему либеральному сознанию. Это был шаг к утрате космического чувства, на котором стояла русская культура.

Такая утрата ощущения связности жизни красноречиво выразилась в детских воспоминаниях В.В.Путина, особенно в трактовке О.Блоцкого. В этих воспоминаниях встанут светлые образы родных и близких, школьных товарищей и учителей, заботливых тренеров в спортивной школе. Как же можно объяснить, что дети и подростки, воспитанные во всех

этих общественных институтах, выйдя во двор, почему-то образуют «джунгли»? Объяснить это нельзя, речь идет именно о мировоззренческом срыве, о расщеплении сознания. Жизнеустройство как целостная система при таком сознании рассыпается на ряд несвязанных между собой сущностей. Семья, школа и двор не связаны между собой, человек – механический атом, который ведет себя в каждой обстановке по-разному.

Это хорошо видно из иллюстрации, данной в воспоминаниях В.В.Путина к его обобщающему утверждению о «джунглях». Иллюстрация эта – в ссылке на фильм «Генералы песчаных карьеров». И В.В.Путин, и я посмотрели фильм, скорее всего, одновременно – когда он прошел по советским экранам. Я к тому времени уже кончил университет, а он был школьником.

17.03.2009. Надо бы решить один вопрос. Часть 2

Этот фильм – трагическое, даже эпическое произведение об отверженных детях. Жоржи Амаду написал эту повесть как песню, она вся полна символами. Это трагедия и детей, и общества, которое их отвергло – так это и показано. Раньше писатели и социологи представляли Бразилию как «двойное общество» – в одной его половине идет нормальная жизнь современного классового общества, другая половина народа живет в трущобе (фавеле) и не имеет легальных доходов. Здесь свои жестокие законы и правила. Но это все-таки жизнь, которая воспроизводится. Здесь есть хижины из жести и картона, в них живут семьи, в фавеле есть подобие самоуправления, сюда приходят учителя, иногда чиновники, а изредка даже социологи.

Ж.Амаду написал о третьей части народа, о которой раньше молчали – о тех детях и подростках, которых отвергла даже фавела. Это те, кто лишился родителей, а трущоба – не община, она сирот не кормит. Эти изгои сбиваются в банды и живут где придется (в «песчаных карьерах»). В этих бандах есть дети, подростки и юноши, но нет взрослых – никто здесь не доживает до взрослого возраста. Умирают от болезней, отравившись объедками на помойке, гибнут от пули охраны при ограблении магазина, разбиваются, упав в трюм при налете на корабль в порту и т.д. Здесь не воспроизводится жизнь, ибо не образуется семей. Но банды эти, хотя и текучи, живут долго, они постоянно вбирают в себя детей, выброшенных фавелой.

Ж.Амаду, создавая картину эпическую, не нагнетал «чернуху», он даже несколько приподнял и героизировал своих героев, вложил в их образ вызов обществу. Но для нас важно то, что в полутора десятках эпизодов фильм показал жизнь этих изгоев и их отношения с обществом – в главных вопросах бытия. Все эти вопросы в фильме предельно заострены. В.В.Путин, сравнивая жизнь «генералов» со своей жизнью ленинградского подростка середины 60-х годов, никак не мог избежать этих главных точек, он неизбежно по ним мысленно прошел. Сравнил – и посчитал, что разница с ленинградским двором 60-х годов только в погоде. И подтвердил это сегодня. Давайте пройдем и мы, хотя бы по нескольким точкам.

Первая трагедия в фильме – абсолютная утрата семьи. Этим предопределена вся жизнь «генералов», она множеством «струн» соединена с призраком утраченной семьи. Дети-беспризорники убеждают себя, что они – «генералы», вольные птицы, но каждого гложет тоска по родному. Вот сильный эпизод фильма: одного мальчика банда «внедряет» в дом богатой пары, у которой давно пропал ребенок. Так была сильна в мальчишке потребность в семье, так сильно счастье от простой ласки, что эта пожилая пара приняла его как «своего» ребенка. Через какое-то время от подростка требуют выполнить его обязательства перед бандой, и он открывает ей двери дома. Это крах его жизни. Шайка подростков грабит дом, а женщина плачет и просит мальчика не уходить с шайкой, остаться в семье – но он уже не может, он ее предал как мать, он уже не сын ей.

Что в этом эпизоде «абсолютно одинакового» с жизнью подростков во дворе, где жил Володя Путин? О себе он пишет: «В детский сад не ходил. У родителей я был последним ребенком, и они очень боялись, переживали за меня, а поэтому – берегли. Мама даже какое-то время не работала, чтобы быть исключительно со мной. Потом она была дворником, а затем переходила на другие работы, но так, чтобы больше времени уделять мне... Я понимал, что у нее нет никаких других целей в жизни, кроме меня. Это проявлялось в мелочах и деталях ежечасно и ежесекундно» (стр. 27, 93).

Я читаю эти строки – и строки о том, что Володя и его товарищи будто бы жили абсолютно так же, как «генералы песчаных карьеров». Я не понимаю, в чем тут дело, как это назвать. Как можно, проводя это сравнение, «забыть» о собственной семье, а потом «вспомнить» о ней на другой странице, как какой-то детали быта? Ведь в фильме именно бессемейность – первый срез бытия, первый план трагедии отверженных детей. Разве это не важнее разницы в погодных условиях?

В этом же плане в фильме дан другой сильный эпизод. Юноша из банды «генералов» встретил на тропинке девушку (судя по всему, из фавелы), догнал ее и изнасиловал. Она проклинает его и пророчит, что он никогда не узнает любви и не будет иметь семьи. И он рыдает, осознав необратимость своего изгнания из мира людей. В этом эпизоде нет ни пляжа, ни пальм, это чистая формула трагедии - превращение изгоя в изверга. Юноша своим насилием порвал последнюю нить - и понял это, хотя слишком поздно.

Что в этом эпизоде общего с жизнью типичного советского подростка 60-х годов? Чтобы не увидеть разницы между миром ленинградского двора и миром этого бразильского юноши, надо было в каком-то смысле духовно ослепнуть и не видеть тех нитей человеческих отношений, которые связывали нас, подростков и юношей, друг с другом, с девушками и со всем нашим обществом. В том, что активная часть подростков рождения 50-х годов в этом вопросе духовно ослепла, я вижу первую прямую причину нашей нынешней национальной катастрофы.

Второй план бытия, который параллельно показан в фильме и в книге «Владимир Путин», – хлеб насущный, которым питались дети двух миров[1]. В фильме это показано через несколько эпизодов. Вот, дети из банды ищут объедки в мусорных баках. Их рвет. Кишечные заболевания, когда рвота сопровождается поносом – главная причина массовой детской смертности в тропиках (это смерть от обезвоживания, от нарушения водообмена, когда кишечник буквально высасывает воду из организма, а напиток не позволяет рвота). Лечится это моментально, одним приемом лекарства – но люди трущоб лекарств не покупают, и врачи туда не ходят. Тем более не ходят они в «песчаные карьеры». Другой эпизод – шайка подростков грабит ресторан, забирая продукты. Третий – та же шайка делает налет на бойню, подростки лихорадочно отрезают от туш, висящих под навесом, куски мяса, сколько успеют, пока к ним бежит охрана. Это мясо они воруют не на продажу, а чтобы поесть самим и накормить малолетних.

Все это встает у меня перед глазами, когда я читаю в книге, как радушно мама Володи всегда встречала его друзей, какие она готовила удивительные пирожки, как сам Володя, чтобы порадовать маму, покупал самый лучший торт, как в школьном походе он готовил по поваренной книге курицу в винном соусе, как школьники любили зайти в кафе на углу Маяковского и Баскова – таких деталей по книге разбросано много. Почему же и в этом втором плане, в вопросе хлеба насущного, В.В.Путин не заметил чудовищного отличия жизни советского подростка от жизни бразильских изгоев?

Можно предположить, что в 60-е годы советские подростки уже просто не замечали, что хлеб насущный – одна из важных сторон жизнеустройства. Им стало казаться, что пища дается человеку как воздух, автоматически. В фильме они не замечали, как рвет мальчика, поевшего отбросов, а в своей жизни им не приходила в голову мысль, что кто-то будет рыться в помойках Санкт-Петербурга. Да и замечают ли они это сегодня?

Третий план бытия – образ того жизненного пути, который уготован подростку в обществе. Это широкий и важный пласт мировоззрения, он складывается с детства. Это образ будущего, с ним связано чувство - или надежды, или безнадежности. Подростки «песчаных карьеров» знали определенно – всех их ждет тюрьма или ранняя смерть, скорее всего насильственная. Для них уже в детстве не было школы, а в будущем не было работы и семьи. Как можно было здесь найти что-то похожее на взгляд в будущее подростка в Ленинграде 60-х годов?

В книге показан именно типичный путь советского городского подростка, надежно устроенные ступени этого пути: школа (тем более специальная, при Ленинградском технологическом институте, которую окончил В.В.Путин), комсомол, с 13 лет - спортивная секция с прекрасным тренером («в те времена тренеры не только физически воспитывали подростков, но и тщательно следили за их учебной работой»), звание мастера спорта по самбо и дзюдо. Наконец, уже обязательной ступенью в этой лестнице считается и высшее образование!

Сам В.В.Путин говорит: «Когда я учился в школе, в моей семье даже не обсуждалось, что мне делать дальше. С самого начала было ясно, что я должен поступить в институт... Институт – это был тот минимальный стандарт, от которого все отталкивались» (с. 94). Высшее образование - минимальный стандарт! А различия между этой жизнью и жизнью «генералов песчаных карьеров» – только в погодных условиях.

В книге выражена очень важная установка, которая, похоже, овладела сознанием части послевоенного поколения – представление о том, что общественные институты, служащие для подростка опорой и ступенями в будущее, являются, как и пища или отопление, частью природных условий. Это нечто данное нам автоматически, а не творение нашего общества и нашей культуры, построенное с огромными усилиями и даже жертвами, творение хрупкое, которое может исчезнуть по нашей вине, даже просто из-за нашего непонимания. И уж совсем, конечно, не видели молодые люди с таким мироощущением, что это творение наверняка исчезнет просто оттого, что мы не будем его ценить, самонадеянно приписывая свои достижения лишь себе самому – не замечая той руки, которая строила для нас эти ступени и помогает по ним карабкаться.

Говоря о планах своей карьеры, В.В.Путин пишет: «Я прекрасно осознавал: мне не на что и не на кого рассчитывать, и все я должен сделать исключительно сам... Да, я понимал, что родители делают все, чтобы помочь мне получить образование. Но я знал и то, что не могу на них опираться для ориентировки в своем будущем обучении, куда мне следует поступать. И уж совершенно точно не могу рассчитывать на их помощь с точки зрения каких-то закулисных связей. У родителей их просто не было. Так что у меня не было никакого другого шанса, кроме одного – поступить самому! Это очень близко к тому, о чем говорят либеральные экономисты: нельзя, чтобы в экономике было очень много денег...» (с. 86).

Трудно сказать, при чем здесь либеральные экономисты. Их мудрость мы уже усвоили: деньги должны быть не в экономике, а у олигархов на офшорных счетах и в недвижимости. А в вопросе о высшем образовании либеральные экономисты говорят другое: нельзя, чтобы всякий юноша учился в университете бесплатно. Пусть он победит в конкурентной борьбе, добудет денег, заплатит – тогда и учится. А место бедняку – в «песчаных карьерах». Володя Путин бесплатно учился в спецшколе, бесплатно получил звание мастера спорта у хорошего тренера, бесплатно поступил в один из лучших университетов страны – но при этом считал, что ему «не на что и не на кого рассчитывать». Он всего добился сам! Так же, как всего добивались сами «генералы песчаных карьеров» - им ведь тоже «не на что и не на кого было рассчитывать».

Если уж говорить о перспективах будущего у ленинградского подростка и этих «генералов», стоит еще упомянуть о том, что девятиклассник Володя Путин решил готовить себя к работе в КГБ. Как сказано в книге, «в шестидесятые, в особенно семидесятые и восьми-

десятые годы служба в КГБ считалась чрезвычайно престижным делом». Наверное, это так и было, результат чего Советский Союз сполна испытал на себе. Но мы о другом: в 1968 г. ленинградский подросток решил посвятить себя «чрезвычайно престижному делу». Без всяких проблем пошел «в новеньком школьном костюме» в КГБ, показал офицеру паспорт и комсомольский билет, а тот ему посоветовал поступать в университет на юридический факультет. Как замечено в книге, «Николай Егорович, конечно же, не сказал школяру, что там наиболее «сильны позиции» его ведомства».

Да разве в этой «руке КГБ» дело? Дело в том, что государство и созданные в нем социальные условия были таковы, что подросток с паспортом и комсомольским билетом мог явиться в «самое престижное» ведомство, и там с ним внимательно поговорил один чиновник, а в университете с ним внимательно работал другой чиновник – и дорога этому подростку была открыта. Мог ли бразильский аналог этого подростка, заимев такую «мечту», повторить путь Володи Путина? Например, решил в 16 лет посвятить себя престижной профессии финансиста – и пошел посоветоваться в Министерство финансов. Нет, не мог – как бы отважно он ни рассчитывал только на свои силы. Но самое страшное, что уже и половина подростков в России даже отдаленно не может строить для себя подобные планы – эта половина все глубже погружается в цивилизацию трущоб.

Наконец, раз уж речь зашла о «джунглях» и бразильских беспризорниках, то при сравнении их жизни с жизнью ленинградских школьников никак нельзя уйти и от такой стороны бытия, как отношения с законом и карательными органами. В.В.Путин в своих воспоминаниях подчеркивает, что подростки его двора в своей жизни «по законам джунглей» не соприкасались с криминальным миром. И тут же утверждает, что эта их жизнь была совершенно такой же, как у «генералов песчаных карьеров». Но герои бразильского фильма как раз и были криминальной бандой, и этого невозможно было в фильме не заметить. Они и не могли иным способом добыть себе пропитание – у них не было семьи, не было университетской стипендии, не было стройотряда с очень большим заработком, не было потом работы в престижном ведомстве.

Я был в Бразилии в мае 1992 г., имею там друзей, жил в доме университетского коллеги. Подростковые банды стали там такой общей проблемой, что даже для многих состоятельных людей жизнь в стране не мила и они ищут способ эмигрировать хоть в ненавистные США. В 80-е годы, когда в Бразилии установилось нечто вроде «социального мира», эскадроны смерти перешли там от избияния студентов и профсоюзных активистов к «социальной чистке». Они по заявкам «ко-ми-те-тов жильцов» из приличных кварталов стали отстреливать беспризорных мальчишек. Когда я был в Бразилии, в газете Сан Паулу прошла будничная заметка: арестована группа из пяти неформалов (в рабочее время они служили жандармами), которые за короткое время застрелили 24 подростков. Попались случайно – последнего не добились.

Жизнь Володи Путина и его товарищей по двору и школе была такова, что им не пришлось вступать в конфликт с законом, а тем более законом джунглей, в которых орудуют «социальные чистильщики», и испытать на себе их тяжелую руку. Сегодня, когда у власти у нас утвердилось поколение с новым мировоззрением, действительно стираются различия между жизнью подростков России и Бразилии. Приняв «антропологию джунглей», молодые реформаторы РФ проявили поразительную жестокость по отношению к жителям страны. Ее просто не могли ожидать от людей, выросших, как казалось, в лоне русской культуры.

Пока еще различия в культуре остаются – господствующее меньшинство не может организовать «эскадронов», готовых проводить социальные чистки. Мало еще кто у нас в полной мере способен жить по законам джунглей. Но если культурные запреты иссякнут, то, действительно, останется лишь разница в погодных условиях. С одной стороны, объедки в мусорных баках РФ не портятся так быстро, как в Рио де Жанейро. Но с другой стороны, в

РФ мороз быстро прибирает обитателей «песчаных карьеров», природными средствами производя социальную чистку буквально по Мальтусу.

Пока что мы не имеем подробных исследований о мировоззренческих установках следующих возрастных когорт. Но есть некоторые основания предположить, что духовный провал, скорее, закрывается, чем углубляется. Однако усиливается давление на массовое сознание самого бытия «цивилизации трущоб». Мы переживаем эпоху столкновения противодействующих процессов, многие из которых находятся вблизи от критических точек.

1 января 2004 г.

[1] Согласно официальным данным конца 80-х годов, 42% подростков Бразилии достигали в то время половой зрелости с существенными физиологическими и психическими деформациями из-за нехватки белка в рационе питания. Скорее всего, беспризорные дети входили в эту категорию почти поголовно. Советские подростки 60-х годов практически поголовно не испытывали дефицита белка.

18.03.2009. Воспоминание из 2003 г. Задачи все мы горазды ставить

Задачи на 2003-й год

За десять лет проели и разворовали наши ресурсы. Веер возможностей сузился до предела. Или дальше в периферийный олигархат, к судьбе загнанной клячи «мирового сообщества», или продираться на ту же траекторию, по которой шел, рыская по ложной карте, СССР. Мы в ловушке. Это видно и из того, что 90% граждан высоко оценивают советский строй по фундаментальным показателям - а обратно в него не хотят. Они сами в недоумении и избегают обсуждать эту тему.

Возникла «петля гистерезиса». Отказавшись от советского строя при некотором «уровне неудобств», люди вовсе не откажутся от нового строя при том же «уровне неудобств» - они терпят вещи, о которых раньше и помыслить не могли, даже не верили, что такое может быть.. Для нового отказа потребуется намного более тяжелые «неудобства», и заранее определить этот уровень трудно, срыв может быть обвальным. Поскольку режим имеет средства воздействия на сознание, он стремится петлю гистерезиса максимально расширить.

Возможно такое положение, что значительная часть населения просто вымрет до достижения нового порога возмущения, страна принципиально изменится, так что вообще никакого возврата к жизни не получится, а будет Московское княжество с Трубой. Уже есть соблазн «капитализма за железным занавесом» - извращенного подобия сталинизма, только под трехцветным флагом и, конечно, без всякого развития.

С другой стороны, нынешнее поведение людей таит в себе потенциал для творческого разрешения противоречия - хотя и после доведения нас до безобразного «неудобства». Будучи загнаны в образ жизни, несовместимый с развитием, люди готовы довольствоваться малым, но не пошевельнуть пальцем для улучшения жизни каким-то неосвоенным способом. Иными словами, «ухудшение жизни» принимается как допустимое и не побуждает к изменениям в мыслях и действиях. Этим пользуется хищное меньшинство, грабящее людей.

Чтобы этот потенциал реализовался, нужна новая матрица для самоорганизации – без этого не возникнут очаги диалога для выработки языка и проекта. В близких интеллигенции понятиях можно сказать так: нужно создавать и выращивать ячейки гражданского общества. Конечно, не того «правильного» гражданского общества, которое складывается из свободных конкурирующих индивидов, а нашего общества – из общинных людей, у которых сумели уничтожить все их старые общины. Эти люди потому и парализованы, что присматриваются, какие структуры будут вырастать из болота.

Такое гражданское общество, выработавшее цельный и всеобщий проект, сложилось в России в начале XX века на базе крестьянской общины, а затем и трудовых коллективов рабочих. Как ни старались разрушить его царская власть, кадеты с меньшевиками, белые «дети Февраля», оно продержало Россию вплоть до 60-х годов. Урбанизация и резкая перестройка структуры общения (от живого диалога - к монологу телевидения) разорвали прежнюю матрицу. Новые власти уже специально ликвидируют ее остатки – даже очереди как особого форума не допускают. Мы на пепелище, которое почти уже и не дымит.

Даже в науке, которая всегда задавала эталонный механизм формирования сообществ, иссякли силы консолидации, сломаны инструменты распознавания «свой-чужой», ослабли кооперативные эффекты сложения сил. За немыслимые ранее нарушения профессиональных норм не накладывается никаких санкций, а это и значит, что сообществ уже нет. На одной конференции могут подряд выступать два докладчика с взаимоисключающими утверждениями – и это не порождает не только дискуссии, но даже вопросов. Ибо нет уже ни норм, ни парадигм. Все дозволено!

То же самое и в сфере политики. Как страдала наша интеллигенция оттого, что в СССР ей не позволяли многопартийные игры. Казалось, вот только разрешат – и, как черти из табакерки, выпрыгнут искрящиеся идеями, устремленные в будущее партии. Что же мы видим? Маразм, потеющего Немцова. Одна КППФ и осталась, собрав в себя наследников ВКП(б). Если бы КГБ, а потом мэрия и администрация президента вовремя не подсобили, вообще больше ни одной даже псевдопартии не смогли бы слепить. Это о многом говорит.

В такой ситуации Россию спасало государство – оно брало на себя и ношу целеполагания, и задавало стандарты чести, и сгоняло людей в отряды, гильдии, профессии – даже революционеров воспитывало, но структурировало и мобилизовало общество. Сейчас глава государства, как он сам сказал, - всего лишь нанятый на 4 года менеджер, а не подвижник. Бремя власти – это уже не крест. Это даже и не бремя, ибо власть исторических выборов не делает – для этого есть реальные теневые хозяева. От власти исходит дух антигосударственности.

Положение наше усугубляется тем, что и Запад, на который мы всегда опирались в своих поисках, нынче болен. Исчерпан импульс Просвещения, и гражданское общество сгнило изнутри, а крах мироустройства показал, что от него осталась лишь иссохшая шкурка. Сейчас и она отброшена. И на Западе уже нет ни различимых партий, ни тех гражданских ассоциаций, где вырабатывались рациональные и связно обоснованные позиции по главным вопросам бытия. Теперь телевидение задает людям рейтинги президентов и степень поддержки бомбардировок Сербии или Ирака. Администрация может свободно учреждать и Министерство правды, и Министерство общественной безопасности – никто не вспомнит ни Маккарти, ни Оруэлла. Нет уже ни исторической, ни художественной памяти.

Придется нам и создавать ячейки нового общества, и стягивать их в матрицу самим, с опорой на собственные силы. И главное – снизу.

19.03.2009. К проблеме "Новый культурно-исторический тип"

Это материал, кажется, 1996 года, но, кажется, полезный для этой темы. Интересно, как он видится в свете последних 10 лет?

Избалованный человек массы. Практикум: «О чем думали рабочие?»

Я предложил в печати провести учебный практикум на эту тему. Задача стоит так: «Рабочие поддержали реформу, надеясь, что их материальное благосостояние улучшится. Этого не произошло. Каков был ход их рассуждений и в чем они ошиблись?»

В ответ пришло множество писем, здесь я трону только один важный момент. В общем, все согласны, что рабочие поддержали реформу, хотя и пассивно. Но этого было вполне достаточно реформаторам. Думали ли при этом люди о благосостоянии? Да, большинство

думало о будущем в житейских понятиях, а многопартийность и демократия были идеологическим украшением, мало кого из рабочих они действительно волновали. Соглашаясь на изменение строя, люди считали, что в смысле материального благосостояния, их жизнь станет лучше. Во всяком случае, никто не говорил: «Я и мои дети будем голодать, но я этого хочу».

Ухудшилось ли благосостояние большинства рабочих? Да, это надежный факт, выраженный в уровне потребления продуктов питания, получении жилья, пользовании транспортом, связью, в покупке товаров длительного пользования и т.д. Миллионы безработных также «произошли» из трудящихся, и непонимание частью безработных тяжести их положения - временное.

Поскольку смена строя произошла без насилия, приходится признать, что выбор сделан рабочими на основании некоторых умозаключений. Поскольку результат противоречит ожиданиям, в ходе этих умозаключений были допущены ошибки. Выявить их необходимо вовсе не для того, чтобы призвать «вернуться в прошлое», а для того, чтобы научиться избегать подобных ошибок в будущем.

Очевидно, что в нашей стране есть два источника повышения благосостояния для социальных групп. Первый - увеличение производства. При этом рабочим может доставаться больше благ, чем раньше, даже если их доля в доходах снижается. Второй путь - изменение в распределении доходов. При этом также может расти благосостояние социальной группы даже при сокращении производства - если увеличение ее доли в доходах в абсолютном измерении превышает спад производства. Таким образом, когда рабочие считали, что реформа повысит их благосостояние, они предварительно должны были сделать прогноз изменения двух факторов: масштабов производства и распределения доходов. Такие варианты, как захват колоний и перекачка оттуда даровых денег, мы рассматривать не будем, поскольку никто их в начале реформы не предполагал, да и сейчас не предполагает.

Энтузиасты реформы из рабочих могли посчитать, что оба фактора изменятся в благоприятную для них сторону: увеличится производство и к тому же возрастет их доля в доходах. Скептики считали, что новые хозяева («буржуи»), возможно, будут брать себе больше, нежели советская номенклатура, так что доля рабочих в доходах сократится, но уж производство возрастет настолько, что увеличение массы доходов с лихвой перекроет изъятие. Другая группа скептиков полагала, что производство упадет, но этот спад будет с лихвой перекрыт увеличением социальной справедливости - частные собственники отдадут рабочим большую долю доходов, нежели отдавало советское государство. Считать, что и производство упадет, и доля рабочих при распределении доходов уменьшится, но при этом благосостояние их увеличится, невозможно, ибо это было бы очевидно неразумно.

Что касается производства, то оно в результате реформы сократилось более чем вдвое. Это провал таких колоссальных масштабов, что можно говорить о глубоком поражении сознания тех рабочих, которые его не предвидели. Спад на один процент - уже кризис, спада на 50-60% в мирных условиях вообще не бывало нигде в истории, а ведь этот спад еще не остановлен (на деле ему и конца не видно, ибо уже десять лет как не делается капиталовложений в производство - уж рабочие-то должны были бы это заметить). Как могли этого не предвидеть люди, когда речь шла об их собственных рабочих местах?

В действительности спад производства начался немедленно после первых ударов по советской системе хозяйства («Закон о предприятии» и «Закон о кооперативах»), так что в 1991 г. уже было очень трудно не предвидеть тяжелого кризиса при движении в том же направлении. Последствий этих шагов мог не видеть только тот, кто не хотел их видеть - кто уже был очарован идеей реформы.

Итак, те, кто ожидал роста производства, совершили тяжелую и уже очевидную ошибку. Их умозаключение настолько противоречило очевидным или легко обнаруживаемым фактам, что речь может идти только о результате эффективной манипуляции сознанием этих людей. Было совершено крупнейшее политическое мошенничество, и рано или поздно это должно стать предметом юридического разбирательства. Мы эти группы «поверивших в рост производства» пока что отставляем в сторону.

Самая для нас интересная группа - те, кто разумно предвидел спад производства (хотя, конечно, не мог предвидеть масштабов катастрофы), но по каким-то причинам считал, что распределение доходов сильно изменится в пользу рабочих. Здесь легко восстановить в памяти главные доводы, с помощью которых они убедили самих себя, что при советском строе рабочих «обирают» гораздо сильнее, чем при «капитализме».

Молодые люди могут не помнить, поэтому напоминаю: пропаганда будущих реформаторов долго внедряла в умы три аргумента, которые и послужили для внушения. Первый сводился к тому, что советские рабочие были объектом эксплуатации, а советское государство - эксплуататором. Вторым аргументом использовал совсем уж «марксистскую» трактовку и состоял в том, что в СССР имелся класс эксплуататоров - номенклатура. И это класс, который изымал непропорционально большую, по сравнению с буржуазией, долю дохода. Третий аргумент - «уравниловка». Она якобы состояла в том, что около каждого рабочего-труженика имелся напарник-лодырь, который этого «справного» рабочего обьедал. Вот эти три субъекта оттягивали у рабочего его трудовые рубли. Реформа, которая обещала устранить из нашего общества всех этих субъектов, таким образом, должна была повысить благосостояние рабочих.

Когда рабочим внушали идею эксплуатации их государством, уже здесь был разрыв в логике. Ведь из того факта, что государство изымает у рабочих часть их прибавочного продукта, никак не следует вывод, что в этом отношении советское государство хуже того государства, которое обещали устроить реформаторы. Никакое государство не может выполнять своих задач, не изымая у граждан части продукта их труда. Рабочие должны были в своих рассуждениях прийти к промежуточному выводу, что государство Ельцина обойдется меньшими изъятиями, нежели советское. Насколько я знаю, никто никогда такого утверждения не делал и даже никакой меры не предлагал. Этот пункт наши реформаторы сумели просто обойти, и никто их не спросил.

Люди «проскочили» важный этап в умозаключении в результате подмены понятий - изъятие прибавочного продукта для общих нужд государства было подменено понятием эксплуатации. То, что государство изымало для общих нужд, оно в советское время с лихвой возвращало рабочим в натуре в виде благ. Как обстоит дело сейчас - всем видно (по смертности, по отоплению домов, по голодным солдатам). Но теперь, кроме государства, на шею рабочих сидят еще и «собственники».

Почему рабочие решили, что появление, кроме государства, еще и частных хозяев их заводов обернется прибавкой к зарплате - загадка века. Никакой логики в этом найти невозможно, как ни ищи. Есть, впрочем, довод не от логики, а от странной веры, будто в советском государстве была особая жадная банда, которая тянула с рабочих гораздо больше, чем этого требовали общие нужды нации. Это номенклатура, которая присвоила себе слишком много льгот и привилегий, для которых и отнимали деньги у рабочих.

Да, номенклатура была и льготы были. Вопрос-то в том, почему рабочие решили, что номенклатура при Гайдаре и Чубайсе на свои льготы будет тянуть меньше денег. Откуда было бы взяться такой совестливой номенклатуре? Откуда было видно, что Лужков с Гусинским будут скромнее какого-нибудь Промыслова в Моссовете? А может, при демократии вообще нет директоров и чиновников? Проследить за логикой этих рассуждений нашего рабочего трудно. Ведь даже из любого голливудского фильма видно, что и в Америке есть директора и чиновники. Кто и когда сказал, что они оттягивают себе меньше

денег, чем советские? Не только не было разумных доводов в пользу такого предположения, но даже ни один самый наглый врун такого не осмелился сказать.

Наконец, об уравниловке. Таким злобным словечком был обозначен уравнительный принцип распределения части жизненных благ при советском строе. Уравнительный - значит, не по труду, а по едокам. Вообще-то ни в одном обществе нельзя обойтись без уравниловки - даже животные без этого не могут обойтись. Так что речь идет о пропорции, о величине уравниательства. Допустим, тут был в СССР некоторый перебор. Но неужели он был таким нестерпимым, что об уравниловке до сих пор говорят с ужасом даже коммунисты? Неужели и вправду наши «социальные иждивенцы» объедали справных работников? Это - ложь, специально внедренная в общественное сознание. На уравнительной основе давались минимальные условия для существования и развития человека - а дальше все зависело от него самого. Он получал жилье, скромную пищу (через низкие цены), медицину, образование, транспорт и книги. Если был готов напрячься, мог заработать на жизнь «повышенной комфортности», купить машину или хлестать коньяк вместо водки. Но уровень потребления людей с низкими доходами был действительно минимальным - на грани допустимого. Никакой уравниловки в потреблении не было, все держалось на пределе.

Теперь произошло резкое расслоение людей по доходам, от которого рабочие в целом проиграли. Даже захлебнувшийся «демократической» пропагандой кандидат наук не может не понять: если при катастрофическом спаде производства существенная прослойка гребет миллионы, это может происходить только за счет перераспределения доходов в сторону отхода от уравниловки. Этого просили рабочие - это они и получили, только ударило это не по номенклатуре, а по ним самим и их близким.

А если кто-то думал, что социальный сдвиг такого типа мог выбрать напарника-лодыря и шарахнуть по нему точечным ударом, да еще передать вырванный у него незаслуженный кусок хлеба его старательному товарищу, то это, простите, такая наивность, которая позволительна только дебилу. Такого рода артиллерия, как приватизация, бьет по площадям. Да это и вообще не артиллерия, а ядерное оружие. Так что те, кто вызывал огонь на своего напарника, на самом деле вызывал его на себя. Не подумал как следует? Так хоть сегодня надо подумать и восстановить тот ход мысли, что привел к таким фатальным ошибкам. Именно в самых главных вещах произошел сбой мышления. Надо их выявить и обсудить - без самолюбия и обвинений, а ради извлечения урока. После такой постановки темы «практикума» сразу пришел ответ, который стоит привести. Вот он, почти без правки:

«Здравствуйте.

Хочу присоединиться к практикуму. Я напишу просто от души, что думаю. Может, где-то и нарушу случайно условие какое, но это только от желания понятнее изложить.

По-моему, тут вообще дело в совсем другом... Простой человек далек от всяких заумных рассуждений. Он думает так: «Вот моя работа, тут я вкалываю, выкладываюсь полностью на всю катушку, но только здесь. А когда я ухожу с работы, я хочу расслабиться и не думать обо всем этом. Хочу, чтобы все было легко и без напряжений. Пусть будет все дороже, но пусть будет легко. На работе я ишачу, а после нее я хозяин жизни». В общем, мухи отдельно, котлеты отдельно.

Советское государство постоянно держало человека в напряжении. То очередь за водкой, то за колбасой, то в семь утра надо встать, чтобы получить талончик к зубному врачу, то телевизионного мастера целый день жди, то дефицит какой-то достать надо. И так постоянно. И при всем при этом каждый продавец чувствует себя богом, и к нему надо вежливо, а он к тебе как настроение будет. И ты ужом вертишься перед ним, понравиться хочешь, а то не даст.

Если есть одна мелочь, которая занимает полпроцента времени, то это ничего. А если их двести, то ни на что другое времени уже не остается. Особенно это все хорошо чувствуется, когда у человека есть деньги. И он думает: «Какого черта? Я хочу иметь эту вещь и готов платить. Так почему я должен за ней еще и бегать, давиться в очередях, доставать где-то, заискивающе смотреть на кого-то? Я хочу заплатить и получить. Вот и все». И Ельцин эту проблему решил. По нему было видно, кстати, что он «свой мужик», не какой-то «упертый коммуняка», который то с водкой будет бороться, то еще какой бред выдумает. Народ чувствовал, что он решит эту проблему.

Вывод такой, что Советское государство просто зае...ло своих граждан мелочами, и они были отдаться кому угодно, лишь бы их постоянно не напрягали. Так что Ельцин многим души успокоил в этом плане. И у многих коммунизм ассоциируется именно с этим постоянным, совершенно дурацким и ненужным напряжением. И снижение в восемь раз количества бесплатного жилья, или еще чего там, этого не перевешивает. В общем-то вы и сами это видите.

Сейчас многие на то время смотрят иначе. Что-то забылось, что-то стало спокойнее переноситься. Но в то время это просто наболело, поэтому и было так важно людям. А то, что была или не была манипуляция сознанием, это не важно. Это тот случай, когда «девочка сама хотела», и соблазнить ее мог бы и немой.

Может, я в чем-то и не прав, конечно. Буду рад, если вы мне укажете на ошибки. С уважением. Александр».

19.03.2009. Избалованный человек массы. Часть 2

Итак, наша цель была - восстановить ход мысли рабочего как социального типа, найти в нем противоречия, ошибки или идеалы, которые толкнули к выбору и пассивной поддержке нынешнего типа жизни вместо советского. Александр надел маску этого условного рабочего, с этой маской мы и ведем разговор. Назовем ее А. Итак, «простой человек А.» легко променял бесплатную квартиру и врача, ради которых надо было «напрягаться», на возможность получить все это без «напряжения». Какой ценой? Ясно, какой - теперь все это достается немногим.

Вспомним, как А. изложил проблему: человеку надоело, что при советском строе он должен рано встать, чтобы получить талончик к зубному врачу. Поэтому он поддержал Ельцина, который обещал эту проблему решить и этот строй поменять. Как поменять? Сделать врачей платными. Тогда большинство вообще к врачу не пойдет и будет рвать себе зубы плоскогубцами, а за «людьми с деньгами» врачи сами будут бегать. Других способов изменить положение не было, и Ельцин ничего другого и не обещал.

Кстати сказать, и при советском строе были платные (и очень дорогие) зубные врачи, и никакой очереди к ним не было. Так что в глубине души А. хотел бы попасть без очереди именно к бесплатному врачу, но он умолчал об этом. А это очень важный пункт, тут есть большая неувязка. Точно так же были рынки, на которых без всякой очереди можно было купить зимой виноград и помидоры. И продавцы там зазывали покупателей и были очень милы. Выходит, А. думал, что без СССР метро так и будет стоить 5 копеек, но в нем станет мало народу. Зашел - и без всякого напряжения сел на удобное место.

Снова уточним вопрос. «Простой человек» у А. - работяга («на работе я ишачу»). Поддержав переворот Ельцина, он мог рассуждать только двумя способами или не рассуждать вовсе. Эти два способа таковы: 1) При капитализме у всех будет много денег, число врачей резко возрастет, и к ним можно будет в любой момент придти без талончика. 2) При капитализме у меня будет много денег, а остальные пусть рвут себе зубы плоскогубцами, мне на них плевать.

Учтем, что только идиот мог предположить, будто врач ему будет вообще не нужен, поскольку, мол, вырвать зуб плоскогубцами гораздо приятнее и легче, чем идти за талончиком. Так что мы этот вариант не рассматриваем. Точно так же можно сказать и о квартире («хрен с ней, с квартирой, еще напрягаться из-за нее в местном или райисполкоме - проще жить на улице и не иметь детей»). Будем говорить о людях, которые любят жить под крышей и, следовательно, полагали, что и при Ельцине они квартиры будут как-то получать (тут те же два пути рассуждений, что и о враче).

Каким из двух способов мыслил «простой человек»? А. на это не ответил, но оба эти способа ущербны. Первый вообще глуп, ибо всем известно, что в СССР врачей на душу было больше, чем на самом богатом Западе. Так что увеличить их число Ельцин никак не мог бы - как и число построенных квартир или вагонов метро. Менее известно было то, что на Западе профессор университета ходит в поликлинику соцстраха, и на простой рентген там надо отстоять месяц в очереди (а в СССР очередей на рентген не было). Если подумать, то при всеобщей доступности такое благо, как врач, всегда будет дефицитным.

Кстати, одна из первых вещей, которая меня поразила на Западе (в Испании и в бедных кварталах в США), это огромное число беззубых людей. При том, что на каждом углу зубной врач без талончика! Когда я начал выпрашивать о причине этого странного явления, на меня посмотрели, как на дурачка. Масса людей там никогда не ходит к врачу, зубы у них просто «выбаливают» и выпадают - стоматология соцстрахом не покрывается. И при этом мои друзья на меня даже озлобились, стали тыкать себе в рот пальцем и орать: «Ты знаешь, сколько мне стоила вот эта пломба? Вы там, сволочи, зажрались в СССР! Ничего, скоро узнаете», - дело уже было в перестройку.

Но даже если этого не знать, можно было понять, что многократно увеличить количество благ никакой Ельцин бы не смог, так что все равно А. хотя бы тайком принимал идею отстранить от этих благ массу его соседей, чтобы ему эти блага достались «без напряга». Но ведь, с другой стороны, считать работяге, что при капитализме у него (в качестве общей нормы) будет много денег, не то что у других - тоже неразумно. Неразумна даже сама формула, которую дал А.: «Вот моя работа, тут я вкалываю!» Как это «моя»? При капитализме работа принадлежит капиталисту, собственнику средств производства. Он тебе работу «продает» на рынке - может продать, а может и не продать. Ведь чтобы сказать «моя работа», надо иметь право на труд, а именно от этого права рабочие и отказались. Ведь сама «работа» как благо обеспечивалась именно советским государством, общенародной собственностью на средства производства, а Ельцин как раз это и обещал устранить. Почему же работяга решил, что он всегда сможет «ишачить» да еще получать за это деньги? Откуда у него такая фантазия? А. этого не объясняет, а ведь это тоже важный вопрос.

Я предполагаю, что никаких связных рассуждений в голове нашего работяги не было. Были короткие обрывки мыслей, а главное - недовольство и мечты, плод аутистического мышления. Это отключение здравого смысла, потому что, соглашаясь на явно опасное для него самого, его семьи и детей изменение, человек обязан рассуждать и подсчитывать возможный ущерб.

Ведь все те «напряжения», о которых пишет А., вполне можно было значительно облегчить, просто увеличив долю «коммерческих» услуг в нашей советской жизни, не ломая самого строя. «Пусть будет все дороже, но пусть будет легко!» Что ж, для любителей дороговизны это можно было устроить в два счета, пусть бы наслаждались в дюжине магазинов-музеев. Но ведь боролись не за это, люди соблазнились именно образом полной свободы («после работы я хозяин жизни»). А это невозможно. «Мухи и котлеты» как раз не могут быть разделены, как не удастся разделить котельную завода и отопление жилья. Так что речь шла именно о полном разрыве, о фатальном выборе: одним котлеты, другим мухи.

Формула «после работы я хозяин жизни», скажем прямо, означает полный отказ от гражданственности и ответственности. Можно даже больше сказать, уже в ней скрыт и следующий шаг: а зачем я вообще буду «ишачить»? Почему бы мне не быть «хозяином жизни» все 24 часа в сутки? Ведь именно этим «Ельцин многим души успокоил». Отсюда - миллионы челноков и массовый приток молодежи в преступность.

Да, советское государство было патерналистским (от слова патер - отец). Это значит, что и после работы человек не был «хозяином жизни», а выполнял обязанности «члена семьи», обязан был «напрягаться», тем более что и «отец» бывает не сахар, иногда гоняет зря.

Судя по письму А., главный «напряг» состоял в том, чтобы бегать по очередям - то за талончиком, то за водкой. Я заострю вопрос до крайности и скажу, что очереди («совершенно дурацкое и не нужное напряжение») - необходимое условие и даже признак солидарного общества. Многие блага всегда дефицитны, и если за ними нет очереди, то значит, каким-то образом доступ к этим благам большинству людей перекрыт. Возникает какого-то рода «закрытый распределитель»[1].

По мелочам можно ворчать, не переставая, но по большому счету дело в СССР шло справедливо и разумно - сначала расшивались узкие места в доступе людей к самым главным благам. Уже не было очередей за хлебом и молоком, сократилась в среднем до 6 лет очередь на квартиру. Отдушиной стали и жилищные кооперативы, вполне доступные тем, кто не мог ждать. 100% жилья имело электричество - в это надо вдуматься! 2,1 тыс. городов, 3,4 тыс. поселков и 177 тыс. деревень были к 1987 г. газифицированы. Какие «напряги» были этим сняты с сотен миллионов человек! Вспомните, что значит купить и напилить дров на зиму, топить печку и готовить на керосинке.

А. пишет, что в глазах рабочего «все это не перевешивает»... отмены талончика к врачу. Вот это и страшно. Это признак безвыходного кризиса. Ведь это, говоря попросту, есть помрачение ума. И не только ума, но и воображения. У жителей Камчатки, которые сидят по 15 часов в сутки без электричества и готовят пищу на костре, думаю, уже другое мнение о «напрягах». То же самое - у жителей Грозного после бомбежки. Выходит, «простой человек» конца XX века этого вообразить не может, пока не испытает на своей шкуре? Но тогда, значит, он утратил свойство, совершенно необходимое для выживания человека - способность предвидения исходя из опыта других. Если это состояние продлится, мы просто вымерем как народ. Впрочем, тут, я надеюсь, А. перехлестывает ради красного словца. А. пишет, что мелочи-напряжения задавили советского человека - «ни на что другое времени уже не остается». Если он это искренне, то, значит, у него отключилась память. У нас именно была проблема досуга, возникшая из-за устранения борьбы за существование и тех «напряжений», что она создает. Я в 60-е годы жил в коммуналках в рабочем квартале, видел быт рабочих разных типов. У них был именно досуг и свобода, какие рабочему на Западе и не снятся. Во-первых, хорошо и часто посидеть с приятелями - и время было, и водка, и настроение. Рыбалка и грибы - святое дело, завод даже обязан был дать автобус. Один мой сосед регулярно ходил в оперу, во Дворец съездов, совсем, видно, со скуки спянул. Другой по субботам бил красавицу-жену, а за это в воскресенье обязан был вести ее и сына в театр, при галстукке. Вот это я понимаю, напряг, но советская власть тут ни при чем. А летом, отдай не грехи, все они ехали в Крым или Сочи. Месяц отпуска плюс отгулы, над изобретением которых поработала русская смекалка (кстати, в США число дней отпуска пропорционально стажу работы на предприятии, но не превышает двух-трех недель). Нет, не в нехватке времени дело. «Нехватку времени» люди себе вообразили, ибо у них была потребность чувствовать себя обделенными.

Как известно, жизнь в семье и на свободном рынке - разные вещи, в каждой свои плюсы и минусы. Допустим, рабочие не захотели жить «как в семье», насильно не заставишь. Вопрос в другом: почему они решили, что «на рынке» не надо напрягаться после работы?

Вот что хотелось бы услышать от А. Из его письма следует, что рабочий уверовал, будто без СССР он будет после гудка «хозяином жизни». Почему же он уверовал? Ведь никаких для этого не было оснований из того, что мы знаем о Западе, даже из самых красочных фильмов.

Да, талончика к врачу там не надо, но ведь возникают другие заботы - надо же было сравнить, какие тяжелее. Вот, в Мадриде лопаются большой банк. Тысячи вкладчиков - с сердечными приступами. Непрерывные собрания акционеров, судебные процессы. Вот, Франция. Проходит закон, чуть-чуть ущемляющий интересы молодежи - на улицу Парижа выходит 1 млн. человек, жгут машины, получают дубинками по голове. Разве это не «напряг»? Но нельзя не идти. Не огрызаешься - загрызут либеральные хозяева. Я думаю, что если бы наш работяга представил себе, что он пойдет, «как в США», к врачу без талончика, тот ему выпишет больничный лист, а потом окажется, что по этому листу платить ему никто не собирается, то это бы стало для его ума настоящим «напрягом». (Право на оплаченный больничный лист в США имеют 25% рабочих и служащих). Но он об этом почему-то не подумал. Он считал, что оплаченный больничный лист - это что-то вроде воздуха, это есть везде. И ведь мы говорим о Западе, где половина доходов рабочих вообще доплачивается им как пенсия из денег, вырванных у рабочих Бразилии, Малайзии и т.д. О бразильцах и малайцах вообще помолчим, мы же хотели «как на Западе». Кстати, почему именно как на Западе? А. этого не объяснил, а ведь тут тоже большая неувязка.

А. пишет, что люди «готовы были отдаться кому угодно, лишь бы их постоянно не напрягали». Это - признак тяжелого умственного расстройств людей, неспособность верно оценить утраты и выгоды. И речь тут не только о разумном расчете, а об отключении даже биологических инстинктов. Да, есть сегодня люди, потерявшие работу и квартиру - и довольные. У них отключен инстинкт самосохранения. Да, женщины почти перестали рожать, и не от нехватки денег (в Дагестане денег меньше, чем у москвичек, а рожают). Они не хотят «напрягаться», они теперь «хозяева жизни». Число автомобилей утроилось, а число новорожденных втрое меньше. Отключен инстинкт продолжения рода.

А. верно пишет: «девочка сама хотела», и соблазнить ее мог бы и немой». Нет, уважаемый А., «отдаться кому угодно» - это не немому. «Девочка» отдалась шпане, которая ее изуродовала, ограбила, лишила возможности и даже потребности иметь детей. У А. получается, что это надо принять и оправдать. Но ведь это болезнь, причем массовая. Нельзя же оправдывать болезнь. Потом те же люди спросят: что же вы нам не помогли, не привели в чувство? Разве не обязан любой трезвый человек попытаться вразумить «девочку», а потом помочь ей?

На мой взгляд, А. сформулировал проблему высшей важности. Мы о ней даже боялись прямо говорить. Суть ее в том, что за последние 20 лет советского строя в нем вырос и стал господствовать избалованный человек «массовой культуры». Его жизненное кредо А. выразил так: «Я хочу расслабиться и не думать обо всем этом. Хочу, чтобы все было легко и без напряжений». В этом - основа нашей катастрофы, и эта основа вовсе не устранена, так что катастрофа воспроизводится. И перед нами перспектива хуже войны: нашим «избалованным массам» будут давать жвачку и наркотики, пока они не вымрут в самом простом и обыденном смысле слова. С блаженной улыбкой.

Иногда мне пишут читатели, недовольные тем, что я агитирую за советский строй. Они ошибаются, не об этом речь. У нас беда похуже. Разве люди рассудили: давайте, мол, откажемся от советского строя и будем строить капитализм? Нет! Они ни о чем не рассудили и ничего строить не собираются. Они даже не отрицают, что страну захватили воры, которые ее сжирают, но довольны тем, что эти воры кидают и им крохи. Они непритязательны! А интеллигенция, которая во всем этом сыграла неблагоприятную роль, должна была бы сегодня оставить мелкую грызню и помочь восстановить в массовом сознании способность к умозаключению, расчету и предвидению.

[1] Недавно опубликованы результаты обследования по России. Общественные затраты времени на стояние в очередях в советское время уже сравнялись с затратами времени граждан на хождение по мелкооптовым рынкам в поисках более дешевых продуктов. Но одновременно появились 20 млн. работоспособных человек, вырванных из общественного производства (безработные, мелочные торговцы и т.п.).

21.02.2009. Для "Русского журнала" на тему "Россия после 2008 г."

Текст марта 2007 г.

Надежного прогноза состояния России после 2008 г. быть не может. О будущем ведутся переговоры, но закрытые. Будем исходить из того, что наша правящая верхушка обеспечит преемственность власти. Действительно, глупо было бы менять коней на нашей вечной переправе. Кого запрячь в нашу телегу – Ясина с трепетной Новодворской? Разве они удержат смертность русских в заданном оптимальном интервале?

Значит, в первом приближении можно считать, что вектор и темп событий после 2008 г. кардинально не изменятся. Образ мысли и действий власти в главном останутся теми же, а свойства «народных масс» еще более инерционны.

Но формула вопроса «Какой будет Россия после 2008 г.?» неверна в принципе. России как единой сущности сейчас нет, есть арена противоборствующих сил. Система эта подвижна, в ней мало порядка и много хаоса. Лучше поставить вопрос так: какова будет «карта» расколотовой во многих плоскостях России, как меняется расстановка сил и их «окраска»?

Надо отказаться и от привычного определения векторов главных сил как правых и левых. Эти слова принесены к нам давно и издалека, смысл их уже на наших глазах не раз сменился. Вернуться к истокам смысла – тоже мало проку. Исторически левые – те, кто подрывает порядок и сеет хаос (с целью установить свой, «новый» порядок). Правые, напротив, – партия порядка. Когда левые за социальную справедливость, а когда за свободу наживы – зависит от порядка, который они ломают. Если на дворе капитализм, они за трудящихся, если советский строй, они за буржуа. Совсем людей запутали. Коммунисты даже говорят, что «они левые, но дело их правое».

От путаницы в понятиях много бед. Как понять, что в Гражданской войне социалисты-революционеры и марксисты-меньшевики воевали против большевиков, которым помогали генералы-монархисты Брусилов и Куропаткин? А дело в том, что либералы-кадеты, эсеры и меньшевики были в России левыми. А широкий фронт правых включал в себя всех, кто стоял за российский порядок – с его патернализмом, самодержавным государством и семьей народов. И ядром мировоззренческой матрицы части правых был общинный крестьянский коммунизм, к которому после 1907 г. примкнули и большевики. Монархия не устояла – дальновидные правые стали поддерживать большевиков. Поэт крупной буржуазии Брюсов воскликнул: «И вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном».

Так большевики восстановили империю (и еще много чего). А для тогдашних левых что Российская империя, что советская – «империи зла». Так и сейчас, левые и правые – это характеристики момента, а не отношения к главным ценностям. Революционер, сокрушивший тирана и установивший справедливый порядок, обязан превратиться в правого, защищающего этот порядок. Если он остается левым, «перманентным» революционером, то будет отторгнут. Обществу надо жить, а революция – это крайняя мера, спасение через катастрофу.

Так зачем нам рассуждать в понятиях «правые-левые»? Больше пользы от «карты», полюса которой – фундаментальные ценности. Их иерархия – тоже предмет спора, но он проще.

Тут люди собираются согласно своим представлениям о добре и зле, о том, как надо было бы устроить жизнь в России.

Огрубляя, скажу, что население разделилось на две части. Цель одних – переделать Россию в подобие Запада, пусть на его задворках, пусть с потерей культурной идентичности, пусть даже с потерей большинства населения, неспособного перенести такую реформу. Цель вторых – отвести от России эту угрозу, а затем договориться о приемлемом жизнеустройстве. Внутри этой части общества есть шанс компромисса, но с первой частью – нет.

Можно назвать первую силу антинациональной, ибо ее цель – сменить саму матрицу, на которой воспроизводится народ. Вторая сила национальная, ее цель – уберечь культурно-исторический тип народа. Это в интересах большинства и русских, и других народов России. В составе обеих этих сил есть и правые, и левые в их обычном понимании. Антикommунист Каспаров обнимается с «национал-большевиком» Лимоновым, КПРФ чувствует антисоветчика Шафаревича. Союзы непрочные, но задачи решаются в порядке поступления.

Понятно, что исход этой холодной гражданской войны определяет не численность «живой силы», а вся система боевых средств. «Вестернизаторы» оснащены лучше, за ними деньги, большие интеллектуальные силы, СМИ, поддержка «мирового сообщества». Их утопия яснее, миф Запада добротен, шкурные мотивы эффективны. Но главный ресурс антинациональных сил – расщепленность сознания власти. Ей и хочется постоять за бедную Россию, но Абрамович и Чубайс все же ближе – при всех их недостатках. Так и царское правительство не могло решиться.

Да и внутренняя слабость «национального» лагеря основательна. Набирает силу противоречие между двумя течениями национализма – гражданским и этническим. Первое стремится вернуть Россию на имперский путь, вновь собрать «семью народов» вокруг русского ядра, второе – снизить статус России до национального государства европейского типа. Расхождения принципиальны.

В целом, неустойчивое равновесие. «Оранжевая» риторика принимается плохо, надо готовить другой сценарий, но хороших идей пока не видно. Национальные силы в стабильное время понемногу укрепляются. При резком ухудшении велик риск их быстрой консолидации – вплоть до революционного сознания. «Оранжевым» выгодно поддерживать высокий уровень «нервозности», но не доводить до резкой дестабилизации. В перспективе, думаю, их шансы будут уменьшаться. Сходит с арены восторженная советская интеллигенция, а «дети страшных лет России» за «оранжевыми» не пойдут, достаточно их повидали.

Чем спокойнее, быстрее и добротнее будет построена платформа, на которой смогут договориться национальные силы России, тем меньше будет риск «оранжевых» проектов по каким-то новым сценариям. Тем больше будет шансов так модернизировать нынешнюю политическую систему, что сидящая на двух стульях правящая верхушка будет без катастрофы перетянута на «нашу» сторону. Тогда не понадобятся ни Февральская «оранжевая», ни Октябрьская «антиоранжевая» революции.

21.09.2009. Опять к теме "культурного типа" (из 2004 г.)

Вот некоторые поучительные для нас выводы их [восточноевропейских] обществоведов, приведенные в ценной книге Н.В.Коровицкой “С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития” (М.: Алгоритм, 2003).

Автор пишет: “Пережив череду глубоких перемен, общество оказалось фактически дезориентированным, в сильной мере вообще лишившись способности к рациональному стилю мышления и поведения... Изменения, произошедшие в странах региона, были столь значительны, что у восточноевропейского человека естественно возникал вопрос: “а есть ли жизнь после перехода?”

Как же люди поддержали такие действия политической элиты, что их теперь гложут сомнения в самой возможности жизни? О чем они думали, когда аплодировали своим горбачевым? Они ведь наверняка “хотели как лучше”. Именно так, но только это “лучше-хуже” они не мыслили в разумных земных понятиях и измерениях.

Давайте еще почитаем грустные выводы их ученых: “Оппозицию коммунистическому режиму в Польше, как впоследствии и в других странах региона, составляли не конкретные социальные силы и не интересы отдельных групп общества, а эмоционально окрашенные идеалы и ценности... Вся общественная жизнь была пронизана мифологизмами, а массовые протесты имели характер преимущественно символический... Преобладало мнение, что рано или поздно ситуация исправится автоматически как “естественное вознаграждение за принесенные народом жертвы”. Сам протест выражался языком “морального сюрреализма”... Марксизм-ленинизм и построенный на его основе соцреализм превратились в социалистический гуманизм и базирующийся на нем “социдеализм”... Причем жители крупных польских городов, “передовая” часть общества, обладали наиболее нематериалистическим складом мировоззрения... Господствовало ощущение преддверия новых грандиозных перемен, “атмосфера нарастающего праздника”.

Разве мы не узнаем самих себя в этих описаниях? Ведь и мы пошли за дудочкой Горбачева из самых добрых побуждений. Польский социолог пишет: “Коллапс “реального социализма” произошел не в результате отказа от ценностей современного гуманизма, а, напротив, благодаря радикальному и последовательному следованию им”.

Об интересах забыли, а “слезинку ребенка” взвешивать аморально – и она на весах хватких политиков перевесила жизнь миллиона реальных детей. Что же приготовило и нас, и поляков, к такому несовместимому с жизнью “гуманизму”? Многие стороны бытия в нашей прежней системе. В частности, отход от “низкого” реализма. Сказано в той же книге: “Образованную восточноевропейскую молодежь 1970-х годов, выросшую в условиях государственного и семейного патернализма, отличало и от всех предшествующих, и от последующего поколения ощущение финансово-экономической и физической безопасности, близкое к абсолютному”.

Теперь “образованная молодежь” упала на землю. Давайте, потирая шишки, извлекать уроки и делать выводы. У нас они поневоле будут иными, чем у поляков. Их Запад берет к себе – посчитал, что это для него будет дешевле. Нас туда не возьмут, надо обустриваться у себя дома. И первым делом закончить маскарад и “войну призраков”, перейти на жесткий язык интересов.

До сих пор мы следовали кто за призраком “демократии” или “рынка”, кто за призраком “коммунизма и справедливости”, а над первым сроком В.В.Путина витал призрак “государственности”. При его последнем взмахе крыльями и прошел В.В.Путин на второй срок. И все! Кончились полеты во сне и наяву. Достанем карту нашей, реальной местности. Вглядимся в нее и увидим на ней разломы и пропасти – противоречия и конфликты интересов реально существующих в нашем обществе социальных групп и группок. Из этой карты и надо исходить, с ней и надо идти на переговоры, а если в них отказывают – то и на войну. Выиграем войну идей – и все миром обойдется.

Отрешиться от прежних иллюзий и “атмосферы нарастающего праздника” очень трудно, но надо, и как можно скорее – мы уже сильно опоздали. “Хваткие люди” давно уже мыслят трезво, причем именно в терминах войны. Почитайте одного из бригады гипнотизеров, который пиликал нам на дудочке про демократию, Л.Радзиховского. Он пишет в “Российской газете” (2.03.2004), рисуя образ “государственности второго срока”:

“Нет, правительство в России не “достойно народа”. Оно, как правило, куда цивилизованнее и ответственнее народа, по крайней мере, огромной его части. Меня легко обвинить в “народофобии”. Что ж, могу вслед за классиком “печально согласиться”: “Да, я не люблю

пролетариата”. Есть в России тонкий, хотя, конечно, куда более массовый, чем 100 лет назад, слой “приличных людей”... Я, естественно, принадлежу к этим людям. Но, повторяю, власть, грубая, часто раздражающая и беспардонная бюрократия - это единственное, что худо-бедно отделяет нас, мирных и мягкотелых, от куда более грубой и агрессивной толпы. Сами себя мы защитить не можем, никакого гражданского общества у нас нет”.

Нет у этого “приказчика элиты” уже и следов гуманизма, социализма и морального сюрреализма. Он гордится своей “народофобией” – ненавистью к народу. Интересы его и его хозяев настолько противоречат интересам подавляющего большинства граждан России, что он сбрасывает все маски – их, “мирных и мягкотелых”, смогут защитить от этого большинства лишь чьи-то дубинки и штыки. Потому-то так торопятся они ликвидировать армию по призыву и создать “профессиональную” армию.

Какую же жизнь готовит для нас этот певец демократии?

Россию он видит так: “В стране - три силы: бюрократия; кисель, не сложившийся в структуры гражданского общества; полудреmlющая охлократия. И ослабление бюрократии вполне может пойти на пользу как раз охлократии, той самой третьей силе... Я убежден, что “просвещенный абсолютизм”, “конституционная монархия” (под современными “шапками”) - вот оптимальный строй для сегодняшней России. В политике, как и в социально-экономических отношениях нам не по карману современные европейски-социалистические стандарты. В нашей системе одно соответствует другому: методы войны в Чечне, отношения “работодатель - работник”, уровень разрыва между 25 миллиардерами и 25 миллионами нищих... Это очень опасно и плохо - но выше головы не прыгнешь”.

Итак, интересы этой части общества изложены ясно, для них “оптимальный строй” – 25 млн. нищих и 25 миллиардеров под защитой штыков “просвещенного абсолютизма”. Надо подчеркнуть, что эти интересы изложены в официальном органе Правительства РФ “Российской газете”. М.Е.Фрадков и В.В.Путин обязаны выразить свое отношение к формулировкам их собственного органа. Молчание же придется принять как знак согласия.

Теперь очередь и другим “силам” выработать и изложить свои интересы, определить свое понимание “оптимального строя” - ясно, просто, не вдаваясь в споры о гуманизме. И для этого надо прежде всего стряхнуть с себя магию слов. А то скажет какой-то Радзиховский, что он выступает от имени тонкого слоя “приличных людей”, а мы – толпа, охлос, и мы застесняемся или обидимся. Да плевать на эти уловки! Никакой это не “приличный человек”, а обычный приказчик сытой сволочи, и цена ему пятак.

Что мы на переговорах можем этим “мирным и мягкотелым” можем противопоставить – вот вопрос. Будем над ним думать, не витая в облаках – обязательно придумаем.

25.03.2009. Просили комментарий к Генплану Москвы. 2006

Золотая моя Москва 2025 года

Генеральный план Москвы до 2025 года имеет в своем основании две сущности – «образ будущего» и расчет сил и средств. Образ будущего, то есть представление о желаемом и возможном образе Москвы через 20 лет, указывает то направление, в котором мы должны двигаться из точки «Москва-2006». Это наш ориентир, задаваемый идеалами, представлениями о добре и зле, о красоте и справедливости. Ориентир – не бесстрастный прогноз. Обозначив его, выбрав за путеводную звезду, люди начинают толкать ход истории именно в этом направлении, пусть даже обходя непреодолимые препятствия, идя на компромиссы с обстоятельствами. Такие планы имеют тенденцию сбываться.

Трезвый расчет сил и средств тоже нужен, он позволяет «отсечь невозможное» и сплотить людей общим делом, в осуществимость которого они поверили и за которое готовы отвечать. Чудеса, которые обещали Хрущев или Горбачев, лишь разлагали людей.

Будущее вырастает из настоящего, но испытывает огромное давление прошлого. Думая о Москве через 20 лет, мы не можем уйти от жестоких вопросов. Инерция хаоса 90-х годов далеко еще не преодолена. Силы, которые этим хаосом питаются, еще очень влиятельны, а яды распада еще отравляют наш организм. Чтобы повернуть к той «Москве-20025», образ которой наметил Ю.М. Лужков, еще будет нужен «тяжелый, скрипучий поворот руля».

Что значит «сохранить исторический облик Москвы»? Ведь город – не мертвые камни. Это пространство, созданное человеком. Какой облик надо сохранять? Он ведь за 90-е годы кардинально изменился. Стрелка его компаса качнулась от «города людей-братьев» к городу «людей-волков». Будем мы ее толкать обратно? Вся историческая Россия пела «золотая моя Москва» - а теперь?

Вот срез Москвы – ее метро. Это были подземные дворцы, дышащие оптимизмом и дружелюбием. Сейчас редко в вагоне не увидишь спящего бездомного человека в ужасном состоянии, закрывающего лицо шапкой. Это – заявка на совершенно новый исторический облик метро. Куда пойдет развитие по Генплану? К образу метро Нью-Йорка?

Москва приобрела исторический облик огромного города, не имеющего пояса трущоб. Но очаги их возникают на наших глазах, в виде точечных гетто для полурабской рабочей силы. Эти очаги могут слиться в большие гетто вроде Гарлема Нью-Йорка или иммигрантских предместий Парижа. Это кардинально изменит «исторический облик». Как Генплан учитывает эту инерцию?

За 90-е годы в РФ создано социальное дно в размере 10% городского населения (бездомные, нищие, беспризорники). Будет оно «растворено» обществом или станет в Москве-2025 особой маргинальной цивилизацией? От этого будет зависеть сама организация городского пространства. Надо еще учесть, что сегодня это дно несет в себе культуру советского среднего класса – 65% его имеют аттестат зрелости средней школы, а 6% - высшее образование. Через 20 лет это будет совершенное иное социокультурное явление, которого мы еще и вообразить не можем.

Я лично исхожу из того, что мы имеем шанс переломить эту тенденцию и опять строить «золотую Москву» как столицу братского народа России. Если бы из этого исходил и Генплан, это стало бы очень фактором выздоровления всей страны. Ибо столица своим обликом всегда выражает главный вектор настроения народа. И в добре, и в зле она – лидер.

Что же значит тогда «сохранить исторический облик Москвы»? Это значит сделать важный шаг в преодолении главной сегодня угрозы для России – распада русского народа и всего межнационального общежития, построенного за много веков. Распад человеческого ядра России и поворот нерусских народов к этноцентризму вызван теми тяжелыми ударами, которые были нанесены по мировоззренческой матрице, на которой и был собран наш большой народ. Москва – во всех ее проявлениях – отражение этой матрицы и ее активная часть. В ее облике запечатлено представление русских о Вселенной, о строении Космоса, о месте «родной земли» в мироздании.

Антрополог Леруа-Гуран, говоря о роли чувства пространства и времени в собирании народов, из всех столиц мира выбрал Москву, чей исторический образ выражает эту роль лучше всего – и поместил карту Москвы в свой фундаментальный труд. Другой французский философ, Московичи (наверное, из москвичей), объясняя роль городского пространства в сохранении исторической памяти как силы, связывающей народ, описывает Красную площадь Москвы. Из всех столичных центров она наиболее полно воплощает память народа и идею его вечности. В 90-е годы мы пережили покушение на эти образы, что причинило десяткам миллионов людей тяжелые страдания. Поэтому слова Ю.М. Лужкова наполнены глубоким смыслом. Будет сохранен образ Москвы как символа справедливого

мироздания и вечности народа России – значит, будет заделана брешь в нашей мировоззренческой матрице.

Москва своим обликом выражает и «евразийскую ось» в нашем чувстве пространства. Киевская Русь строилась на «пути из варяг в греки» (говорят: «Скандовизантия»), а Московская Русь («Славотюркика») считала родной землей всю Евразию – землепроходцы были посланцами Москвы. Даже для искателей «острова Преображения», осваивавших Америку, центром мироздания была Москва. Евразийская ось России прекрасно видна ночью из Космоса.

Но у всех городов, отражавших в своей структуре, подобно Москве, образ упорядоченного Космоса с Собором в центре, в XX веке встала проблема совмещения этой структуры с пространством и временем индустриальной эпохи. Это выразилось в транспортной проблеме. Надо решать ее и в Москве. Вероятно, специалисты еще будут о ней спорить. Задача сложная – ведь исторический образ Москвы простого решения не дает.

В других похожих городах (в основном тоже евразийских, как в Испании), ее решали через прокладку Большого пути (Gran Vía) - прямого, как «стрела времени», осевого проспекта, минующего центр. На картах таких городов этот проспект выглядит как «удар сабли». Это столкновение индустриальной эры с историей, однако, быстро и органично заживляется городом. В Мадриде, например, проспект «Север-Юг» (6 полос в каждую сторону) нисколько не нарушил образ города, но разгрузил движение в такой степени, что даже масса междугородных автобусов моментально выбирается на кольцевую дорогу и радиальные шоссе.

Но это – дело специалистов. Я же скажу о тех необходимых, на мой взгляд, шагах, которые нужны для движения к справедливому и разумному образу Москвы-2025. Первое – общественный диалог об «образе будущего». Он давно назрел, его ждут люди, им надоели идеологические мифы и умолчания. Куда мы пойдем? Будет ли Москва и впредь строить себя как всемирная столица гламура и «нового русского» общества потребления? Если да, то она очень скоро перестанет быть «золотой Москвой» народов России. Она станет провинциальным Вавилоном «золотого миллиарда». Все чистое и светлое из нее потянется искать себе другого пристанища – трудно будет вынести презрение провинции.

Москва вернется к России, если станет демократичнее, скромнее и спокойнее, более трудовой. Если в ней снова возьмут верх ценности человеческой солидарности и взаимоуважения. Они не свалятся с неба, для них надо создавать условия, их надо воспитывать. Надо усиливать коммунальные начала города, например, общественный транспорт. Надо отказаться от атомизации людей и попытки сэкономить, устраивая все более сложные и все более дорогие средства контроля – от турникетов в автобусах до тепловых счетчиков в квартирах. В условиях кризиса это путь тупиковый.

Людей надо соединять общей заботой о будущем, на это они всегда отвечали самоотверженно. Попытка все перевести на рыночную основу будет неминуемо превращать часть Москвы в трущобу, а другую часть – в охраняемое гетто для богатых. Но Москва – не Рио де Жанейро, здесь трущобы с пентхаузами могут и не ужиться.

Надо трезво оценить динамику деградации больших технических систем, на которых стоят Москва и Подмоскowie. Износ теплосетей и водопровода, ветшание жилищного фонда и регресс в квалификации и общей культуре молодежи – массивные процессы, набирающие инерцию. Их надо остановить, и масштаб этой задачи должны понять все москвичи. «Сверху» такую задачу не решить. Так же трезво надо оценить угрозу развала системы межнационального общежития. Влиятельные силы стараются столкнуть и Россию, и Москву, в тупик этнического национализма, одновременно создавая пугало «русского фашизма». На интуиции и стихийными силами эту огромную спецоперацию не пресечь.

В преодолении этих угроз и болезней москвичи и сплотятся для общего дела – выполнения Генерального плана строительства нашей золотой Москвы 2025 года.

25.03.2009. Обладателям "calculating spirit"

15. Проект “установка счетчиков тепла”

Первый и необходимый шаг к переводу любых человеческих отношений на рыночную основу - установление мер и весов. Элементарным актом рынка является обмен. Рынок устойчив, если это обмен эквивалентный. Если кто-то покупателя обмеривает и обвешивает, а покупатель обсчитывает продавца, то это - отклонения, они рынку вредят.

Понятно, что для нормального (“цивилизованного”) рынка требуется создание и поддержание большой и дорогостоящей системы измерений с ее постоянной метрологической инспекцией. Это - часть технологической базы сферы распределения. Нужна даже особая духовная культура, которая и возникла вместе с современным капитализмом и которую М.Вебер назвал “дух расчетливости” (calculating spirit).

Разумеется, совместная деятельность и общежитие людей могут быть организованы и без купли-продажи и эквивалентного обмена - эти институты вообще возникли очень недавно. Существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен и т.д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются - так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

К такому типу относится семейное хозяйство, которое даже в самых рыночных США составляет около 1/3 всей хозяйственной деятельности в стране. Этот тип хозяйства экономически исключительно эффективен (при достижении определенного класса целей) - замена его рыночными отношениями невозможна, т.к. оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад. Это показали расчеты американских экономистов, проведенные в 70-е годы.

К этому же типу хозяйства относилось и советское плановое хозяйство. Именно сложение ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений 1941-1945 гг. очень быстро восстановить хозяйство. В 1948 г. СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства - можно ли это представить себе в нынешней рыночной системе РФ? В послевоенные годы, во время массового городского строительства, в СССР решили отказаться от индивидуального учета потребления ряда услуг ЖКХ (за исключением электричества) – в квартирах, например, были сняты имевшиеся ранее газовые счетчики. Это резко удешевило всю систему и вовсе не породило расточительства, которое вполне эффективно ограничивалось культурными средствами[1].

Многие виды деятельности переводят на нерыночные принципы и современные капиталистические страны, получая экономию за счет отказа от дорогостоящего учета в сфере распределения. Это в значительной мере характерно именно для теплоснабжения.

Реформу в России можно рассматривать как попытку заменить сложившиеся исторически способы соединения ресурсов и усилий рыночными отношениями обмена посредством купли-продажи. В частности, с 1992 г. западные кредиторы требуют от РФ сломать такое наследие советской системы, как сращивание коммунальных служб с промышленными предприятиями. Как выразился их ведущий эксперт Р.Роуз, “это - следствие патологии нерыночной системы”. Назвать что-то непохожее на Запад “патологией” - просто ругательство, оно ничего не объясняет и лишь показывает невежество эксперта.

Другой эксперт, Ж. Ле Кашо (ОЭСР) пишет: “Строго говоря, с микроэкономической точки зрения очевидно, что вовлечение предприятия, производящего товары и услуги для рынка, в производство и предоставление социальных благ для своих рабочих, противоречит

принципам специализации и разделения труда. Хотя такая практика может давать некоторую экономию на административных расходах и других транзакционных издержках, она скорее всего ведет к производственной неэффективности и повышению себестоимости, если сравнивать с производством этих социальных благ специализированными государственными или частными фирмами”.

Этот эксперт делает свой вывод, исходя из “гипотетической ситуации” и веры в “разделение труда”. На деле же эффективность любых предприятий, использующих “общинные” механизмы (неважно, идет ли речь о японской промышленной корпорации, хлопковой плантации с неграми-рабами в США или советской фабрике), определяется сильными кооперативными (синергическими) взаимодействиями, которые могут многократно перекрывать выгоды “разделения труда”. На деле “сращивание производства с бытом” всегда дает очень большую экономию, и производственники это хорошо знают. Показали это и попытки оторвать коммунальные службы от градо-образующих предприятий, передать эти службы местным властям, которые для этого создали специализированные фирмы.

И нет никакой необходимости представлять “гипотетическую ситуацию” - в России проведено много натуральных экспериментов над людьми. Вот конкретные данные из доклада отраслевого профсоюза: текстильное предприятие АО “Фатекс” в г. Фатеж Курской области имело жилой фонд 64 дома. В 1996 г. расходы на его содержание составили для предприятия 7 млрд. руб. (т.е. нынешних 7 млн.). В сентябре 1996 г. Городской комитет по управлению имуществом потребовал от предприятия передать жилой фонд в муниципальную собственность. При этом за обслуживание жилья работников предприятия “муниципальная специализированная фирма” потребовала с АО “Фатекс” плату 26 млрд. руб. ежегодно (после 1998 г. – 26 млн. руб.). Почти в четыре раза больше, чем была себестоимость для “неэффективной и патологической” собственной службы предприятия. В другом похожем случае, во Владивостоке, “муниципальная фирма”, забрав у предприятия коммунальные службы и переведя теплоснабжение на рыночную основу, просто заморозила два жилых района.

Советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще “города”[2]. Это переплетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. Оно стало важной общей чертой всех институциональных матриц России. Его и стали сразу же искоренять реформаторы под присмотром западных экспертов.

Наблюдение за попытками разорвать это переплетение, отделить производство от создания условий жизни позволило увидеть важную вещь, о которой мы не думали при советском строе (и о которой не думают люди Запада при их капитализме). Соединение, кооперация производства с “жизнью” является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Отопление бросовым теплом, отходящим при производстве электричества на теплоцентрали – один из примеров.

Почему же мы этого не видели? Потому, что из политэкономии (и в версии Адама Смита, и в версии Маркса), возникшей как наука о рыночном хозяйстве, основанном на обмене, мы заучили, что специализация и разделение - источник эффективности. Это разумное умозаключение приобрело, к огромному нашему несчастью, характер идеологической догмы, и мы почти забыли о диалектике этой проблемы. А именно: соединение и кооперация - также источник эффективности. Какая комбинация наиболее выгодна, зависит от всей совокупности конкретных условий. В условиях России именно соединение и сотрудничество оказались принципиально эффективнее, нежели обмен и конкуренция.

В РФ, напротив, систему теплоснабжения, изначально созданную как коммунальная с устранением необходимости измерять каждый элементарный акт купли-продажи тепла,

пытаются перестроить в рыночную. Объявлено о намерении воплотить в жизнь большую программу перестройки всей системы распределения тепла. Началось движение за установку в квартирах счетчиков тепла, что само по себе означало бы крупномасштабное техническое переоборудование имеющейся системы. Каждый может оглядеть свою квартиру и прикинуть, сколько труб надо будет разрезать, сколько счетчиков поставить - и как инспектор будет шарить с фонариком по всем закоулкам.

Переход к индивидуальному учету потребляемого тепла – один из ключевых пунктов программы всей рыночной реформы ЖКХ. Вот сообщение из Госстроя: “Департамент правительственной информации сообщает, что Госстрой России удовлетворен опытом применения систем поквартирного отопления. В ряде городов России построены жилые здания с поквартирными системами теплоснабжения - индивидуальными теплогенераторами на природном газе. Предусматривается внедрение поквартирных систем отопления со счетчиком тепла в каждой квартире. По данным Госстроя, поквартирная система отопления снимает многие проблемы деятельности предприятий ЖКХ” (АБН. 09.01.2003).

А вот информация о позиции правительства в целом. 23.01.2003 Аналитический отдел РИА "РосБизнесКонсалтинг" сообщил о заседании правительства, на котором М.Касьянов указал на “необходимость активнее внедрять счетчики расхода тепла и воды. Как считает премьер, последний шаг способствовал бы большей точности расчетов за соответствующие услуги ЖКХ. В течение двух месяцев соответствующие ведомства должны представить свои предложения по поручению премьера”.

При этом власть (и “либеральная оппозиция”) прикрывают это решение нелепыми спектаклями - установка счетчиков, якобы, сократит потери энергии и денег. Вот, например, сообщение из Томской области: “Губернатор В.Кресс в традиционном ежегодном послании Государственной думе Томской области [2002 г.] объявил о начале крупномасштабной программы Народный счетчик” - установки счетчиков потребления тепла во все жилые дома Томска.

“Поставьте в своих квартирах счетчики - сказал В.Кресс. - Я на собственном опыте убедился, что за тепло мне выставляют счет в 2 раза больше, чем я его потребил на самом деле. Фактическое потребление горячей и холодной воды по счетчику получается в 1,5-2 раза ниже, чем по нормативу”[3].

Во сколько обойдется установка счетчиков тепла во всех квартирах РФ? В Томске на это пока что выделили 165 млн. руб. Это - смехотворная сумма. Реально операция по монтажу счетчика на одну трубу будет стоить никак не меньше 200 долл. Так что установка “народных счетчиков” только для горячей воды для страны обойдется в миллиард долларов. О счетчиках тепла и речи нет, тем более что тепло в квартиры подводится по нескольким стоякам. Не может быть речи даже о том, чтобы снабдить такими счетчиками многоквартирные жилые дома, а не то что отдельные квартиры[4]. Но мы говорим даже не об этом, а о мышлении губернатора и правительства.

Даже если признать, что счетчик полезен, его установка означает улучшение в сфере распределения, она никак не влияет на сферу производства и транспорта тепла. Счетчик, установленный в квартире, никоим образом не укрепляет изношенную трубу или насос в котельной. Губернатор В.Кресс сказал несуразицу, которую вряд ли смог бы объяснить, если бы был возможен диалог с ним. Речь ведь идет о том, что горячая вода вытекает из прохудившихся труб где-то вне дома, и при нынешней уравнилельной системе оплаты ущерб от этих потерь раскладывается на всех граждан поровну (хотя и собранных таким образом денег не хватает для ремонта труб).

При помощи счетчика губернатор В.Кресс убедился, что он якобы имеет право не платить городу половину от того, что платит сегодня. Оказывается, не вся горячая вода, за которую он платил, доходила до его квартиры! Он призывает и других граждан в этом убе-

даться - и не платить за тепло даже ту плату, что с них требует “Томскэнерго”. Да здравствуют права покупателя! Каков будет результат если граждане последуют не здравому смыслу, а призывам губернатора?

Результат очевиден заранее. Предприятие “Томскэнерго”, которое и сегодня не может справиться с ситуацией и не имеет денег на ремонт, получив по счетчикам только половину нынешней суммы, вообще перестанет существовать. Оно будет объявлено банкротом и ликвидировано (возможно, в январе). И В.Кресс с его сэкономленными 50 рублями останется зимой в нетопленной квартире. Он не хочет оплачивать работу изношенной системы, которая по пути к его квартире теряет часть горячей воды, - а другой, неизношенной системы нынешняя власть создать не в состоянии. Не тот тип хозяйства! И на месте предприятия “Томскэнерго”, которое уничтожит губернатор и его последователи своими счетчиками, никакого другого предприятия с новенькими трубами не появится!

Каково положение дел, видно по сообщению из Архангельска (март 2003 г.): “В минувшие выходные дни потери горячей воды в сетях Архангельска выросли на 150 тонн и достигли почти 400 тонн в час. Вероятно, как сообщили в “Архэнерго”, это связано с тем, что изношенные трубопроводы не выдерживают высокой температуры и на них образуются многочисленные свищи”.

Это - сфера производства и транспорта, и здесь всем ясно, что надо делать - надо заменять трубы. Что произойдет, если внимание власти будет переключено на установку счетчиков, то есть на сферу распределения, на “рыночную” часть системы? Люди потратятся на счетчики, а потом, тыкая в них пальцем, откажутся платить “Архэнерго” за вытекшую из худых труб воду, в результате чего “Архэнерго” тоже будет объявлена банкротом, будут уволены и те ремонтники, что сегодня устраняют аварии, и катастрофа резко приблизится.

Дело не в том, что этого “недопонял” губернатор Кресс – это сознательная установка правительства! По сообщениям СМИ, на коллегии Госстроя в Чебоксарах глава Госстроя РФ Н.Кошман заявил: “Жители должны платить только за то, что получают, а если теплосеть должна нести тепло, то это ее ответственность” (РИА “Новости” – Приволжье, 3 апреля 2003). Витиевато, но понятно. Государство отказывается приводить в порядок теплоснабжение как целое, как систему, но и жителям предлагается не поддерживать это целое, а платить только за полученный продукт, для чего и будут установлены счетчики (стоимость которых, кстати, сравнима со стоимостью ремонта труб – всего на порядок меньше). Съев желуди, не думай о дубе!

Чтобы не видеть этих простых вещей, надо иметь особое мышление. В том-то и трагедия, что это мышление овладело довольно широкой прослойкой нашей либеральной интеллигенции. Вот срочная программа, которую 15 января 2003 г. обнародовал наш “рыночный интеллигент” Г.Явлинский: “Единственный выход из положения - немедленное начало реальных структурных реформ в ЖКХ. Ключевыми мероприятиями реформ должны стать: освобождение от налогов частных предприятий, занимающихся эксплуатацией и ремонтом жилого фонда и инженерных коммуникаций; снижение на 50% тарифов на коммунальные услуги для товариществ собственников жилья и других форм коллективного домовладения; снижение на 3 года на 75% тарифов на коммунальные услуги для граждан, установивших счетчики”.

Какой отход от здравого смысла! Налоги, тарифы, кондоминиумы... Как будто, если снизить тарифы тем, кто установит счетчики, свищи в теплотрассах Архангельска зарастут сами собой.

И вот, как результат “мотивации и экономического стимулирования” со стороны правительства, техническая мысль и производственные планы российской промышленности направлены не на улучшение труб, котлов и насосов, а на конструирование и производство счетчиков. В Концепции сказано: “В последние 5-6 лет в России наблюдается боль-

шой интерес к разработке, производству и установке приборов учета. За этот период внесено в Госреестр средств измерений свыше 200 наименований теплосчетчиков и счетчиков горячей воды и пара для систем теплоснабжения и налажен их выпуск”.

Свыше 200 наименований счетчиков! Наконец-то удалось хоть где-то создать конкурентную среду. Кстати, как раз выпуск технических средств для производства и транспорта тепла, в отличие от выпуска технических средств для сферы распределения, в ходе реформы парализовано. Вот динамика выпуска главных механизмов и материалов, которые применяются в производственной части теплоснабжения (труб, котлов и турбин):

Рис. 2. Производство в РСФСР и РФ паровых котлов производительностью свыше 10 т пара/час, тыс. т пара/час

Рис. 3. Производство турбин в РСФСР и РФ, млн. кВт

Обязательную установку счетчиков тепла уже ввели и в строительные нормы. Главный инженер проекта реконструкции теплоснабжения г. Улан-Удэ Г. Палехин сказал в интервью: “По нормам строительства теперь предписано в каждую квартиру ставить теплосчетчики. Общий стояк проходит по лестничной клетке. От него в каждую квартиру идет отпайка по отоплению. На эти системы устанавливаются счетчики и саморегуляторы. Хозяин квартиры волен решать: нужно ему тепло и в каком объеме. В этом случае повышение тарифов будет меньшей грозой для населения” (“Городская газета”, 26.03.03).

Здесь сказано, в чем главный смысл этой кампании. Сейчас решение выбросить человека из жизни, прекратив поставлять ему тепло, вынуждены принимать власти, насильственно отрезая и заваривая трубы отопления у тех, кто не в состоянии оплатить тепло. Если же человеку поставят счетчик, то это решение будет переложено на него. Не можешь платить – убавляй сам количество потребленного тепла согласно своей платежеспособности, ты теперь можешь это делать. Так в английских газетах зимой то и дело мелькают сообщения, что в квартире при исправном отоплении замерзла чета пенсионеров – у них не только счетчик перед носом тикает, но и газ подается только когда бросаешь монету. А у этих или монеты кончились, или слишком экономными оказались. Но зато “повышение тарифов было для них меньшей грозой”.

В нашем рассуждении о программе “Счетчик” и перекачке средств из сферы производства в сферу распределения мы исходили из того, что счетчик тепла - действительно полезный инструмент, чтобы “отмерить, рассчитать и взвесить” то тепло, которое излучила данная конкретная батарея в комнатку Ивана Петровича Сидорова. Но ведь и это не так!

Разработчики Концепции предупреждают: “Фактическая погрешность теплосчетчиков очень высока. Это определяется как объективным фактором - плохим качеством сетевой воды, из-за чего стендовую поверку с первого раза проходит только 10-20% подготовленных к поверке теплосчетчиков, так и большим набором методов сознательного изменения показаний (замена уплотнительных фланцевых прокладок; электромагнитное воздействие; вмешательство в электронную схему и т.д.)”.

Неужели Явлинский надеется, что сын или внук Ивана Петровича Сидорова, студент Вася Сидоров, не сможет оказать нужного электромагнитного воздействия на счетчик, который власти заставят установить в квартирах?

И даже это – не главное. Дело не в плохой воде или уплотнительных фланцевых прокладках. В приложении к реально существующим в РФ гидравлическим системам теплоснабжения несостоятельна сама метрологическая концепция этих счетчиков, копирующих западные модели. Вот выдержка из статьи специалиста-метролога А.Е.Каханкова (О ГОСТе 51649 - 2000 “Теплосчетчики для водяных систем теплоснабжения”). Не вдаваясь в тонкости термодинамики и теплотехники, приведем главный вывод:

“Документ настолько недоработанный, что уже в первом разделе "Область применения" сказано: "Требования безопасности, изложенные в п.5.5 и разделе 6 настоящего стандарта являются обязательными, остальные требования настоящего стандарта - рекомендуемые".

В том же первом разделе указано, что "Настоящий стандарт распространяется на теплосчетчики для водяных систем теплоснабжения, предназначенные для измерения количества теплоты в водяных системах теплоснабжения". При этом скромно умалчивается о принципиальном отличии закрытых независимых систем теплоснабжения от открытых зависимых и соответственно о принципиальном отличии теплосчетчиков для открытых и закрытых систем - хотя основной причиной дискуссий по терминологическим, алгоритмическим и метрологическим вопросам является именно повсеместное наличие в России открытых зависимых систем теплоснабжения...

Необходимо четко представлять, что в существующих системах теплоснабжения практически невозможно выделить теплообменный контур, в котором происходит теплообмен излучением, конвекцией и теплопроводностью без отбора теплоносителя и само количество теплоты не может быть измерено в выделенном контуре”.

Представьте: теплообменный контур, в котором происходит отбор тепла потребителем, невозможно выделить, а в том контуре, который можно выделить, само количество теплоты не может быть измерено. И такой прибор, показания которого даже Госстандарт стесняется признать обязательными, правительство призывает установить, за очень большие деньги, в каждой квартире. И интеллигентные люди кивают, поддерживают... Какой регресс в строгости мышления!

И составители Доклада, и разработчики Концепции буквально разрываются между знанием реального состояния дел в теплоснабжении и желанием соответствовать “генеральной линии партии реформ”. Вот, в одном абзаце Концепции сказано: “Бесспорно, счетчики необходимо устанавливать, но на дом в целом, потому что обеспечить измерение тепловой энергии, затрачиваемой на отопление каждой квартиры, практически нереально. Для этого потребуются очень большие инвестиции, которые экономически не будут оправданы, а только приведут к росту тарифов на отопление”.

Понимают, что “практически нереально”, да и невыгодно. Но, несколько ниже - гимн “рынку тепла”: “В соответствии с Федеральным законом “Об обеспечении единства измерений”, введенного в действие Постановлением Верховного Совета РФ от 27 апреля 1993 г. № 4872-1 с 1 июня 1993 г., должно быть обеспечено измерение количества продаваемых (отчуждаемых) товаров (в частности тепловой энергии и горячей воды), то есть у потребителя должны быть установлены счетчики тепловой энергии и теплоносителей, удовлетворяющие требованиям Госстандарта РФ. При этом потребители тепловой энергии будут заинтересованы в установке и бесперебойной работе таких счетчиков, потому что по их показаниям будет оплачиваться финансовый счет за тепловую энергию и горячую воду”.

И здравый смысл, и логика тут отсутствуют - официальная позиция на этой странице берет над ними верх. Почему же если “по показаниям счетчиков будет оплачиваться финансовый счет за тепловую энергию и горячую воду”, то “потребители тепловой энергии будут заинтересованы в установке и бесперебойной работе таких счетчиков”? Читаешь, и думаешь: может быть, тут где-то пропущена отрицательная частица “не”? Не будут заинтересованы? Разве так уж всегда люди заинтересованы в том, чтобы “оплатить финансовый счет”? Почему же ломают счетчики в Казахстане, где их поставили раньше, чем в РФ? И почему в РФ при первых же шагах по установке счетчиков наблюдаются “электромагнитное воздействие, вмешательство в электронную схему и т.д.”?

А главное, почему в одном абзаце сказано, что “обеспечить измерение тепловой энергии, затрачиваемой на отопление каждой квартиры, практически нереально”, а в другом абзаце, что “у потребителя должны быть установлены счетчики тепловой энергии и теплоно-

сителей”? Зачем же расходовать большие деньги на то, что “практически нереально”? Нет ли тут лазейки для той самой пресловутой коррупции, о которой сокрушается и Доклад, и Концепция?

Но что же могут присоветовать эксперты, если “практически нереально”, но начальству очень хочется? В таких случаях честные эксперты делают самую безобидную вещь - несут ахинею. С одной стороны.., с другой стороны... Да, с одной стороны, специалисты понимают, что нереально, даже несмотря на Федеральный закон, введенный в действие Постановлением Верховного Совета РФ от 27 апреля 1993 г. № 4872-1, “обеспечить измерение количества продаваемых (отчуждаемых) товаров (в частности тепловой энергии и горячей воды)”. С другой стороны, закон суров, но это закон! Как же быть?

И с помощью хитроумной, но совершенно противоречащей логике казуистики авторы Концепции идут на подмену фундаментальной категории либеральной политэкономии. Если совсем запутать схему взаимоотношений жильцов с предприятиями теплоснабжения и ликвидировать ДЭЗы и ДЕЗы, то, глядишь, и товар перестанет быть товаром, а станет “услугой” - и не надо будет его измерять. Все будет основано на добром согласии.

Вот вам и путь выхода из кризиса, предложенный в Концепции: “Тепловая энергия является товаром. Товаром является и горячая вода, которая продается энергоснабжающей организацией потребителю... [При ликвидации ДЕЗов] тепловая энергия из товара трансформируется (переходит) в коммунальную услугу.

Во-первых, будет создана реальная конкурентная среда на рынке оказания коммунальных услуг по обеспечению теплового комфорта, потому что выбор подрядчика по оказанию этих услуг будут осуществлять жители, которые сами платят, а не чиновники муниципалитета в лице службы единого заказчика (службы муниципального заказа)”.

Составители Доклада на такие кардинальные меры не замахиваются. В сфере распределения они предлагают реалистичную компромиссную меру: “Из расценок на горячее водоснабжение должны быть выделены расценки на обогрев полотенецсушителей. Это позволит жителям отключать их для уменьшения расходов”.

И впрямь, к чему в нынешней РФ эта роскошь - сухое полотенце! Не всякому она по карману - так дайте гражданам свободу отключить полотенцесушитель!

[1] Когда в конце 80-х годов стал более доступен выезд в западные страны, многие с удивлением увидели, что западный обыватель, из экономии живущий в своей квартире в полутьме, безобразно расточителен там, где ему лично не приходится платить – например, в университете.

[2] Отсюда – понятие “градообразующее предприятие”, которое было понятно каждому советскому человеку и которое очень трудно объяснить эксперту из МВФ.

[3] Губернатор к тому же явно путает счетчик горячей воды со счетчиком тепла - прибором на порядок более сложным и дорогим.

[4] В одном из рекламных проспектов фирмы, устанавливающей счетчики тепла на жилые здания, сказано, что «стоимость комплекса работ составляет от 50 до 70 тысяч рублей» (на жилой дом). В принципе, большой разницы между домом и квартирой в измерении потребленного тепла нет.

28.03.2009. Откровения Г.Х. Попова

<http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208>

«демократа», прораба перестройки, декана в МГУ, сегодня ректора и пр.

«Обозначу сугубо тезисно главные проблемы. Их мы обсуждали в Международном союзе экономистов, и они, надеюсь, будут полезны всем, в том числе участникам встречи двадцати ведущих стран мира...

Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего — запасы углеводородного сырья.

Должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Пора выйти из тупика, на который указывал еще Мальтус: нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие...

Новая цивилизация предполагает рациональное расселение человечества в наиболее благоприятных зонах планеты. Новая цивилизация должна дать выход из тупика, когда человека начинают лечить еще в чреве матери и лечат всю жизнь... Страшную перспективу прогрессирующего накопления у одного ребенка генетических болезней уже двух родителей надо прервать. Наиболее перспективным представляется генетический контроль еще на стадии зародыша и тем самым постоянная очистка генофонда человечества».

Мобилизуют старую гвардию демократов (включая Горбачева). Тот факт, что множество интеллигентов им до сих пор симпатизируют, требует объяснения. Ведь дремучая философия, просто скандальная. Можно ли сто лет назад было представить себе, чтобы ректор университета говорил такие вещи, а преподаватели и студенты его любили и уважали?

Апрель

2.04.2009. У меня в доме живет марксист. Он мне дал газету

("Экономическая и философская газета") с рецензией и попросил на нее ответить. Вот, выкладываю здесь ответ:

В февральском номере (№ 6-7, 2009) была рецензия В.С. Маркова на мою книгу «Маркс против русской революции». Уважаемый человек мне дал газету и попросил написать ответ. Я прочитал и решил, что это надо сделать из уважения также к газете и ее читателям.

Книга «Маркс...» - последняя из серии моих книг о русской революции и советском строе. Я отдал ее в печать после долгих колебаний и советов с товарищами. Знал, что она огорчит многих не просто уважаемых, а дорогих мне людей из старшего поколения. Кто-то со мной порвет отношения. И дело тут не в том, верны или нет тезисы, аргументы и выводы книги. Маркс для старших поколений советских людей был символом, выразителем высоких идеалов, он был на нашем знамени, он остается в нашей памяти. Книга ранит эту память, оскорбляет глубокие и благородные чувства людей.

Что на другой чаше весов? Потребность молодежи в верном знании о русской революции и советском строе. Этой молодежи придется разгребать руины и строить новую Россию, реально — новый Советский Союз. Уже почти всем ясно, что в ином формате Россия на земле не уцелеет. На эту молодежь обрушатся главные угрозы, порожденные поражением нашего поколения, ей мы обязаны передать то знание, которое вынесли из этой катастрофы.

Можно, конечно, нам уйти в себя, лелеять память о символах, проклинать настоящее и надеяться на чудо. Перед такими людьми я приношу извинения и им глубоко сочувствую. Но присоединиться к ним не могу.

Теперь о том, почему надо было писать эту книгу. В первой главе, «Благотворное влияние марксизма на общественные процессы в России», я объясняю, почему марксизм был необходим России и что мы сегодня утрачиваем при его вытеснении из нашего интеллекту-

ального оснащения. Эта глава – часть книги, и она столь же важна для молодежи, как и другие главы. Благоприятное влияние марксизма стало нам понятно только в ходе катастрофы 90-х годов, а В.С. Марков, похоже, до сих пор его не понял.

В этой главе я предупреждаю: «Отвергая русофобию Маркса и Энгельса и их ошибочные, на мой взгляд, представления о народах, я считаю этих людей великими мыслителями и тружениками. Они совершили невероятный по масштабу интеллектуальный и духовный труд и оставили нам целый арсенал инструментов высокого качества и эффективности. Никакое несогласие и никакая неприязнь к мыслям Маркса и Энгельса не могут оправдать отказа от того, чтобы пользоваться созданными их трудом инструментами. Это было бы непрослительной глупостью, которая бы сильно нас ослабила. Труд Маркса и Энгельса надо знать и с помощью их инструментов «прокатывать в уме» любые проблемы общества, откладывая в свой умственный багаж «марксистскую модель» этих проблем. При собственной выработке этой модели даже отрицание установок марксизма будет конструктивным – труды Маркса и Энгельса обладают креативным потенциалом».

Исходя из этого, я и работал над книгой. Я разделяю идеалы Маркса, изучаю его труд и применяю его инструменты и метод. Так я получаю знание, которое обязан передать молодежи. Поклонение Марксу – по другой части. Если бы мы могли разделить в сознании эти две части, то и проблем не было бы. Пусть бы В.С. Марков курил свой фимиам где-то в храме перед портретом Маркса и не сердился на тех, кто обсуждает дела нашей бральной жизни.

Вникнуть в проблему «Маркс и русская революция» заставило накопление важных фактов, которых не объясняло советское обществоведение. А эти факты во многом предопределили судьбу СССР. Катастрофа 80-90-х годов сделала задачу их объяснения срочной и даже чрезвычайной. Вот о чем речь:

1. Почему зачинатели русского марксизма (как Плеханов и Засулич) отвергли Октябрьскую революцию? Почему образованные и честные социалисты (меньшевики) посчитали Октябрь реакционной контрреволюцией, а их лидер даже призвал социалистов Европы к Крестовому походу против большевиков? Почему беззаветные социалисты-революционеры, прошедшие царские тюрьмы и каторгу, начали гражданскую войну против Советской власти? Они что, все были наймитами мировой буржуазии?
2. Почему гражданская война продолжилась в стане большевиков, и влиятельная их часть выступила против «строительства социализма в одной стране», так что дело дошло до большой крови репрессий?
3. Почему в 50-е годы блестящие молодые философы (Мамардашвили, Зиновьев, Левада и др.) поставили себе «смелую цель – вернуться к подлинному Марксу», после чего заняли антисоветскую позицию? Да это и с множеством менее блестящих произошло, когда они начитались «подлинного Маркса» - мы этот процесс наблюдали и в МГУ, и в АН СССР. Они, как и Троцкий с Бухариным, тоже наймиты?
4. Почему огромная армия советских обществоведов, которая строго следовала учению Маркса, довела к 80-м годам советское общество до состояния «мы не знаем общества, в котором живем» (Андропов)? Они все были вредителями?
5. Почему профессора и академики, которые полвека грызли труды Маркса, не смогли предупредить общество о том кризисе, в который нас вовлекает перестройка? Они все – враги народа? А главное, почему практически вся эта армия советских марксистов без всяких проблем осталась на своих кафедрах преподавать крайне антисоветские идеологические концепции? Это не потребовало драматического отказа от их марксистских верований, а их верхушка даже стала активными антисоветскими идеологами. Они все – аморальные люди? Так не бывает с большими общностями.

Это надо понять, а без этого мы не продвинемся в понимании нашей истории и в предвидении нашего будущего. Поэтому и пришлось углубиться в труды «подлинного Маркса», но без религиозной веры в его пророчества, а исходя из постулата, что русская революция была единственно возможным для России способом вырваться из исторической ловушки, а советский строй был спасительной для народов России социальной и культурной формой жизнеустройства в XX веке.

Изучая Маркса в свете этого постулата, я и пришел к выводам, которые изложил в книге, с подробной аргументацией. Это изучение дало ответы на сформулированные выше вопросы. В чем-то они неполны, в чем-то, наверное, ошибочны, но это вполне связные суждения.

Маркс поразительно верно предвидел, как будет развиваться русская революция в ее советской ветви, и доказал, что в свете его учения (!) это будет реакционное движение. Оно приведет к построению «казарменного коммунизма», который хуже капитализма (опять же, в свете его учения). Он призвал с ним бороться как с главной угрозой для «мировой пролетарской революции». Этот завет и выполняли Плеханов с Засулич, Аксельрод с Троцким, Яковлев с Левадой. Антисоветский марксизм и был главным интеллектуальным оружием перестройки.

Возможно, читатели газеты согласятся с В.С. Марковым в том, что я не имел права читать Маркса и писать свою книгу. Что ж, учту это мнение, но считаю его ошибочным.

2.04.2009. О реакционном социализме у Маркса (на что опирались антисоветские марксисты)

Это именно случай России - грубый коммунизм, установившийся до полного развития частной собственности.

«Манифест Коммунистической партии»: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнивательность» [41, с. 455].

«Грубому» общинному коммунизму, в котором русские народники видели культурное основание назревающей революции, Маркс уделял большое внимание с самых ранних этапов разработки его доктрины.

Вот выдержка из «Рукописей 1844 г.», в которой Маркс представляет коммунизм, который возникает «без наличия развитого движения частной собственности», когда противоположность между трудом и капиталом «еще не выступает как обусловленная самой частной собственностью», как это и было в России в конце XIX – начале XX века:

«Коммунизм в его первой форме... имеет двоякий вид: во-первых, господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое обладание представляется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей...»

Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть зависть представляет собой ту скрытую форму, которую принимает

стяжательство и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает — по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представления о некоем минимуме... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень представляемой всеобщности: труд — как предназначение каждого, а капитал — как признанная всеобщность и сила всего общества...

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве положительной общности» [115, с. 114-115].

11.04.2009. Почему марксисты так уперлись: гипотеза

XIX век стал веком интенсивного проектирования форм. Научная, буржуазные и промышленная революции были всплеском изобретения, конструирования и быстрого строительства структур общественного бытия — политических и хозяйственных, образовательных и культурных, военных и информационных. Объектами конструирования были и разные типы человеческих общностей — классы и политические нации, структуры гражданского общества (ассоциации, партии и профсоюзы), политическое подполье и преступный мир нового типа. Важные проекты новых форм делались в виде утопий (например, утопический социализм), футурологических предсказаний или фантастики, более или менее основанной на рациональном знании.

Огромным проектом стало конструирование новой страны и нации как авангарда Запада — США. Этот «новый Израиль» («сияющий город на холме») был до мелочей изобретен отцами нации, и представлен почти в чертежах, как в хорошем КБ. К работе привлекались и ведущие мыслители Европы.

В России со второй половины XIX века проектирование новых форм велось как в рамках консервативной доктрины самим правительством, так и относительно радикальными культурными и социальными движениями — либералами и революционными демократами, анархистами и народниками. В начале XX века большие проекты новых форм жизнеустройства выдвинули консервативные реформаторы (Столыпин), либералы (кадеты) и большевики. В разработку этих проектов были вовлечены все типы знания.

После революции 1905-1907 гг. по степени привлечения научного знания стал выделяться проект большевиков. В нем шло быстрое развитие интеллектуального аппарата марксизма, основанного на картине мира классической науки. В ходе этой работы был в большой мере преодолен механистический детерминизм, свойственный историческому материализму.

Ленин и близкие к нему интеллектуалы в большей степени, чем другие политические течения, сумели интегрировать в одну доктрину методологию марксизма, традиционное знание и связанное с ним «народное» православие, разработки анархизма (концепцию М. Бакунина о союзе рабочего класса и крестьянства) и концепцию «некапиталистического пути развития» народников. В среде большевиков были развиты системные идеи (А.А. Богданов стал творцом первой теории систем — тектологии).

В целом, в программе большевиков к 1917 г. присутствовало видение России как большой динамической системы в переходном состоянии и уделялось большое внимание структурному анализу общественных процессов.

Вот неполный перечень больших проектов социального конструирования:

Выбор между двумя большими проектами – социал-демократии и коммунизма; военный коммунизм; превращение советов в системообразующую структуру нового государства; изобретение «номенклатуры»; модель СССР; советское нациестроительство; проектирование нового типа народного хозяйства.

Впервые в индустриальной цивилизации было построено народное хозяйство в основном не по типу рынка, а по типу семьи – не на основе купли-продажи ресурсов, а на основе их сложения.

Уже в дореволюционное время большая работа по проектированию структур была начата в Академии наук (КЕПС). После 1917 года эта установка сразу была реализована в формообразовании самой науки (прежде всего, в создании нескольких десятков системообразующих научно-исследовательских институтов в 1918-1919 гг.). Сам НИИ как особая социальная форма науки был русским изобретением.

О НЭПе, 30-х годах и войне и говорить нечего - в проектировании советских социальных форм было сделано множество изобретений крупного масштаба. В 20-е годы была доработана необычная модель промышленного предприятия, в котором производство было переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще “города”. Школа и наукограды, детсад и пионерлагерь, отопление бросовым теплом ТЭЦ и Единая энергетическая система, советская армия и здравоохранение. А ВПК был так необычен, что США затратили около 10 млрд. долларов только чтобы подсчитать расходы СССР на вооружение (это, по их словам, был самый крупный проект в общественных науках за историю человечества).

Видимо, самой тяжелой была неудача первого этапа в коллективизации. Разработка модели кооператива для советской деревни была, видимо, одним из немногих имитационных проектов, скопированных с чужого успешного опыта.

А в целом социальное конструирование около ста лет велось на собственной (модернизированной) мировоззренческой и методологической матрице. На выработку советских форм марксизм не оказал большого влияния. Положение изменилось в 60-е годы, когда сошло поколение стариков.

К концу XX века в сознании советской интеллигенции была сильно ослаблена историческая память, что было одним из проявлений культурного кризиса. Образованные люди потеряли интерес к большим комплексным программам, которые осуществлялись всего полвека назад. Им стало казаться, что массивные структуры современной цивилизации, в которых протекала жизнь страны в 70-80-е годы, возникли естественно, почти как явления природы. Когда в них перестали видеть продукт социального творчества, который надо непрерывно воспроизводить, «ремонттировать» и развивать, они стали деградировать, разрушаться и расхищаться.

Новый всплеск активности в социальном дизайне начался в конце 80-х годов. Проектирование будущих форм исходило из двух принципов: возможно более полного слома советской системы и копирования западных структур как «естественных» и эффективных. Это было имитационное проектирование.

Первым делом, речь шла о формах государственности. Пример - предложенная А.Д. Сахаровым “Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии” (1989). Она означала расчленение СССР на полторы сотни независимых государств. Например, о нынешней РФ в ней сказано: “Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Рос-

сия разделена на четыре экономических района - Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций”.

К чему привела имитация как методологический принцип, мы видим. Нужно создавать свою методологическую и организационную базу для творчества в социальном проектировании.

Исходная точка проектирования – «здесь и сейчас». Мы проектируем будущее не из реальности США или Швеции, не из царской России или СССР, а из РФ начала XXI века. Для понимания сущности исходной точки надо знать ее генезис (зарождение и развитие в прошлом) и динамику изменений. Для этого необходима рефлексия как особый тип анализа. Приходится подвергнуть критическому рассмотрению методологические установки, которые столкнулись при зарождении советского проекта. Из кирпичей его руин придется строить новые формы.

Я думаю, это и возмущает марксистов, которые не позволяют приближаться к их священному и сокровенному знанию. А участвовать в новом проектировании на базе "нового марксизма" не желают - потеряют ореол эксклюзивности.

Но уважить их невозможно, потому что весь клубок альтернативных проектов России был переплетен с влиянием марксизма. Грамши советовал «похоронить истмат со всеми подобающими почестями», но не получилось.

19.04.2009. Служебная записка о кризисе. Кажется, благополучно канула в никуда

Поскольку текст с графиками сложно выкладывать, даю ссылку

[http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/\(090418223430\)_Scenarii.doc](http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/(090418223430)_Scenarii.doc)

Возможные сценарии прохождения кризиса и выходы на траекторию стабильного развития

1. Введение

Вход в новую фазу кризиса России совпал со сменой президента и неминуемой трансформацией властных структур. Это увеличило масштаб потрясения «порядка Путина». Поскольку это потрясение наложилось на массивные кризисные процессы, запущенные в 90-е годы, система «Россия» стала крайне неравновесной. Она вновь оказалась в ситуации исторического выбора (в «точке бифуркации»).

В этом положении надежность любого прогноза резко понижается - «всё становится возможным».

Мы предлагаем три сценария, причем два крайних из них являются умеренными. На обеих крайних траекториях могут быть срывы в хаос, понижающие уровень выхода в стабильную фазу.

2. Инерционный сценарий

Это консервативный способ прохождения через кризис в рамках доктрины «продолжения реформ» в 2000-2008 гг. Доктрина эта была выработана в начале «первого срока» В.В.Путина экономистами и аналитиками «либерального» крыла новой властной коман-

ды. Ее главным принципом было следование курсу реформ 90-х годов с торможением самых опасных для стабильности процессов и подавлением самых одиозных проявлений. Основные положения доктрины были изложены в программных заявлениях (в том числе в Посланиях) и символических действиях (например, в «деле ЮКОСа»).

Доктрина Путина внутренне противоречива и представляет собой компромисс между властной элитой и крупными собственниками («олигархами»). Поэтому содержащийся в ней импульс развития очень слаб.

90-е годы наглядно показали, что созданный в России крупный капитал лишен инновационного потенциала и мотивации развития. Полученную в ходе приватизации и залоговых аукционов собственность он рассматривает лишь как источник ренты, не производя инвестиций даже в поддержание этого источника. Для России как системы вся доктрина реформ 90-х годов была крайне разрушительной и даже хищнической.

Этот очевидный факт признал сам В.В.Путин: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Вторым этапом было расчистка завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала» (Послание Президента 2004 г.).

Таким образом, результатом реформ стала потеря Россией «почти половины ее экономического потенциала». Положение стабилизировалось благодаря внешнему фактору – росту цен на энергоносители на мировом рынке. Казалось бы, принципиальные положения доктрины реформ должны были неминуемо быть пересмотрены. Однако в том же Послании 2004 г. сделано общее утверждение: «Никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей политики не будет».

Это и предопределило выхолащивание потенциала развития из «доктрины Путина». В какой-то мере притормозив механизм разрушения основных систем России, правительство продолжило прежний курс реформ. Г. Греф прямо заявил, что после выборов президента в марте 2004 г. реформы будут проводиться с большей, чем до этого, интенсивностью. Он сказал: «Основной вопрос — можно ли говорить в свете происходящего о продолжении либерального курса реформ. Однозначно — да. Я знаю, что Владимир Путин является убежденным либералом, и не представляю себе его действия, меняющие этот курс. В России возможен любой поворот событий, но не с этим президентом».

Как показали действия правительства начиная с лета 2008 года, этот курс решено не менять и в условиях начавшегося кризиса. Активной организующей роли в хозяйстве государство играть не собирается, оказывая лишь финансовую поддержку терпящим бедствие структурам и социальным группам. Соответственно, проектирования и создания новых социальных форм для преодоления кризиса вести не будет. Прохождение России через кризис будет идти в рамках тех социальных и культурных форм, которые сложились к концу 2008 года.

Ход событий на этой траектории представлен в инерционном сценарии. Развитие после кризиса, вероятно, примет анклавный характер с нарастающим отставанием депрессивных регионов и архаизацией хозяйства и быта большинства населения.

3. Оптимистический сценарий

Он предполагает, что власть в своих программах исходит из реальности кризиса и ресурсов, а не из идеологизированных доктрин. Кризис резко изменил структуру реальности. Следовательно, установка «никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей по-

литики не будет» потеряла всякий смысл. Фундаментальные принципы политики должны быть пересмотрены. Государство как организованная сила обязано стать силой организующей. Оно обязано конструировать новые социальные формы, адекватные структуре кризиса, ставить новые цели, отвечающие новым ограничениям. Оно обязано сообщить обществу эти цели, ограничения и критерии, согласно которым будет происходить выбор альтернатив в ходе принятия решений.

Это потребует качественно новых процедур:

- Диалог с обществом: «круглый стол», вырабатывающий национальную повестку дня – без дураков.
- Заключение Общественного договора с ясным обозначением зон консенсуса, компромиссов и подавления радикальных несогласных.
- Инвентаризация ресурсов; определение скорости продвижения к закрепленному Договором «образу будущего» при выполнении установленных ограничений.
- Создание инновационной системы для строительства признанных оптимальными социальными форм (организация потока идей, отбора проектов и распределения ресурсов для их реализации).
- Реорганизация системы интеллектуальной поддержки принятия решений.

Все эти процедуры неприемлемы для инерционного сценария, поскольку при первом же шансе общественного диалога высказалось бы «молчаливое большинство», которое определенно отвергает «фундаментальные принципы либеральной политики» и диктат «олигархов». Неустойчивое равновесие «порядка Путина» поддерживалось благодаря тому, что лишенное организации большинство было исключено из пространства диалога и принимало этот порядок как меньшее зло (в сравнении с «порядком Чубайса»).

Принципы политики при оптимистическом сценарии известны:

- переход к рациональному дискурсу власти;
- отказ от социал-дарвинистской социальной политики;
- обнародование «карты угроз»;
- восстановление в обществе необходимого «кризисного» уровня солидарности;
- программно-целевое управление, централизованные клиринговые расчеты;
- мобилизация «дремлющих» ресурсов.

Эта политика означает повышение роли критериев социальной эффективности и безопасности по сравнению с критерием экономической эффективности, критериев оптимизации высшего уровня по сравнению с субоптимизацией. Следовательно, она предполагает несколько большую степень протекционизма и закрытости, нежели в 2000-2008 годы.

4. Пессимистический сценарий

Он реализуется, если «либеральное крыло» восстановит свой диктат в определении социально-экономической политики государства и ликвидирует «механизмы торможения», установленные «режимом Путина». В самом радикальном варианте это может быть достигнуто в ходе «оранжевой революции», проведенной по иному сценарию, нежели в Грузии и на Украине. В «точке бифуркации», в которую кризис завел Россию, расходы на та-

кую «революцию» будут во много раз меньше, чем в тучные 2007-2008 годы. Эта «революция», при достаточной подготовке, может даже пройти незамеченной.

Следствием ее станет сокращение средств даже на те антикризисные меры, которые государство выделяет при инерционном сценарии. Значит, будет в большей степени подорван безработицей кадровый потенциал, более глубокими окажутся на выходе из кризиса износ и разрушение основных фондов. Более резкое обеднение и так уже бедной трети населения обострит социальную напряженность, расширит пропасть между государством и населением, вызовет новый всплеск преступности и усилит репрессивный характер власти.

Все это сократит возможности для восстановления целостного народного хозяйства России как развитой промышленной и научной державы. Она на целый исторический период застрянет в зоне периферийного капитализма.

5. Вероятная динамика процесса при разных сценариях

На рис. 1 представлена вероятная форма динамики изменения индекса ВВП России в трех сценариях. Реальное изменение индекса за 1990-2008 гг. показано в соответствии с данными Росстата. В дальнейшем процесс выражается не столько количественными данными оси ординат, сколько самой формой кривой. Они построены исходя из предположения, что система на выходе из кризиса при инерционном и пессимистическом сценариях будет неустойчивой. Следовательно, стабилизация в этих случаях произойдет с затухающими колебаниями. При оптимистическом сценарии система будет стабилизирована развитием, и рост ВВП будет сравнительно равномерным вплоть до завершения «жизненного цикла» (исчерпания ресурсов) программы. Потребуется переход к новой программе, при новых условиях и с новыми ресурсами.

Для такого представления сценарием есть эмпирические основания. Их иллюстрирует рис. 2. На нем дана динамика изменения ВВП России, Белоруссии и Украины – согласно данным официальной статистики этих стран.

Можно считать, что в 1999-2007 гг. Россия развивалась по сценарию, который здесь назван «инерционным», хотя и при очень благоприятной конъюнктуре (цены на нефть и газ). В этот период правительство следовало принципам «либеральной» доктрины реформ, но с «торможением» радикального разрушения экономики.

Белоруссия после 1994 г. постепенно вышла в коридор нашего «оптимистического» сценария: было прекращено разрушение больших хозяйственных и социальных систем, повышен уровень солидарности в обществе, произошла его консолидация на основе понятного и поддержанного большинством общественного договора.

На Украине после 1998 г. произошел сдвиг в «либеральную» сторону, который завершился в 2005 г. «оранжевой революцией». Различия в типе прохождения через кризис трех экономик очевидны. Надо подчеркнуть, что они вошли в кризис в 1991 г. примерно в одинаковом состоянии.

Выбор пути с нынешнего распутья будет определяться политической волей верховной власти и балансом сил в социальном противостоянии внутри России и геополитическом противостоянии в мировом сообществе.

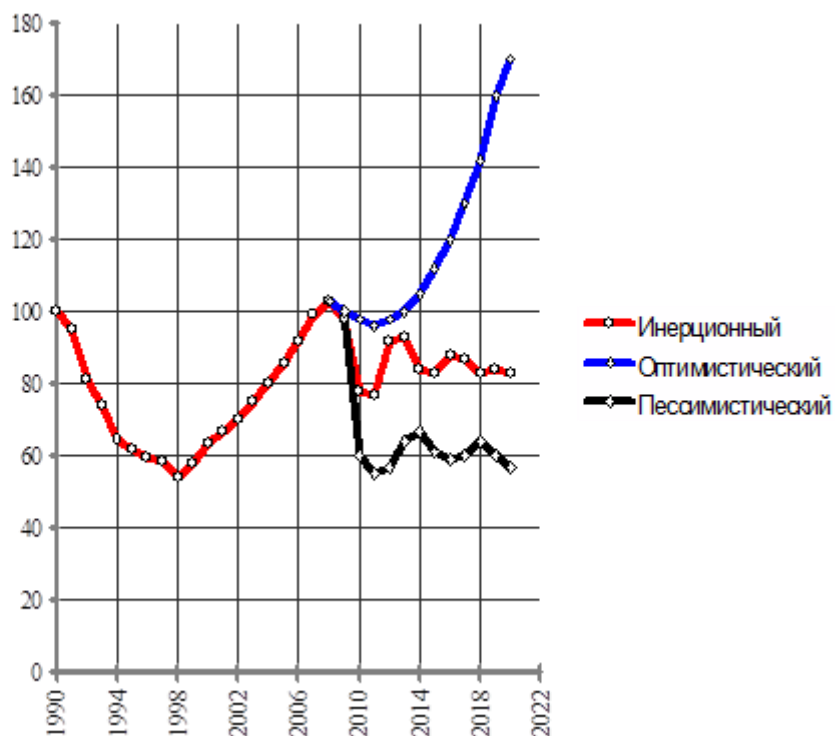

Рис. 1. Сценарии прохождения кризиса в России: динамика индекса ВВП, 1990 = 100

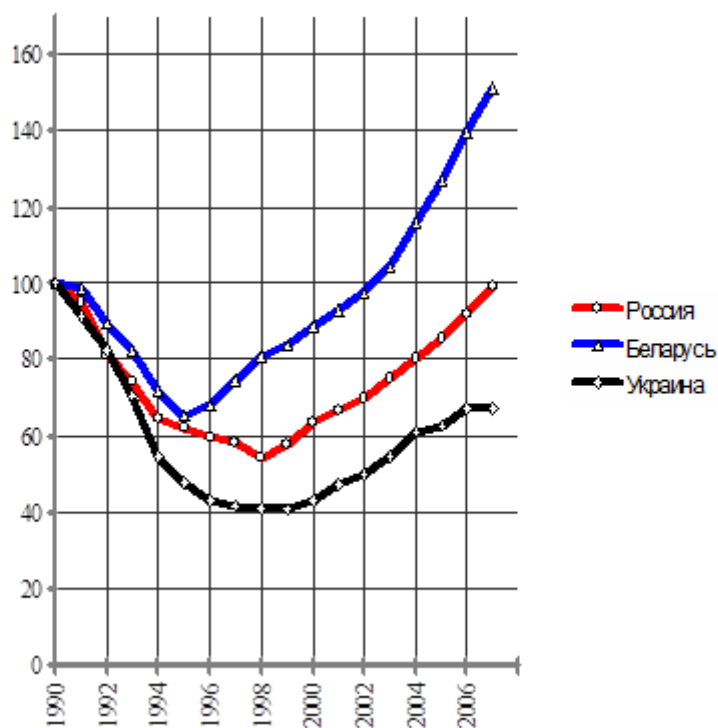

Рис. 2. Индекс ВВП в Беларуси, России и на Украине, 1990 = 100

19.04.2009. Большая служебная записка о кризисе. Канула туда же

Видимо, можно выкладывать. Вот ссылка:

[http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/\(090418222609\)_Krizis-zapiska.doc](http://vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/(090418222609)_Krizis-zapiska.doc)

Введение

Российское общество входит в кризис в больном состоянии. Дееспособных структур гражданского общества не сложилось, партии и профсоюзы организующими институтами не являются, бизнес отказался от остатков этики солидарности. Население за постсоветский период практически полностью утратило навыки самоорганизации на уровне выше семей и близких друзей.

Государство остается единственной силой, способной организовать хозяйство, население и общество на сопротивление разрушительному воздействию кризиса. Для этого, однако, оно прежде всего должно «помочь себе», поскольку и само находится не в лучшей форме.

Большие опросы, проведенные с 2002 по 2005 гг., показали, что практически на всей территории РФ граждане примерно одинаково видят структуру угроз и выделяют в ней три примерно одинаковые по значимости блока:

- кризис власти и управления (около 35%);
- потеря российским обществом смысловых координат своего развития (31%);
- гегемонистская политика США и их стремление к мировому господству (30%).

Таким образом, в массовом сознании сложилось убеждение, что главные угрозы России порождены кризисом государственности, кризисом мировоззрения и осложнением международного положения России. Роль этих факторов с углублением кризиса возрастает.

Кризис государственности и срочные задачи

Угрозы реализуются вследствие слабости защитных сил системы (государства, общества, хозяйства и пр.). Выделим слабые точки государства в контексте нынешнего кризиса.

Представление о кризисе. Любая программа вырабатывается исходя из определенного образа реальности с помощью определенного набора познавательных инструментов (когнитивной структуры). Прошедший год показал, что когнитивная структура сообщества российских аналитиков и политиков, вырабатывающих доктрину преодоления кризиса, в ряде важных пунктов неадекватна реальности. От этого сообщества требуются объяснения причин ошибок, допущенных ими в суждениях о кризисе, а также срочной профессиональной работы по обновлению инструментов анализа. В противном случае государство и общество будут и дальше двигаться по пространству кризиса вслепую.

Очевидно, антикризисная программа может быть разработана лишь исходя из определенной трактовки самого понятия «кризис». Уходить от ясного определения сущности явления нельзя. 20 ноября 2008 г. В.В.Путин сказал, что «нынешний кризис, как вы знаете, подобен стихии. В рамках давно созданной и действующей мировой финансовой системы его, как и природное бедствие, предотвратить было невозможно».

Метафора кризиса как стихийного явления не только ошибочна, она отражает важный методологический изъян – натурализацию общественных явлений. Кризис – творение современной культуры и не имеет ничего общего со стихией. Натурализация, представление результатов политических решений как «объективных» стихийных явлений, вытесняет из сознания категорию ответственности. Кризисы «давно созданной мировой финансовой системы» хорошо изучены и стали способом регулярной ликвидации «пузыря» денег, не обеспеченных реальными ценностями.

Метафора кризиса как стихии стала оправданием пассивного способа нейтрализации последствий кризиса через распределение денег из резервов государства. На деле кризис надо рассматривать как особый тип бытия, который должен быть особым образом организован. Обязанность правительства – выработать и представить обществу план организации бытия страны на период кризиса, в его главных чертах. Этого не сделано, общество пребывает в неопределенности, что усугубляет кризис.

Другая метафора, которую привлек В.В.Путин для объяснения причин кризиса – медицинская. Он сказал: «Кризис начался в Соединенных Штатах, которые, по сути, в результате своей финансовой и экономической политики довели до кризиса и «заразили» этим кризисом экономики практически всех ведущих стран мира».

Действительно, кризис можно уподобить социальному явлению – болезни общества (хозяйства, государства). Однако эта метафора ко многому обязывает. Во-первых, требуется объяснить, почему Россия, «заразившись» от США, не предохранялась от инфекции («не соблюдала правил гигиены»)? Кто и на каком основании отменил профилактические меры, которые в течение многих десятилетий предохраняли экономику России от этой заразы? Чем оплачен риск, которому подвергло экономику России правительство этими своими решениями?

А главное, уподобив кризис инфекционной болезни, правительство должно поставить ее диагноз и сообщить, какой болезнетворный агент является ее возбудителем. Против какого микроба или вируса нам предстоит бороться? Ход у каждой инфекционной болезни свой, лекарства и режимы больных совершенно различные. Ничего «врачи нашей экономики» об этом не сказали.

Снова подчеркнем: как и при болезни человека, на период кризиса необходимо создать особый тип жизнеустройства, качественно отличный от жизнеустройства стабильного времени. Отличия определяются глубиной и продолжительностью кризиса.

При серьезной болезни человека, а тем более при эпидемии, меняется образ жизни и больных, и окружающих людей. Для защиты больного организма применяются лекарства и процедуры, которые уничтожают болезнетворное начало или повышают защитные способности органов и тканей. Иногда органы и ткани временно замещают искусственными устройствами (почка, легкие, даже сердце). В крайних случаях производят хирургическое вмешательство, изменяя саму структуру организма путем ампутации или трансплантации.

Из этой аналогии следует, что защита хозяйства от «болезни» кризиса не может быть достигнута просто посредством дополнительного распределения тех ресурсов, которые оно получало в благополучное время. Предоставление государством финансовых средств, которые бы заменили прежние прибыль, кредиты или зарплату, не может быть эффективным в принципе. Они не лечат, как каша не лечит больного. Кризис требует изменения образа жизни. Это значит, необходимо создание новых социальных форм и ослабление или ликвидация (возможно, временная) тех социальных форм, которые провоцируют болезнь или усиливают болезнетворное начало.

Все большие и преодолённые кризисы были периодом интенсивного социального конструирования и создания новых форм общественной организации. Это общее правило: успешный выход из кризиса всегда сопряжен с глубоким обновлением социальной системы и, соответственно, технологического уклада.

Представление о кризисе: параметры и индикаторы. Для принятия рациональных решений по защите России необходимо достоверное знание о процессах, связанных с кризисом. Важной частью этого знания являются описания и измерения существенных сторон реальности. Инструментами для этого служат параметры (измеримые величины) и показатели (индикаторы).

Разработка системы индикаторов основана на представлениях о существенных для анализа и управления латентных переменных. Информацию о них должны дать видимые и измеримые параметры, связанные с латентными переменными достаточно устойчивыми отношениями, которые поддаются рациональной интерпретации. Лишь в этом случае параметр обретает статус индикатора. При поиске хорошего индикатора нужно также знать смысл критерия, по которому будет оцениваться состояние индикатора. Критерии подчиняются целям и ограничениям.

Например, на встрече с активом «Единой России» 25 сентября 2008 г. В.В.Путин сказал: «Россия подошла к этому кризису окрепшей, с большими резервами, с хорошо и эффективно работающей экономикой... Достаточно стабильная политическая и социальная ситуация говорит о том, что мы чувствуем себя уверенно».

Чтобы сказать «хорошо и эффективно работающая экономика» или «достаточно стабильная социальная ситуация», требуется назвать критерии оценки. Трудно представить себе, какими критериями руководствуется правительство – оно их не сообщает. Напротив, судя по многим фундаментальным показателям, экономика России вовсе не была «эффективно работающей» - по этой причине и требовалось изменить сам тип ее развития. Не была «достаточно стабильной» и социальная ситуация в стране. Социальное расслоение достигло критического уровня и продолжало углубляться.

Вот, информативным показателем состояния банковской системы служит размер выдачи ими необеспеченных кредитов и масштаб участия в спекулятивных операциях. В прессе приводятся такие сведения: «Согласно данным Центробанка, финансовые показатели 1124 действующих российских кредитных организаций, исключая Внешэкономбанк, на 1 августа 2008 года, то есть с началом обвала цен на нефть, выглядели следующим образом...

На покупку акций и другие формы участия в чужом капитале банки затратили свыше 3,11 трлн. рублей. Однако сегодня из-за обвала котировок продавать акции придется с громадными убытками... Получается, что на 1 августа банки разместили на стороне 20,45 трлн. рублей, то есть на 2,66 трлн. рублей больше, чем имели своих и чужих средств, или на 5,68 трлн. больше позаимствованных чужих. Возник дефицит платежного баланса, что увеличило дефицит денежного обращения... Таким образом, можно резюмировать следующее. Почти все российские банки, уподобляясь многим западным, проводили путем выдачи кредитов, не обеспеченных соответствующими банковскими активами, по сути, эмиссию фальсифицированных безналичных денег. Хотя денежная эмиссия – исключительная прерогатива Центробанка».

Но кто отвечал за поведение российских банков и кто поощрял их заниматься рискованной спекуляцией? Здравый смысл подсказывает, что спекуляции банков на рынках должна быть под контролем, а их заимствования ограничены в какой-то пропорции от суммы вкладов. Это – функция государства.

М. Гельман пишет в газете «Промышленные ведомости» (01.12.2008): «В 2007 г. общий объем торгов валютой, акциями и различными финансовыми бумагами на всех площадках Группы РТС достиг почти 18 трлн., увеличившись за год в 6 раз, а Группы ММВБ – 107 трлн. рублей, увеличившись за год вдвое. Суммарно это составило 125 трлн. или более 200% по отношению к обороту всех отраслей экономики. Налицо очередной результат слепого копирования пороков американской финансовой системы - громадный «мыльный пузырь»...

Замечу, что все приведенные выше исходные данные размещены в официальных различных документах различных организаций, министерств и ведомств. Однако ни одного сводного среди них, где приводились бы результаты сопоставления показателей, хотя бы те, которые изложены в статье, обнаружить не удалось. Сложилось впечатление, что макрофинансовым анализом в стране никто официально не занимается.

На всякий случай я опросил нескольких специалистов в области финансов, среди которых были и официальные лица, известно ли им прошлогоднее соотношение продаж на фондовых рынках страны с оборотом в российской экономике. Оно составило, как показано выше, более 200%. Увы, никто об этом не знал, а среди публикуемых Центробанком показателей эти сведения отсутствуют. Хотя именно ЦБ и Минфину вменено в обязанность контролировать финансы страны и их обращение. Ведь это не частный, а государственный ресурс, фальсификация которого не должна вообще допускаться властями».

В условиях кризиса смысл параметров, индикаторов и критериев меняется, что резко расширяет зону неопределенности. Это более важный источник ошибок, чем нехватка эмпирических данных. Когда система быстро меняется, связь измеримых показателей с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами становится резко нелинейной. Это касается, например, сравнения таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов.

Число, служащее индикатором состояния системы, всегда встроено в контекст, который и насыщает это число смыслом. Обеднение контекста видоизменяет смысл показателя, а в пределе может совершенно исказить его. Изъятие из контекста - обычная форма "отключения рациональности". Оно приняло за последние два десятилетия широкий характер и нанесло сильный удар по всей культуре "количественного мышления".

В свете этих общих положений положение с описанием и «измерением» нынешнего кризиса в России следует признать неблагоприятным. Приводимые чиновниками и экономическими обозревателями величины, призванные характеризовать кризисные явления, не сопровождаются объяснением их связи со скрытыми фундаментальными сущностями. Эти величины являются всего лишь параметрами, смысл которых не установлен. Они не служат индикаторами, позволяющими оценить состояние и динамику системы.

В принципе, здесь и кроется тот главный выбор, который не решается сделать правительство. Речь идет о конфликте интересов. Представить модель кризиса и породившие его причины – значит пойти на конфликт с влиятельными силами. Из групповых эгоистических интересов эти силы направили экономические процессы в коридор, позволяющий им сорвать куш, но ведущий к срыву. И это силы, находящиеся не где-то в США, а здесь, близко к власти и в ее коридорах. У власти не хватает запаса прочности, чтобы пойти на такой конфликт.

Однако создание реалистичной модели кризиса и поиск адекватных индикаторов – необходимый этап в антикризисной программе. В качестве исходного предположения было бы разумным принять, что экономическая доктрина правительства России и легитимирующая ее идеология закономерно вели к этому кризису. Если так, то без пересмотра этой доктрины и смены идеологии вырваться из этого кризиса нельзя, можно лишь смягчать его симптомы и приступы, как у хронической болезни.

Неадекватность системы индикаторов и критериев, лишаящая государство достоверной картины кризисных процессов, является важной угрозой для России, ее хозяйства и социальной сферы.

Дефекты в системе «знания власти». Одним из ключевых типов знания является то, которое генерируется властью и употребляется властью. Власть - самый крупный сгусток интеллектуальной активности и узел каналов движения потоков знания. Власть использует в своих целях или прямо организует большое число разнообразных «служб», занятых производством и движением знания.

Конкретное содержание знания власти и его движение определяются исторически данными условиями и задачами. Деградация «знания власти» во многом послужила причиной кризиса советской государственности и краха СССР. Однако и после этого краха «ремонт» необходимой для государства интеллектуальной базы не ведется, что создает угрозу и для государственности России.

В индустриальном обществе для управления абсолютно необходимы инструменты и навыки рационального мышления – точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время перестройки, а затем подрывались в ходе реформы 90-х годов. Сейчас сознание властной элиты хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных.

Вместо анализа ошибок и “починки” инструментов разумного мышления, как это принято делать при любых технических сбоях или авариях, произошел срыв - эти ошибки побудили к дальнейшему отходу от норм разумного мышления, в результате чего общество сорвалось в тяжелейший кризис. Если бы реформаторы, исходя из своих идеалов, рассуждали согласно правилам здравого смысла и логики, сверяли свои выводы с реальностью, то можно было бы избежать срыва и найти разумный компромисс между интересами разных частей общества.

Получилось наоборот, правящая элита шаг за шагом толкала к лавинообразному распаду всей сложной конструкции рационального сознания. Страна оказалась на грани катастрофы. После 2000 г. кризис «заморозили», но не преодолели. Сейчас он «размораживается». Элита составляет главную “группу риска”.

Логическое мышление использует способность делать умозаключения. В реальной жизни мы не имеем времени, чтобы делать сложные умозаключения по всем вопросам, и справляемся с помощью здравого смысла. В условиях кризиса роль здравого смысла резко возрастает. В это время у нас мал запас прочности, и мы вынуждены искать не максимальную выгоду, а минимальный ущерб. Здравый смысл не дает блестящих решений, но предохраняет от наихудших. Восстановление рациональности, опоры на рассудок и разум, стало сейчас срочной общенародной, надклассовой задачей. Дальнейшая деградация рационального сознания – всеобщая общенациональная угроза.

Повреждение инструментов познания и каналов передачи знания в государственном управлении является системным. Оно требует специального обсуждения и срочной восстановительной программы. Идеологическими заклинаниями эту проблему не решить.

Ключевой функцией в структуре знания власти является рефлексия (и «обучение»). В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется, рефлексивный аспект мышления приобретает особое значение. Задержка с анализом предыдущих состояний и решений нередко становится фатальной, поскольку система проходит «точку возврата» и движение процесса по плохой траектории становится необратимым. Самые фундаментальные процессы во время кризиса становятся нелинейными и протекают в виде череды сломов и переходов – мы же часто исходим из привычных линейных представлений. Можно говорить об утрате управленческими структурами «системной памяти», наличие которой и делает возможной рефлексию.

За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ. Состояние системы управления в России ныне таково, что оно будит и актуализирует латентные опасности и повышает уровень даже тех опасностей, которые могли бы контролироваться с небольшими затратами. Мы обычно сводим дело к коррупции и некомпетентности, но еще большая беда состоит в том, что власти делают ошибку за ошибкой – и нет признаков рефлексии.

Функция предвидения. Особую роль в «знании власти» играет проективное знание, представленное как предвидение. Образы будущего как «проекты власти», служат для общества важными системами координат. Успех антикризисных программ определяется способностью предвидеть угрозы и верно оценить динамику их развития. Провалы в выполнении этой функции государства сами по себе становятся фактором углубления кризиса – как вследствие неподготовленности решений и ресурсов, так и в результате негативного воздействия на общественное сознание. В первые месяцы нынешнего кризиса обнаружились большие упущения в выполнении функции предвидения, прогнозирования и планирования. Они должны быть восполнены посредством выполнения срочной специальной программы.

Признаки назревающего в США и Западной Европе кризиса финансовой системы стали явными в 2004-2005 гг., и ряд российских экономистов предупреждали о том, что в этот кризис будет вовлечена Россия, за 90-е годы «привязанная» к этой системе. Однако Россия представлялась «островком стабильности», и начавшийся в сентябре 2008 г. кризис оказался для российского общества полной неожиданностью.

Основные параметры финансового кризиса в США определились уже в 2007 г., и никаких оснований считать, что этот кризис не будет экспортирован в Россию, не было. Тем не менее, вплоть до конца лета 2008 г. прогнозы состояния российской экономики оставались радужными. Так, прогнозы значения индекса РТС на конец 2008 года, данные финансовыми аналитиками, колебались в диапазоне 2500-3000 пунктов.

На 19 мая 2008 года индекс РТС достиг отметки в 2498,1 пункта, на 26 декабря – 644,5 пункта, снизившись на 74,2%. 23 февраля 2009 г. индекс РТС составлял 517 пунктов, то есть потерял 79,3% от максимального значения. Таким образом, если отбросить предположение о тотальной недобросовестности сообщества финансовых аналитиков, работающих в России, приходится признать это сообщество несостоятельным в выполнении профессиональной функции предвидения.

Оптимистические прогнозы давались во время падения курса на московских биржах, даже в октябре 2008 г. В прессе писали: «6 октября, когда курсы акций упали сразу почти на 20%, с утра в российских киосках появился журнал «Итоги», где на обложке было анонсировано интервью с зампреда Центробанка РФ Константином Корищенко, который только что возглавил ММВБ, ведущую биржу страны. Он заявил буквально следующее: «Тот уровень, на котором мы сейчас находимся, — если не дно, то где-то близко к нему: весь негатив, который мог выплеснуться на рынок, уже выплеснулся. Большие колебания — верный признак приближающейся смены тренда». В удивительное мы живем время — журнал еще несли по киоскам, а заявление г-на Корищенко уже выглядело откровенным издевательством. В наши дни прогнозы либеральных экономистов опровергаются жизнью раньше, чем мы успеваем их прочитать!»

Неизвестно, были эти заявления высокопоставленных чиновников и экспертов следствием их ошибочных представлений о реальности или желания успокоить общество, усыпив его бдительность. И то, и другое говорит о слабости государства. Пытаясь таким образом избежать паники, власть впадает в самообман и теряет время, когда можно было бы блокировать кризисные явления в «инкубационном» периоде. Так и произошло.

Безосновательно оптимистическими были заявления о ближайших перспективах российской экономики, сделанные высшими руководителями России на XII Международном Санкт-Петербургском экономическом форуме (6-8 июня 2008 г.). Очевидно, что эти заявления были подготовлены экспертами экономического блока правительства на основании той прогнозной информации, которой они располагали.

На пленарном заседании Форума Д.А. Медведев заявил: «В мире уже обозначились новые центры экономического развития. И Россия — это один из них, поэтому она намерена участвовать в формировании новых общих правил игры на мировом рынке. Поэтому уже в ближайшее время будет принят план превращения российской столицы в мировой финансовый центр, а рубля — в одну из ведущих резервных валют». Это было сказано за два месяца до начала обрушения российского фондового рынка.

Прошло всего четыре месяца, и Министр экономики и развития делает заявление, принципиально несовместимое с этими «амбициозными» планами. 19 ноября 2008 г. глава Минэкономразвития РФ Эльвира Набиуллина на заседании Госдумы сказала: «Мировой экономический кризис, который только разворачивается, показал исчерпанность модели роста российской экономики, которая у нас была в предыдущие годы».

Такая радикальная смена фундаментальной трактовки состояния народного хозяйства без всякого объяснения причин смены парадигмы – признак глубокой деформации всей познавательной системы, в рамках которой действует правительство в сфере экономики. Это не может не сказаться на качестве решений, принимаемых в условиях кризиса.

Из этого следует такой вывод: методологический аппарат экономического блока правительства РФ и обслуживающих правительство экспертов оказался непригоден для оценки уязвимости российской экономики в нынешнем кризисе. В результате вплоть до конца 2008 г. государство и общество следовали ошибочным представлениям о глубине и динамике кризиса.

Это само по себе представляет важную угрозу, перед которой оказалась Россия.

Она должна быть устранена, для чего требуется анализ допущенных ошибок, беспристрастная оценка применяемых в правительстве методов экономического анализа и срочное устранение дефектов.

Наложение двух волн кризиса. Важнейший фактор, влияющий на динамику и глубину нынешнего кризиса, заключается в том, что он налагается на большую волну кризиса 90-х годов, который в главных своих элементах не преодолен. Этот факт может полностью изменить и внутреннюю структуру, и картину внешних проявлений нынешнего кризиса в России по сравнению с тем, как он развивается «на Западе».

Главная угроза состоит в том, что волна «прежнего» кризиса уже подвела многие системы хозяйства и социальной сферы России к порогу деградации – «красной черте». Запас их прочности почти исчерпан, и даже сравнительно слабый добавочный удар нового кризиса может их обрушить или запустить цепную реакцию отказов. Это сразу потребует больших финансовых средств и материальных ресурсов на устранение чрезвычайных ситуаций, а возможности государства могут оказаться недостаточными. Например, в таком уже критическом состоянии находится жилищный фонд, обветшавший без капитального ремонта, инженерные сети ЖКХ, водоканал. Это – системы жизнеобеспечения, сбои которых могут резко ухудшить положение большей части населения, тем более в стесненных обстоятельствах нового экономического кризиса.

Таким образом, «модель кризиса», исходя из которой разрабатывается программа, должна включать в себя и угрозы, порождаемые массивными процессами деградации, запущенными еще кризисом 90-х годов.

Обращает на себя внимание тот факт, что руководители государства подчеркивают намерение продолжить ту социально-экономическую политику, которой следовали до кризиса («выполнить социальные обязательства»). Это без всяких обоснований представляется как оптимальное решение. Между тем, кризис, очевидно, принципиально изменяет условия, в которых находится страна. Это, как сказано выше, особый тип бытия. Соответственно, должна измениться и политика государства, она просто не может не измениться. В одних случаях обязательства государства в социальной сфере окажутся при наложении двух волн кризиса недостаточными, а в других случаях их выполнение можно, ввиду чрезвычайных обстоятельств, отложить.

В общем, расчет на то, что социальное бедствие может быть предотвращено путем распределения некоторой суммы государственных финансовых средств, несостоятелен. Поэтому представляются ошибочными методологические установки тех должностных лиц, которые считают, что государство сможет поддерживать внутренний спрос и социальную стабильность «инвестиционными программами естественных монополий, государственными закупками и государственными контрактами».

В условиях кризиса такая роль государства недостаточна, в этих условиях государство обязано переходить на принципы программно-целевого управления. Оно не сводится к

инвестициям, закупкам и контрактам. Минимальная триада действий в управлении такого типа заключается в «планировании – программировании - бюджетном финансировании». Это ядро системы в США было описано в 70-е годы как «система РРВ» (Planning-Programming-Budgeting), но выработаны эти принципы исходя из универсального опыта программно-целевого управления, включая советский.

Главный ресурс государства в противодействии кризису – организующий и даже духовный. Без «собирания» населения в общество, без целеполагания и введения общественных процессов в определенную систему нравственных, правовых и административных координат, никакие финансовые средства не защитят население и хозяйство. Финансовых ресурсов государства даже в самые благополучные годы (2003-2008) хватало лишь на то, чтобы поддерживать приемлемый уровень стабильности социальной сферы, но не хватало для ее модернизации, развития и даже содержания.

Средств было недостаточно даже для того, чтобы остановить сокращение и деградацию основных фондов страны. Дефицит средств нарастал, а в условиях нынешнего кризиса его увеличение может стать лавинообразным. Без консолидации общества и подъема его низовой инициативы ресурсы, которыми располагает государство, будут совершенно недостаточны для решения даже критических задач социальной защиты населения.

Угрозы для России в среднесрочной перспективе

Общее состояние проблемы. Мир втянулся в кризис индустриальной цивилизации. В каждой стране он наложил на свои проблемы. Россия переживает наложение нескольких кризисных волн, и совокупный глубокий кризис придется еще долго переживать. Реформы 90-х годов создали высокую степень риска для всех систем страны. Они не отменяются нынешним кризисом, а обостряются им. С их рассмотрения и надо начинать.

Перед властью стоит срочная задачей разобраться:

- как эти угрозы зарождались и как они развиваются,
- по каким признакам их можно обнаружить и оценить,
- каков потенциал каждой из угроз и с какой скоростью он наращивается,
- в каком месте реализуется опасность и что ей можно противопоставить.

Для начала надо взглянуться в общий фон, на котором зреют угрозы. Важным свойством разумного человека является способность предвидеть угрозы и риски. Предвидение опирается на рефлексию – «обращения назад». Корни будущего, ростки которого чуть видны в настоящем, скрыты в прошлом.

Порча инструментов рефлексии в 90-е годы была массовой и моментальной – как будто кто-то щелкнул выключателем. Произошел сдвиг от реалистического мышления, которое дает правильные представления о реальности, к аутистическому – оно создает приятные представления. Информация об угрозах стала активно отвергаться.

На всех уровнях общества всегда имеется «карта угроз», каким-то образом выраженная. Чем сложнее общество и окружающий мир, тем многомернее должна быть эта карта. Составление «карты угроз» - важная операция. Она помогает представить нагромождение рисков как систему, увидеть в ней причинно-следственные связи. Преувеличенный страх сам становится источником опасности. Создание панических настроений и отвлечение внимания от реальных опасностей – важные операции в психологической войне. Поэтому составление «карты угроз» сопровождается изучением восприятия реальных опасностей в массовом сознании. Это восприятие отдельно представляют в виде «карты страхов».

Конкретные угрозы надо представлять в контексте системы высшего порядка – так, чтобы стали понятны их причины более фундаментального уровня. Например, видимой угрозой для России стало снижение боеспособности армии. Но это – лишь симптом болезни. Что-

бы лечить, надо поставить диагноз. Надо устранять тот комплекс причин, по которым молодежь уклоняется от призыва в армию, лётчики не летают, а вооружение не обновляется. И все это вовсе не сводится к нехватке денег, нехватка денег – сама есть следствие какой-то более глубокой причины.

Другой пример - резко снизилась рождаемость в России, возникла угроза демографической катастрофы. Но эта уже реализовавшаяся конкретная угроза – ответ населения на какую-то более фундаментальную угрозу, надо именно о ней говорить. Встраивая угрозу депопуляции в контекст кризиса как системы, мы опускаемся на уровень причин. Мы видим, например, что сильнее всего снизилась рождаемость вовсе не в тех регионах и социальных группах, где самые низкие доходы. Следовательно, само по себе снижение доходов населения недостаточно, чтобы вызвать такой спад рождаемости. Попытка повысить рождаемость посредством денежного поощрения хотя и улучшит положение многодетных семей, принципиально не изменит ход процесса.

Источник угрозы лежит глубже, а снижение рождаемости – симптом более обширной и тяжелой болезни всего общественного организма. Принимая срочные меры для ослабления симптома, нельзя откладывать выявление и лечение болезни, которая этот симптом вызвала. Так, одной из главных причин низкой рождаемости является культурная травма, вызванная попыткой в ходе реформы заменить все главные устои культуры большинства населения.

Другие народы в большей мере, чем русские, смогли закрыться от этого удара своим этническим национализмом, укреплением общинно-родовых связей, своей религиозностью, более закрытой от идеологической машины реформ (см. рис. 1).

Важной причиной спада рождаемости является «страх за свое будущее, будущее своих детей» - это назвали первой проблемой 50% опрошенных даже в Москве. Эти угрозы эти имеют не узко социальный, а общенациональный характер.

Карта угроз всегда не вполне достоверна и отстает от жизни. Но в моменты резкого слома порядка, в условиях хаоса и быстрых изменений эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ведет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит признаков скрытых угроз, они возникают внезапно.

В норме опасность порождает функцию государства, а функция - соответствующую структуру. КГБ был в СССР одной из структур, которые покрывали спектр главных прямых опасностей для государства и общества. Другая большая система, выполнявшая функцию предупреждения – наука. Но даже сегодня о науке спорят лишь в терминах ее экономической эффективности. Ликвидирован третий важный институт индустриальной цивилизации - Госстандарт. Его выстраивали в России весь XX век – и вот, устранили, стали «приватизировать», вместе с техническим надзором.

В стране была долго отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые для ее выполнения структуры. Вот тот фон, на котором развивается нынешний кризис.

Еще одно обстоятельство, которое ослабило способность предвидения рисков – «отказ» обществоведения как особой системы знания. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей – указывать, чего нельзя делать. В ходе реформ оно, в целом, этой функции не выполнило.

Так, была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы приватизации промышленности. Была декларирована доктрина деиндустриализации России. Академик-экономист Н.П. Шмелев писал в 1995 г.: «Наиболее важная экономическая проблема России - необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала...

Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей. ... Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые - излишни абсолютно”.

Эта доктрина реализуется (см. рис. 2), но анализа угроз, которые она порождает, сделано не было. Операция прогнозирования угроз была исключена из перечня функций власти.

Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, проявились. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом «прочности». Природа этой устойчивости не выявлена и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом научных исследований и общественного диалога. Исследования, «беспокоящие» авторов доктрины реформ, были свернуты. Сейчас, чтобы переломить эту ситуацию, требуется восстановить взаимодействие между обществом и государством. Это трудно сделать, пока обществу не будет предъявлена «карта угроз», которые были порождены в 90-е годы и созревают в данный момент, а также внятная доктрина защиты от этих угроз. Судя по выступлениям ряда политиков и бизнесменов, общая доктрина ответа на кризис еще не выработана.

Задания разным институтам и группам дать свои соображения «к понедельнику» порождают лишь импровизации на основе старых наработок. Это не может заменить нормального анализа актуальной ситуации и тенденций ее развития.

Главная угроза: демонтаж народа. Она заключается в том, что в России продолжается процесс распада всех общностей (кроме, возможно, криминальных). Этот процесс запущен реформами 90-х годов, маховик его был раскручен в политических целях - как способ демонтажа советского общества. Ни остановить этого маховика, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 года не удалось (если такая задача вообще была поставлена). После 1991 г. были остановлены и, в основном, ликвидированы практически все механизмы, сплачивающие людей в общности, сверху донизу.

Разрушение государств и свержение власти происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания или демонтажа этносов. Бесплезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями. Причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран и империй, как правило, и бывал «демонтаж» народа. Повреждение механизма скрепления народа - одно из важных средств войны во все времена. Сейчас это технология, основанная на развитой науке. Применение этой технологии против нашего народа - главная угроза для России в настоящий момент и в ближайший период.

За последние двадцать лет демонтирован, «разобран» главный субъект нашей истории - народ. Всё остальное - следствия. И пока народ не будет вновь собран, не вернёт своей памяти, разума и воли, не может быть выхода из этого кризиса.

Задача «разборки» советского народа выполнялась в 90-е годы с таким перебором, что привела к повреждению или разрушению связей, которые соединяли русских в народ как надличностную общность с системными свойствами. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации), адекватной по связующей силе и разнообразию связей создано не было, и никакой программы нациестроительства государство не выработало.

В норме государство печется о сохранении народа как целого, охраняет его связность. Связи, соединяющие людей в народ, можно порвать и народ демонтировать - как демонтировались в 90-е годы рабочий класс или научно-техническая интеллигенция России. Ничего мистического в этом нет, надо просто знать, как устроены те или иные связи, собирающие людей в сплоченные общности разного типа.

Население собирается в народ на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»). Ее надо постоянно строить, обновлять, «ремонттировать». Но против нее можно и совершать диверсии - подтачивать, подпиливать, взрывать. У государства с подорванным «культурным ядром» резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается при помощи спектакля, построенного на голом отрицании и возбуждении эмоций. Это показали «оранжевые революции». Но результаты такого спектакля - того же масштаба, как у войны, вплоть до полного изъятия у населения прав на свою национальную власть и на определение своего пути. И власть, и путь ему задаются извне, право на свой «проект будущего» изымается. Грузия уже почти в таком состоянии, Украина - на грани.

Во второй половине XX века народ России существовал как советский народ. Это факт, как бы к нему ни относились. На разрушение духовного и психологического каркаса этого народа была направлена большая кампания («перестройка»). Демонтаж народа проводился целенаправленно, в форме холодной гражданской войны. Главными видами оружия были средства информационно-психологической и экономической войн.

Экономическая война внешне лишила народ его общественной собственности, а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих и технического персонала, квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению образа жизни (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение и в материальной культуре народа, и в мировоззрении.

Воздействие на массовое сознание средствами информационно-психологической войны имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, опорочены символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства - власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате была, как говорят, размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» - осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

В этом состоянии у населения РФ отсутствуют некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки национального проекта и для организации действий в защиту своего государства и даже своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться ударам, направленным на разрушение его самосознания, хотя за последние восемь лет государство понемногу начинает выстраивать оборону.

В начале реформ утверждалось, что речь будет идти о «пересборке» народа, о консолидации индивидов, «освобожденных» от уз тоталитаризма, в гражданское общество. Этому должны были служить новые отношения собственности и политические партии, представляющие интересы классов и социальных групп. Эти планы оказались утопическими, обширного «среднего класса» не возникло. Созданный квази-народ («новые русские») оказался выхолощенным, лишенным творческого потенциала и неспособным к строитель-

ству. Возникла патологическая социальная система - старый народ наполовину «разобран», а новый никуда не годен.

В результате совокупность социальных общностей как структурных элементов российского общества, утратила «внешний скелет», которым для нее служил народ (нация). При этом была утрачена и скрепляющая народ система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали все общности как часть их «внутреннего скелета» и как каналы связей с другими общностями. Россия утратила национальное информационное пространство. Она не располагает информационной системой, в которой должен вестись низовой «каждодневный плебисцит» по всем вопросам национальной повестки дня. Исчезли и каналы, по которым до всех граждан одновременно доводилась эта повестка дня. В силу ряда причин телевидение этой функции выполнять не может, это канал политической рекламы.

Сразу же началась деградация внутренних связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Ликвидированы даже такие простые исторически укорененные социальные формы, как общее собрание трудового коллектива (аналоги сельского схода в городской среде). В России продолжается деклассирование рабочих. В ходе реформы контингент промышленных рабочих сократился вдвое, на 10 млн. человек. Значительная часть их опустилась на «социальное дно». Деградирует системообразующая для России большая специфическая общность – интеллигенция. Она замещается «средним классом» - новым социокультурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. Высшее образование сейчас ежегодно поставляет на рынок труда около 600 тыс. таких суррогатных интеллигентов – при численности выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям 26 тыс.

Возрождение страны и выход из нынешнего кризиса будут происходить по мере новой «сборки» народа из большинства населения посредством восстановления его культурного ядра с преемственностью исторического цивилизационного пути России.

Кампания по демонтажу народа нанесла России тяжелейший удар, но главные мировоззренческие устои выдержали его. Если будет государственная воля и самоорганизация снизу, «ремонт и сборка» народа могут быть произведены очень быстро.

Демонтаж общежития народов. Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная»). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. За пять веков в России был выработан сложный и даже изоциренный тип межнационального общежития. Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ собрать на большом пространстве империю неколониального типа. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, не было планомерной ассимиляции, не создавался «этнический тигель», сплавляющий всех в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах.

Конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости, и ими умелые противники пользовались. Например, всю вторую половину XIX века либеральные западники, а с конца века и марксисты, интенсивно использовали для подрыва легитимности Российской империи и монархического строя идеологическую концепцию России как «тюрьмы народов». Как только монархия зашаталась, подросшая национальная буржуазия стала рвать ее на куски. В этом деле не отставала и элита русских областей (например, Сибири).

В феврале 1917 г. Российская империя, по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня». Это в большой мере произошло потому, что ее растащили «по национальным квартирам». В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены важными экономическими, политическими и культурными механизмами. Насколько они были эффективны, показала Великая Отечественная война.

В советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии - формирование большой многонациональной «гражданской» нации с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. Но, как любая большая система, нация может или развиваться и обновляться, или деградировать. Застой означает распад соединяющих ее связей. Это болезненное состояние возникло в момент противостояния с внешними силами («холодной войны») и было использовано противником. Решение перенести главное направление информационной войны против СССР с социальных проблем на сферу межнациональных отношений было принято в 70-е годы. Но шоры исторического материализма не позволили осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет».

Антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в большой мере опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности, направленной против целого. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции.

В этой большой операции противникам России удалось произвести два стратегических прорыва. Во-первых, политизированное этническое сознание нерусских народов в значительной мере было превращено из «русоцентричного» в «этноцентричное». С конца 80-х годов прилагались огромные усилия, чтобы в нерусских народах разбудить «племенное» сознание - этнический национализм, обращенный вспять, в мифический «золотой век», который якобы был прерван присоединением к России. Это резко затрудняет восстановление испытанных веками форм межнациональных отношений, создает новые расколы, замедляет преодоление кризиса из-за нагромождения новых, необычных задач.

Во-вторых, «социальные инженеры», которые сумели настроить национальные элиты против союзного центра и добиться ликвидации СССР, взрастили червя сепаратизма, который продолжает грызть народы постсоветских государств. Та трещина, которая прошла по Украине, говорит о беде, зреющей во многих народах. Соблазн разделения идет вглубь, и даже народы, давно осознавшие себя едиными (например, мордвины), начинают расколоться на субэтноты.

В России сумели подавить и опорочить державный национализм, который соединяет родственные народности в народы, а народы - в большую нацию. Взамен в массовое сознание «накачивают» этнонационализм, ведущий к разделению или даже стравливанию народов и к архаизации их культуры.

Эта угроза продолжает вызревать и порождать новые, производные от нее опасности.

Ухудшение «личного состава» страны. Реформа нанесла тяжелый урон населению. Ухудшилось физическое и психическое здоровье большинства граждан России всех возрастов и социальных групп - народ болен в прямом смысле слова. Быстро снижаются формальные и качественные показатели уровня образования, наступает невежество и мракобесие. Упала до красной черты и продолжает падать квалификация главных групп работников. Подорваны нормы человеческих отношений и способность к самоорганизации. Возникли «малые народы», подгрызающие структуры цивилизации («гунны»). Наступает «цивилизация трущоб», привыкающая к своей культуре.

Сильную культурную травму нанесла приватизация промышленности. В результате значительное число мужчин, сразу лишившихся социального статуса и доходов, скатились к

алкоголизму. В России, по данным Госкомстата, употребление этилового спирта на душу населения возросло в период с 1991 по 1995 год вдвое, а число алкогольных психозов — почти в четыре раза.

В 2005 г. на конференции «Медико-социальные приоритеты сохранения здоровья населения России в 2004-2010 гг.» директор ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского, бывший министр здравоохранения РФ Т. Дмитриева сообщила, что уровень психических расстройств с начала 1990-х годов увеличился в 11,5 раз. Растет и смертность, и тяжелая заболеваемость, связанная с психическими расстройствами. В частности, 80% инсультов в стране происходит на фоне депрессий.

Член РАМН Б.Т. Величковский в книге «Реформы и здоровье населения страны» (М., 2001) пишет: «Ведущим фактором в детской возрастной группе является недостаточное питание. Отсутствие полноценного питания привело к тому, что в 1999 г. 10% призывников отличались дефицитом веса; более 40% беременных женщин страдали анемией, а большинство детей и молодежи не получало необходимого набора пищевых веществ и витаминов.

Для детей важным фактором ухудшения здоровья стала акселерация, которая произошла с 50-х по 80-е годы. В 19 этнических группах СССР, в том числе у русских, украинцев, белорусов, татар и башкир средний рост увеличился более чем на 2 см. Улучшение условий жизни и особенно питания не противоречили новой генетической программе. Но начиная с 1990 г. ухудшение питания сильно ударило по детям. Размеры недостаточности нынешнего питания гораздо более очевидны, если рассчитывать ее не из фактического роста ребенка в момент обследования, а исходить из длины тела при рождении, т.к. за годы недостаточного питания рост ребенка уже отстал от генетической программы».

Это положение преодолевается медленно – система стабилизировалась. Число рожениц, в момент родов страдавших анемией, в 2000-2007 гг. сохраняется на уровне 42-43% (в 1985 г. - 5%). Около 40% детей рождается больными. На очень высоком уровне держится заболеваемость туберкулезом.

Вся кампания по подрыву мира символов, которая велась средствами культуры — словом — оказала исключительно тяжелое разрушительное воздействие. Оно во многом предопределило глубину культурного кризиса, который выразился в скачкообразном повышении смертности, вспышках насилия, огромном числе несчастных случаев. Как пишет Б.Т. Величковский, причина повышенной уязвимости сознания населения России в том, что, как установил в 1932 г. И.П. Павлов, у русских «условные рефлексы координированы не с действием, а со словом».

Кризис обостряет эту латентную угрозу. Сама угроза крайнего обеднения запускает цепной процесс роста числа психических расстройств. Глава Научного центра социальной и судебной психиатрии Т. Дмитриева заявила на Конгрессе «Социальная психиатрия будущего» (28.11.2008): «Та ситуация с финансовым кризисом, которая сегодня существует, безусловно, может привести к увеличению числа бедных, и может возникнуть тот порочный круг, когда бедность и недоступность медицинской помощи приводит к ухудшению здоровья, в том числе и психического».

По ее словам, среди бедных психические расстройства встречаются вдвое чаще. Как сообщила Дмитриева, на первом этапе подобного рода кризисы воспринимаются абстрактно, на втором этапе он становится уже личной проблемой, когда, например, человек чувствует по себе рост цен на продукты. Россияне в данный момент находятся на втором этапе восприятия кризиса. Вслед за вторым этапом в подобных ситуациях появляется всплеск общественной активности, который постепенно переходит во всплеск агрессивности.

«Поэтому очень бы хотелось надеяться, что проблема кризиса уже на первых этапах будет взята под контроль. ... Вся психологическая и психиатрическая службы должны сегодня

начать очень серьезно работать по поддержке психологического состояния населения», - подчеркнула Дмитриева.

Деградация основных фондов России. Среди угроз для России особое место занимают мировоззренческие срывы, которые усугубляются действиями государства. Если видеть реальность в ложных формах, наши решения в целом становятся принципиально ошибочными. Жизнь семьи, общества, страны требует деятельности, в которой неразрывно связаны два разных вида – создание и сохранение. Усилия того и другого рода по-разному осмысливаются, планируются и организуются. В сознании они выражаются двумя разными категориями.

В российском обществе за годы реформы из сознания вышибли категорию сохранения. Этот провал - тяжелое поражение сознания и касается он всех классов объектов, которые мы создаем и обязаны сохранять. Один из таких объектов – основные фонды страны.

Какими основными фондами реально располагает сегодня Россия? Мы видим, что очень большая часть зданий и сооружений изношена или разрушена, большая часть оборудования и машин приведена в негодность – но какова эта доля? С 1998 г. не ведется переоценка фондов, их учетная стоимость перестала быть информативным показателем. Однако из динамики натуральных показателей можно видеть, что в России с 1992 г. запущен механизм, который неуклонно и неумолимо перемалывает основные фонды страны. И этот маховик не был остановлен и после 2000 года. Нынешняя волна кризиса, скорее всего, лишь ускорит вращение этого маховика.

Например, с 1991 г. был практически прекращен капитальный ремонт жилищного фонда России. И это достояние страны стало на глазах деградировать и ветшать. На глазах всего общества ЖКХ идет к катастрофе, но все внимание направлено лишь на строительство новых домов. Это важная задача, но ведь нового жилья строится в год всего 1,5% уже имеющегося, которое надо сохранять. Самой актуальной общенациональной проблемой стало сегодня не строительство нового жилья, а сохранение старого. В ЖКХ идет деградация его основных фондов – зданий и инфраструктуры. Это неумолимый фактор, и его игнорирование стало фундаментальной угрозой.

Результат известен: капитальный ремонт жилищного фонда почти не ведется, изношенные водопроводные, канализационные и тепловые сети почти не перекадываются. В таблице 1 приведены данные Росстата за 2006 г.

Таблица 1. Замена изношенных инженерных сетей ЖКХ в РФ (2006 г.)

	Нуждаются в замене, тыс. км	Заменено, тыс. км
Водопроводные сети	130,6	8,7
Канализационные сети	24,4	0,79
Теплосети	44,2	5,7

Положение в ЖКХ - та капля, в которой видно общее аномальное состояние государства и общества. Они утратили механизмы и нормы, которые побуждают вкладывать средства и усилия в содержание и сохранение того искусственного мира (культуры), в котором живет человек.

За 90-е годы из всех больших систем были изъяты средства, предназначенные для их содержания и ремонта. В России имелся большой речной флот, укомплектованный квалифицированными кадрами, обустроенные в масштабах всей страны предприятия по его содержанию и ремонту, пристани и фарватеры. Почему же Россия не смогла содержать эту большую систему? Были созданы условия (экономические, социальные, культурные), несовместимые с существованием отрасли – и флот распродан, кадры разбрелись. Отрасль

практически ликвидирована. Какой смысл вкладывать деньги в повторное развитие отрасли, если причины гибели не названы и не устранены?

Как же объяснить тот странный факт, что причины повсеместной деградации культурного пространства не выявляются, не устраняются и даже не становятся предметом обсуждения? Более того, вплоть до конца 2008 г. слышатся заявления, что кризис остался позади и мы вступили в период быстрого развития. Это утверждение, сформулированное в Минэкономразвития, сразу должно было бы вызвать удивление, если бы была учтена динамика деградации производственной базы.

На рис. 3 представлена динамика возрастания доли старого (возраст более 20 лет) производственного оборудования. Вплоть до 2005 г., когда этот показатель перестали публиковать, не произошло ни малейшего изменения этой динамики. В России почти прекращено производство тракторов, но сохраняется иллюзия, что его можно легко возобновить. На деле производственные мощности тракторостроения уменьшились к концу 2006 года примерно в 5 раз.

За годы реформ изъято из оборота 42 млн. га посевных площадей. Треть земли, которую возделывали много поколений, дичает – ее не пашут, не удобряют, не засевают. Еще быстрее идет деградация активной части основных фондов сельского хозяйства – машинного парка. Никаких сдвигов к лучшему нет – парк тракторов сокращается равномерно каждый год. Нагрузка на трактор достигла в 2006 г. 187 га пашни (5,3 тракторов на 1000 га пашни), а если бы землю не выводили из оборота, то она составила бы уже 206 га.

В норме при «рыночном» сельском хозяйстве в европейских условиях требуется около 120-170 тракторов на 1000 га пашни. В более благоприятных почвенно-климатических условиях Западной Европы нормальной является такая нагрузка пашни на трактор: в Германии 8 га, в Италии – 6 га. Например, в ФРГ в 90-е годы реально имелось 180-190 тракторов на 1000 га пашни – в 33 раза больше, чем в России.

В России создан механизм, который перекачивает средства, предназначенные для содержания основных фондов, в потребление. С 1992 г. в сельскохозяйственных организациях России число тракторов сократилось в три раза – а число личных легковых автомобилей в России увеличилось в три раза (рис. 4).

Чрезвычайным нарушением меры является несоизмеримость величин утраты основных фондов и мер по их возмещению. В момент кризиса это тем более опасно. Вот справка Минсельхоза (2006): «В 2005 году в целом по России численность крупного рогатого скота к уровню 2004 года уменьшилась более чем на 1,5 млн. голов, в том числе коров - на 722 тыс. голов. Таким образом, мы катастрофически теряем базу производства продукции животноводства». поголовье уменьшается на 1,5 млн. голов, а Национальный проект в сельском хозяйстве кредитует покупку 50 тыс. телят в год. Это величины несоизмеримые.

Вот другая справка Минсельхоза (2007): «На условиях лизинговых поставок хозяйства Российской Федерации через ОАО «Росагролизинг» с начала текущего года, получили 1974 трактора», - а выбытие тракторов за годы реформы составило около 1 миллиона машин.

Правительство применяет неадекватные индикаторы состояния ЖКХ и на их основании принимаются меры, неадекватные угрозе, они с ней несоизмеримы. Населению внушается иллюзия разрешения проблемы ветшания жилищного фонда и его инженерной инфраструктуры, в то время как проблема выходит из-под контроля и государства, и местного самоуправления, и самого населения.

Как известно, с 2010 г. стоимость капитального ремонта жилых домов будет целиком возмещаться самими жильцами. Средства на ремонт накапливаются из ежемесячных платежей собственников квартир, вносимых вместе с оплатой за услуги ЖКЖ. Вот сообщение

от 23.12.2008: «Правительство РФ утвердило федеральные стандарты оплаты жилья и коммунальных услуг по России на 2009-2011 годы. Постановлением утвержден федеральный стандарт стоимости капитального ремонта. За один квадратный метр жилья в месяц россияне заплатят в 2009 году — 4,5 рубля, в 2010 году — 5 рублей, в 2011 году — 5,6 рубля».

Капитальный ремонт должен производиться через 25 лет эксплуатации. В настоящий момент около 2/3 городского жилищного фонда нуждаются в капитальном ремонте. Объем капитального ремонта, «отложенного» только за 1991-2004 годы, составляет 1,9 млрд. кв. м. Таким образом, практически все городское население России должно готовиться оплатить капитальный ремонт своего жилья. Сколько это стоит реально?

В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по РФ должна была составить в 2008 г. 19,5 тыс. рублей за 1 кв. метр (включая НДС).

Эта величина несоизмерима с «федеральным стандартом стоимости капитального ремонта», который утвержден Правительством. Жильцы вносят плату за ремонт из расчета 4,5 руб. за 1 кв. м. в месяц или 54 руб. в год или 1,35 тыс. руб. за 25 лет (в ценах 2008 г.). Это составляет 7% от реальной стоимости ремонта.

Таким образом, государство официально перестает оплачивать капитальный ремонт жилищного фонда страны, но не решается включить его реальную стоимость в счета на оплату услуг ЖКХ самими жильцами. Таким образом, на прогнозируемый период кризиса (2009-2011 годы) вторая по значимости, после снабжения продовольствием, система жизнеобеспечения населения остается без защиты государства и других институтов общества.

Это – важное политическое решение. Оно требует фиксации в общественном сознании, объяснения и предупреждения о распределении тягот по ликвидации последствий (аварий, отказов, чрезвычайных ситуаций).

Экономическая «открытость» России. Экономическая реформа раскрыла хозяйство России мировому рынку. В.В. Путин сказал, объясняя причины кризиса: «Россия стала частью мировой экономики, и это неплохо. Но сегодняшнее событие [кризис] - это и плата за то, что мы так стремились стать частью этой мировой экономики».

Это утверждение вызывает ряд вопросов. Разве Россия (в том числе в облике СССР) не была «частью мировой экономики»? Каковы критерии для оценки? Если взять объем и структуру внешней торговли СССР, его участие в больших зарубежных проектах (типа строительства Асуанской ГЭС), то уровень интеграции следует считать по тем временам вполне приемлемым. Скорее, в результате реформы Россия изменила тип своего вхождения в мировую экономику. Но какова плата за смену этого типа? Цену Россия платит в виде кризиса и социального бедствия, и возложили ее именно на ту часть общества, которая такого «вхождения в мировую экономику» не желала. Это и создало в обществе глубокое противоречие. Нынешний кризис его резко обостряет.

В 90-е годы государство демонтировало защитные механизмы, которые придавали экономике СССР кризисоустойчивый характер, и не выстроило альтернативные защиты. Россия, резко ослабленная кризисом 90-х годов, оказалась полностью раскрытой и незащищенной против «импорта» чужих кризисов.

Несмотря на это, правительство подтверждает свою установку на максимальную открытость экономики. В интервью агентству «Блумберг» (27.01.2009) В.В. Путин сказал: «Российская экономика является открытой, мы ввели 1 июля 2007 года правила, полностью либерализующие финансовый рынок, и мы сохраняем этот режим, несмотря ни на какие

финансовые сложности. Мы к иностранным инвесторам будем относиться так же, как и к своим собственным, как к родным».

В.В.Путин даже специально подчеркнул (4 декабря 2008 г.): «Мы не собираемся никак ограничивать те либеральные правила ввоза и вывоза валюты, и денег вообще, которые мы ввели еще с 1 июля 2007 года, когда полностью перешли к либерализации валютного рынка». Но ограничения на вывоз валюты – обычная мера в момент кризиса, тем более, если национальная финансовая система слаба (как это имеет место в России). Разве кризис не изменил положение по сравнению с 1 июля 2007 года?

Каковы же результаты такой открытости? Примером могут служить ее последствия для одной из крупнейших горно-металлургических промышленных групп России – группы «Евраз» (41% ее акций владеет Р. Абрамович). Она зарегистрирована в Люксембурге, формальным собственником 76% акций является фирма «Lanebrook» (Кипр), бумаги группы «Евраз» торгуются на Лондонской бирже и не имеют хождения в России. В мае 2008 года капитализация группы «Евраз» составляла 46,12 млрд. долл., а после 19 ноября составила 1,95 млрд. Огромный кусок промышленной собственности России в результате спекуляций на Лондонской бирже потерял 95,8% своей стоимости.

Разве этот процесс не создает угрозы для российской экономики? По сообщениям прессы, экс-заместитель председателя Госдумы, ныне председатель совета директоров группы «Еврофинанс», Михаил Юрьев на этот счет высказался так: «Сейчас сложно сказать, для каких предприятий будет критично перейти в руки иностранцев, для каких – нет. Вообще, эта проблема не столь актуальная, как ее пытаются представить. Допустим даже, часть заложенных активов за долги перейдет иностранным инвесторам. Ну и что? Сейчас эти активы стоят в разы дешевле, чем суммы долгов. То есть, можно только порадоваться за наших, и пожалеть иностранцев».

В обществе эти сообщения породили напряженность: кто в данный момент является собственником активов российской промышленности? Какая часть их перешла в руки иностранных владельцев? Почему правительство не обнародует этих сведений? Эта неопределенность – фактор дестабилизации.

Переориентация российского хозяйства на внешний рынок привела к важной деформации экономики – секторному разрыву. Это потеря народным хозяйством качеств целостной системы: промышленность удовлетворяет потребности мирового хозяйства и перестает обеспечивать материалами и техникой отечественное сельское хозяйство. Село свертывает производство, его основные фонды деградируют, а сельское население переживает социальное бедствие. В начале XX века именно это следствие развития промышленности России в рамках периферийного капитализма создало экономические причины для революции.

Секторный разрыв, созданный реформами 90-х годов, не был так заметен, когда продукция промышленности поставлялась на экспорт, но кризис сделал этот разрыв очевидным.

Вот его проявление. В России выведена из оборота треть посевных площадей и резко сократился объем применения минеральных удобрений (с 9,9 млн. т в 1990 г. до 1,1 млн. т в 1999 г.; после 2000 г. колеблется на уровне 1,3-1,7 млн. т). В результате импорт продовольствия и сельскохозяйственных продуктов в 2008 г. составил более 35 млрд. долларов. Он составляет около 40% розничной торговли.

Таким образом, в России имеется острая потребность в продовольствии, имеются в избытке земля и рабочая сила для его производства, а также имеется развитое производство минеральных удобрений и техники для сельского хозяйства. Но между промышленностью и сельским хозяйством после 1991 г. возник разрыв – в результате новых условий ведения хозяйства. В 2006 г. в страны вне СНГ было экспортировано 74% произведенных минеральных удобрений.

Что произошло в ноябре-декабре 2008 года? Из-за кризиса на внешнем рынке сократился экспорт и было парализовано производство минеральных удобрений в России. В ноябре 2008 г. производство минеральных удобрений составило 48,4% от уровня ноября 2007 г., в декабре – 64,2% от уровня декабря 2007 г. (а фосфатных удобрений 45%). Производство колесных тракторов в декабре снизилось относительно декабря 2007 г. в 9 раз.

Вот очевидный факт: крупные отрасли промышленности в результате реформ утратили связь с острыми потребностями народного хозяйства России и жизнеобеспечением ее населения. Это – фундаментальная предпосылка для углубления кризиса и причина уязвимости экономики. Адекватных действий по ликвидации этого разрыва правительство не предпринимает.

Рост масштабов и углубление бедности. Одним из наиболее разрушительных для России следствием реформы в социальном плане стало обеднение большинства граждан. Известно, что в рыночной экономике бедность вызвана не недостатком материальных благ, она – целенаправленно и рационально созданный социальный механизм. Масштаб и глубина бедности сознательно задаются социальной и экономической политикой.

Население России обеднело в силу целого комплекса причин, среди которых важное место занимает изменение типа распределения доходов. Это распределение с 1992 года стало аномально неравномерным (см. рис.). При резком снижении среднего значения реальной заработной платы и кардинальном изменении принципов ценообразования оно означало крайнее и быстрое обеднение основной массы населения (рис.). Нетрудовые доходы стекались со всей России в очень немногие точки, и по среднедушевым доходам стали резко различаться регионы. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,53 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, в 2006 г. составила 10,2 раза.

Стратегическая задача предупреждения бедности вообще не была поставлена, не было сделано никаких шагов в решении срочной чрезвычайной задачи – предотвращения крайней бедности. В результате в России возникла устойчивая бедность – постоянное состояние значительной части населения. Сложилась уникальная в современном обществе категория «новых бедных» - групп работающего населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными.

Искусственное создание бедности в России - колоссальный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у многих не укладывается в голове - люди считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни.

К 1996 г. сформировалось «социальное дно», составляющее 10% городского населения. В состав его входят: нищие (3,4 млн.), бездомные (3,3 млн.), беспризорные дети (2,8 млн.) и уличные проститутки (1,3 млн.). Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% - высшее. Сложился и равновесный слой «придонья» (зона доминирования социальной депрессии и социальных катастроф), размеры которого оцениваются в 5% населения). Как сказано в отчете социологов, находящиеся в нем люди «испытывают панику».

Важной особенностью российской бедности является и тот факт, что она, будучи создана посредством нанесения по обществу ряда молниеносных ударов (типа либерализации цен в январе 1992 г. конфискации сбережений граждан, приватизации), в дальнейшем стала воспроизводиться и углубляться в результате ряда массивных, очень инерционных, процессов. К ним относятся: ликвидация и деградация рабочих мест; деградация ЖКХ; ухудшение физического и духовного здоровья обедневших людей; угасание трудовой и жизненной мотивации, снижение квалификации работников и быстрое нарастание малограмотности и неграмотности; укрепление теневой и криминальной экономики.

Любая антикризисная программа строится исходя из определенных мировоззренческих представлений. Традиционное для России и либеральное понимание бедности – это две полярные мировоззренческие концепции. Планируя борьбу с бедностью в условиях кризиса, правительство не может уклониться от того, чтобы определить свой вектор между этими двумя полюсами.

В.В.Путин сказал в Послании 2003 г.: «Россия должна быть и будет страной, где права собственности надежно защищены, а экономические свободы позволяют людям честно работать, зарабатывать. Зарабатывать без страха и ограничений».

Из этой программной формулы исключена мера, что выводит ее за рамки логики. «Честно зарабатывать» и «зарабатывать без ограничений» – вещи несовместимые. Как, например, может «зарабатывать без страха и ограничений» врач или милиционер? Слово «зарабатывать» есть ложное обозначение. Рыночная терминология различает заработок, предпринимательский доход и доход на капитал. Мог ли Р.Абрамович «заработать» за пять лет 12 млрд. долларов? Доходы Абрамовича – не заработок, а доход от изъятия ресурсов из кладовых России и их продажи на внешнем рынке. Если государство допускает такие изъятия и спекуляцию «без страха и ограничений», то не выполняет своих функций даже «ночного сторожа» и ведет дело к кризису. Применяя в обращениях к обществу ложные понятия, власть к тому же подрывает свою легитимность, что усугубляет кризис.

В Послании 2004 г. сделано общее утверждение: «Никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей политики не будет». В тот момент доходы от нефти маскировали анти-социальный характер этого утверждения. Кризис заставляет вновь определиться. Отношение к бедности как массовому социальному явлению нынешней России – фундаментальный принцип политики. Без пересмотра этого принципа преодоление кризиса невозможно. Или социал-дарвинизм – или принцип социального государства.

Об антикризисной программе «защиты от бедности» можно сказать следующее.

201

Предусматриваемые в программе действия можно разделить на две категории: 1) действия по нейтрализации или смягчению кризисных явлений, создающих угрозы для населения в целом; 2) «адресные» действия, направленные на поддержку конкретных специфических общностей.

К первой категории относятся меры по стабилизации и укреплению систем жизнеобеспечения, которые особенно уязвимы во время кризисов. Это системы энерго-, водо- и тепло-снабжения, продовольственного снабжения, охраны порядка и гражданской безопасности, контроля за средствами воздействия на массовое сознание (слухов, нагнетания панических страхов, провокаций).

К действиям, направленным на защиту «групп риска», относятся меры по предотвращению массовой безработицы; утраты доходов, собственности и доступа к социальным благам; профилактику или разрешение социальных и других межгрупповых конфликтов с применением насилия; противодействие криминализации конкретных общностей и т.п.

Необходимой аналитической операцией является выявление уязвимых сторон каждой «группы риска» и, одновременно, рисков самоорганизации в этих группах структур, создающих потенциальные угрозы для других групп населения или для государства.

Размеры контингента бедных в России строго не определены, поскольку уровень прожиточного минимума устанавливается в административном порядке. Например, в I квартале 2008 г. Росстат определил численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума как 23 млн. человек или 16,3% населения (в 2007 г. 13,4%). В IV квартале 2007 г. при выборочном обследовании Росстатом 31,1% опрошенных определили свое личное материальное положение как «плохое» и «очень плохое».

А в октябре 2008 г. председатель Совета Федерации С. Миронов заявил, что за чертой бедности живет треть населения РФ. Он сказал: «Официальная статистика существенно занижает масштабы бедности российского населения. Реально бедных в России никак не менее трети населения»... Специалисты объяснили, почему официальная статистика отличается от фактической. «У нас занижается прожиточный минимум для пенсионеров (он на 20–30% ниже, чем у трудоспособного населения). За счет этого они искусственно выводятся из категории бедных», – сообщила член комитета Госдумы по бюджету и налогам Оксана Дмитриева».

Особенно тяжелое положение сохраняется в сельских поселениях. Согласно материалам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств (Росстат), в 2007 г. в сельских поселениях проживали 39,6% домохозяйств России, относящихся к категории «малоимущих», и 53,2% относящихся к категории «крайне бедных», хотя на селе проживало 26,6% населения России. При этом увеличение численности бедных сельских жителей продолжалось постоянно в 2004–2007 гг.

В разряд «малоимущих» и «крайне бедных» переходит значительная часть семей, имеющих детей. В 2007 г. в России 1,5% домохозяйств имели 3 и более детей. Но на эту общность приходилось 4% от всех «малоимущих» домохозяйств России и 9,7% «крайне бедных». То есть, среди семей с тремя детьми крайняя бедность встречалась в 6,5 раз чаще, чем в среднем по всем домохозяйствам России. В семьях с одним ребенком это наблюдалось в полтора раза чаще, чем в среднем, а в семьях с двумя детьми – в 2,2 раза.

Возможности снижать потребление у людей с доходами ниже или вблизи уровня прожиточного минимума очень невелики. Даже сравнительно небольшое сокращение доходов скажется очень болезненно. Речь будет идти об утрате доступа к витальным благам – продовольствию. У бедных нет накоплений на черный день и активов, которые можно продать, поэтому при инфляции или потере работы они столкнутся с нехваткой средств на самое необходимое.

В программе защиты населения важно выявить пороговые точки и критические явления в процессе обеднения, за которыми начинаются лавинообразные цепные процессы (например, вспышки преступности, погромы, «этнические» конфликты с трудовыми мигрантами). Критической точкой в сокращении доступа к жизненным благам является переход от бедности к нищете. Переход через этот порог резко меняет духовное состояние человека – он «опускает руки». Чтобы помочь человеку удержаться в бедности и не переступить этот порог, нужны очень небольшие ресурсы (даже, скорее, не материальные, а организационные и культурные).

В качестве ограничения во все программы можно было бы включить требование, чтобы в ходе кризиса не произошло углубления бедности тех, кто имеет доходы ниже уровня прожиточного минимума, а также увеличения численности «социального дна». Действия по поддержке этой группы риска следует считать чрезвычайными и срочными. Вероятно, это потребует перераспределения средств, то есть, сокращения доходов в благополучных (и тем более богатых) социальных группах.

Третий контингент, нуждающийся в защите – работники, которые потеряют работу вследствие спада производства и сокращением спроса на товары и услуги в России и на мировом рынке. Согласно опросам конца ноября 2008 г., «почти половина граждан России бояться лишиться работы в следующие три месяца». Председатель комитета Госдумы по международным делам Константин Косачев заявил (25.11.08): «Рост безработицы станет преобладающим трендом в ближайшие шесть месяцев».

Страх перед безработицей сам становится угрозой, воздействуя на сознание как работников, так и работодателей. Вероятно, увольнения и прием на работу будут происходить волнами, что свидетельствует о нестабильности системы.

По оценкам, при сохранении той же динамики увольнений, что в ноябре-декабре 2008 г., к марту 2009 года без работы могли остаться еще 2 млн. человек, то есть, уволено с работы около 3-4% экономически активного населения.

Четвертую большую и чрезвычайно уязвимую группу составляют трудовые мигранты, нанимаемые на теневом рынке рабочей силы (главным образом в строительстве), с грубым нарушением трудового законодательства, часто без минимальных социальных гарантий. Живя далеко от дома, нередко на полулегальном положении, они сплачиваются в общности, пребывающие в состоянии латентного конфликта с местным населением. Во многих местах массовые увольнения ставят этих работников в отчаянное положение.

Процессы обеднения и утраты работы являются массивными, и предлагаемые правительством меры защиты несоизмеримы с их масштабами. Потенциал общественных работ, переучивания и переезда работников в другие местности неадекватен проблеме. Пропаганда по телевидению этих мер как эффективной социальной защиты для миллионов человек вызывает нарастающее раздражение в обществе.

Реальная защита «групп риска» возможна только через создание новых социальных форм, выходящих за рамки рыночных отношений, и за счет мобилизации «дремлющих» бесплатных ресурсов (как, например, земли, солнечной энергии и рабочих рук). Кризис в чрезвычайных ситуациях требует сложения ресурсов, а не их рыночного обмена.

Так, во многих случаях крупное предприятие вместо увольнения рабочих могло бы совместно с сельскими поселениями создать на выведенной из оборота пашне подсобное хозяйство в статусе цеха, где простаивающие работники работали бы во время кризиса вахтовым методом. Организацию таких структур государство могло бы частично финансировать за счет пособий по безработице, полагающихся работникам, которые были бы уволены.

Россия еще обладает важным культурным ресурсом, который может помочь пережить и преодолеть кризис – опытом ведения «безденежного» (по типу «натурального») хозяйства в современном промышленном обществе, а также опытом солидарного переживания бедствий без сбрасывания части населения в крайнюю бедность. Использование или подавление этих ресурсов – политический выбор государства. По нему все социальные группы будут судить о стратегических намерениях власти.

Чрезвычайная угроза - подрыв легитимности государственной власти. Подрыв легитимности нынешней государственной власти, без шансов возникновения дееспособной альтернативной власти через революцию, приведет к крупномасштабной системной катастрофе.

В ближайшие один-два года возникнет наложение нескольких кризисов, подрывающих легитимность (авторитет) власти. В этом случае может проявиться кооперативный (синергический) эффект взаимного усиления разнородных факторов. Этот эффект по своей силе нередко во много раз превышает сумму сил всех факторов, действующих поодиночке. Антикризисная программа должна предотвращать кооперативное взаимодействие негативных факторов или разрушать возникшие зародыши таких кооперативных систем. Это – важнейшее условие успеха.

Авторитет власти определяется двумя «срезами» реальности – объективными условиями жизни общества и восприятием этой объективной реальности. Оба эти среза важны, а иногда более важным является именно восприятие реальности.

В 90-е годы РФ переживала глубокий кризис легитимности власти. Проявлением его были раскол общества по отношению к режиму Ельцина, вспышки политического насилия, сепаратизм окраин, война в Чечне, аномальные масштабы преступности и коррупции, демографическая катастрофа. После 1999 года этот кризис стал смягчаться и «замораживаться». Программа В.В.Путина была воспринята как преодоление ельцинизма, что успокоило

страсти и породило надежды, авторитет власти вырос, хотя равновесие еще не было устойчивым.

Однако после 2000 г. сомнения в легитимности государственного строя не были рассеяны, поскольку массивные процессы деградации основных фондов, систем жизнеобеспечения и социальной сферы продолжались. Положение было стабилизировано тем, что восприятие реальности стало более оптимистическим, так как правление В.В.Путина, укрепленное нефтедолларами, оценивалось в сравнении с разрухой и беспорядком 90-х годов.

Теперь же, в условиях кризиса, более мрачными станут и оценка объективной реальности, и ее субъективное восприятие. Грядущие «тощие» годы будут сравниваться с всплеском конъюнктурного потребления 2003-2008 гг. и с несбывшимися надеждами «эпохи Путина». Если произойдет срыв в программах социальной защиты населения, если будут спровоцированы конфликты по всем трещинам, разделившим общество, то кооперативный эффект самых разных видов недовольства откроет дорогу «оранжевой» коалиции. Для ее усиления в России есть кадры, информационная инфраструктура, идеологические и художественные средства, финансовая и технологическая поддержка из-за рубежа.

Кризис резко обострил и выявил конфликт интересов, расколовший российское общество в 90-е годы и лишь ослабленный потоком нефтедолларов. Сейчас общество находится в ожидании, пока власть определит свою стратегическую линию в этом конфликте. После этого или начнется поиск компромиссов, или поляризация.

В настоящий момент дискурс («язык» в широком смысле слова) государственной власти направлен почти исключительно на поиск консенсуса с благополучной (и даже богатой) частью общества, составляющей небольшое меньшинство населения. Более того, в некоторых заявлениях даже подчеркивается классовый, а не национальный, характер антикризисных программ. Это ошибочная установка.

В последние годы упор при создании идеологии, легитимирующей современный политический порядок, делается на средний класс. Он представляется ядром общества и социальной базой власти. Сама эта доктрина еще очень сырая, разработка идеологии среднего класса ведется вяло, плодотворной методологии для нее не предложено. Попытка взять для нее за основу классический европейский либерализм была ошибочной, поскольку его философия неадекватна нынешней реальности. Попытка гибридизации остатков либерализма с Православием и Самодержавием успеха также не имела.

28 ноября 2008 г. программное заявление сделал В. Сурков. Он сказал: «Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену».

В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть. Сурков подчеркнул: «Помочь среднему классу пережить следующий год без серьезного ущерба. Поддержать уровень занятости и потребления... Потому что российское государство - это его государство. И российская демократия - его. И будущее у них общее. Нужно позаботиться о них. Россия - их страна. Медведев и Путин - их лидеры. И они их в обиду не дадут».

Такая классовая риторика лишает в сознании большинства авторитета любую государственную программу борьбы с кризисом. На каком основании государство собирается «поддержать уровень потребления» среднего класса за счет тех, у кого уровень потребления уже ниже физиологического минимума? На основании того, что «российское государство - это его [среднего класса] государство»? Выходит, для большинства это – чужое государство? Вот и готов пусковой двигатель для подрыва легитимности.

Подобные заявления сокращают возможность «кризисной» консолидации общества. Реально, в России уже сложилась система коммуникаций, в которой обмен сообщениями в режиме диалога происходит только между властью и крупным бизнесом. Ряд больших социокультурных общностей абсолютно исключен из пространства диалога. И это именно те общности, которые в наибольшей степени способны стать активной силой мобилизационной антикризисной программы.

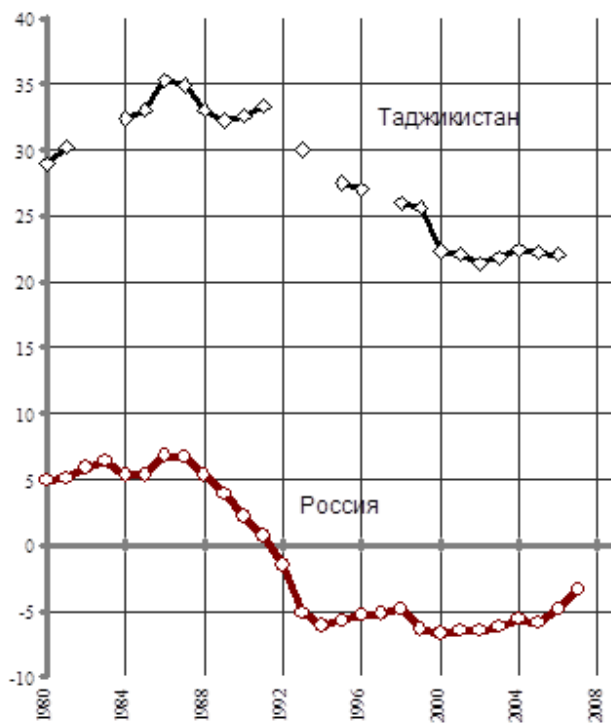

Рис. 1. Естественный прирост (убыль) населения в России и Таджикистане (на 1000 человек населения)

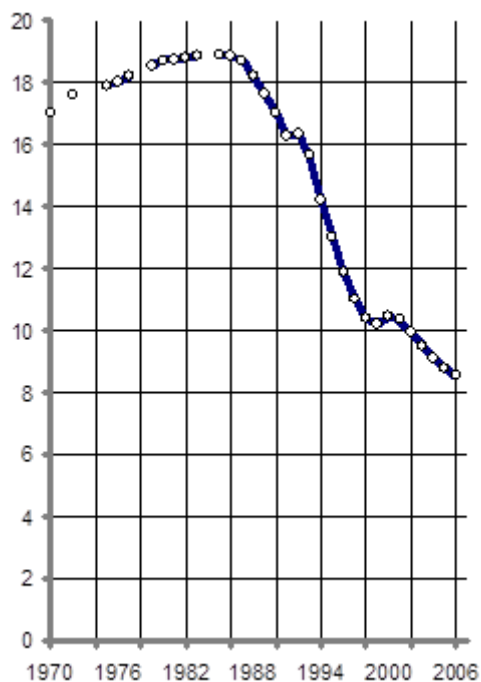

Рис. 2. Численность рабочих в промышленности России, млн.

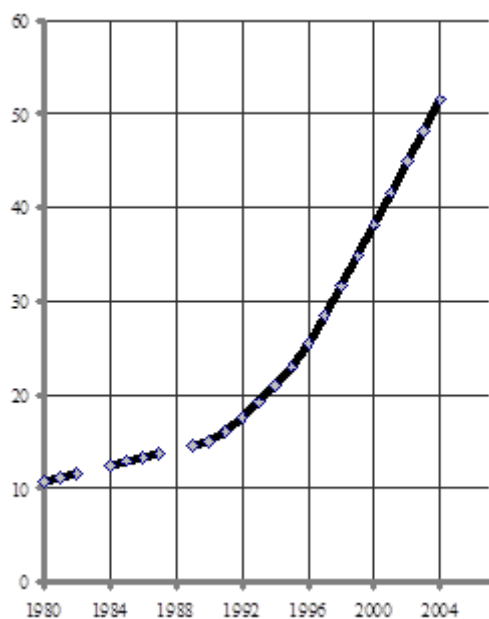

Рис. 3. Доля производственного оборудования в промышленности РФ, имеющего возраст более 20 лет, % (после 2004 г. этот показатель не публикуется).

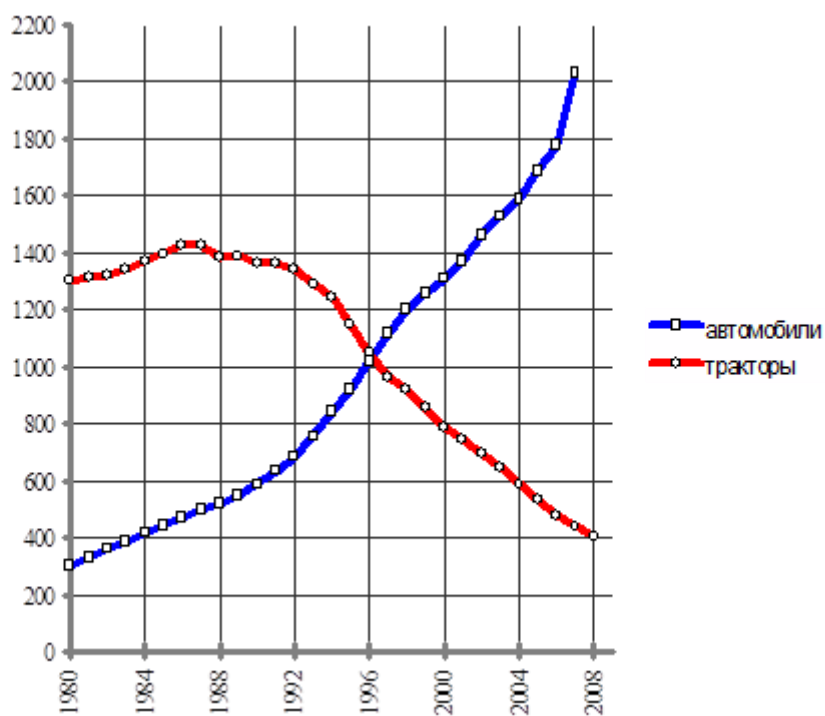

Рис. 4. Число легковых автомобилей в личной собственности (на 10000 человек населения) и парк тракторов в сельскохозяйственных предприятиях (тыс.) в России

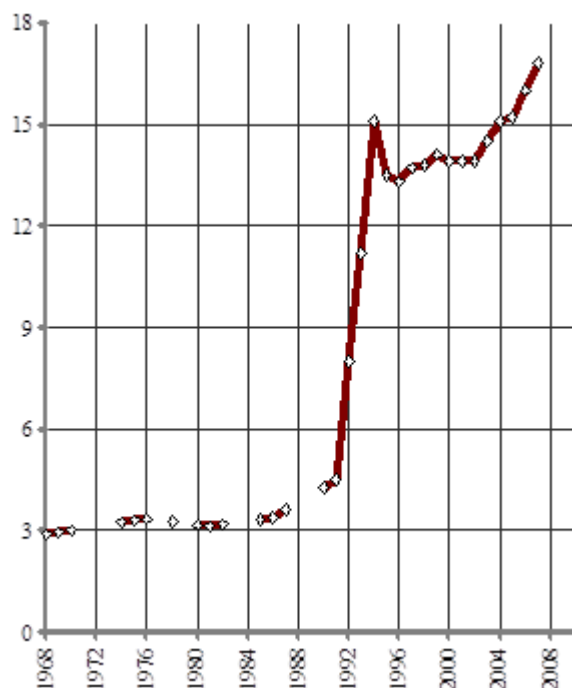

Рис. 5. Расслоение общества по доходам в России: децильный фондовый коэффициент дифференциации (Росстат)

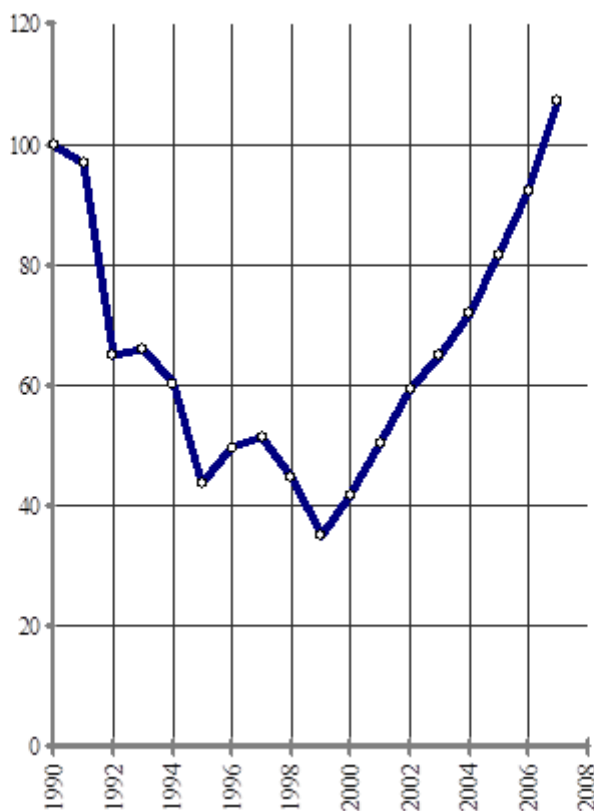

Рис. 6. Индексы реальной заработной платы работников (1990 = 100)

Май

22.05.2009. Простите за отсутствие - работа задушила. Из новой работы: раздел о региональном сепаратизме

Еще один механизм демонтажа народов (в том числе русского) – конструирование региональной этничности. Выше уже говорилось об этническом разделении «горных» и «луго-

вых» марийцев, о попытках выделить из народа коми население одного района (коми-ижемцев). Усилия в этом направлении не прекращаются. Так, в октябре 2006 г. в Ростове-на-Дону, в Ростовском государственном (!) университете прошла международная конференция, посвященная проблеме «формирования южнороссийской идентичности». Она была организована Американским советом научных сообществ и Международной гуманитарной школой. Спонсорами выступали организации США. Докладчики с Украины и из Польши обсуждали способы расколоть единое русское сознание [24].

В данном случае объектом было население юга России, но «региональная идея» обсуждается и в других местах. В Российском статистическом ежегоднике 2007 г. в списке национального состава России появилось два новых народа, отщепившихся от русских – поморы и казаки. Произошло этническое самоопределение достаточно большей части двух региональных общностей, чтобы официально внести их в список народов и народностей.

Программы по изменению этнического самосознания региональных общностей обычно являются лишь прелюдией к действиям в плане того или иного сепаратизма. Так, в начале 2008 г. казаки Нижне-Кубанского казачьего округа грозили отказом от российского гражданства [25]. Они мотивировали это коррупцией в Ставропольском крае, однако для выбора столь необычной формы протеста надо было сначала разогреть «политизированную этничность».

В июне 2007 года лидер «Областнической Альтернативы Сибири» М. Кулехов опубликовал на весьма посещаемом московском интернет-сайте обзор под заглавием: «Доживет ли Российская Федерация до 2014 года?» В разделе «Что такое «сибирская нация?» автор пишет: «По данным социологических опросов, проведенных в Иркутске и Братске иркутским рейтинговым агентством «Кто есть кто», за автономию Сибири выступают около 60% опрошенных, за ее государственную независимость - около 25%. На вопрос «кем вы себя считаете - «россиянином», «русским» или «сибиряком» 80% ответили - «сибиряком», и лишь 12% - «русским». При этом от трети до половины иркутян имеет бурятские или тунгусские корни. Можно вспомнить, что когда-то Забайкальское казачье войско на 80% состояло из бурят, и его составе были еще «конные тунгусы», напоминает Кулехов. Лидер ОАС считает себя именно сибирским националистом» [26].

Это – типичная конструктивистская программа «переформатирования» этнического сознания людей. Сибиряков, которые уже более полутора веков осознают себя русскими, побуждают искать «бурятские или тунгусские корни» их предков. Рядом такие же конструктивисты призывают бурят признать себя вовсе не бурятами, а потомками гуннов. В 2004 г. в статье «Потомки гуннов – объединяйтесь!» сообщалось: «Гуннский международный фонд – общественно-культурная организация, действующая в Бурятии, выступила с инициативой создания Союза гуннских родов Забайкалья. Члены фонда... считают, что только в Бурятии насчитывается 24 рода, которые ведут свою историю с эпохи гуннского царства» (см. [27]). Все это – элементы большой культурно-психологической операции по хаотизации этнического сознания населения нынешней России и демонтажа всей системы совместного проживания людей на ее территории. Это – большая война нового типа, к которой российское общество и государство не готовы и не готовятся.

Следует учесть, что все эти эпизоды возникают на фоне постоянного давления извне (со стороны США и Евросоюза) с требованием к России расширить права регионов и национальных меньшинств, снизить уровень централизации и «имперских» тенденций. Эти «геополитические партнеры» желают от России децентрализации и разрыхления, ослабления связности страны. Это – ползучая реализация доктрины Бжезинского, который заявлял о необходимости превращения России в «свободную конфедерацию, состоящую из европейской части, сибирской и дальневосточной республик».

Как мы видели со времен перестройки, все западные инициативы в отношении России быстро получают организационную базу и информационную поддержку внутри самой

России (обзор таких программ самого последнего времени дан в [25]). Участвующие в этих программах организации поддерживают нужный тонус сепаратизма и в этнических, и в региональных общностях. Упомянутый выше М. Кулехов «от имени сибиряков» заявляет: «Мы этого [распада России] не боимся... Нас пугают тем, что, отделившись, Сибирь станет частью Китая. Но мы и так колония, нам ли бояться Поднебесной? Это всё равно, что тонущего пугать водой».

Установки «Областнической Альтернативы Сибири» он излагает так: «Мы не призываем к вооруженной борьбе, партизанщине и тому подобному. Боремся пока в рамках действующего законодательства. Статья 3-я Конституции РФ говорит: «Народ является единственным источником власти». Другая статья - что международные договоры и соглашения имеют приоритет перед национальным законодательством. А ведь существует резолюция Генеральной ассамблеи ООН №1514 о самоопределении колониально зависимых стран и народов. Сибирь как колония России имеет право на самоопределение вплоть до отделения» [26].

Заметим, что в работе по разделению России активно участвуют те же политические силы, которые в конце 80-х годов трудились над расчленением СССР – «империи зла». В программном заявлении предвыборного блока «За родное Приангарье», созданного в 2004 г. региональными отделениями СПС и Народной партии, говорилось: «У нас, сибиряков - пенсионеров и предпринимателей, учителей и офицеров - есть общие враги. Это те, кто вывозит заработанный в Сибири капитал за её пределы. Наша сибирская земля велика и обильна. Пора вернуть эту землю себе!» [25]. Очевидно, что интеллектуалы из Союза правых сил прекрасно понимали, что выдвигают банальный демагогический лозунг всех сепаратистов. Наверное, им и самим было противно говорить столь низкопробные вещи, но служба есть служба.

Активной интеллектуальной группой, которая разрабатывает проекты «региональной перекройки» России, стал Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФС). В 2000 г. он представил доклад «На пороге новой регионализации России». В нем выдвигается идея «надстроить» над старыми административными регионами новые – «культурно-экономические». Эта новая система должна иметь «лоскутный» характер и разрывать территорию старой России на манер «архипелагов» – так, якобы, строится ныне «Европа регионов» (или даже «Европа самоопределившихся муниципий»)[1].

Эту идею поддерживает и Всемирный банк, который в докладе 1999 г. называет главной тенденцией начала XXI века «возрастание значения региональных и наднациональных институтов при значительной элиминации роли государства» (см. [25]). Советы России перейти к этой «новой региональной политике» даны Всемирным банком в его «Докладе об экономике России» (2005).

22.05.2009 Из новой работы: раздел о региональном сепаратизме - 2 часть

В 2004 г. был представлен доклад ЦСИ ПФС «Россия: принципы пространственного развития» (ред. В. Глазычев и П. Щедровицкий). В нем изложена стратегическая доктрина кардинального изменения всей системы расселения людей и размещения «производительных сил» на территории России. Здесь мы коснемся только предложений, непосредственно касающихся темы этой главы.

Начинается доклад с туманного предупреждения: «Множество западных источников указывают на относительное сокращение роли национальной государственной машины». Эти указания «западных источников», представленные как некий глас свыше, принимаются как исходный постулат Доклада[2].

Предлагая принципы тотальной переделки пространства России, авторы постоянно ссылаются на опыт Запада и его малонаселенных частей (Австралии и Канады). Но при этом

они признают, что критерии подобия между Россией и этими образцами не соблюдаются. В Докладе сказано: «Исторический процесс формирования ландшафта России имеет лишь сугубо поверхностные признаки подобия с другими территориальными системами, будучи доказуемо уникальным. Мера одновременного разнообразия как ландшафтов, так и этноконфессиональной конструкции российского государства значительно превышает аналогичные характеристики иных государственных образований».

Вот как видят реформирование России проектировщики ЦСИ ПФО: «Есть основания прогнозировать следующие изменения. Окончательное исчезновение останцев традиционной русской деревни в ее искаженном советской эпохой формате – повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев, где можно ожидать формирования агроиндустриальной схемы, управляемой крупными холдингами, базирующимися на сращении банков и региональной власти... В русских областях, в отсутствие (маловероятного) притока иммигрантов из дальнего зарубежья, необходимо предвидеть исчезновение одного малого города из трех, так как на них всех не хватит населения... Исчезновение русского сельского населения должно способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре за счет дальнейшей этнизации региональных элит» [29].

Выделим в прогнозе, из которого исходят авторы Доклада, только то, что относится к этнической стороне жизнеустройства России. Главное утверждение касается русского населения: «Окончательное исчезновение останцев традиционной русской деревни... – повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев... Исчезновение русского сельского населения должно способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре за счет дальнейшей этнизации региональных элит».

Это – беспрецедентная в истории идея радикальной переделки межнационального общежития путем своеобразной «этнической чистки» всей сельской местности страны. «Исчезновение русского сельского населения» - вот какие «принципы пространственного развития» вынашиваются в российских центрах стратегических исследований! Какого же результата ждут стратегические исследователи? Это «исчезновение» приведет к «дальнейшей этнизации региональных элит». Такой принцип конструирования межэтнического общежития называется апартеид. Мы не имеем в виду его одиозные формы, какие были приняты в ЮАР. В данном случае речь идет о сельских поселениях. Русские оттуда перемещаются в города, а в сельской местности остаются нерусские народы. Как в Латинской Америке – в городах европейский модерн, а в сельской местности – традиционалистские индейские общины.

Надо подчеркнуть, что авторы Доклада видят стратегическое развитие России не как соединение всего населения в полиэтническую гражданскую нацию, а именно как цивилизационное разделение русского и нерусских народов. В их представлении ликвидация «останцев» русской деревни «должна способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре»[3]. Иными словами, модернизации подлежат крупные города, куда будет стянуто русское население из деревень и малых городов, а в «региональной культуре» произойдет отступление к традиционному обществу (точнее, архаизация)[4].

Отношения «зон развития» с остальной территорией России авторы Доклада видят как отношения метрополии с колонией. Они ставят такую задачу: «Наращивание различий между территориями – как на межрегиональном, так и на внутрирегиональном уровне. Это позволит сохранить потенциал экономического развития, который поддерживается значительным различием на большом пространстве. Мировая деревня есть утопия социального равенства, следствием которого является социализм и далее – стагнация и упадок. Потенциал развития – в колонизационной (теперь экономической) политике. Различия между территориями мы должны рассматривать наподобие различий между метрополией

и колонией, из которых теперь следует вывозить не столько людей, нефть, золото и алмазы, сколько знания и умения, чистоту и красоту природы».

«Вывозить красоту природы» – красиво сказано, но реальность колониационной политики груба и жестока, красивыми словами ее не прикрыть. Авторы Доклада предлагают срочный и чрезвычайный проект перестройки всей страны по схеме «метрополия-колония». Для обеспечения устойчивости России они считают необходимым выделить в ней анклав («зоны развития») с плотностью населения не менее 50 человек на 1 кв. км. Временной горизонт решения этой задачи – десятилетие, средства – радикальные, хотя авторы допускают, что они могут быть и ненасильственными.

В Документе сказано: «В ближайшие десять лет достичь подобной плотности можно только одним способом – осознанно пойти на депопуляцию периферийных районов в большинстве областей. При том, что средний эффективный радиус расселения вокруг малого города составляет порядка 50 км, достижение искомой плотности осуществимо на территории порядка 3 млн. кв.км, сосредоточенной вокруг примерно 400 городов, против сегодняшних 1080. Разумеется, приведенный выше усредненный расчет сугубо условен... Условностью, разумеется, является и игнорирование сложностей, сопряженных с выработкой и реализацией ненасильственных действий, необходимых для реконструкции системы расселения».

В принципе проект исходит из необходимости ликвидировать региональные национальные автономии, хотя и не на основе культурного и цивилизационного сближения территориальных единиц России (проект предполагает ускоренную индустриализацию зон развития и «усиление традиционалистских рисунков в региональной культуре»). Однако некоторые автономные республики предлагается устранить немедленно.

В документе сказано: «На среднесрочную перспективу вполне целесообразно сохранить границы субъектов федерации как учетных единиц – отчасти по сентиментальным соображениям, во избежание излишних социальных напряжений. Единственным исключением могут стать те регионы, где по малолюдству и наследуемой, затаенной экономической слабости сохранение самостоятельной канцелярии чрезмерно обременительно для федерального бюджета. Среди таких – Псковская и Новгородская области, Ульяновская и Пензенская области, Марий-Эл и, возможно, Удмуртия».

Этот Доклад важен как ясное представление проекта принципиальной перестройки межэтнического общежития России. Речь идет об историческом выборе, и все альтернативы должны обсуждаться и оцениваться. Нельзя делать вид, что подобные проекты не разрабатываются и не формируют средства их культурной и политической поддержки. Фигуры В. Глазычева и П. Щедровицкого, под редакцией которых был опубликован данный проект, являются известными и влиятельными в экспертном сообществе.

25. И. Кургинян. Проект «КРАНО-ДЕЛ». – Россия XXI. 2008, № 4.

26. Кулехов М. Доживет ли Российская Федерация до 2014 года? – <http://forum.msk.ru/10.VI.2007>.

27. Д.Д. Амоголонова, Т.Д. Скрынникова. Пространство идеологического дискурса постсоветской Бурятии. – ПОЛИС. 2005, № 2.

28. Россия: принципы пространственного развития. ЦСИ ПФО. - http://www.glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm.

[1] Действительно, этнический сепаратизм в Европе сейчас опирается на эту доктрину. Например, сепаратисты Каталонии требуют права «интегрироваться в Европу» минуя органы национального государства Испании.

[2] Не будем уж говорить о том, что этот вырванный их контекста «постулат» противоречит очевидной реальности. Видим ли мы «сокращение роли национальной государственной машины» в США, где военный бюджет государства достиг 500 млрд. долларов, государство национализует крупнейшие банки или делает финансовые вливания размером в триллионы долларов? Видим ли мы такое «сокращение роли» в Китае, Японии или Индии? Нет, «указание» дается именно России – при том, что государство осталось в ней практически единственной организованной силой.

[3] Малоизвестное слово «останцы» (видимо, взятое из какого-то местного диалекта), должно очаровать читателя колоритом «традиционной русской деревни в ее неискаженном советской эпохой формате».

[4] Эвфемизм «усиление традиционалистских рисунков» означает именно архаизацию, поскольку утрата структур современного индустриального общества не ведет к восстановлению традиционной культуры.

22.05.2009. В "Русский журнал". Опыт поражения как национальное достояние

По какой-то причине «Русский журнал» гальванизировал, казалось бы, исчерпанный вопрос – «кто победил и кто потерпел поражение в холодной войне?» Трудно понять, что собирается редакция получить на выходе.

В 90-е годы ни для кого не было секретом, что в холодной войне потерпел поражение СССР, то есть, историческая Россия. Война эта была цивилизационной – Запад против России. Коммунизм тут был для отвода глаз. Об этом писал Шпенглер, потом Шубарт, потом Бжезинский. В документах США начала холодной войны писали «Россия» и коммунизм вообще не поминали. Некоторые западные историки даже считают первой крупной операцией холодной войны организацию русско-японской войны 1904 г. Да и Черчилль, проводя на карте линию фронта («железный занавес»), прочертил ее по тому самому рубежу, который был определен в XVIII веке. Тогда изобрели Восточную Европу как санитарный пояс, отделяющий Россию. Старая это война, смена формаций и политических режимов на нее слабо влияли.

В массовом сознании в России также отложилось, что СССР проиграл войну. Правда, многие для простоты склонялись к тому, что причиной поражения была государственная измена верхушки КПСС – мол, Горбачев тайком, где-то на Мальте, подписал капитуляцию вместо мирного договора. Поэтому его так не любит (и даже ненавидит) большинство наших граждан старше 55 лет, и эта ненависть даже передалась молодым, которые перипетий той войны и не помнят. В 2005 г. из 8 вариантов ответа на вопрос «Как вы сейчас относитесь к М. Горбачеву?» среди опрошенных в возрасте 15-24 лет больше всего набрал вариант «с отвращением, ненавистью».

Да ведь и сам Горбачев представлял себя героем, который сокрушил советское государство. В своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 г. он сказал: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет?.. Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул».

Таким образом, Горбачев признал, что он действовал согласно плану, нацеленному на победу. И она была достигнута – «тоталитарный монстр рухнул». Докладывать об этой же победе ездил в США Ельцин. Но ведь не может быть победы без поражения противника. Кто же этот «монстр», который рухнул? Ясно, что СССР – к чему же мудрить и наводить тень на плетень?

Кто победил? Ясно, что не Горбачев, он в этой битве гигантов был у победителя «личардой верным», не более того. Потому и рекламировал пиццу, давил на жалость хозяина. Впрочем, «Рим предателям не платит» (или платит меньше, чем они надеялись). Но эта

сторона дела уже вряд ли кого-то интересует. Для нас сейчас действительно важен тот факт, что Россия потерпела поражение в цивилизационной войне с Западом, хотя за советский период успела выстроить много систем и матриц, необходимых для сверхдержавы. Много, но не все! Каких не хватало, надо знать – вдруг Бог пошлет нам властителя, который поведет нас возродить Россию.

К чему же все эти домыслы о том, не был ли победителем в той войне радикальный исламизм или социализм китайского образца? А может, либеральная демократия западного типа? А может, Россия как новое государство не должна рассматриваться как проигравшая сторона?

Похоже, вся эта казуистика – ширма для последнего соблазнительного варианта. Россия не проиграла, а вместе со своими союзниками выиграла холодную войну над «империей зла»! Если так, то возникает какая-то логика, продолжается прерванная песня. Года два-три назад ее завел В.Ю. Сурков. Он изобрел такую концепцию: «Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской сущностью ее культуры. И еще раз: не было никакого поражения».

Итак, холодная война была и победитель был, но «не было никакого поражения». Россия выскочила из чрева убитого «монстра», как бабушка Красной Шапочки из Волка (или как «Похищенная Европа»?). Непонятно только, почему же эта Россия пожинает плоды поражения. О ней бы надо петь «бабушка здорова, кушает компот».

Динамика всех главных показателей в 90-е годы отражает именно тяжелое поражение в войне – смертность населения, расчленение государства, экспроприация собственности, вывоз колоссальных состояний за рубеж, демонтаж науки и наукоемкой промышленности и т.д. Даже если взять промышленное производство, то в 90-е годы три страны в мире имели одинаковую по характерным параметрам динамику спада – Югославия, Ирак и Россия. По ним прошла война. Да, у нас после 1991 г. была война гражданская, но под внешним управлением. В ней меньшинство мародеров с их военными советниками разгромило неорганизованное большинство и ограбило его. В древности город отдавали на три дня, а тут еле-еле в семь лет управились, уж слишком город богатым был.

Отрицая поражение, В.Ю. Сурков, видимо, обращается к меньшинству, которое считает себя победителями. А то их совесть мучает, тоска предателя – все-таки родную страну грабили, каково это духовному человеку. Эх, русское поле, русское поле, я твой тонкий колосок...

Если бы так не переживали, незачем было бы ежедневно с утра до вечера поминать СССР, весь эфир заполнили своими проклятиями. Мальчики кровавые в глазах - чур, чур меня... Уж скоро 20 лет, как нет СССР, ну что вы вцепились в его призрак! Стройте все, о чем вы мечтали, никто вам не мешает. Уже залили тлеющие советские угли – РАО ЕЭС, армию, школу, ненавистные градообразующие предприятия. Перестаньте со Сталиным воевать, покажите европейскую сущность своей культуры, свои нанотехнологии, Болонскую систему... Нет, СССР и Сталин – единственное, что их питает. Какое странное явление паразитизма.

Есть в концепции В.Ю. Суркова что-то болезненное, и лучше бы ее не развивать. Но он идет дальше: «Надо сказать, что российский народ сам выбрал такую судьбу – он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он не туда зашел... Поэтому потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики – это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь».

Какой «верный путь» - в Содом и Гоморру (выражение самого В.Ю. Суркова)? Что хорошего получили народ и страна от этого «выхода на верный путь»? Чем заплатили за это

благо: «Потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики — это жертва, это цена». Ничего себе, жертва. Да на алтарь какого идола? Раскройте глаза, наконец! Какой верный путь, какая европейская культура, мы залетели в такую непролазную дрянь, что все эти самоназвания уже вызывают лишь презрительную жалость. Наши язвы требуют честного и сурового лечения, а на них накладывают макияж, румяна жирные разносят заразу.

Что касается российского народа, то он этого «верного пути» не выбирал. 76% проголосовали за сохранение СССР, а потом «народ безмолствовал». Никто и не спрашивал его согласия на смену общественного строя, на изъятие всех сбережений населения и пр. Да, одно из поколений народа не сумело защитить страну и общее достояние, и за это расплачивается. Но утверждать, что народ «отказался от той социальной модели», просто никуда не годится. Это даже странно слышать.

Социолог Ю.А. Левада – убежденный противник советского строя. Его всегда удручало, что народ не желает «отказаться от той социальной модели». Ох, этот homo sovieticus! Но никуда не денешься, это факт. Это показали большие опросы 1990 г., это показали и «юбилейные» опросы о перестройке 2005 г. На вопрос «Было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?», люди возраста 55 лет и старше («то поколение») ответили «согласен» в пропорции с «несогласными» 66:26. Две трети! Хотя и вопрос-то лживый. С какой стати «все в стране» должно было быть как до 1985 года? Страна развивалась, болезни можно было лечить.

Но суть ясна – большинство того «выбора» не делало и свое отрицание подтверждает регулярно. Даже половина тех, кто «приспособился к переменам», отрицают тот выбор. Они исходят из главных ценностей, а не личной выгоды.

Я считаю, что ту концепцию В.Ю. Суркова надо сдать в архив как неудачную, оживлять ее не следует. Если уж думать о судьбе России, то сегодня ей требуется достоверное знание, трезвый анализ и «расчет сил, средств и времени». Всегда и у всех народов осознание поражения и извлечение из него уроков были важной предпосылкой к обновлению и быстрому развитию, даже в самых неблагоприятных условиях. Вымывать из сознания дорогой опыт поражения – значит наносить удар по будущему.

22.05.2009. Про свиной грипп. (Выкладываю побольше - не буду 3 недели)

Люди на крючке

Сильные мира сего жалеют людей, как пастух жалеет своих молчаливых ягнят. Поэтому за последние лет двести наблюдается прогресс в средствах господства. Раньше людей гнали палкой, а теперь все больше внушением. Так, чтобы ты сам делал то, что нужно господам – как будто только об этом и мечтал. Как говорят, «тиран повелевает, а манипулятор соблазняет».

Соблазнять людей – дело сложное. Операций в нем много, одна из них – отвлечение внимания. Сам термин манипуляция взят у фокусников. Они умеют отвлечь зрителей от главного объекта. Иллюзионист переключает их внимание на специально создаваемые явления с помощью слов, жестов, внешних эффектов (вплоть до огня и взрыва). Люди непроизвольно переключают свое внимание, как прожектор, на те объекты, которые посчитали более значимыми. Так манипулятор получает возможность увести важный для него объект в тень, подсунув человеку отвлекающий объект (имеющийся в реальности или построенный манипулятором). Всегда выгоднее не врать, а добиться, чтобы человек не заметил «ненужной» правды.

Очень сильным отвлекающим действием обладают уникальные события — беспрецедентные и неповторимые. У человека возникает «двойное внимание» — люди не верят своим глазам и все сильнее всматриваются в объект, сосредоточивая на нем свое внимание. Под

прикрытием такой сенсации политики торопятся провернуть все темные дела. Слабее действуют непривычные события — те, которые происходят редко, но возбуждают эмоции (катастрофы, скандалы, птичий грипп).

Едва ли не главное чувство, которое при этом эксплуатируют манипуляторы, - страх. Но страхи бывают разные. Есть страх, отвечающий на реальную опасность. Он помогает выбрать разумный способ поведения. А есть страх иллюзорный, он создается в воображении. Для человека он вреден. Есть формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум».

Иллюзорный страх даже считался феноменом не человека, а Природы, и Плутарх назвал его паническим. Пан есть олицетворение природы, мужчина и в то же время козёл. У древних греков такие встречались. Он любил выпить и поплясать с нимфами, но чуть что – впадал в панику и бежал сквозь чашу, не разбирая дороги и стуча копытами.

Разновидностью иллюзорного страха является маниакальный страх, когда опасность настолько преувеличивается, что человек цепенеет. У нас таких уже не осталось, оцепеневших реформа подобрала. Есть еще шизофренический страх, но у читателей этого журнала он не встречается.

Для манипуляции интересен именно иллюзорный страх, а также способы отключения реалистичного страха. Потрясенный страхом человек легко поддается внушению. Иллюзорный страх — действенное средство «отключения» здравого смысла и защитных психологических механизмов. Это проверено психологами в ходе крупных исследований 60-х годов, а затем в практике СМИ и рекламы.

Приемы манипуляции разрабатывались применительно к «западному» страху (в России они дают иногда не те результаты). Можно сказать, что современный Запад возник, идя от волны к волне массового страха, который охватывал одновременно миллионы людей. Подобные явления не отмечены в восточных культурах, не описаны они и в русских летописях.

Технология страха стала разрабатываться с XI века. До этого были сильны пережитки язычества в сознании людей – и с богами они по-свойски, и загробная жизнь им не так уж страшна. Большая волна страха прошла по Европе во время чумы 1348 г. Тогда выявилась особенность такого страха: со временем он не забывался, а чудовищно преобразался. При первых признаках новой эпидемии образ предыдущей оживал в памяти в фантастическом и преувеличенном виде.

В XV веке страх стал важным продуктом культуры. Печатный станок сделал гравюру доступной всем жителям Европы, и изображение «Пляски смерти» пришло в каждый дом. Но высшего мастерства достигли протестантские проповедники в США. В XIX веке люди съезжались за сотню миль, с запасами пищи на много дней, на одну такую проповедь в штате Кентукки собралось 20 тыс. человек. Людей доводили до такого ужаса, что они обращались в бегство, падали в обморок и поляна походила на поле битвы, покрытое телами. Успех проповеди определялся числом «упавших», и велся их точный учет. В один из дней число людей, потерявших сознание от ужаса, составило 3 тыс. человек.

Так и шло дело, в итоге спрос на «фильмы ужасов» на Западе феноменален. Нам до этого пока далеко, но мы учимся. Нагнетание страха было частью реформы, тематика широкая: репрессии и СПИД, голодомор и преступность, маньяки и экология. Страх накачивался всей мощью СМИ. Эксперты измеряют страх ростом числа телохранителей. Тут наша элита на время впала в маниакальный страх: в «буйные 90-е» крупные коммерсанты травили на охрану до трети своих прибылей – и то половина их была в тревоге за свою жизнь. Судьи боялись обвиняемых, налоговые инспекторы — налогоплательщиков, милиционеры — преступников, водители - случайно ударить другой автомобиль, ибо могут потребо-

вать компенсации, равной стоимости квартиры. Слаба богу, у нас теперь суверенная демократия, чуть-чуть полегчало.

Самый жесткий способ создания иллюзорного страха – терроризм. Понятие террор ввел Аристотель, так назвал особый тип ужаса, который овладевал зрителями трагедии в театре. Это был ужас перед небытием, хаосом. Террор как орудие власти изобрели якобинцы. Так возник терроризм как политический театр, зрители которого испытывают ужас. Это страх иллюзорный, но интенсивный. Шанс погибнуть от теракта в тысячу раз меньше, чем в ДТП. Почему же мы не боимся ездить на машине? Дело в качестве страха, в свойствах того образа, который нам задали СМИ.

Мягкий, но тоже интенсивный тип страха создается образом болезни, особенно неизвестной, инфекционной и неизлечимой. Этот способ хорошо отработан, не требует обрушать небоскребы и обходится довольно дешево.

Примером таких психозов служит паника, поднятая в 1996 г. в связи с «бешенством коров» в Англии. Цели операции неясны – вроде, чем-то королева провинилась, Мейджор извинялся, но не помогло. Вдруг во всей европейской прессе валом пошли статьи об эпидемии болезни коров, которая заразна для людей (разрушается ткань головного мозга). В Англии от нее умерли 10 человек, в газетах были их биографии, перечень мясных блюд, которые они ели. Руководство ЕС приговорило Англию немедленно уничтожить всех коров старше трех лет и сжечь их трупы. Наложили запрет на экспорт мяса и т.д. Психоз расширялся, возникли фирмы по проектированию и строительству коровьих крематориев. Срочно сжечь миллионы туш — небывалая техническая проблема. Если бы эти санкции были выполнены, английская экономика понесла бы большой ущерб (шутка ли — уничтожить треть крупного рогатого скота).

Установить истоки акции не удалось. Ссылались на статью в известном журнале «Lancet», но ученые тут же открестились, оснований для паники они не давали. Да, такая болезнь есть, и она заразна, если постараться, но 10 умерших за все время — величина ничтожная, таких странных болезней много. Проблему отменили какой-то новой сенсацией, о «бешенстве коров» все забыли. Никто уже не помнит, чем кончился этот скандал — о нем больше не было ни одного сообщения. Как сняли с Англии санкции, на каком основании, никто не знает и не интересуется. Исчезли крематории и фирмы, которые их собирались строить. Люди вперились в другой спектакль.

В последние годы мы пережили несколько атак – атипичная пневмония, потом «птичий грипп». Спецназ ловит кур, люди в масках куда-то увозят гусей. Вся эта рутина и не должна попадать на экран. Ясно, что жизнь полна таких мелочей, и если их тычут мне в глаза, значит, от чего-то серьезного надо мои глаза отвести.

Хорошо еще, что есть у нас Жириновский. Птичий грипп? Он тут же на трибуне в Госдуме и требует: «Поставить по южным границам России солдат, пусть отстреливают перелетных птиц. Однозначно! Чтобы ни одна не пролетела!» Две-три фразы - и сразу у людей наваждение проходит, сразу видно, что бояться не надо. Болезни появляются, изучаются, преодолеваются – это неотъемлемая часть жизни. А если Жириновский на пенсию уйдет, кто нас будет от этого гипноза будить?

Вот, сейчас запустили «свиной грипп». Эпидемия! Пандемия! Глобальная тревога «уровень 5»! Неизлечимо! Ах, в США уже умер второй больной. Все признаки психоза налицо. Во всем мире заболело 3 тыс. человек, умерло 29. Да, грипп, хоть и «свиной». Не первый и не последний. Поддается изучению, вирусологов много, вакцина появится быстро (конечно, цена взлетит). Да и общие средства от гриппа эффективны (цена уже взлетела). Умерли люди, печально. Помянем и будем жить.

Если о таких болезнях шуметь, они вызывают страх. Страшна неопределенность. Источник болезни может оказаться рядом, но он неразличим. Рушится порядок («больной дол-

жен лежать в больнице»), возникает зона хаоса. Вот, притиснули к тебе в метро человека. О, какой горячий! Да у него температура! Что делать? Эх, градусника мы с собой в метро не возим. Спросить у пассажиров – глупо. Да если бы и был градусник, как ты его поставишь незнакомому человеку в такой тесноте. Тем более женщине. Ей даже лоб потрогать не каждый посмеет. Вот и трясешься. Кажется, какие-то свиные вирусы по тебе ползают. Куда бежать, стуча копытами?

Да не нужно это! Если есть признаки манипуляции, бояться нечего. Значит, Мексику за что-то наказали, где-то Стабфонд исчез, олигархи плачут, что все подаренные им заводы куда-то делись. Чего же вы хотите – свиной грипп на дворе, тут не до таких мелочей. Театр «Иллюзион»! Философ сказал про такой театр: «Занавес. Представление закончилось. Берите шубы и ступайте домой. Оглянулись: а ни шуб, ни домов не оказалось».

Но ведь зато гриппом-то мы не заразились! Важней всего погода в доме, все остальное – суета. Дом-то остался? И даже зонт?

Так что станем руки мыть, зубы чистить, при случае сделаем прививку от гриппа. Плюнем на всех этих панов и свиней, будем жить своей жизнью и не злоупотреблять молоком от бешеной коровы. Даже над молчаливыми ягнятами сильные мира сего не вполне властны. Стригут, конечно, но на то мы и ягнята.

Впрочем, это мы пока из вежливости притворяемся.

[Примечание: про Пана я напутал - он пугал, а не пугался.]

22.05.2009. Почему-то пошла буза с постмодернизмом. Кусочек из дебатов на круглом столе в РАН

Кокошин: Спасибо, Давид Израилевич, очень интересно, очень важно, особенно потому что Вы занимаетесь проблемами искусственного интеллекта. Мне тоже в свое время этим довелось, с другого, правда, конца заниматься, применительно к вполне конкретным инженерно-военным задачам.

Так, Сергей Георгиевич Кара-Мурза, пожалуйста, доктор химических наук, политолог, главный научный сотрудник ИСПИ РАН.

Кара-Мурза Сергей Георгиевич: В докладе Сергея Ервандовича постмодернизм представлен как враг прогрессивного человечества. Я прошу прощения у этого человечества, но скажу о практической пользе познавательных средств постмодернизма. Рациональность просвещения – это один из главных продуктов модерна, который все мы осваивали по мере сил. Модерн задал определенные нормы мышления и дал инструменты рациональности. Постмодернизм существенно изменил ряд норм и инструментов рациональности модерна. И перед нами вопрос: обладают ли они комплементарностью, можем ли мы использовать - или совмещать две системы познавательных средств, которыми мы сейчас располагаем, нельзя? Как нам быть? Я вижу дело так.

Первое. Надо отличать постмодернизм от антимодерна. Факт, что мы, как тут выразились, «живем сейчас на помойке», вызван не тем, что применили средства рациональности постмодернизма, а тем, что мы претерпели глубокую деградацию всякого рационального сознания. Эта деградация вовсе не означает, что мы автоматически перешли в пространство рациональности постмодерна. Этот переход довольно сложен, потому что постмодернизм легко допускает альянсы своих когнитивных структур с традиционной рациональностью и даже с архаикой. Таким примером служит современный терроризм.

Второе. Нам было бы очень полезно провести мониторинг тех явлений, для познания которых рациональность модерна, как оказалось, не годится или очень слаба. Например, я считаю, что ту катастрофу, которую пережило наше общество, было бы невозможно адекватно описать и продвинуться в ее понимании без текстов постмодернистов, без их понятийного аппарата. А таких явлений довольно много, помимо нашей катастрофы. Это ост-

рые кризисы разных классов, социальные срывы, «бунтующая» этничность. Для всех этих классов явлений те познавательные средства, которые предлагает постмодернизм, очень и очень полезны.

Третье. Мне кажется, следовало бы выявить зоны модернистского фундаментализма, которые просто омертвляют всякое познание внутри и вокруг себя. Это касается и истматовского фундаментализма, и либерального. Если практически подходить к делу, то для познания и описания тех необычных явлений, кризисов и катастроф, которые мы все чаще и чаще наблюдаем в социальной сфере, полезно было бы разделять познавательные средства рациональности модерна и постмодернизма. На мой взгляд, удобнее, эффективнее и экономнее сначала проработывать эти явления в уме, анализировать с помощью средств постмодернизма, а потом обрабатывать полученный результат или даже переписывать его в терминах рациональности модерна. Тогда это будет легче восприниматься публикой и в то же время сохранит ценную информацию.

Что же касается России первой половины XX века, то нам для ее понимания без постмодернизма никак не обойтись, поэтому он для нас сейчас просто необходим. Вот, Вебер сказал, что Россия вынуждена одновременно догонять капитализм и убегать от него. Это типично постмодернистская ситуация. Догонять – это модерн, а вот одновременно убегать – это уже постмодерн. На деле постмодерн для нас был необходимой защитой от давления рациональности модерна, иначе бы мы из исторической ловушки не выбрались. Наша культура еще находилась в процессе становления, в состоянии быстрой трансформации, и без такой защиты, которая позволяла выдержать давление уже догматического модерна, нам было не обойтись.

Кокошин: Спасибо большое, Сергей Георгиевич! Мы будем завершать, еще Александр Ильич Музыкантский, профессор, зав. кафедрой МГУ им. Ломоносова. Александр Ильич, пожалуйста! Физик, ставший гуманитарием!